

TURKIC JUDICIAL
TRAINING NETWORK

United Nations
Office on Drugs and Crime

Organization for Security and
Co-operation in Europe
Programme Office in Astana

**Friedrich
Ebert
Stiftung**

**«ҚАЗІРГІ ӘЛЕМДЕГІ ЗАҢ, ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ӘДІЛДІК»
Халықаралық заңгерлер конгресінің
МАТЕРИАЛДАРЫ**

**МАТЕРИАЛЫ
Международного конгресса юристов
«ЗАКОН, ПРАВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

**THE MATERIALS
of the International Congress of Lawyers
«LAW, RIGHTS AND JUSTICE
IN THE MODERN WORLD»**

Қосшы, 2025

United Nations
Office on Drugs and Crime

Organization for Security and
Co-operation in Europe
Programme Office in Astana

«ҚАЗІРГІ ӘЛЕМДЕГІ ЗАҢ, ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ӘДІЛДІК»

Халықаралық заңгерлер конгресінің
МАТЕРИАЛДАРЫ

МАТЕРИАЛЫ

Международного конгресса юристов
**«ЗАКОН, ПРАВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

THE MATERIALS
of the International Congress of Lawyers
«LAW, RIGHTS AND JUSTICE IN THE MODERN WORLD»

Жалпы редакцияны басқарушы Қазақстан Республикасының
Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының
ректоры **М.И. Сексембаев**

Редакциялық алқа мүшелері:

Б.Ж. Ахмет – басқарма бастығы;
У.К. Жанатаева – саяси ғылымдарының докторы, профессор;
Ж.С. Сейтаева – заң ғылымдарының кандидаты, кафедра меңгерушісі;
Е.А. Өмірбаев – ректор көмекшісі;
А.Б. Байғалиев – доцент;
Д.Б. Қайназарова – доцент;
Д.П. Өтепов – доцент.

Редакция:

А.Н. Баданова – аға ғылыми қызметкер (орыс тіліндегі мәтін редакторы);
Ж.І. Есімхан – аға оқытушы (ағылшын тіліндегі мәтін редакторы);
М.Е. Төлеуова – аға оқытушы (қазақ тіліндегі мәтін редакторы).

Қ22 «ҚАЗІРГІ ӘЛЕМДЕГІ ЗАҢ, ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ӘДІЛДІК» Халықаралық заңгерлер конгресінің материалдары. – Қосшы: Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, 2025. – 410 б. / Материалы Международного конгресса юристов **«ЗАКОН, ПРАВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»** – Косшы: Академия правоохранительных органов Республики Казахстан, 2025. – стр. 410 / The materials of the International Congress of Lawyers **«LAW, RIGHTS AND JUSTICE IN THE MODERN WORLD»** – Kosshi: Law Enforcement Academy Under The Prosecutor General's Office Of The Republic Of Kazakhstan, 2025. – p. 414.

ISBN 978-601-82292-9-9

2025 жылғы 22-23 мамырда Астанада өткен «Қазіргі әлемдегі заң, құқық және әділдік» Халықаралық заңгерлер конгресінің материалдар жинағында ғылыми баяндамалар, талдамалық шолулар мен қатысушылардың ұсыныстары бар.

Іс-шара құқықтық жүйелердің эволюциясын, заманауи қауіптер мен сын-қатерлерді, сондай-ақ жаһандық өзгерістер жағдайындағы құқық пен сот төрелігінің рөлін талқылауға арналды. Цифрлық дәлелдемелерді интеграциялау, ұйымдасқан қылмысқа қарсы күрес, заң білімін реформалау және құқық қолдану практикасын дамыту мәселелеріне ерекше назар аударылды.

Жинақта Қазақстанның және шет мемлекеттердің заманауи әдіснамалық тәсілдері, тәжірибесі, сондай-ақ трансұлттық қауіп-қатерлерге және қоғамның цифрлық трансформациясына тиімді ден қою үшін заңнаманы және жаңа буын мамандарын даярлау жүйесін жетілдіру жөніндегі ұсыныстар көрсетілген.

**УДК 34
ББК 67**

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Оқу-әдістемелік кеңесінің шешімімен (2025 жылғы 26 маусым №15 хаттамасы) жариялауға ұсынылды.

МАЗМҰНЫ // СОДЕРЖАНИЕ // CONTENT

Асыллов Берік Ноғайұлы	
Қазақстан Республикасының Бас Прокуроры.....	9
Малахов Дмитрий Михайлович	
Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің төрағасы.....	11
Әлиманов Жанат Қалдыбекұлы	
Қазақстан Республикасының Қаржылық мониторинг агенттігінің төрағасы.....	13
Асхат Жұмағалиұлы Жұмағали	
Қазақстан Республикасының Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл агенттігінің төрағасы.....	15
Купчина Елена Николаевна	
ЕҚЫҰ-ның Трансұлттық қатерлерге қарсы іс-қимыл жөніндегі қызметінің үйлестірушісі.....	19
Фенопетов Юрий Владимирович	
Астанадағы ЕҚЫҰ бағдарламалар офисі басшысының м.а.	21
Юлиана Садовски	
Қазақстан Республикасындағы АҚШ Елшілігінің Халықаралық есірткімен күрес және құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету бойынша бөлімінің (INL) басшысы.....	23
Серхан Актопрак	
Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан және Өзбекстан үшін үйлестіруші функцияларымен Қазақстандағы ХКҚҰ миссиясының басшысы.....	25

ЖАҢАНДЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР ДӘУІРІНДЕГІ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

THE EVOLUTION OF LEGAL SYSTEMS IN AN ERA OF GLOBAL CHANGE

Б.А. Әбенов	
Методологические основания правового фреймирования приговора суда первой инстанции.....	27
А.С. Айтмағамбетов	
Применение Берклинского протокола для интеграции цифровых доказательств в досудебное производство: перспективы и вызовы для Казахстана.....	32
Т.К. Әкімжанов	
О некоторых современных проблемах противодействия организованной преступности и возможных путях их решения.....	38

А.М. Әлібекова	
К вопросу о расширении перечня экстремистских преступлений.....	50
А.Ж. Аманғалиева	
Теоретико прикладные основы формирования и долгосрочного хранения цифровых доказательств.....	56
Р.А. Амерханов	
Правовые основания привлечения к административной ответственности за обман потребителей.....	62
И.У. Әубәкірова	
Институциональные реформы в Казахстане как ответ на глобальные вызовы: между модернизацией и правовой устойчивостью.....	67
А.М. Жұмабеков, Т.Г. Маханов	
Многостороннее сотрудничество Республики Казахстан с зарубежными странами по сбору доказательств и возврату активов...	70
Н.Т. Есқалы	
Роль индивидуализации в административной ответственности по КоАП РК: правовая природа и значение.....	78
А.А. Ешназаров	
Пробелы в уголовно-процессуальном регулировании электронных доказательств в Республике Казахстан: правовой анализ и пути решения.....	83
Н.Ш. Жемпиисов	
О некоторых перспективах криминологического обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан.....	90
Т.Ш. Исмаилбаев	
Эволюция правовых систем в эпоху глобальных изменений и формирование безупречной репутации в государственной службе: инновационные подходы и вызовы современности.....	97
Х.Дж. Исмайлов	
Взаимодействие исламского права с национальными правовыми системами и его роль в их развитии.....	102
К.В. Ким	
Деятельность как объект правовых исследований и искусственный интеллект.....	115
Ж.О. Құлжабаева	
Глобализация и ее влияние на развитие международного права: вызовы, тенденции и перспективы.....	122
М.Е. Мансұрова	
Қазақстан құқық қорғау органдарына арналған жасанды интеллект көмекшісін әзірлеу және қолдану.....	129
Т.М. Мұқатаев	
Анализ определений искусственного интеллекта в международном праве.....	132

Р.Р. Нугманов	
К вопросу имплементации института уголовной ответственности юридических лиц в национальную правовую систему.....	140
А.А. Прокопова	
Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений.....	148
Н.М. Рахметуллина	
Ключевые реформы в сфере уголовного правосудия Республики Казахстан за последние 3 года.....	154
К.Е. Рахимов	
Правовая природа уголовной ответственности юридического лица.....	158
Н.М. Сүйіндіков	
Возврат активов: правовое регулирование и использование во благо общества.....	164
А.С. Сәрсенбаев	
Құқықтық жүйелерді интерпретациялау аясында күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасын қолдану бойынша прокурордың процестік шешімі туралы.....	170
М.А. Сәрсембаев	
Закон и порядок, право и справедливость.....	177
А.В. Сырбу	
Обеспечение конституционных принципов при оценке доказательств	185
А.Б. Талқыбаев	
Об уголовной ответственности по отдельным составам уголовных преступлений, связанных с нарушением правил учета и хранения оружия.....	190
О.Б. Филипец	
О перспективах уголовной ответственности за пропаганду экстремизма или публичные призывы к совершению акта экстремизма.....	203
В.В. Хан, М.Е. Төлеуова	
Эклектическая и гилетическая оптимизация начала досудебного расследования: анализ объективной правовой действительности....	210
Г.К. Шушикова	
Прогнозирование криминогенного потенциала новых технологий: проблемы и перспективы.....	220
С.Н. Шайхыстанов	
Фрейм процессуальных гарантий при проведении негласных следственных действий.....	225

ТҮРКІ МЕМЛЕКЕТТЕРІ ҰЙЫМЫ ЕЛДЕРІНДЕГІ ТРАНСҰЛТТЫҚ ҚАУІПТЕРГЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ В СТРАНАХ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

COMBATING TRANSNATIONAL THREATS IN THE MEMBER STATES OF THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES

С.А. Августхан, Д.Т. Амуртаева

Қазақстан Республикасындағы адам саудасын алдын алудың кейбір мәселелері..... 233

М.Қ. Асан

Эволюция киберугроз: от традиционного фишинга к интеллектуальным атакам – современные подходы к защите..... 238

З. Мұратжан

Клонирование человека в мировой практике и в законодательстве Республики Казахстан..... 244

А.И. Оджагвердиев

Киберпространство и коррупционные риски: подход Азербайджана в условиях цифровой трансформации..... 251

Е.К. Рыскелдиев

Противодействие киберпреступлениям в странах Организации Тюркских государств: проблемы и перспективы сотрудничества..... 257

Ж.С. Сейтаева

Цифровая эксплуатация как юридическая категория: к становлению новой доктрины в условиях цифровой трансформации..... 261

Серджиу Руссо

Методика расследования торговли людьми как ядро по выявлению и противодействию других форм транснациональной организованной преступности..... 268

А.Ж. Тулеуова

Фреймовое структурирование как инструмент повышения эффективности расследования дел о конфискации имущества в Казахстане..... 270

Е.П. Шульгин

Деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан в сфере противодействия киберпреступности..... 277

А.А. Эркабоев

ЦАРИКЦ как эффективная площадка международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью..... 283

Juraj Nosal

Strategic and Systematic Approach in Training Law Enforcement Officers in The Field of Modern Technologies..... 286

ЖАҢАНДЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА ҚҰҚЫҚТЫҚ БІЛІМ БЕРУ ЖӘНЕ ЗАҢГЕРЛЕРДІ КӘСІБИ ДАЯРЛАУ

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

LEGAL EDUCATION AND PROFESSIONAL TRAINING OF LAWYERS IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATION

Н.А. Биекенов

Вопросы трансформации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Казахстан..... 290

А.А. Биебаева

Метод case study при подготовке судейских кадров: опыт разработки и применения комплексных кейсов в академии правосудия..... 294

А.Б. Байғалиев, А.К. Рахметоллов

Деонтологические нормы (модальности) для сотрудников правоохранительных органов за рубежом..... 300

О.А. Возняк

Использование материалов практики в рамках преподавания курса «Уголовное право»..... 308

Ж.І. Есімхан, А.С., Карымсакова

Современные подходы к оценке учебных достижений в дистанционной подготовке сотрудников правоохранительных органов..... 313

А.Ш. Ещанов, А.А. Абуова

Современные подходы к планированию и проведению научных исследований в правовой сфере..... 321

У.К. Жанатаева

О формировании коммуникативных навыков на курсах первоначальной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов..... 328

Х-М.И. Исаков

Профессиональная подготовка судей в условиях глобальной трансформации..... 335

З.Ж. Калмурзина

Құқық қорғау қызметін жетілдірудегі заң техникасы: салыстырмалы талдау..... 341

Ж.А. Кішкентаева

Ведомстволық оқу орындарында заң пәндері мен әлеуметтік-гуманитарлық пәндерді оқытуда бинарлық сабақтарды өткізудің тиімділігі..... 351

А.Ж. Киязова

Применение цифровых технологий в юридическом образовании..... 355

Е.В. Коленко	
Подготовка кадров в сфере правоохранительной деятельности: опыт Республики Узбекистан.....	363
Д.Х. Найманова	
Профессиональная подготовка государственных обвинителей в Республике Казахстан в условиях глобальной трансформации.....	366
Б.Ғ. Нұрмағамбетов, А.Т. Қабжанов	
Қазақстан Республикасындағы жоғары заңгерлік білім берудегі кейбір проблемалар.....	370
С.М. Сапаралиева, А.С. Джумаев	
Перспективы развития правоохранительной деятельности через науку и образование.....	377
О.Т. Сейтжанов	
Микроквалификации и дифференциация юридического образования.....	382
А.Р. Тапенова, С.М. Айтпаева	
Некоторые аспекты применения мотивации в управлении правоохранительными органами.....	385
Э.А. Халафов	
Современные тенденции развития юридического образования.....	395
У.Ш. Шапақ	
Қазақстан Республикасындағы құқықтық білім берудің мәселелері мен даму болашағы.....	399

ҰСЫНЫМДАР // РЕКОМЕНДАЦИИ // RECOMMENDATIONS

«Қазіргі әлемдегі заң, құқық және әділдік» халықаралық заңгерлер конгресі жұмысының қорытындысы бойынша ұсынымдар.....	401
Рекомендации по результатам работы Международного конгресса юристов «Закон, право, справедливость в современном мире».....	405
Recommendations Following the International Congress of Lawyers "Law, Rights, Justice in the Modern World".....	409

Берік Асыллов
Генеральный Прокурор
Республики Казахстан

Уважаемые участники и гости!

Приветствую вас на открытии международного конгресса юристов!

Сегодняшняя площадка объединила экспертов, практиков и мыслителей в стремлении обсудить фундаментальные ценности современного общества: закон, право и справедливость.

Глава государства Касым-Жомарт Кемелевич Токаев отметил: «В нашем обществе должны царить закон и порядок. Это базовое условие обеспечения как общественной, так и индивидуальной безопасности».

Уважаемые коллеги!

Идеологема «Закон и Порядок» лежит в основе концепции «Справедливый Казахстан» – государства, в котором принцип верховенства закона является ключевым ориентиром для всех государственных институтов.

Сегодня мир сталкивается с глобальными вызовами и угрозами. Поэтому всё мировое прогрессивное сообщество юристов-практиков, учёных должно консолидироваться в поисках действенных мер.

Проводимое мероприятие является важной платформой по обсуждению лучших мировых практик в области повышения эффективности правосудия и обеспечения законности в современных условиях.

География участников весьма обширна, что даёт хорошую возможность для продуктивного обмена опытом.

Благодарю всех гостей за принятие приглашения и участие в конгрессе.

В этом году наша Академия правоохранительных органов и Академия правосудия Казахстана определены в качестве председателя в Тюркской сети судебно-правовой подготовки.

Именно через образовательные и научные диалоги открываются новые горизонты для укрепления правового сотрудничества и гармонизации подходов к подготовке специалистов.

Хочу поблагодарить за участие партнёров из Тюркской сети.

Убежден, что наше продуктивное взаимодействие продолжится на благо развития наших государств.

Особый смысл Конгресс приобретает в юбилейный для нас год: Академия правоохранительных органов отмечает своё 10-летие.

Это важная веха в развитии национальной системы подготовки и повышения квалификации специалистов правоохранительной сферы, в укреплении научной базы уголовной юстиции и международного взаимодействия.

За это время Академия успела стать передовой площадкой в Центральной Азии и СНГ для обучения и обмена опытом по наиболее актуальным вопросам противодействия преступности и укрепления правопорядка (терроризм, экстремизм, финансовые преступления, коррупция, наркопреступления, торговля людьми).

Пользуясь случаем, выражаю признательность международным организациям – представителям программы развития ООН, ОБСЕ, Офиса ООН по наркотикам и преступности, Посольства США и другим организациями, которые поддерживают наши инициативы и способствует развитию диалога.

Также хотел бы отметить вклад акима города Астаны в проведение данного мероприятия и оказанную поддержку.

Уважаемые участники конгресса!

Мы стоим перед общей задачей: не просто защищать закон, но и формировать правовую культуру, в которой закон воспринимается как основа справедливой жизни.

Так мы сможем обеспечить устойчивое развитие, мир и доверие – в наших странах и во всем мире.

Уверен, выработанные инициативы и рекомендации послужат развитию этих целей государства и станут вкладом в укрепление защиты человека, его прав и свобод.

Всем участникам желаю плодотворной работы и новых профессиональных успехов!

Дмитрий Малахов
Председатель Высшего
Судебного Совета Республики
Казахстан

Уважаемые участники конгресса!

Приветствую Вас от имени Высшего Судебного Совета Республики Казахстан!

В первую очередь разрешите поздравить со знаменательной датой — 10-летием со дня основания Академии правоохранительных органов и пожелать коллективу дальнейших созидательных шагов во благо укрепления верховенства права!

За это время Академия стала ведущим образовательным и научно-аналитическим центром в сфере правоохранительной деятельности.

Хочу отметить, что вы не только готовите кадры, но и тем самым укрепляете правопорядок, формируете правовую культуру и обеспечиваете безопасность государства и общества. Это имеет огромное значение для устойчивости правовой системы и доверия граждан к органам правопорядка.

Потому тема конгресса — «Закон, право, справедливость в современном мире» — как никогда, актуальна.

Сегодня правовая система с одной стороны хранит вековые правовые традиции, с другой — должна отвечать на современные вызовы: киберугрозы, трансграничную преступность, миграционные потоки. Всё это требует также переоценки роли правосудия и судей в быстро меняющемся мире.

Судейская этика и независимость — основа доверия общества к суду.

Именно поэтому Глава государства неоднократно отмечал необходимость укрепления статуса Совета в качестве полноценного института с четкими кадровыми функциями.

В этих целях для усиления внутренней независимости судейского корпуса Совету в законодательном порядке переданы вопросы:

- подготовки кандидатов в судьи и повышения их квалификации;
- приостановления и продления полномочий действующих судей, их внеконкурсного назначения;
- дисциплинарной ответственности судей.

Высший Судебный Совет, как орган, обеспечивающий конституционные гарантии независимости судей, делает всё необходимое для того, чтобы каждый судья сохранял высокий уровень профессионализма, честности и неподкупности.

Мы уверены: только независимый и нравственно устойчивый судья способен выносить действительно справедливые решения.

Уважаемые участники конгресса!

Мир меняется — и вместе с ним меняется право.

Но неизменной остаётся наша миссия — защищать человека, утверждать законность и служить справедливости.

Пусть наш сегодняшний диалог станет вкладом в укрепление правового государства — как на национальном, так и на глобальном уровне.

Желаю всем участникам Конгресса конструктивной дискуссии, новых идей и, самое главное — вдохновения на благо права и справедливости.

Благодарю за внимание!

Жанат Элиманов

Председатель Агентства Республики
Казахстан по финансовому
мониторингу

**Уважаемый Берик Ногаевич,
участники конгресса!**

Прежде всего, позвольте от имени Агентства по финмониторингу поздравить всех присутствующих с 10-летием Академии правоохранительных органов.

За годы своей деятельности Академия стала признанным центром подготовки специалистов высокого уровня для всех правоохранительных органов.

Могу с гордостью отметить, что в наших рядах больше 300 выпускников Академии (из них 24 магистранта и 3 докторанта) успешно вносят вклад в обеспечение финансовой безопасности.

Примечательно, что юбилей ознаменовался годом председательства Академии в Тюркской сети судебно-правовой подготовки (5 стран и 1 наблюдатель, в которых имеются 11 образовательных учреждений судебных и правоохранительных органов) – важной площадки для обмена опытом и укрепления сотрудничества в правовой сфере.

Несмотря на то, что данная площадка довольно молодая, в ней участвуют спикеры высокого уровня, обсуждаются наиболее актуальные правовые проблемы.

Программа конгресса не является исключением (на повестке – эволюция правовых систем в условиях глобальных изменений и противодействие транснациональным угрозам).

Сегодня мы сталкиваемся с новыми вызовами и угрозами. Неуклонно растет число таких правонарушений, как кибермошенничество и финансовые пирамиды.

Эти темы глубоко созвучны с задачами, стоящими перед Агентством по финмониторингу.

Ведь многие уголовные правонарушения не имеют границ. В одни и те же ловушки вовлекаются доверчивые граждане не только нашей страны.

Разумеется, противодействие таким вызовам невозможно без формирования профессионалов новой формации, обладающих уникальным сочетанием юридических знаний и специальных навыков в области информационных технологий.

В этом контексте наше Агентство делает ставку на подготовку специалистов, готовых работать в условиях стремительно меняющегося цифрового мира.

Поэтому, замечательно то, что мы здесь сообща решаем все эти проблемы.

Убеждён, что итоги Конгресса, обмен мнениями и экспертные дискуссии не только обогатят наше общее понимание, но и послужат основой для практических решений в сфере обеспечения верховенства закона.

Желаю участникам Конгресса конструктивной и содержательной работы, успешного обмена опытом и укрепления международного партнёрства.

Благодарю за внимание!

Асхат Жұмағали

Председатель Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции

**Құрметті Берік Ноғайұлы,
Конгресс қатысушылары!**

Жемқорлыққа қарсы қызметтің және өз атымнан сіздерді көргеніме қуаныштымын, сондай-ақ шақыру үшін іс-шараны ұйымдастырушыларға алғысымды білдіремін.

Бүгінгі Форумның тақырыбы жай ғана өзекті емес. Ол қоғамның басты назарында.

Заң, құқық және әділдік – қоғам өміріне әсер ететін негізгі ұғымдар.

Бүгін әлемде жаһандық өзгерістер болып жатқанда, олар тірек нүктесіне айналады.

Мемлекет басшысы басымдықты нақты атап өтті: Әділетті Қазақстан – бұл Заң және Тәртіп үстемдігін құратын ел».

Центральным звеном здесь является понятие справедливости, вокруг которого и закон, и право.

Справедливость в современном обществе заключается в верховенстве закона, обеспечении равенства всех перед законом и судом.

Военные конфликты, трансформация экономики, внедрение цифровых технологий, всё это требует системного подхода в обновлении законодательства.

Закон в современном мире должен быть не просто набором правил, а инструментом защиты интересов граждан, эффективным механизмом регулирования общественных процессов.

Именно поэтому сегодня так важно не просто совершенствовать законодательство, но и укреплять доверие к нему, повышать правовую культуру.

Здесь важной составляющей является продвижение идеологии Закона и Порядка, которая играет ключевую роль в повышении правосознания граждан и укреплении доверия к госорганам.

Сегодня эти принципы, а также антикоррупционные ценности Агентством прививаются на всех этапах становления личности с учетом возрастной специфики.

В прошлом и текущем году нами проведено порядка 11 тыс. мероприятий различного формата с охватом более 1 млн 400 тыс. граждан.

С привлечением экспертов права и представителей госорганов проводятся ежегодные республиканские акции (народный юрист), осуществляется прием граждан и бесплатная консультация по правовым вопросам (в рамках акции более 150 тыс. граждан получили правовую помощь в 187 населенных пунктах страны. Опубликовано более 830 материалов в СМИ и соцсетях.).

Правовая информированность населения, наличие каналов обратной связи и качественной передачи информации позволяют защитить граждан от нарушений закона, ущемления их прав.

К этой работе мы привлекаем и общественность.

Порядка 2,5 тыс. граждан присоединились к проекту «Антикоррупционное волонтерство».

Правовое просвещение является неотъемлемым компонентом укрепления антикоррупционной культуры в обществе.

В этой связи, в школьные учебные программы интегрирован антикоррупционный компонент, который направлен на формирование нравственных ценностей справедливости, честности и открытости.

На уровне высшего образования введены элективные антикоррупционные курсы.

Обучение прошли 290 тысяч студентов колледжей и вузов.

Для усиления институционального подхода к обеспечению прозрачности в образовательной среде, 18 казахстанских вузов объединились в Лигу академической честности.

Соблюдение стандартов академической честности позволит обеспечить прозрачность и справедливость в образовательном процессе.

Эти подходы планируется распространить и на сферу среднего и средне-специального образования, что позволит охватить более широкую аудиторию обучающихся и заложить основы антикоррупционного мировоззрения с раннего возраста.

Еще одним важным составляющим сегодняшнего мероприятия является то, что оно посвящено 10-летию Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре.

Академия стала ведущей организацией образования в правоохранительной системе.

Не случайно ей Указом Главы государства присвоен особый статус (Указ Президента от 4.05.2015 г.).

Сегодня в условиях ускоренного развития общественных отношений важно своевременно адаптировать правоохранительные инструменты к происходящим изменениям.

Современные тренды и угрозы требуют постоянной трансформации и подготовки квалифицированных кадров.

В этом контексте Академией обеспечивается качественная подготовка специалистов для правоохранительных органов, в том числе и Агентства.

Только в прошлом году ряды Антикора пополнили 100 молодых сотрудников, прошедших курсы первоначальной подготовки.

Осуществляется повышение квалификации, переподготовка и действующих сотрудников.

За последние 3 года такое обучение прошли более 120 (121) наших сотрудников.

Безусловно, это стало возможным благодаря сильному научному и педагогическому потенциалу Академии.

Они вносят существенный вклад в становление наших молодых кадров.

Мы заинтересованы в комплексном и практикоориентированном подходе при подготовке кадров.

Полученные знания и профессиональные навыки в стенах Академии сотрудники умело применяют в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Наряду с этим, с Академией мы проводим совместные исследования по актуальным вопросам противодействия коррупции.

Они посвящены всестороннему анализу и выработке научно обоснованных рекомендаций по имплементации передовых стандартов.

К примеру, сейчас с коллегами из Академии мы работаем над исследованием криминализации торговли влиянием, профилактики конфликта интересов, выявления коррупционных рисков при освоении бюджетных средств и других вопросов.

Результаты данной работы становятся научной основой для дальнейшего развития законодательства и правоприменительной практики.

Как Вы знаете, сегодня в Парламенте рассматривается очередной пакет законодательных новелл по криминализации обещания/предложения взятки, усилению ответственности юридических лиц за коррупцию, регулированию конфликта интересов, введению публичного реестра коррупционеров и проверки на профессиональную добросовестность.

Құрметті іс-шараға қатысушылар!

Ғылым мен практиканың өзара бірлесуі инновациялық шешімдерді іздеуде маңызды.

Уақыт талабы бізден озық құралдардың толық спектрін енгізуді талап етеді.

Ол үшін біз шетелдік әріптестеріміз Біріккен Ұлттар Ұйымының есірткі және қылмыс жөніндегі басқармасы, Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес жөніндегі мемлекеттер тобы (ГРЕКО), Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы (ОЭСР), Еуропадағы қауіпсіздік және ынтымақтастық ұйымы (ОБСЕ), басқа да ұйымдармен белсенді жұмыс жасаймыз, екіжақты ынтымақтастықты дамытудамыз.

Түркі мемлекеттерімен өзара іс-қимыл жеке маңызды бағыт болып табылады (мүшелер – Әзірбайжан, Қазақстан, Қырғызстан, Түркия, Өзбекстан; бақылаушылар – Венгрия, Түрікменстан).

Сондай-ақ, Орталық Азия елдерімен, оның ішінде Біріккен Ұлттар Ұйымының Жемқорлыққа қарсы конвенциясын жеделдетіп имплементациялау үшін Өңірлік платформа шеңберінде байланыстамыз.

Біз бірге жемқорлықты жою арқылы азаматтардың өмірін жақсартуға тырысамыз.

Тек бірлескен күшпен әділетті мемлекет құруға болады, онда заңдылық пен тәртіпті сақтау қоғам дамуының негізі болуы тиіс.

Баршаңызға табысты жұмыс тілеймін!

Назарларыңызға рақмет!

Купчина Елена Николаевна
Координатор деятельности ОБСЕ по противодействию
транснациональным угрозам

Уважаемые дамы и господа!
Дорогие коллеги!

Для меня большая честь от имени Департамента по противодействию транснациональным угрозам Секретариата Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе поздравить Академию правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан с десятилетним юбилеем.

За последнее десятилетие Академия стала ключевым звеном в системе уголовного правосудия Казахстана. Академия – надежный и ценный партнер ОБСЕ в деле укрепления безопасности, верховенства закона и уважения прав человека, как на национальном уровне, так и во всей Центральной Азии. Мы высоко ценим неуклонную приверженность Академии обеспечению высокого качества подготовки и обучения сотрудников правоохранительных органов — приверженность, которая наглядно проявилась в участии Академии в ряде международных проектов, включая инициативы ОБСЕ.

Департамент по противодействию транснациональным угрозам Секретариата ОБСЕ, который я имею честь возглавлять, тесно сотрудничает с Академией в вопросах борьбы с наиболее насущными транснациональными угрозами безопасности нашего времени, в таких областях, как например борьба с киберпреступностью и торговлей людьми, получение электронных доказательств через границы и усиление защиты критической инфраструктуры.

Я рада, что в следующем месяце представители Академии будут активно участвовать в ряде важных мероприятий, организованных моим департаментом, по запросу электронных доказательств через границы для расследования уголовных дел в интернете, включая терроризм, а также по разработке национальной стратегии обучения и системы требуемых компетенций для борьбы с киберпреступностью.

Эти проблемы сложны, имеют трансграничный, транснациональный характер и постоянно усложняются. Они требуют не только технических экспертных знаний, но и прочного институционального сотрудничества и общего понимания среди специалистов из разных областей знаний и разных стран.

Вот почему роль образовательных учреждений правоохранительных органов, таких как ваша Академия, настолько важна. Профессиональная подготовка и образование для сотрудников сферы уголовного правосудия — это не просто инструменты для развития навыков, это именно тот фундамент, на котором строится эффективная, подотчетная и устойчивая система уголовного правосудия. В то время,

как проблемы, с которыми мы сталкиваемся, становятся все более взаимосвязанными и технологически изощренными, наша коллективная безопасность зависит от способности сотрудников правоохранительных органов оперативно осваивать новые знания, внедрять инновации и эффективно сотрудничать как на национальном, так и на региональном и международном уровнях.

Именно через такие учреждения, как ваша Академия, упомянутые способности формируются и развиваются. Хорошо образованные и высокопрофессиональные сотрудники являются краеугольным камнем системы уголовного правосудия, они обеспечивают справедливость, верховенство закона и права человека, охрану и безопасность наших обществ, при этом обладают стойкостью для противодействия как текущим, так и будущим угрозам.

Позвольте мне вновь поздравить Академию с десятилетним юбилеем и пожелать дальнейших успехов в вашей важной и благородной миссии. Рассчитываем на укрепление нашего партнерства в ближайшие годы — на благо Казахстана, всего региона ОБСЕ и в более широком международном контексте.

Благодарю за внимание!

Фенопетов Юрий Владимирович
И.о. Главы Офиса программ ОБСЕ в Астане

**Уважаемый Берик Ногаевич,
Уважаемый Марат Исламханович,
Дорогие коллеги и друзья!**

Позвольте от имени Офиса программ ОБСЕ в Астане поблагодарить вас за приглашение и возможность выступить с приветственным словом по столь почетному случаю и выразить искреннюю благодарность Генеральной прокуратуре и Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре, и лично вам, Берик Ногаевич и Марат Исламханович, за наше долгосрочное и доверительное сотрудничество, которое демонстрирует взаимное уважение и символизирует то, что является настоящей дружбой.

В этом году Академия правоохранительных органов отмечает свой 10-летний юбилей – это знаковое событие не только для самой Академии, но и для всей правоохранительной системы страны.

За эти годы Академия зарекомендовала себя как ведущий образовательный, научный и аналитический центр, готовящий высококвалифицированных специалистов, способных эффективно отвечать на современные вызовы в сфере безопасности. Она стала площадкой для обмена знаниями, повышения профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов и развития международного сотрудничества.

И мы рады отметить, что с самого начала основания Академии Офис программ ОБСЕ в Астане оказывал всестороннюю поддержку в реализации инициатив и проектов по всем трем измерениям ОБСЕ – военно-политическом, экономико-экологическом и человеческом измерениях.

Наше совместное сотрудничество охватывает широкий спектр тем по обеспечению безопасности и противодействию транснациональным угрозам. Особую роль Академия играет в противодействии киберпреступности, финансовым преступлениям, терроризму, коррупции, наркобизнесу, отмыванию денег и другим транснациональным угрозам. При активной поддержке нашего Офиса Академия организовала масштабные обучающие мероприятия для правоохранителей, укрепив их профессиональные компетенции по этим направлениям. Благодаря этим инициативам Академия стала ключевой региональной платформой для обмена передовым опытом, объединяющей экспертов из Казахстана, Центральной Азии и других стран.

Кроме того, Академия играет важную роль в реализации Национального плана действий по выполнению резолюции 1325 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, способствуя расширению возможностей женщин в сфере безопасности. При нашем

тесном сотрудничестве Академия активно поддерживает лидерство женщин, а также содействует обучению будущих руководителей высшего звена.

В течение последних 10 лет сотрудничество с международными организациями позволило Академии внести значительный вклад в укрепление потенциала правоохранительных и судебных органов. Академия активно участвует в развитии новых направлений, таких как применение искусственного интеллекта и анализа больших данных в расследованиях, а также в борьбе с экологическими преступлениями и браконьерством. И мы рады быть тем надежным партнером, который способствовал достижению этих целей.

Отдельного внимания заслуживают межведомственные и трансграничные инициативы, направленные на противодействие торговле людьми и организованной преступности. Академия не только внедряет передовые методы расследования, но и активно развивает диалог между национальными и международными экспертами. Благодаря этой работе Казахстан укрепляет свое соответствие международным стандартам в области безопасности и правопорядка.

Эти примеры показывают, насколько многогранно наше сотрудничество.

Отдельно хотелось бы отметить, что за любыми проектами и мероприятиями стоят отдельные люди, которые вкладывают весь свой опыт, солидный багаж знаний, и экспертизу для достижения общих целей. В этой связи я хотел бы отметить высокий профессионализм ваших сотрудников, которые показывают преданность делу и приверженность высоким стандартам в реализации совместных мероприятий.

Мы выражаем глубокую благодарность руководству Академии, преподавателям и сотрудникам за их профессионализм, самоотдачу и вклад в развитие правопорядка. Желаем Академии дальнейшего процветания, новых достижений и еще большего признания на национальном и международном уровне!

С юбилеем! Мерейтой құтты болсын!

Юлиана Садовски

Руководитель Отдела по международной борьбе с наркотиками и обеспечению законности (INL) Посольства США в Республике Казахстан

Құрметті ханымдар мен мырзалар! Қайырлы күн! Уважаемые дамы и господа!

Я рада приветствовать вас от имени Дипломатической миссии США в Казахстане на официальной церемонии открытия Международного форума юристов.

В первую очередь я бы хотела поздравить Академию правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан с десятилетним юбилеем. Посольство США гордится нашим долгосрочным сотрудничеством с Академией со дня её основания – а именно – профессиональным, мотивирующим, идейным и постоянно развивающимся преподавательским и экспертным составом, и руководством Академии - всегда с дальновидным и стратегическим планом развития как самой Академии, так и сотрудничества на межведомственном, региональном и международном уровнях.

В условиях современных вызовов безопасности эксперты академии иницируют разработку новых учебных программ, инновационных форм обучения и эффективных механизмов в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом и проводят обучающие программы для органов прокуратуры, правоохранительных и специальных служб с целью своевременного реагирования на новые угрозы.

В рамках совместных мероприятий с Отделом по международной борьбе с наркотиками и соблюдению законности (INL), Академией были разработаны симуляционные упражнения по противодействию наркопреступности и поддержана инициатива создания Национального межведомственного Таргетинг центра по контролю за химическими прекурсорами и синтетическими наркотиками. С 2023 года при поддержке Отдела INL в Академии запущен кибер-центр и подготовлены национальные тренеры по расследованию кибер – и финансовых преступлений. По линии борьбы с торговлей людьми был также подготовлен пул национальных тренеров и разработан учебный курс для обучения сотрудников правоохранительных органов и проведён анализ законодательства и правоприменительной практики по борьбе с торговлей людьми, рекомендации которого легли в основу принятого в 2024 году Закона о противодействии торговле людьми.

Отдельно хочу отметить важность еще одной инициативы Академии по реформированию образовательной программы по подготовке сотрудников правоохранительных органов. Ожидается, что этот проект позволит занять Академии лидерскую роль по Центральной Азии по подготовке правоохранительных органов к современным угрозам, а также

повысит оперативную эффективность за счет внедрения актуальных знаний, этических стандартов и технологических инструментов.

Отдел региональной безопасности Посольства высоко ценит сложившийся уровень взаимодействия с Академией в проведении антитеррористической подготовки правоохранительным органам в рамках Программы содействия борьбе с терроризмом (АТА) Службы дипломатической безопасности (DSS). Были проведены мероприятия и консультации по таким важным темам как защита критически важных целей, реагирование на критические инциденты, кибербезопасность и другие.

Поскольку террористические сети продолжают развивать свою тактику и стратегию, Программа содействия борьбе с терроризмом адаптирует и совершенствует свои инициативы по обучению борьбе с терроризмом для противодействия меняющимся угрозам. Управление по содействию борьбе с терроризмом, в дополнение к обучению, предоставленному Академии правоохранительных органов, также передало оборудование, используемое в учебном процессе с целью дальнейшего повышения потенциала Академии по проведению обучения в будущем.

Чтобы быть готовыми к постоянно меняющимся рискам, большое внимание необходимо уделять повышению квалификации офицеров, и эта важная миссия возложена на вас – преподавателей Академии. Вы выполняете важную роль в обеспечении преемственности и наращивания потенциала служб, вовлеченных в борьбу с преступностью.

Для нас огромная честь работать с вами, и мы желаем вам успехов, ещё большего энтузиазма и творчества в вашей преподавательской работе!

Международный форум юристов – еще одно качественное мероприятие, организованное Академией. От имени Посольства США я желаю плодотворной работы в рамках данного мероприятия.

Уважаемый Марат Исламханович, позвольте вручить Вам благодарственное письмо за постоянный интерес в развитии Академии, вдохновляющее лидерство, решающую роль в продвижении инициатив в правоохранительной сфере и наше плодотворное сотрудничество!

Серхан Актопрак

Глава миссии МОМ в Казахстане с координационными функциями
для Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От имени Международной организации по миграции в Республике Казахстан имею честь поздравить вас с 10-летием Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан!

Эта знаменательная дата отражает не только десятилетие успешной деятельности, но и устойчивое стремление к укреплению правопорядка, справедливости и уважения к правам человека. За это время Академия по праву стала ведущим центром подготовки сотрудников правоохранительных органов, местом, где формируются знания, компетенции и ценности, столь необходимые в современном мире.

МОМ особенно высоко ценит наше многолетнее сотрудничество с Академией, основанное на общих целях — противодействии торговле людьми и защите прав мигрантов. Вместе мы реализовали ряд обучающих программ, результаты которых уже сегодня отражаются в практической работе правоохранительных органов и профильных специалистов.

Отдельно хочу подчеркнуть важность продолжения и дальнейшего развития усилий по укреплению потенциала сотрудников правоохранительных органов в сфере выявления и пресечения торговли людьми. Особую актуальность приобретает способность специалистов эффективно использовать отслеживание «красных флагов» в финансовых потоках как инструмент борьбы с этим преступлением. Торговля людьми — это не только грубейшее нарушение прав человека, но и прибыльный бизнес. Выявление, отслеживание и пресечение этих потоков — ключ к разрушению экономических основ преступных сетей.

В этой связи Академия играет стратегически важную роль как платформа для внедрения передовых подходов, обмена опытом и развития межведомственного и международного сотрудничества. Только через интеграцию современных знаний и постоянное развитие профессиональных навыков мы сможем эффективно отвечать на вызовы времени.

Отмечая этот важный юбилей, желаю коллективу Академии дальнейшего роста, устойчивого развития и новых достижений. Пусть ваше учебное заведение и в дальнейшем будет символом профессионализма, принципиальности и международного диалога.

Примите нашу глубокую признательность и самые искренние поздравления по случаю 10-летия Академии!

**ЖАҢАНДЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР ДӘУІРІНДЕГІ
ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ**

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

**THE EVOLUTION OF LEGAL SYSTEMS
IN AN ERA OF GLOBAL CHANGE**

Абенов Бекболат Абенович

докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО ФРЕЙМИРОВАНИЯ ПРИГОВОРА СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена правовой природе принимаемого окончательного решения в судопроизводстве по средствам фрейма. Это решение служит средством установления фактических обстоятельств об имевших место преступлении и виновности обвиняемого, или обстоятельств, требующих освобождения от наказания, реабилитации того, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию и осуждению. Статья предусматривает определение специфики правового фреймирования приговоров судов первой инстанции при рассмотрении дел и представлении положений, требующих отражения в приговорах. Для достижения цели рассматриваются структурные элементы формирования фрейма, выделяются ключевые элементы фрейма, определяются виды правонарушений и их особенности и выделяются устойчивые категории элементов правового фреймирования при вынесении приговора судами первой инстанции.

Ключевые слова: фрейм, методология, правовая культура, судебная практика, приговор, правовое моделирование, эффективное правосудие, фактические обстоятельства, законность, обоснованность, справедливость, принципы, доказательства, процессуальная справедливость, толкование права, судебное решение, структура приговора.

В современном правовом государстве приговор суда первой инстанции является одним из важнейших актов правосудия, определяющим судьбу человека, признанного виновным в совершении преступления. Законность, обоснованность и справедливость приговора выступают не только критериями его качества, но и предпосылками доверия к судебной системе и государству в целом. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о методологических основаниях формирования судебного решения.

Актуальность исследования методологических оснований правового фреймирования приговора суда первой инстанции обусловлена необходимостью повышения качества судебных решений, обеспечения их соответствия требованиям законности, обоснованности и справедливости.

Фрейм (от англ. frame — «каркас» или «рамка») — это структура данных, которая используется в искусственном интеллекте для представления знаний о типичных ситуациях, объектах или событиях. Но само понятие

фрейма в науке имеет довольно богатую историю и разнообразные интерпретации, в зависимости от конкретной области исследования.

Представьте себе, что фрейм — это шаблон, в который мы вписываем информацию о конкретном объекте или ситуации. Этот шаблон содержит слоты (атрибуты), которые описывают различные характеристики объекта.

В целом фрейм как концепция, широко применяемая в различных областях, от искусственного интеллекта до социальных наук, имеет свои корни в когнитивной психологии. Идея фрейма как ментальной структуры, представляющей знания о типичных ситуациях, объектах или событиях, была впервые предложена Марвином Минским в середине 70-х годов прошлого века.

Анализ того, как именно суды формулируют обвинительные или оправдательные приговоры, влияет на восприятие справедливости в обществе. Понятие «правового фреймирования» — относительно новое для юридической науки многих стран, включая Республику Казахстан. В контексте судопроизводства оно связано с тем, как суд структурирует юридический дискурс, выделяет ключевые факты и правовые нормы, определяет интерпретационную рамку преступления и наказания.

Процесс вынесения приговора не сводится к простому применению норм права к установленным фактам. Это сложная интеллектуальная деятельность, требующая от судьи анализа, оценки и интерпретации большого объема информации. В ходе этого процесса формируется определенное видение дела, его правовая конструкция, которую можно обозначить термином «правовой фрейм» [1. стр. 197].

Несмотря на значительное внимание, уделяемое вопросам судопроизводства в юридической науке, проблема методологии формирования правового фрейма приговора остается недостаточно разработанной.

Концепция фрейма заимствована из социальных и гуманитарных наук, где она активно используется для анализа процессов восприятия, интерпретации и категоризации информации. В частности, фрейм рассматривается как когнитивная структура, организующая наше понимание определенной ситуации, события или явления.

Применительно к юридической сфере понятие фрейма позволяет глубже понять процесс принятия судебных решений. Правовой фрейм, формируемый судьей, выполняет ряд важных функций. В условиях большого объема информации, поступающей в ходе судебного разбирательства, правовой фрейм позволяет выделить факты и доказательства, имеющие непосредственное отношение к делу, и отсеять несущественные детали. Правовой фрейм определяет, как следует понимать и оценивать представленные доказательства, какие выводы можно из них сделать. На основе правового фрейма судья определяет, какая норма права подлежит применению к установленным фактам, и дает юридическую квалификацию деяния. Правовой фрейм

служит логической основой для обоснования выводов суда о виновности или невиновности подсудимого, мере наказания и других правовых последствиях [2. стр. 65].

Правовое фреймирование тесно связано с такими юридическими категориями, как толкование права и установление фактических обстоятельств дела. Толкование правовых норм является важным этапом формирования правового фрейма, поскольку от понимания содержания нормы зависит ее применение к конкретным фактам. Установление фактических обстоятельств дела также неразрывно связано с правовым фреймированием, так как отбор и интерпретация фактов происходят в рамках определенного правового фрейма [3. стр. 14].

В основе правового фреймирования приговора суда первой инстанции лежат следующие методологические принципы:

Принцип законности: правовой фрейм должен формироваться в строгом соответствии с требованиями материального и процессуального права. Это означает, что судья обязан руководствоваться только теми нормами права, которые подлежат применению к данному делу, и соблюдать установленный порядок судебного разбирательства.

Принцип обоснованности: правовой фрейм должен опираться на достоверные и достаточные доказательства. Судья не вправе основывать свои выводы на предположениях, догадках или непроверенных сведениях.

Принцип мотивированности: приговор суда должен быть мотивированным, то есть содержать подробное и убедительное изложение оснований принятого решения. Это предполагает, что судья должен четко указать, какие факты были установлены, какие нормы права применены и почему суд пришел к именно такому выводу.

Принцип объективности и беспристрастности: формирование правового фрейма должно происходить без влияния каких-либо субъективных факторов, таких как личные убеждения судьи, предубеждения или постороннее воздействие. Судья обязан быть объективным и беспристрастным при рассмотрении дела и вынесении приговора.

Принцип системности: при формировании правового фрейма необходимо учитывать взаимосвязь между различными элементами дела и нормами права. Судья должен рассматривать дело в целом, а не изолированно, выявляя все значимые связи и зависимости.

Принцип процессуальной справедливости: Этот принцип требует обеспечения равных возможностей для сторон в процессе формирования правового фрейма. Судья должен обеспечить, чтобы каждая сторона имела возможность представить свои аргументы и доказательства, и чтобы они были рассмотрены объективно и беспристрастно [4. стр. 104].

Обеспечивая комплексное понимание базовых установок, лежащих в основе судебных приговоров, позволяет не только достигать единого подхода к рассмотрению дел о правонарушениях, но и выявить пробелы

в правовом регулировании и расхождении в правоприменительной практике [5. стр. 45].

Правовое фреймирование также является предметом широкого обсуждения. В широком смысле фрейминг представляет собой работу с отдельным объектом таким образом, чтобы, рассматривая его как центральный, определить всю систему влияющих на него факторов. В правовом аспекте фреймирование чаще рассматривается в связи с деятельностью международных судебных институций, поскольку оценка правоприменения в различных правовых системах требует создания четких рамок такой оценки. Таким образом, основной ответ на вопрос о целесообразности фреймирования заключается в том, что оно позволяет определить пределы рассмотрения дела в условиях, когда речь идет о правоприменении в разных контекстных ситуациях. Утверждается, что фреймирование лежит в основе «рационального выбора», когда решение будет однотипным для однотипных задач, несмотря на вариативности формулировок [6. стр. 45]. Говоря о целесообразности применения фреймирования при вынесении приговоров судами первой инстанции, можно увидеть определенную аналогию. Многообразие и широкая вариативность контекстов совершения деяний делают фреймирование важным инструментом в деятельности судов первой инстанции при вынесении однотипных приговоров при совершении правонарушений в разных контекстах.

Методологические основания правового фреймирования приговора суда первой инстанции играют ключевую роль в обеспечении законности, обоснованности и справедливости судебных решений. Формирование правового фрейма – это сложный интеллектуальный процесс, требующий от судьи глубокого знания права, умения анализировать и оценивать доказательства, а также способности логически обосновывать свои выводы [7. стр. 3].

Определенные в статье методологические принципы правового фреймирования могут служить ориентиром для судей при рассмотрении уголовных дел и вынесении приговоров. Соблюдение этих принципов способствует формированию обоснованных и убедительных судебных решений, повышает доверие к судебной системе и укрепляет веру в правосудие.

Фреймирование приговора суда представляет собой структурирование, включающее два основных блока. Первый блок создает общий ориентир для суда как исполнителя воли общества и государства. Данный блок включает основные принципы антикоррупционной политики государства и учет общественного мнения правонарушений, выступающих как обеспечение принципа неотвратимости наказания за правонарушения. Второй блок заключается в непосредственной оценке конкретного правонарушения на основании правовых норм, изложения фактических обстоятельств дела, обоснования юридической квалификации действий обвиняемого,

описания отягчающих и смягчающих обстоятельств и обоснования назначения наказания.

Фрейминг помогает создать методологическую основу для вынесения приговоров разной категории дел, обеспечивая системность и всесторонний учет всех аспектов, имеющих юридическое значение для данной категории дел. Использование фрейма приговора также позволяет снизить уровень субъективизма суда при рассмотрении дел, что не только позволит повысить качество судебных решений, но и укрепить авторитет суда как одного из органов, принимающих участие в системной борьбе с коррупцией.

Данное исследование предлагает модель структурированного подхода к построению приговора. Такая модель может быть использована как при подготовке новых, так и при оценке вынесенных приговоров. Таким образом он может быть использован всеми участниками судебного процесса, чья деятельность связана с подготовкой, анализом и оценкой приговоров суда: судьями, адвокатами и прокурорами. Результаты исследования также могут быть использованы в процессе изучения юридических дисциплин и как основа для дальнейших научных исследований. Дальнейшие исследования могут включать расширение как эмпирической базы исследования, так и его результатов путем проведения сравнительно-правовых исследований.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, – 1995.
2. Власов В.Н. Теория государства и права. Ростов н/Д: Феникс, – 2002.
3. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Лазаревой. М.: Юрлитинформ, – 2012.
4. Кассация и апелляция в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Под ред. А.В. Смирнова. М.: Юрайт, – 2020.
5. Фетюхин М.И. Основы судебного разбирательства по уголовным делам. М.: Издательство «Юрлитинформ», – 2021.
6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения. М.: Изд-во Ин-та междунар. права, – 2002.
7. Хамзина Ж.А. Особенности формирования внутреннего убеждения судьи // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2015. – №4 (41). 114-119 с.

Айтмагамбетов Алмаз Сагындыкович
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПРИМЕНЕНИЕ БЕРКЛИНСКОГО ПРОТОКОЛА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Статья анализирует Берклинский протокол как международный стандарт использования открытых цифровых источников в уголовных расследованиях и его применимость в досудебном производстве Казахстана. Рассматриваются возможности внедрения технологий открытых данных для повышения эффективности расследований и обеспечения достоверности доказательств. Особое внимание уделяется правовым, методологическим и этическим аспектам, а также вызовам адаптации протокола, включая нормативные, технические и кадровые ограничения. Предлагаются рекомендации по законодательным реформам, подготовке специалистов и международному сотрудничеству для уголовного процесса и соответствия принципам справедливости.

Ключевые слова: Берклинский протокол, цифровые доказательства, досудебное производство, открытые источники, OSINT, научно-технические средства, уголовный процесс, международные стандарты, правоприменения, Казахстан, верификация данных, права человека, цифровая криминалистика, нормативное регулирование, этические аспекты.

Введение. Современный уголовный процесс претерпевает глубокие изменения под влиянием глобальной цифровизации, что требует адаптации правоприменительных практик к новым технологическим реалиям [1]. В Послании Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 года подчеркивается необходимость ускорения цифровизации государственных процессов, включая правоохранительную сферу, для повышения эффективности и прозрачности правосудия [2]. Этот стратегический курс отражает стремление Казахстана к модернизации уголовного судопроизводства в соответствии с международными стандартами, что делает актуальным изучение передовых инструментов, таких как Берклинский протокол [3].

Информационное пространство, насыщенное данными из открытых источников, предоставляет новые возможности для расследования преступлений, но одновременно порождает вызовы, связанные с достоверностью, допустимостью и этичностью использования таких данных [4]. Берклинский протокол, разработанный как первый

международный стандарт работы с цифровыми доказательствами, представляет собой ключевой инструмент для решения этих проблем [3].

Республика Казахстан, следуя курсу на интеграцию в глобальное правовое пространство и реализацию государственных инициатив по цифровизации, сталкивается с необходимостью внедрения международных стандартов в досудебное производство. Использование открытых цифровых источников (OSINT) становится особенно актуальным в условиях роста киберпреступности, транснациональных угроз и усложнения традиционных методов расследования [5]. Цель данной статьи заключается в анализе положений Берклинского протокола, оценке их применимости в казахстанской правовой системе и разработке рекомендаций по их интеграции в досудебное производство. Исследование также направлено на выявление вызовов и путей их преодоления, что соответствует тематике Международного конгресса юристов, посвященного обсуждению актуальных проблем права и справедливости.

Основная часть. 2.1. Берклинский протокол: концептуальная основа и международное значение

Берклинский протокол, разработанный Центром по правам человека Калифорнийского университета в Беркли совместно с Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, устанавливает стандарты сбора, анализа и верификации данных из открытых цифровых источников [3]. Протокол ориентирован на международные уголовные и гуманитарные расследования, но его принципы применимы и в национальных юрисдикциях, включая Казахстан.

Документ определяет ключевые термины, такие как «открытые источники», «цифровые доказательства», «верификация», «достоверность» и «цепочка сохранности» [3]. Он подчеркивает необходимость строгого соблюдения методологических процедур, включая критическую оценку источников, сохранение метаданных и документирование всех этапов работы с данными [6]. Особое внимание уделяется этическим аспектам, таким как защита прав лиц, фигурирующих в расследованиях, и минимизация рисков, связанных с неправомерным использованием информации [7].

Международное значение протокола заключается в его универсальности и способности обеспечивать легитимность цифровых доказательств в условиях ограниченного доступа к местам преступления [4]. Протокол применяется в практике международных трибуналов и организаций, таких как Международный уголовный суд и Human Rights Watch, демонстрируя его эффективность в сложных расследованиях [7]. Для Казахстана его внедрение открывает перспективы гармонизации национальной практики с глобальными стандартами, что особенно важно для борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения прав человека [8].

2.2. Роль научно-технических средств в досудебном производстве Казахстана

В правоприменительной практике Казахстана цифровые технологии активно используются на этапе досудебного производства [9]. Среди применяемых инструментов:

- мониторинг интернет-контента и социальных сетей для выявления информации о преступлениях;
- технологии распознавания лиц и объектов на основе видеозаписей;
- анализ цифровых следов, включая геолокационные данные, метаданные и логи активности;
- программное обеспечение для восстановления удаленной информации и анализа больших объемов данных.

Эти инструменты повышают эффективность расследований, однако их применение ограничено отсутствием унифицированной нормативной базы. Вопросы допустимости цифровых доказательств остаются недостаточно урегулированными, что создает риски их отклонения судами. Недостаточная подготовка следователей в области цифровой криминалистики также ограничивает использование современных технологий.

Берклинский протокол предлагает стандарты верификации и документирования данных, которые могут устранить эти пробелы. Например, его рекомендации по проверке подлинности источников и сохранению цепочки сохранности повышают доказательственную ценность видеозаписей из социальных сетей. Внедрение таких стандартов требует разработки национальных регламентов, инвестиций в техническую инфраструктуру и обучения персонала.

2.3. Международные примеры применения OSINT: уроки для Казахстана

Для успешной адаптации Берклинского протокола полезно изучить международный опыт применения OSINT. В Нидерландах, например, Bellingcat успешно использовала открытые источники для расследования международных преступлений, таких как катастрофа рейса MH17, применяя стандарты верификации, аналогичные протоколу [4]. В Великобритании полиция использует OSINT для борьбы с киберпреступностью, опираясь на методические руководства, разработанные на основе международных стандартов [10].

Эти примеры демонстрируют, что успех внедрения OSINT зависит от сочетания правового регулирования, технической инфраструктуры и профессиональной подготовки. Для Казахстана уроки включают необходимость создания специализированных подразделений по цифровой криминалистике, разработки методик на основе протокола и усиления международного сотрудничества для обмена опытом. Например, участие в программах ООН или сотрудничество с Bellingcat могло бы ускорить внедрение передовых практик.

2.4. Сравнительный анализ и вызовы интеграции Берклинского протокола

Международный опыт подчеркивает важность адаптации стандартов Берклинского протокола к национальным реалиям. В Европейском союзе стандарты работы с цифровыми доказательствами закреплены в Регламенте GDPR, который регулирует обработку персональных данных [11]. В США практика OSINT опирается на судебные прецеденты и методические руководства правоохранительных органов [10]. Эти подходы показывают, что правовое регулирование и профессиональная подготовка являются ключевыми факторами успеха.

В Казахстане адаптация протокола сталкивается с рядом вызовов:

1. Нормативный вакуум: Уголовно-процессуальный кодекс не регулирует статус цифровых доказательств, что создает неопределенность их правоприменения [12].

2. Технические ограничения: Недостаток специализированного оборудования и программного обеспечения ограничивает анализ больших объемов данных.

3. Кадровый дефицит: Отсутствие специалистов по цифровой криминалистике и OSINT затрудняет внедрение технологий.

4. Этические риски: Неправомерное использование данных может нарушить право на неприкосновенность частной жизни, что требует строгого контроля.

5. Институциональные барьеры: Недостаточная координация между правоохранительными органами и судами замедляет интеграцию новых стандартов.

Для преодоления этих вызовов предлагается комплексный подход:

- Законодательные реформы: Введение норм, определяющих цифровые доказательства, их верификацию и допустимость в суде.
- Методические рекомендации: Разработка руководств на основе протокола для унификации работы следователей.
- Техническое обеспечение: Инвестиции в программное обеспечение и оборудование для анализа данных.
- Подготовка кадров: Создание программ обучения по цифровой криминалистике и этике OSINT.
- Международное сотрудничество: Участие в глобальных инициативах для обмена опытом и адаптации лучших практик.
- Институциональная координация: Усиление взаимодействия между органами следствия, прокуратуры и судами для обеспечения единообразного применения стандартов.

Эти меры позволяют интегрировать принципы протокола, повысить эффективность досудебного производства и обеспечить соответствие международным стандартам.

2.5. Практические примеры и потенциальные выгоды

Рассмотрим гипотетический пример: в Казахстане расследуется дело о распространении экстремистского контента в социальных сетях.

Следователи обнаруживают видеозапись, связанную с преступлением. Применение стандартов Берклинского протокола позволяет верифицировать источник путем анализа метаданных, задокументировать цепочку сохранности и обеспечить этическое использование данных, минимизируя риски нарушения прав граждан. Это повышает вероятность признания видеозаписи доказательством в суде. Аналогичные методы применимы к расследованиям киберпреступлений, коррупции или транснациональной организованной преступности.

Потенциальные выгоды внедрения протокола включают:

- Укрепление доказательственной базы за счет повышения достоверности цифровых данных.
- Снижение судебных ошибок благодаря строгим процедурам верификации.
- Повышение доверия к правоохранительным органам через соблюдение этических стандартов.
- Ускорение расследований за счет автоматизации анализа данных.
- Соответствие государственной политике цифровизации, изложенной в Послании Президента.

Заключение. Берклинский протокол представляет собой передовой инструмент для интеграции цифровых доказательств в уголовный процесс, обеспечивая баланс между технологическими инновациями и соблюдением прав человека. Его адаптация в правоприменительной практике Казахстана открывает перспективы для модернизации досудебного производства, повышения эффективности расследований и укрепления принципов законности и справедливости. Это особенно актуально в контексте Послания Президента, где цифровизация правоохранительной сферы обозначена как приоритет государственной политики.

Успешная реализация протокола требует преодоления нормативных, технических, кадровых и институциональных вызовов через комплексный подход, включающий законодательную реформу, профессиональную подготовку, техническое обеспечение и международное сотрудничество. Казахстан имеет уникальную возможность использовать протокол как ориентир для создания современной системы расследований, соответствующей глобальным стандартам.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке детализированных методик применения OSINT, анализе их влияния на судебную практику и оценке долгосрочных эффектов цифровизации уголовного процесса. Эти усилия станут важным вкладом в укрепление правового государства и реализацию принципов права и справедливости, провозглашенных в государственной политике Казахстана.

Список использованной литературы:

1. Халиков А.Е. Применение OSINT в деятельности следственных органов. Уголовное право и криминология. – 2022. – №3 – 48–55 с.
2. Справедливый Казахстан: единство, стабильность, развитие: Послание Президента Республики Казахстан К-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 года. Астана.
3. Берклинский протокол по расследованиям с использованием открытых цифровых данных. Центр по правам человека Калифорнийского университета в Беркли, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Женева, – 2022. – 87 с.
4. Bellingcat. The Bellingcat Handbook: Open Source Research for Journalists, Researchers, and Anyone Else. London: Bloomsbury; – 2021. – 256 p.
5. Koenig A, Mehandru N. OSINT and Human Rights: Principles and Best Practices. Duke Law & Technology Review. – 2020; – 17(1): – 129-150 с.
6. Bellingcat. The Bellingcat Handbook: Open Source Research for Journalists, Researchers, and Anyone Else. London: Bloomsbury; – 2021. – 256 p.
7. Human Rights Watch. Digital Investigations and Human Rights Accountability: Challenges and Recommendations. New York; – 2020. – 72 p.
8. Рымбетова Ж.Ш. Допустимость цифровых доказательств в уголовном процессе: современные подходы. Право и технология. – 2023; – 27-34 с.
9. Ахпаров Р.Р. Цифровые доказательства в уголовном процессе: международный и казахстанский опыт. Вестник юридической науки. – 2023; – 65–72 с.
10. Tiefenthaler A, et al. Open Source Intelligence in Criminal Investigations: Balancing Efficiency and Ethics. International Journal of Police Science & Management. – 2022; – 24(3): с. 287–301. doi:10.1177/14613557221097812.
11. Wardle C, Derakhshan H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policymaking. Council of Europe Report. Strasbourg; – 2017. – 109 p.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 2025 год).

Акимжанов Талгат Курманович
директор НИИП, профессор Высшей школы права
Университета «Туран», доктор юридических наук, профессор

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого важного и наиболее опасного вида преступности как организованная преступность.

Автором изложены основные характеристики современной организованной преступности, обозначены проблемы, мешающие эффективному противодействию и борьбе с данным видом преступности, и предложены возможные пути их разрешения.

Автор аргументировал тезис о том, что неизученность организованной преступности, а также отсутствие самостоятельного органа в Республике Казахстан по борьбе с организованной преступностью являются наиболее важными факторами, снижающими эффективность противодействия организованной преступности со стороны правоохранительных органов.

Автором внесены ряд предложений по дальнейшему совершенствованию борьбы с организованной преступностью в Казахстане, представляющей серьезную угрозу современному обществу и национальной безопасности государства.

Ключевые слова: организованная преступность, транснациональная организованная преступность, признаки организованной преступности, легализация организованной преступности.

Исследование феномена организованной преступности у нас в Казахстане, как и в бывшем СССР, ведется по сравнению с зарубежными государствами, сравнительно недавно.

Как известно, в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, сам факт существования организованной преступности в бывшем СССР отрицался и считалось аполитичным утверждать обратное.

Так, например, во вступительном слове ведущего одного из первых круглых столов по проблемам организованной преступности известным ученым-криминологом А.И. Долговой было сказано: «Как можно не признавать наличие проблемы организованной преступности, если за саму ее постановку, за первые наиболее активные действия по борьбе с этой преступностью расстался со своей должностью бывший заместитель Генерального прокурора СССР В.В. Найденов? Теперь это – очевидный факт!» [1. стр. 4-5].

В числе первых серьезное аргументированное обоснование реальности организованной преступности представил И.И. Карпец на шестом Международном конгрессе криминологов социалистических

стран в Москве в 1987 году [2. стр. 57-63]. В дальнейшем исследования были активизированы и стали производиться координировано правоохрательными органами и их научными учреждениями.

Проблема организованной преступности по причине своей повышенной общественной опасности и латентности, постоянно привлекает внимание ученых, практиков-специалистов, литераторов, журналистов и вообще активных граждан общества.

Так, американский ученый Джей Альбенезе (Университет штата Вирджиния) считает, что организованная преступность всегда содержала в себе некую тайну, которая заставляла преувеличивать ее значение. Этот образ во многом сформировался благодаря вере в то, что за некоторыми преступлениями стоят какие-то таинственные организации, которые всячески культивировали популярные издания и Голливуд. В наши дни трудно понять, где кончается реальность и начинается литература. Многие не имеют ясного представления о том, что же такое мафия на самом деле, чем она занимается и какое место занимает в мире организованной преступности. На протяжении почти ста лет природа организованной преступности и ее источники оставались неизвестными, что исключало возможность эффективной борьбы с ней [4. стр. 320].

Примерные этапы исследования организованной преступности даны в учебнике по криминологии под редакцией Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского, где указывается, что в отечественных криминологических исследованиях понятие «организованная преступность» начинает использоваться уже в 1970-х годах, однако развернутые исследования проблемы начаты с середины 1980-х годов. Практическая специализация борьбы с организованными формами преступности, обеспечение этой борьбы в организационном и правовом аспектах происходит еще позднее – лишь с конца 1980-х годов. В эти же годы проблема начинает выделяться в учебных программах; что же касается учебников криминологии, то она впервые выделяется в учебнике МЮИ (1992 г.) и издании 1994 года [4. стр. 341].

Проведенный анализ мнения большого количества ученых, позволил выделить наиболее характерные признаки, присущие современному состоянию организованной преступности. К таким признакам относятся следующие:

1) высокий уровень организованности преступной деятельности, наличие организованных структур, строгая иерархия, высокий уровень конспирации и обеспечения безопасности преступной деятельности;

2) сращивание преступной деятельности с государственным аппаратом, стремление членов преступных сообществ с административной и политической властью, наличие коррумпированных связей в аппарате власти и управления, в правоохрательных органах;

3) повышенная общественная опасность (организованная преступность представляет собой угрозу экологической и национальной безопасности государства, дестабилизирует его деятельность);

4) широкий масштаб деятельности (межрегиональный, международный уровень функционирования организованных преступных сообществ, совершение дерзких, корыстно-насильственных преступлений, устойчивый, постоянный, плановый характер преступной деятельности в виде преступного промысла, наличие единых целей, ориентация на извлечение наивысшего уровня доходов, высокая техническая оснащенность);

5) стремление к легализации преступного капитала: отмывание (легализация) преступно приобретенных огромных капиталов через легальные формы коммерческой и банковско-кредитной деятельности, установление криминального контроля над банковско-коммерческой деятельностью на определенных территориях, а также над профессиональной преступной деятельностью (наркобизнес, проституция, азартные игры и т.п.);

6) противодействие правоохрнительным органам (расширяющееся противодействие уголовно-процессуальным действиям органов следствия и суда путем подкупа, запугивания их участников);

7) создание и формирование собственной идеологии (активное распространение преступной идеологии, в том числе в местах лишения свободы, организация моральной поддержки членов организованного преступного общества, оказавшихся в местах лишения свободы, их семей) [5. стр. 57-58].

Мы перечислили только основные признаки организованной преступности, однако и они не являются исчерпывающими.

Важность противодействия организованной преступности в современных условиях трудно переоценить, поскольку именно этот вид преступности с присущей только ему качествами как латентность, повышенная общественная опасность, высокая организация криминальной деятельности, защищенность от правоохрнительной системы и практически недостижимость от мер уголовно-правового воздействия, не только наносит серьезный ущерб государству и обществу, но и подрывает его устои и национальную безопасность.

Неслучайно, в принятом 6 января 2012 года Законе Республики Казахстан № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан», наряду с другими указанными в данном Законе угрозами национальной безопасности, отнесены именно негативные изменения, происходящие в структуре и динамике самой преступности в Республике Казахстан, включая ее организованные формы [6. стр. 50].

Как видим, современная организованная преступность представляет собой угрозу и национальной безопасности страны.

Обеспечение национальной безопасности нашего государства является главной стратегической задачей, поскольку не обеспечение национальной безопасности государства влечет потерю его суверенитета.

О необходимости проведения гибкой, вместе с тем справедливой уголовной политики государства было закреплено в утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года», где

было отмечено, что в процессе реализации правоприменительного процесса должна быть пересмотрены формы и методы противодействия преступности, включая и ее организованные формы, скорректировано уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан [7].

Выделим наиболее основные проблемы, требующие своего разрешения при противодействии организованной преступности.

Первое. Повышенная степень опасности организованной преступности.

Обратимся к мнению ученых криминологов, изучающих организованную преступность, которые указывают на повышенную степень ее опасности для общества и государства.

По мнению казахстанского ученого Е.О. Алауханова, организованная преступность – криминальное явление особого рода, обладающее чрезвычайной опасностью, высокой способностью к самодетерминации и целенаправленному изменению социальной среды в своих интересах. Одновременно она сама меняется в соответствии с теми условиями, в которых ей приходится функционировать. Поэтому борьба с данной преступностью должна базироваться на всестороннем анализе ее характеристик в конкретных временно-пространственных условиях [8. стр. 11].

По мнению российских ученых, организованная преступность (ОП) – самый общественно опасный вид преступности. Она не только влияет на негативные тенденции иных видов преступности, но и на происходящие в обществе экономические, социальные и политические процессы, а также на нравственно-психологическую атмосферу в обществе. Обладая огромными неподконтрольными государству финансовыми средствами, организованная преступность обеспечена собственной системой управления, безопасности, силовыми структурами, оснащенными самой передовой техникой, использует специалистов и консультантов в различных сферах деятельности, располагает серьезными связями в государственных и правоохранительных органах [9. стр. 126].

Современный этап экономического, политического и социального развития казахстанского общества сопровождают ряд факторов, мешающих поступательному и планомерному государственному развитию.

Для последних трех десятилетий суверенного развития Казахстана, характерно массовое функционирование устойчивых организованных преступных групп, характеризующихся совершением тяжких и особо тяжких преступлений, причиняющих огромный вред обществу и своей деятельностью внося хаос в общественную жизнь и вызывая неуверенность граждан в неотвратимости уголовных наказаний.

Современные организованные преступные группы, обеспечивая с помощью коррупции и иных методов систему защиты от государственного контроля своей противоправной уходят от наказания и этим самым

вызывают негативное отношение гражданского общества ко всей правоохранительной системе.

Но причине не изученности организованной преступности придаются различные образы в виде пирамиды, верхняя часть которой неизвестна, или в виде айсберга, нижняя часть которого также невидима и находится под водой.

Организованную преступность сравнивают с государством в государстве [10. стр. 59], так как она опирается в своей деятельности на государственные институты власти и полностью легализует и узаконивает свою работу. Иногда ее сравнивают с раковой опухолью, имея в виду и то, что она подобно смертельной болезни ведет к деградации социального организма, и то, что общество не нашло эффективных мер избавления от нее [11. стр. 294].

Организованную преступность по системе опасности для общества ставят на второе место после войн [12].

По мнению российского ученого Ю.М. Антоняна глобализация создает условия для возникновения новых, более широких форм преступности, в частности транснациональной. По некоторым оценкам, в мире сейчас насчитывается 50-60 тыс. транснациональных корпораций (ТНК) и около 150 наиболее крупных. К концу XX века на их долю приходилось почти половина объема торговли развитых стран и 80-90% экспорта топливно-сырьевых и сельскохозяйственных товаров из развивающихся стран. При этом доля теневых сделок составляла от 10 до 40% [13. стр. 428].

Второе. Стремление организованной преступности к легализации своей деятельности.

По мнению зарубежных ученых, организованную преступность иногда называют государством в государстве [11. стр. 303]. Латентность организованной преступности, представляющая угрозу государству и затрудняющая проводить исследования, проявляется в ее стремлении к легализации: особенно это характерно для стран запада, имеющих более длительную историю функционирования организованной преступности.

Данная особенность организованной преступности очень подробно описана С.М. Иншаковым, который указывает, что постепенно основное оружие мафии – жестокая расправа – отходит на второй план, а на первое место выдвигаются подкуп и основанный на криминальных приемах сверхприбыльный бизнес. Причем, чем богаче становится мафиозная семья, тем меньший удельный вес в ее делах имеет криминал. В настоящее время в США довольно четко просматривается стремление криминальных боссов «отмыть» не только деньги, но и своих детей. Их дистанцируют от криминального мира, обеспечивают образованием и воспитанием высшего уровня. «Крестные отцы» хотели бы видеть своих детей сенаторами и даже президентами [11. стр. 299].

На стремление легализации организованной преступности указывают и российские ученые. Так, А.И. Долгова, говоря об отношениях

организованной преступности с государством, отмечает, что между ними не существует четкой и жесткой границы; организованная преступность пронизывает различные легальные отношения, в том числе, имея собственные легальные юридические лица, считается с потребностями и интересами разных социальных групп населения, пытаясь привлечь их на свою сторону и иметь резерв пополнения своих рядов; наряду с постоянными и активными участниками преступной деятельности имеет тех, которые сотрудничают с ней даже на разовой основе [10. стр. 59].

Поэтому организованная преступность в странах СНГ имеет такую тенденцию, как легализация, то есть от противостояния с государством она переходит к «тесному» сотрудничеству путем привлечения к себе на службу как на постоянной, так и на временной основе влиятельных людей, специалистов государственных структур, оказывая им как материальную, так и моральную поддержку.

При таком переплетении и несовершенстве законодательства ученым, а тем более правоохранным органам трудно распознать, где совершаются законные, а где незаконные действия, тем более, если в качестве эксперта «законности» выступают представители организованной преступности.

Третье. Транснациональный характер современной организованной преступности.

Масштабы организованной преступности таковы, что она не ограничивается конкретным регионом, отраслью, направлением сферы деятельности, а выходит на просторы международного пространства, завладевая все новыми богатствами и рынками сбыта.

Совершенно справедливо отмечал известный казахстанский криминолог, один из первых специалистов-ученых в сфере изучения проблем организованной преступности Г.С. Мауленов, что современные организованные преступные группы в Казахстане во многом копируют своих «коллег» Запада, тщательно изучая их структуру, внутригрупповые нормы поведения, методы противостояния правоохранным органам, которые широко распространены среди международных синдикатов профессиональных убийц и бандитов. В связи с этим значительный интерес приобретает изучение организованной преступности в зарубежных странах [14. стр. 78].

Как известно, переход многих развитых стран мира, в том числе и Казахстана к цифровизации способствовал активизации преступности цифрового мира, особенно ее организованных форм. По мнению известных ученых криминологов, в современном обществе наметилась новая тенденция в развитии криминала – это его цифровизация, процесс и тенденции которого описан достаточно подробно и убедительно известным российским ученым В.С. Овчинским в своих последних фундаментальных работах как «Криминология цифрового мира» [15] и «Киберполиция XXI века. Мировой опыт» [16], «Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие» монография [17].

Масштабы организованной преступности и особенно в сфере экономики велики (если судить по опубликованным в средствах информации масштабам незаконного оборота капитала вывезенного и возвращаемого в Казахстан, исчисляемого сотнями млн долларов США).

В настоящее время благодаря проводимой правовой политике Президентом Республики Казахстан К-Ж.К. Токаевым, были установлены и приданы гласности вопиющие факты о допущенных нарушениях в сфере хозяйствования и экономического развития. В результате чего экономике страны был нанесен серьезный ущерб со стороны «недобросовестных» участников экономического процесса.

Так, 26 ноября 2022 года был подписан Указ Президента Республики Казахстан К-Ж.К. Токаева, №3 «О мерах по возврату государству незаконно выведенных активов», созданы специальный комитет при Генеральной прокуратуре, а также специальная комиссия во главе с премьер-министром. В состав комиссии вошли ряд руководителей, в том числе правоохранительных органов, а также депутаты Парламента и видные общественные деятели. Состав комиссии не засекречен, он опубликован.

В результате реализации данного Указа Президента Республики Казахстан только в течение 2023 года по информации Генпрокуратуры, уже возвращено активов на общую сумму 945 млрд тенге, в том числе порядка 600 млн долларов – из-за рубежа, и эта работа продолжается в настоящее время.

С 2022 года обеспечен возврат в бюджет и субъектам квазигосударственного сектора имущественных активов и денежных средств на сумму порядка 857 млрд тенге. Из них 159,8 млрд тенге в виде денежных средств из иностранных юрисдикций. Данная сумма поступила в бюджет государства. Так, 36,8 млрд тенге возвращено из Австрии, 116,7 млрд тенге из Лихтенштейна, из Объединенных Арабских Эмиратов – 6,3 млрд тенге, из Турции – 253 млн тенге [18].

Все это свидетельствует о транснациональном характере современной организованной преступности.

Четвертое. Недостаточная научная разработанность проблем, связанных с организованной преступностью.

В изучении организованной преступности до настоящего времени остается много белых пятен. Несмотря на обилие публикаций, посвященных проблемам организованной преступности, солидного состава ученых советского и постсоветского периодов, занимающихся ее изучением, большое количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций по проблемам организованной преступности, мы не имеем общепринятого определения организованной преступности, отсутствует исчерпывающий перечень признаков, характеризующих данный вид преступности, и неизвестна природа его возникновения. Кроме того, нет специальной методологии исследования, отличной от изучения общей преступности и позволяющей дать полную картину организованной

преступности.

Так, мы не имеем общепринятого определения организованной преступности, отсутствует исчерпывающий перечень признаков, характеризующих данный вид преступности. Также нет специальной методологии исследования, отличной от изучения общей преступности и позволяющей дать полную картину организованной преступности.

Главная причина такого положения дел заложена в самой природе возникновения организованной преступности, суть которой – это ее скрытый и неосязаемый характер, то есть высокая латентность.

Современный общественный мир стал изменчив, поэтому преступность как порождение самого общества, особенно организованная преступность, имеет свойство меняться, поэтому научные достижения ученых в той или иной сфере должны постоянно обновляться и дополняться, в противном случае они отстанут от реальной действительности и не будут отражать его реального содержания.

Кроме этого, проводимые у нас в стране отдельные исследования проблем организованной преступности институтами различных ведомств носят разносторонний характер и подчинены, в основном, ведомственным интересам и, как правило, носят характер экспертных оценок.

Указанные обстоятельства не позволяют всесторонне исследовать проблемы организованной преступности, дать определенного рода теоретические рекомендации, а тем более прогнозировать происходящие в стране процессы и, соответственно, принимать адекватные и предупредительные меры противодействия данному виду преступности.

Следует заметить, что качество противодействия организованной преступности в современных условиях зависит от многих факторов.

Это уровень развития экономики, законодательное обеспечение и качество принимаемых законов, жизненный уровень населения, состояние правоохранительной системы и профессионализм ее сотрудников и многое др.

В современных условиях требуются как выявление слабых звеньев в системе государственного контроля и разработка мер по предупреждению преступлений с учетом особенностей их криминологической характеристики, так и разработка на этой основе рекомендаций по их эффективному пресечению, изыскание конкретных методов выявления преступлений, совершаемых организованными преступными группами.

Особое значение для преодоления тенденций криминализации общества имеет исследование условий и причин появления и воспроизводства организованных преступных групп.

Пятое. Отсутствие самостоятельного органа, обеспечивающего противодействие организованной преступности.

В настоящее время в государствах дальнего и ближнего зарубежья

сложились определенные системы противодействия организованной преступности.

Весь мир борется с этим негативным явлением, однако, судя по результатам правоприменительной деятельности, мнению ведущих ученых, оптимальные пути борьбы с организованной преступностью до сих пор не найдены, их поиски продолжаются.

Казахстан не является исключением в данном вопросе, где также имеется своя система противодействия организованной преступности. Организованная преступность не только не сокращается, но видоизменяясь и приобретая новые формы, невидимые для правоохранительной системы, захватывает все новые и новые позиции в государстве.

Важным условием для более эффективного противодействия организованной преступности в Казахстане является создание самостоятельного органа, обеспечивающего данный процесс.

Об этом справедливо отмечал известный российский ученый В.Г. Гриб, по мнению которого, эффективной борьбе с организованной преступностью мешает наличие проблемы несоответствия современного состояния организованной преступности, масштабов ее деятельности и организационно-управленческой структуры специализированных подразделений, осуществляющих борьбу с ней [19. стр. 3].

На необходимость создания данного органа в виде специальной комиссии в составе Совета безопасности при Президенте Республики Казахстан указывал еще в 1996 году профессор И.И. Рогов на международной научно-практической конференции, посвященной вопросам борьбы с организованной преступностью и коррупцией [20. стр. 33-36].

История службы по борьбе с организованной преступностью начинается с создания отдела по борьбе с организованной преступностью в 1988 году в составе Управления уголовного розыска МВД Казахской ССР. Создание указанного подразделения было связано с противостоянием получившему широкое распространение в то время вымогательству (рэкету), как правило, в отношении представителей коммерции.

Неслучайно в 1990 году в составе Управления уголовного розыска МВД Казахской ССР, как и во всех бывших союзных Республиках, отдел по борьбе с организованной преступностью был переименован в шестой отдел, в составе которого в МВД КазССР были созданы три отделения.

Затем, согласно Указу Президента Республики Казахстан от 17 марта 1992 года, межрегиональное управление по борьбе с организованной преступностью преобразовано в Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией со штатной численностью 115 единиц и большими полномочиями, с возложением на него задач по выявлению, пресечению и расследованию деятельности организованных преступных сообществ.

В первые годы функционирования данного подразделения были достигнуты определенные результаты в оперативно-служебной деятельности. Итоги полугодовой работы вновь созданного Главного управления были доведены до сведения общественности на страницах газеты «Казахстанская правда» его первым начальником полковником милиции А.М. Бейсеновым (в последствии ставшим заместителем министра внутренних дел РК, затем начальником Академии МВД РК, получившим звание генерал-майора милиции и ученую степень кандидата юридических наук) в статье «Наступление на организованную преступность» [21].

В 1995-1996 годах Главное управление по борьбе с организованной преступностью успешно функционировало в составе Государственного следственного комитета Республики Казахстан и называлось Департаментом специальных расследований. Штат указанного департамента составлял 80 человек.

А затем результаты оперативной активности данного подразделения, судя даже по его статусу и штатной численности, функционировал в виде Центра, Департамента, Управления в структуре МВД Республики Казахстан, но постепенно пошел на спад.

В настоящее время МВД Республики Казахстан вновь стало обеспечивать противодействие организованной преступности, так как в структуре МВД РК стал функционировать данный орган, созданный в рамках реализации указания Президента Республики Казахстан К-Ж.К. Токаева в июне 2022 года Департамент по противодействию организованной преступности МВД Республики Казахстан, который несмотря на непродолжительное время, судя по размещенной в средствах массовой информации МВД Республики Казахстан, уже добился значительных результатов в своей работе.

Однако, для более эффективной борьбы с организованной преступностью в Казахстане необходим орган, наделенный достаточными полномочиями и возможностями. Таким органом могло бы стать вновь созданное Агентство по борьбе с организованной преступностью.

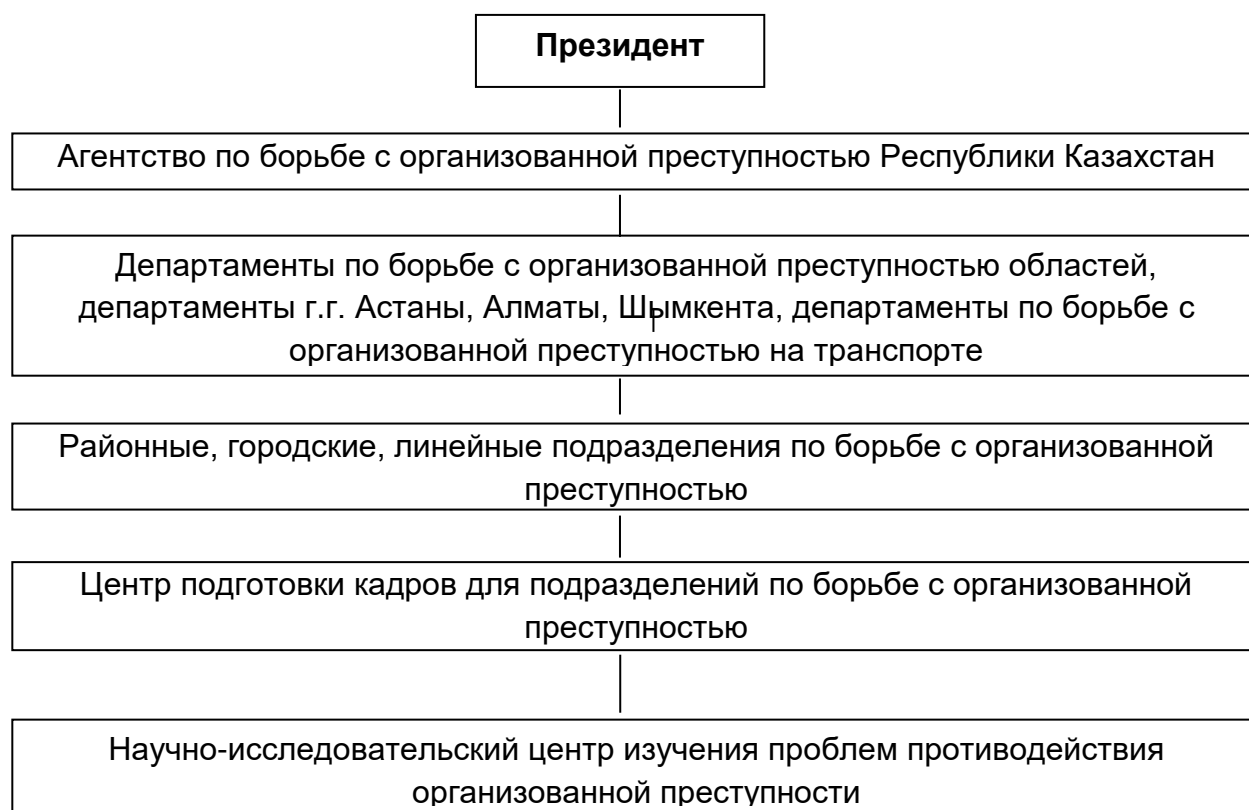
Предусмотрев в структуре нового ведомства подразделения, связанные с подготовкой, первоначальной подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации для него кадров и научным обеспечением его деятельности.

Предполагаемое Агентство позволило бы сосредоточить в одном органе борьбу с организованной преступностью в полном объеме. Речь идет о всех уровнях организованной преступности.

Кроме организационных мер следует для указанного подразделения создать необходимую правовую базу, а также специализированные подразделения в органах прокуратуры, судебных и других правоохранительных органах.

И результаты в борьбе с организованной преступностью, по нашему мнению, скажутся незамедлительно.

Общую организационную структуру подразделений по борьбе с организованной преступностью можно представить в следующем виде.

Список использованной литературы:

1. Организованная преступность: Проблемы, дискуссии, предложения / Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. – М.: Юрид. лит. 1989. – 352 с.
2. Карпец И.И. Наши проблемы // Социалистическая законность. – 1987. – №8. – 57-63 с.
3. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. – СПб: Питер, – 2003. – 864 с.
4. Криминология: Учебник / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. – М.: Издательство БЕК, – 1998. – 566 с.
5. Акимжанов Т.К. Основы противодействия организованной преступности на современном этапе (Криминологические и уголовно-правовые аспекты): монография. – Алматы, Университет «Туран», – 2018. – 304 с.
6. О национальной безопасности Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года // Правоохранительные органы: сборник законодательных актов. – Алматы, – 2019. – 50-70 с.
7. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674.
8. Алауханов Е.О. Организованная преступность в Республике Казахстан: социальные и процессуально-правовые аспекты. Учебное пособие. – Алматы: Издательство «NURPRESS», – 2012. – 152 с.
9. Криминология: учебник / отв. Ред. В.Е.Эминов. – Москва: Проспект, – 2024. – 368 с.
10. Долгова А.И. Криминология. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА–М., – 1999. – 272 с.
11. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: Издательская группа ИНФРА М–Норма, – 1997. – 383 с.

12. Лунеев В.В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции // Государство и право. – 1996. – № 4.
13. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров//Ю.М.Антонян. – 2-е изд. Перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, – 2013. – 523 с.
14. Криминологическая характеристика и профилактика современных проявлений преступности в Республике Казахстан: Научное издание. – Алматы: Данекер, – 2001. – 381 с.
15. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. — М.: Норма: ИНФРАМ, – 2018. — 352 с.
16. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XXI века. Мировой опыт. — М.: Международные отношения, – 2020. – 288 с.
17. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: монография / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. ст. О.В. Храмова. — Москва: Норма, – 2022. – 184 с.
18. <https://kapital.kz/gosudarstvo/120553/iz-kakikh-stran-v-kazakhstan-vozvrashcheny-naibol-shiye-summy-nezakonno-vyvedennykh-sredstv.html>.
19. Гриб В.Г. Совершенствование и развитие системы специальных подразделений органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом: Сборник научных трудов. – М.: ВШМ МВД России, – 2001. – 3-20 с.
20. Борьба с организованной преступностью и коррупцией: Материалы международной конференции. – Алматы. – 1996. – 347 с.
21. Бейсенов А.М. Наступление на организованную преступность // Казахстанская правда. – 1992. – 10 октября.

Алибекова Асель Муратовна

доцент Кафедры специальных юридических дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПЕРЕЧНЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье автором исследуются признаки экстремизма, проводится анализ состояния отечественного законодательства по противодействию экстремизму в части изучения форм его проявления. В ходе подготовки работы изучены работы ученых по рассматриваемой проблематике, установлены характерные особенности экстремизма. С развитием современных информационных технологий, с учетом достаточно быстрой распространенности информации, в том числе экстремистского характера, возникает необходимость установления уголовной ответственности за распространение информации экстремистского содержания. В связи с чем автором обосновывается необходимость совершенствования уголовного закона в части дополнения новой статьей об ответственности за изготовление, хранение с целью распространения или распространение информации, содержащей экстремистские материалы, в том числе с использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ.

Ключевые слова: экстремизм, формы экстремизма, классификация, цели экстремизма, признаки экстремизма, уголовная ответственность, общественная опасность, противодействие, экстремистские преступления, киберэкстремизм.

Введение. Обеспечение национальной безопасности является ключевым направлением государственной политики Республики Казахстан. В этой связи меры, направленные на противодействие угрозам экстремистской направленности, выступают в качестве приоритетных. В соответствии с пунктом 8 части 1 статьи 6 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» экстремизм в любых формах и проявлениях признается основной угрозой национальной безопасности [1]. Одним из действенных механизмов противодействия экстремизму, противоправным деяниям экстремистского характера представляются меры уголовно-правового характера, реализуемые нормами уголовного закона, предусматривающими ответственность за совершение экстремистских преступлений.

Основная часть.

Согласно определению экстремизма (от лат. *extremus* — крайний, чрезмерный) в энциклопедическом словаре таковым признается

приверженность к крайним взглядам, методам действий (обычно в политике) [2].

Общественная опасность экстремистских проявлений в обществе заключается в их способности посягать на устойчивость государства, создавать угрозу существующему конституционному строю, нарушать конституционные права и свободы граждан. При изучении общественной опасности экстремизма А.М. Арипшев приходит к выводу, что «экстремизм характеризуется сложными составляющими и способностью проникать практически во все сферы общества и государства» и выделяет следующие его характерные признаки:

1. Поддержка крайних политических взглядов.
2. Использование насильственных способов достижения цели.
3. Действия или призывы, направленные на свержение существующего конституционного строя, ущемление прав и свобод граждан по какому-либо признаку, нарушение территориальной целостности страны.
4. Пропаганда исключительности людей, отвечающих каким-либо признакам.
5. Отрицание возможности компромисса» [3. стр. 87].

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицированной Законом Республики Казахстан от 18 апреля 2002 года, экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [4].

В юридической науке в качестве основных форм экстремизма выделяют экстремизм политический (направленный на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры «тоталитарного порядка»), национальный (защита «своей нации», ее прав и интересов, ее культуры и языка с отвержением при этом подобных прав для других), националистический (стремление к отделению, обособлению) и религиозный (проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий либо в жестокое противостоянии в рамках одной конфессии) [5. стр. 30-31].

Д.В. Муленков и Н.В. Филина, отмечая, что «классификация видов и форм экстремизма носит условный характер, так как в жизни формы нетерпимости носят комплексный характер», выделяют следующие их «формы:

- экономический;
- политический;
- националистический (этнический);
- экологический;

- религиозный (конфессиональный);
- духовный;
- социально-протестный;
- информационный (киберэкстремизм);
- спортивный и др. [6. стр. 148].

В поддержку указанной позиции ученых считаем, что формы экстремистских проявлений между собой тесно взаимосвязаны и их достаточно сложно дифференцировать, в связи с чем их деление носит теоретический характер.

Солидарны с мнением М.М. Магомедовой, которая считает, что «националистический экстремизм почти всегда несет в себе элементы экстремизма политического и достаточно часто – религиозного. В свою очередь, политический экстремизм, как правило, имеет в своей основе если не чисто религиозную основу, то псевдорелигиозную. Такая идеология в подавляющем большинстве случаев основана на слепой эмоциональной вере, на «откровении», а не на логических рационалистических принципах. Это подтверждается на примере любого экстремистского движения, псевдореволюционного, националистического или религиозного.

Так, религиозный экстремизм обычно предусматривает не только распространение какой-либо религии, но и создание государственных или административных образований, в которых эта религия стала бы официальной и господствующей. При этом нередко преследуются и чисто экономические и политические цели. Таким образом, религиозный экстремизм несет в себе элементы экстремизма политического. Не менее часто здесь действует принцип, согласно которому представители какого-либо народа или нескольких народов заведомо считаются потенциальными сторонниками определенной религии, а все остальные – ее противниками» [7].

В Республике Казахстан понятие экстремизма законодательно определено Законом Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года, согласно пункта 1 статьи 1 которого под экстремизмом понимается «организация и (или) совершение:

- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;

- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

- насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного

мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

- разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

- разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [8].

Анализ данного понятия показывает, что экстремизм в зависимости от цели совершения экстремистских действий различают политический, национальный и религиозный экстремизм. В целом указанные формы экстремизма в теории юридической науки ранее известны.

Вместе с тем, с учетом стремительного развития и распространения информационных технологий представляется обоснованной позиция Д.В. Муленкова и Н.В. Филина о признании в качестве одной из форм экстремизма информационного экстремизма (киберэкстремизма). По их мнению, «информационный (киберэкстремизм) экстремизм возник в киберпространстве, затрагивает все слои населения (но в основном молодежь), трактуется как деятельность, направленная на создание, хранение и распространение в различных сферах жизни (политической, экономической, религиозной, социальной, культурной и т.п.) информации, содержащей признаки экстремистской деятельности, действующей на сознание человека и подрывающей его психику и сознание» [6. стр. 149]. Степень распространенности информации экстремистского характера сложно установить, контролировать, что требует выработки действенных механизмов противодействия такой форме экстремизма. В целях признания киберэкстремизма в качестве новой формы экстремизма и ее правовой регламентации в качестве одной из экстремистских целей, представляется необходимым дополнить пункт 1 статьи 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» абзацем следующего содержания: «изготовление, хранение с целью распространения или распространение информации, содержащей экстремистские материалы с использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ (киберэкстремизм);».

За совершение деяний, признаваемых в качестве экстремистских преступлений, предусматривается уголовная ответственность. Согласно подпункта 39) статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) 2014 года в качестве таковых признаются деяния, предусмотренные статьями 174, 179, 180, 181, 182, 184, 258, 259, 260, 267, 404 (чч. 2, 3) и 405 УК РК [9].

Признаки указанных в перечне экстремистских преступлений в целом охватываются признаками экстремизма, которые содержатся в Законе «О противодействии экстремизму»: по признакам общественной опасности, направленностью умысла виновных на достижение

экстремистских целей, то есть на насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни; разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию; разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан.

Вне рассматриваемых признаков экстремистских преступлений, на наш взгляд, остаются признаки деяния, направленного на изготовление или распространение информации, содержащих признаки экстремизма. Учитывая степень общественной опасности такого деяния представляется целесообразным предусмотреть уголовную ответственность за указанные действия. В этой связи предлагается УК РК дополнить новой статьей 179-1 в следующей редакции:

«Статья 179-1. Изготовление, хранение с целью распространения или распространение информации, содержащей экстремистские материалы

1. Изготовление, хранение с целью распространения или распространение информации, содержащей экстремистские материалы –

2. Те же действия, совершенные:

1) лицом с использованием своего служебного положения либо лидером общественного объединения;

2) с использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ;

3) с использованием средств, полученных из иностранных источников, –

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи:

1) совершенные группой лиц или группой лиц по предварительному сговору;

2) неоднократно,-».

Кроме того, рассматриваемый новый состав преступления предлагается признать в качестве экстремистского преступления, предусмотреть в перечне преступлений рассматриваемой категории и дополнить подпункт 39) статьи 3 УК РК после цифр «179,» цифрой «179-1,».

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что регламентированные законодательством признаки и формы

экстремизма в целом охватываются нормами уголовного закона, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений, признаваемых в качестве экстремистских. Вместе с тем, развитие информационных технологий по стремительному распространению информации, в том числе содержащих материалы экстремистской направленности, через масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ, требует выработки мер противодействия, прежде всего, уголовно-правового характера. Предлагаемые меры по совершенствованию законодательства по противодействию экстремизму направлены на формирование действенных механизмов защиты национальной безопасности в целом, и на защиту прав и интересов каждого человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. О национальной безопасности Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1200000527> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Российский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. — Т. 2., 1023 с.
3. Арипшев А.М. Экстремизм как общественная опасность и глобальная проблема современности // Журнал прикладных исследований, – 2023. – №8. – 86-90 с.
4. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицирована Законом Республики Казахстан от 18 апреля 2002 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://10.61.42.188/rus/docs/Z020000316_ (дата обращения: 15.05.2025).
5. Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 122 с.
6. Муленков Д.В., Филина Н.В. Понятие, формы и виды экстремизма // Журнал прикладных исследований, 2023. – №1. – 146-149 с.
7. Магомедова М.М. Идеология экстремизма и меры противодействия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/578-ideologiya-ekstremizma-i-mery-protivodeystviya> - (дата обращения: 17.05.2025).
8. О противодействии экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://10.61.42.188/rus/docs/Z050000031_ (дата обращения: 17.05.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://10.61.42.188/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 17.05.2025).

Аманғалиева Аружан Жанболатқызы
магистрант Карагандинской академии Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Б. Бейсенова

ТЕОРЕТИКО ПРИКЛАДНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДОЛГОСРОЧНОГО ХРАНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико прикладные основы выявления, фиксации, верификации и долгосрочного хранения цифровых доказательств в условиях стремительной цифровизации. Автор подчёркивает уязвимость электронных данных к несанкционированным изменениям и акцентирует внимание на необходимости использования специализированных технических средств, криптографических методов и процессуальных гарантий для сохранения их аутентичности, и юридической силы. Отмечаются правовые и этические ограничения при сборе информации, проблемы трансграничного обмена данными, а также риск технологического устаревания форматов и носителей.

Ключевые слова: цифровые доказательства, фиксация данных, верификация, долгосрочное хранение, цифровая криминалистика, криптографическая защита, процессуальные гарантии.

В новейшей правовой парадигме проблематика выявления, фиксации и консервации цифровых доказательств выдвигается в число наиболее значимых и одновременно методологически сложных направлений научного поиска. Всеобъемлющая цифровизация социальных процессов, экспоненциальный рост объёмов, обрабатываемых данных и появление принципиально новых форм сетевого взаимодействия порождают широкий спектр вопросов, связанных с достоверностью, непротиворечивостью и юридической валидностью электронных свидетельств, способных играть решающую роль как в судопроизводстве, так и в иных правоприменительных процедурах.

В этих условиях особую актуальность приобретает комплексный анализ процедур идентификации, извлечения, верификации и архивного хранения цифровых артефактов, предполагающий синтез высокоточных технических методик и процессуальных гарантий, направленных на укрепление объективности судебного познания и обеспечение справедливости правосудия. В отличие от материальных вещественных доказательств, а также традиционных документальных источников, подлинность и целостность которых поддаются оценке посредством визуальной экспертизы или иных аналоговых приёмов, электронные данные характеризуются высокой степенью подверженности несанкционированным модификациям.

Малейшая задержка либо ошибка на этапе детектирования релевантных фрагментов информационной среды способна обернуться безвозвратной утратой ценной доказательственной базы, поскольку динамичная природа цифрового пространства обуславливает непрерывное обновление, перезапись и потенциальное стирание следов произошедших событий [1. стр. 125]. В связи с этим критически важным представляется использование специализированных инструментов и процедур, обеспечивающих оперативную и корректную фиксацию электронных объектов с сохранением их исходной структуры, метаданных и параметров функционирования. Только при строгом соблюдении указанных требований удаётся гарантировать юридическую состоятельность и убедительность полученных цифровых доказательств в рамках последующей экспертной оценки. Еще одним проблемным аспектом является необходимость учитывать правовые и этические границы при сборе цифровых свидетельств, поскольку чрезмерное или неправомерное проникновение в сферу информационной безопасности, нарушение тайны переписки и прочие сопутствующие факторы могут поставить под сомнение допустимость такого рода улик.

Правовое регулирование в данной области не всегда успевает за стремительным технологическим прогрессом, и разночтения в действующих нормах или их неполнота нередко приводят к спорным ситуациям, когда одни и те же цифровые артефакты могут интерпретироваться сторонами судебного процесса по-разному. Сохраняется важность строгого соблюдения процессуальных норм, регламентирующих порядок исследования, вскрытия, опечатывания и изъятия электронных носителей, особенно в условиях трансграничных расследований или, когда речь идет о сервисах, географически или юридически находящихся под юрисдикцией разных стран.

С учетом этого возрастает роль гармонизации международного законодательства, разработка единых подходов к формированию цифрового досье и подготовка квалифицированных специалистов, способных с высокой точностью и в соответствии с установленными процедурами извлекать релевантные фрагменты цифровой среды.

Не менее значимым моментом является вопрос аутентичности цифровых доказательств. В условиях, когда программные средства для фальсификации, например, изображений, аудио- и видеозаписей, становятся все более доступными, приоритетным остается применение криптографических методов, позволяющих защитить документы, логи, электронные письма и другие элементы структуры данных от несанкционированного изменения.

Доказательство подлинности включает в себя не только подтверждение идентичности содержимого, но и детальное описание цепочки его передачи: кто, когда и при каких обстоятельствах совершал операции с этим контентом. В цифровой среде эта задача усложняется, поскольку все операции, включая копирование и перемещение

электронных файлов, должны быть должным образом зафиксированы и протоколированы, чтобы не допустить утраты значимых сведений и сохранить корректный таймлайн событий [2. стр. 46]. Наряду с этим одним из самых критичных факторов в хранении цифровых доказательств выступает учет возможностей технологического устаревания форматов и носителей. Человечество пока не обладает многовековой традицией архивирования цифровой информации, поэтому сценарии долгосрочного хранения – десятилетиями – вызывают вопросы относительно надежности электронных архивов, программного обеспечения, способности восстанавливать зафиксированные данные, а также совместимости современных систем с будущими поколениями аппаратно-программных комплексов.

В частности, если юридическое разбирательство требует повторения или пересмотра доказательственной базы спустя годы или десятилетия, критически важно, чтобы интересующие нас цифровые объекты сохраняли возможность верификации и чтения в аутентичном виде, без превращения в «битый» файл, который уже невозможно толковать или проверять. Проблема цифрового обесценивания информации вследствие быстрого развития технологий требует систематического пересмотра подходов к архивному хранению доказательств, включая создание резервных копий, миграцию данных на новые типы носителей, а также обновление алгоритмов шифрования и проверочных процедур по мере возникновения угроз, связанных с компьютерной безопасностью. Важным аспектом становится и организационное разделение ответственности: в крупных структурах или в ходе многосторонних расследований необходимо четко регламентировать, кто отвечает за первичный сбор материалов, кто за их хранение, а кто за техническую и правовую экспертизу.

Такая распределенная модель позволяет уменьшить риск фальсификаций, обеспечивая независимость проверяющих сторон и доступ к исходным следам. При этом полноценная интеграция технических экспертов и юристов в единый механизм способствует комплексной валидации данных, снижая вероятность, что некорректное применение методики или ошибка в процедурных шагах приведут к утрате доказательственной ценности электронных артефактов [3. стр. 64]. Если в традиционных аналоговых расследованиях фактор времени играет немаловажную, но в целом предсказуемую роль, то в цифровой среде существенным вызовом становится скорость исчезновения данных и постоянные преобразования систем.

Оперативный анализ лог-файлов, журналов сетевых событий, коммуникационных транзакций, сообщений в мессенджерах или комментариев на платформах социальных медиа требует не только отлаженных алгоритмов автоматизированного поиска, но и четко выстроенных инструкций, регламентов, чтобы правоохранительные органы или иные уполномоченные организации могли незамедлительно

предпринять меры по копированию, запечатыванию и дальнейшему хранению выявленных цифровых следов. В противном случае пропуск даже короткого промежутка времени способен привести к тому, что вещественные доказательства будут утеряны навсегда и преступление или правонарушение останется без надежной доказательной базы. В современных условиях возросла роль облачных технологий и распределенных систем хранения данных.

С технической точки зрения, поиск и изъятие необходимых файлов, расположенных в разных физически удаленных дата-центрах, требует специализированных знаний и инструментов цифровой криминалистики, чтобы гарантировать корректность и полноту копирования всех необходимых сегментов. Параллельно, юридические ограничения, связанные с транснациональным правовым пространством, могут осложнять получение ордеров и запросов на выдачу информации из-за рубежа [4. стр. 46]. Вследствие этого расследования, в которых задействованы международные элементы, требуют длительной координации между разными юрисдикциями и пристального внимания к тому, каким образом получены цифровые доказательства и в каком виде они будут представлены в суде. Специальные протоколы, ориентированные на взаимодействие между уполномоченными органами разных стран, должны учитывать и порядок локализации данных, и особенности работы облачных провайдеров, и потенциальные угрозы, связанные с разглашением или компрометацией конфиденциальной информации. Вопросы криптографической защиты встают особенно остро, так как даже при корректном сборе сведений остается риск, что третьи стороны смогут внести изменения в файлы или метаданные до их передачи в руки экспертов. Поэтому зачастую практикуется использование цифровых подписей, включение в структуру доказательства контрольных сумм и геш-сумм, позволяющих автоматизированно верифицировать целостность информации.

Применение описанных процедур существенно укрепляет доверие к электронным уликам, создаёт инфраструктуру прозрачности и полноценной прослеживаемости, что является определяющим критерием при их оценке судьёй либо иными уполномоченными субъектами. Одновременно процесс изъятия цифровых артефактов обязан подчиняться принципу минимального вмешательства, исключающему так называемый эффект разрушения — ситуацию, при которой сами действия эксперта изменяют конфигурацию системы и тем самым искажают первоначальное состояние доказательственного материала. Так, при обращении к содержимому мобильного устройства или удалённого сервера допустимо использовать исключительно сертифицированные аппаратно программные комплексы и регламентированные методики, гарантирующие максимальную неизменность исходных логических блоков и позволяющие детектировать возможные попытки внешнего воздействия [5. стр. 251]. Игнорирование

этих требований неизбежно создаёт процессуальные риски: защита вправе поставить под сомнение достоверность всей доказательственной базы, сославшись на нарушение установленной процедуры либо отсутствие надлежащих гарантий аутентичности.

Современная теория и практика акцентируют внимание на системной оценке рисков, детерминирующих «хрупкость» цифровых доказательств. Во-первых, любые сложные информационные инфраструктуры потенциально уязвимы перед кибератаками, направленными на удаление либо модификацию файлов с целью сокрытия следов противоправной деятельности. Во-вторых, человеческий фактор не утрачивает значимости даже при использовании передовых технологий: применение неподходящих инструментов, недостаточная квалификация специалистов, банальная невнимательность или игнорирование инструкций способны привести к фатальным ошибкам на стадиях извлечения и архивирования данных. В-третьих, действующая нормативная база пока не охватывает всё многообразие электронных форматов, которые могут фигурировать в судебном процессе, что порождает правовые коллизии и усложняет процедуру легитимации новых видов цифровых улик.

Поскольку цифровая среда развивается с опережающей скоростью, сохранение целостного и объективного подхода к проблеме сбора и долговременного хранения электронных доказательств возможно лишь при постоянном взаимодействии юристов, ИТ экспертов и государственных органов. Лишь скоординированные усилия позволят сформировать универсальные методологические стандарты, одновременно отвечающие международным правовым требованиям и практическим запросам пользователей, коммерческих структур, правоохранительных органов и судебной системы.

Ключевым элементом этого процесса выступает непрерывное повышение квалификации специалистов, обязанных разбираться в тонкостях технологических инноваций, владеть методами цифровой судебной экспертизы и грамотно учитывать правовые аспекты, связанные с защитой персональных данных и правом на неприкосновенность частной жизни. В синергии технической компетентности, юридической подкованности и этической ответственности заключена реальная возможность выстроить надёжную систему обращения с цифровыми доказательствами, способную обеспечить справедливое судебное разбирательство и содействовать установлению истины в делах, где электронная информация играет ключевую роль.

Список использованной литературы:

1. Романова Г.В. Цифровые доказательства: особенности и проблемы формирования // Уголовная политика в условиях трансформации: сборник статей материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Отечество, 2022. – С. 123-128.

2. Камерцель И.Е., Таныкпаева Б.Е. Анализ цифровых доказательств с помощью цифровой форензики // Инновационные подходы в современной науке: сборник статей по материалам CLXI международной научно-практической конференции. – М.: ООО «Интернаука», 2024. – С. 44-49.

3. Гусева И.И., Коробова И.В. К вопросу об использовании цифровых доказательств в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11-2. – С. 63-65.

4. Жмурова А.И., Вытовтов А.Е. К вопросу об использовании электронных (цифровых) доказательств в уголовном судопроизводстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2(16). – С. 44-50.

5. Трусова Д.А. Понятие доказательств в уголовном судопроизводстве в эпоху цифровой реальности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 9-1(72). – С. 250-252.

Амерханов Руслан Айткалиевич
доцент Кафедры общеправовых дисциплин Института
послевузовского образования Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОБМАН ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основания привлечения к административной ответственности за обман потребителей в Республике Казахстан. Анализируются нормы Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, регулирующие ответственность за обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуг) или иной обман потребителей. Особое внимание уделяется содержанию и форме обмана как способа совершения административного правонарушения.

Ключевые слова: обман, обмеривание, обвешивание, обсчет, ложные сведения, умалчивание, информация, товар, услуга, пассивное поведение.

Введение. Обман потребителей – это одно из самых распространенных правонарушений в обществе, где, к сожалению, присутствуют элементы привыкания населения к регулярным фактам нарушений режима законности и правопорядка.

Потребитель – физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести, либо заказывающее, приобретающее и (или) использующее товар (работу, услугу) исключительно для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью [1].

Каждый второй покупатель был хоть раз, но был обманут при покупке товара или оказания услуг. Чаще всего такое происходит на торговых рынках. Многие продавцы, или лица, оказывающие услуги по своей сути, являются отличными психологами, что позволяет им быстро сориентироваться, как и на ком заработать деньги нечестным путем.

Как правило, в большинстве случаев лица, обманутые при покупке товара или оказания услуг, не пытаются защитить свои права как потребителя, по следующим причинам: нежеланием тратить личное время и нервы на разбирательства, отсутствием веры в правосудие, правовая неграмотность и т.п.

Последствия обмана губительны не только для отдельно взятого потребителя, но и для всего общества в целом.

Основная часть. Согласно части 1 статьи 190 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП РК) под обманом потребителей понимается обмеривание, обвешивание, обсчет,

введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуг) или иной обман потребителей индивидуальными предпринимателями или организациями, осуществляющими торговую деятельность и оказание услуг [2].

Обмеривание и обвешивание (недолив, недовес, недовложение и т.п.) представляют собой передачу товаров в размере, не соответствующем заключенному договору и установленным требованиям либо иным условиям, определяющим вес, объем и иные количественные параметры, передаваемого товара. При этом не имеет значения способ, которым были изменены с отступлением от стандарта или договора, количественные параметры товара, например в случае предварительного расфасовывания.

Обсчет (неправильное исчисление цены товаров или услуг, неправильная сдача денег потребителю и др.) представляет собой отступление продавцом или лицом, оказывающим услугу, от заранее условленной либо объявленной цены без ведома потребителя. Обсчетом может быть также заведомо неправильное указание цены, если ее размер определен правовыми актами и не устанавливается по соглашению с потребителем.

Введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуг) есть передача заведомо искаженной информации или не предоставление той информации, которую продавец или лицо, оказывающие услугу обязано было предоставить в целях воздействия на принятие решения потребителем. Искажением является несоответствие информации, которую должен получить потребитель, реальным свойствам и качеству реализуемого товара или оказываемой услуги.

Иной обман потребителя должен быть направлен на дезориентацию потребителя относительно значимых для него условий договора.

В общественных отношениях всякий обман – отрицательное явление, порицаемое моралью.

По содержанию обман всегда представляет собой определенное общение между людьми, в котором с одной стороны выступает лицо, сообщаемое ложные сведения, неправду (обманивающий), а с другой — обманиваемый, которому адресуют ложные сведения. Содержание такого общения составляют ложные сведения об обстоятельствах, в отношении которых виновный вводит обманиваемого в заблуждение.

Ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям [3. стр.600].

Ложные сведения, то есть неправда, при обмане представляют собой сведения, не соответствующие действительному положению дел, искажающие истину. Под истиной понимается соответствие представлений или утверждений реальному положению дел [4. стр.167].

Искажая истину при обмане, виновный извращает, фальсифицирует сведения (представления) о соответствующих обстоятельствах. Причем вместо истинных, действительных сведений о тех или иных фактах лицо в полном или частичном объеме сообщает ложные, неправдивые сведения. В таких случаях виновный одновременно умалчивает о действительном положении дел, утаивает истинные сведения. Так, при клевете виновный, распространяя заведомо ложные, позорящие другое лицо измышления, одновременно умалчивает, утаивает истинные сведения.

В некоторых случаях обманывающее лицо может не располагать вообще никакими сведениями о тех или иных обстоятельствах, но сообщать о них целиком ложные, вымышленные суждения (измышления).

Содержание обмана образует не только сообщение ложных сведений, но и умолчание, не сообщение о тех сведениях, которые виновный должен был сообщить. В данном случае ложная информация не передается обманываемому лицу. Однако, в силу того, что обманывающий не сообщает сведений, которые он должен был сообщить, «умалчивает», «утаивает» их, обманываемый воспринимает факты, обстоятельства реальной действительности неправильно, в искаженном виде. Этому, как правило, предшествует заблуждение лица, возникшее помимо воли виновного. Умалчивая о соответствующих обстоятельствах, не сообщая тех сведений, которые он должен был сообщить, обманывающий либо укрепляет такое заблуждение, либо иногда способствует его возникновению. Умолчание о соответствующих сведениях может быть отнесено к обману лишь в том случае, если обманывающий был обязан сообщить о таких сведениях, что должно было предотвратить заблуждение обманываемого, либо устранить уже возникшее, помимо воли виновного лица, заблуждение и обусловленное таким заблуждением поведение лица, подвергшегося обману.

Наиболее общие виды обмана, в зависимости от обстоятельств, образующих его содержание, могут быть сгруппированы следующим образом:

а) обман в отношении предметов (их существования, тождества, количества, размера, качества, цены и т.п.);

б) обман в отношении личности обманывающего, обманываемого или третьих лиц (существования, тождества, особых свойств и личных качеств);

в) обман в отношении юридических лиц (учреждений, предприятий, организаций, государства в целом);

г) обман по поводу различных событий и действий;

д) обман в намерениях (ложные обещания) [5. стр.172].

Содержание обмана, составляющее его основу, сущность, обуславливает его существование в качестве социально-правового явления. Как и всякое явление, обман характеризуется не только содержанием, но и формой, анализ которой позволит выяснить ряд

существенных признаков обмана как способа совершения правонарушения.

Под формой обмана следует понимать его внешнее выражение. Формы обмана многообразны: обман действием, словесный обман, письменный обман и т.д. Все эти формы внешнего проявления обмана, в зависимости от двух видов общественно опасного поведения человека (действия и бездействия), могут быть классифицированы на обман, совершаемый путем действия (активная форма поведения обманывающего), и обман, совершаемый путем бездействия (пассивная форма поведения). Для первого характерно сообщение ложных сведений, для второго – умолчание, несообщение тех сведений, которые субъект должен был сообщить. Такая классификация является наиболее общей и охватывает все возможные формы обмана.

Обман, совершаемый в форме активного поведения (обман действием в широком смысле слова), можно подразделить на словесный (вербальный) обман и обман действием (в узком смысле слова).

Словесный (вербальный) вид обмана характеризуется тем, что виновный сообщает ложные сведения, искажает истину при посредстве слов. Здесь в основе обмана лежит человеческая речь, которая является самым распространенным и универсальным средством взаимовлияния людей друг на друга в процессе общения.

Словесный обман может быть совершен как в устной, так и в письменной форме. В обоих случаях искажение истины осуществляется виновным при посредстве слов. Оба они выражаются в словах, хотя в первом случае словесная форма представляет собой способ запечатления мысли человека при помощи специально созданных начертательных знаков, образующих слова, а во втором случае слова выражаются устно [6. стр.30-54].

Обман в устной и словесной форме выражается в сообщении ложных сведений путем произнесения слов.

Обман в письменной форме представляет собой искажение истины в письменных актах (документах).

Обман действием. Данный вид обмана, совершаемый в форме активного поведения, выражается в действиях, поступках, телодвижениях, жестах обманывающего, «конклюдентных действиях», на основании которых можно сделать заключение об утверждении либо отрицании тех или иных фактов. Следовательно, при данном виде обмана виновный совершает действия, которые несут информационную нагрузку и с помощью которых обманываемому лицу сообщаются ложные сведения относительно определенных обстоятельств для введения его в заблуждение. Фактически действия выступают здесь заменителями слов для передачи ложной информации обманываемому лицу.

Обман в форме пассивного поведения (обман бездействием) заключается в умолчании, несообщении тех сведений, которые лицо должно было сообщить. Умолчание о сведениях, которые виновный

должен был сообщить, может оказывать различное влияние на обманываемого. В некоторых случаях бездействие вызывает заблуждение лица, которому виновный не сообщает соответствующих сведений.

Заключение. Таким образом, обман как способ совершения правонарушения – это умышленное сообщение обманывающим другому лицу (обманываемому) ложных сведений о соответствующих обстоятельствах или же умолчание о сведениях, сообщение которых было обязательным, с целью ввести его в заблуждение для достижения тех или иных не законных целей.

Согласно Закону Республики Казахстан от 4 мая 2010 года №274-IV «О защите прав потребителей», потребитель имеет право в получении информации о товаре (работе, услуге), а также о продавце (изготовителе, исполнителе), а продавец (изготовитель, исполнитель) обязан предоставить информацию о товаре (работе, услуге), а также о продавце (изготовителе, исполнителе) [1].

Исходя из вышесказанного, считаем, что такое административное правонарушение как обман потребителей может совершаться не только путем действия (обмеривание, обвешивание, обсчет т.д.), но и путем бездействия (введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуг)), не предоставления той информации, которую продавец или лицо, оказывающие услугу обязано было предоставить в целях воздействия на принятие решения потребителем.

Список использованной литературы:

1. О защите прав потребителей: Закон Республики Казахстан от 4 мая 2010 года № 274-IV.
2. Об административных правонарушениях Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК.
3. Криминалистика: учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 712 с.
4. Философия: Учебник; под. ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатовой. – М.: Русское слово, 1997.
5. Криминалистика: Учебник для вузов. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
6. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество. Вопросы квалификации. – М.: Юрид. лит., 1971. – 168 с.

Аубакирова Индира Ураловна

директор Института законодательства и правовой информации
Министерства юстиции Республики Казахстан, доктор юридических наук,
профессор

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В КАЗАХСТАНЕ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ: МЕЖДУ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ И ПРАВОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ

Современный этап развития Казахстана происходит в условиях беспрецедентных глобальных трансформаций. Усиление международной нестабильности, обострение геополитической конкуренции, эрозия норм международного права ставят ныне перед всеми государствами задачу выработки устойчивых моделей внутренней консолидации и правовой модернизации. Как подчеркнул Глава государства: «Сегодня все мы являемся свидетелями масштабной трансформации мира. Беспрецедентная конфликтность, острый кризис взаимного доверия, ползучая эрозия международного права, экономические войны стали неотъемлемой частью нынешней ситуации в мире».

Институциональные реформы, осуществляемые в Казахстане, являются не ситуативной реакцией на вызовы времени, а стратегической инициативой, направленной на укрепление суверенитета, демократических механизмов, системы сдержек и противовесов, а также устойчивого правового порядка. Речь идёт о переходе от суперпрезидентской модели управления к сбалансированной системе взаимодействия ветвей власти. Основной задачей выступает построение «сильного Парламента – подотчётного Правительства» и вовлечение общества в процесс принятия решений.

В рамках конституционной реформы 2022 года ограничены полномочия Президента, введена смешанная избирательная система, расширены полномочия Мажилиса и маслихатов. Значительные изменения затронули сферу защиты прав человека. Возрождён Конституционный Суд с правом индивидуального обращения граждан. Укреплены полномочия Уполномоченного по правам человека, а также введены омбудсмены по правам детей, студентов и предпринимателей. Впервые расширена подсудность суда присяжных, что является важным элементом повышения доверия к судебной системе. Принят закон, неформально называемый «Законом Салтанат», ужесточивший ответственность за бытовое насилие: теперь побои и причинение лёгкого вреда здоровью в быту рассматриваются как уголовные преступления, исключена возможность примирения сторон.

Эти нормы демонстрируют решимость государства защищать неприкосновенность личности и права уязвимых категорий граждан. Глава государства прямо заявил: «В Казахстане не должно быть места

бытовому насилию. Мы должны обеспечить подлинную неприкосновенность личности и безопасность каждого гражданина».

Параллельно реализуется новая антикоррупционная политика. Введены механизмы всеобщего декларирования, усилен общественный и парламентский контроль за деятельностью государственных и квазигосударственных органов. Ужесточены требования к прозрачности бюджетных расходов, ограничены наличные расчёты, а также расширена ответственность за сокрытие конфликта интересов. Однако принципиально важно, что антикоррупционная повестка выходит за пределы карательной логики и акцентирует внимание на институциональной профилактике. Создаются условия, при которых коррупция становится невыгодной, рискованной и социально неприемлемой.

Институциональные преобразования охватывают также гражданское общество. Национальный курултай аккумулирует предложения по модернизации разных сфер жизни, включая образование, культуру, молодежную политику, правовую реформу. Ассамблея народа Казахстана продолжает выполнять важную интеграционную функцию, способствуя укреплению межэтнического мира, единства и правовой консолидации на принципах толерантности и гражданского равенства. Развиваются цифровые формы участия: запущен механизм онлайн-петиций, упрощены процедуры регистрации неправительственных организаций.

В социально-экономической сфере реализуются меры по демонополизации, стимулированию предпринимательства, обеспечению справедливого перераспределения ресурсов и устойчивому региональному развитию. Созданы три новые области, что усилило управляемость и доступность госуслуг на местах. Поддержка получает реальный сектор экономики, создаются стимулы для технологического обновления и цифровизации, внедрения искусственного интеллекта.

Примечательно, что институциональные реформы в Казахстане разворачиваются в русле фундаментального правового принципа, сформулированного Г. Радбрухом, что любые модернизационные усилия теряют смысл без прочного правового фундамента, без доверия к закону, его предсказуемости и непротиворечивости. Правопорядок, основанный на верховенстве закона, не только ограничивает власть, но и делает её легитимной и устойчивой.

Вместе с тем, для обеспечения дальнейшей институциональной устойчивости Казахстану необходимо двигаться по нескольким направлениям. Важнейшей задачей остаётся укрепление независимости и транспарентности судебной власти. Следует завершить реформу местного самоуправления, обеспечить подлинную бюджетную и кадровую самостоятельность на уровне районов и городов. Требуется системная ревизия законодательства с целью устранения правовых коллизий и повышения юридической техники.

Основной вызов остаётся формирование высокой правовой культуры – как среди государственных служащих, так и в обществе в целом, поскольку никакие институты не смогут функционировать эффективно без ценностной основы уважения к праву.

Завершая, отметим, сегодня Казахстан демонстрирует стремление к построению современного государства, способного адаптироваться к вызовам XXI века. Это путь не только институциональной трансформации, но и глубинного правового обновления, обеспечивающего прочную связь между модернизацией и устойчивостью, между властью и ответственностью, между Законом и Справедливостью.

Джумабеков Азамат Маратович
помощник Генерального Прокурора Республики Казахстан,
магистр юридических наук

Маханов Талгат Габитович
старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного
процесса Межведомственного научно-исследовательского института
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, магистр юриспруденции

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ПО СБОРУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ВОЗВРАТУ АКТИВОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу международных и национальных правовых норм, и механизмов возврата активов, приобретенных преступным путем. Рассматриваются ключевые международные конвенции, такие как Конвенция ООН против коррупции, Палермская и Варшавская конвенции, а также рекомендации ФАТФ. Анализируются сложности доказывания преступного происхождения активов, влияние офшорных зон и эффективность международного сотрудничества. Особое внимание уделяется имплементации международных норм в национальное законодательство и возможностям упрощения процедур конфискации. Авторы предлагают способы совершенствования законодательных и институциональных механизмов для повышения эффективности борьбы с отмыванием доходов и незаконным обогащением.

Ключевые слова: активы, имущество, деньги, преступление, конвенция, имплементация, стандарты, договор, доказательство, конфискация, рекомендации.

Введение. В современном мире активы могут быть перемещены, переведены и конвертированы различными способами. Это позволяет гражданам беспрепятственно пользоваться своим имуществом, деньгами в любой точке мира.

В то же время это облегчило жизнь и организованной преступности, члены которых могут использовать отдельные инструменты для дистанцирования от своих преступлений и скрывать свои незаконные доходы, иными словами завуалировать происхождение активов. В результате правоохранительным органам очень сложно доказать связь активов с преступными деяниями.

Даже если получение доказательств потенциально возможно, то время и ресурсы, необходимые государству для этого, оказываются недоступными (сложность взаимодействия между государствами, нелегальные активы смешиваются с легальными активами, активы перемещаются через

офшорные зоны) или неразумными (стоимость процесса возврата превышает стоимость самих активов).

Чтобы исключить возможность преступникам пользоваться «плодами» совершенных преступлений, странам следует внедрить более широкие механизмы возвращения активов, которые могут облегчить компетентным органам конфискацию незаконных доходов.

Именно для этого государства разрабатывают соответствующее законодательство, имплементируют международные нормы и стандарты, создают специальные подразделения, а также совершенствуют практическую деятельность.

Актуальность многостороннего сотрудничества обусловлена сложностью выявления и возврата активов, полученных преступным путем, в условиях глобализации экономики. Преступники используют современные финансовые инструменты и офшорные схемы для сокрытия незаконных доходов, что затрудняет их конфискацию.

В этой связи международное сотрудничество и внедрение эффективных механизмов взаимодействия становятся ключевыми факторами успешного возврата похищенных активов.

Результаты, дискуссии. Если говорить о законодательстве, то на сегодня многие страны унифицировали свое право в области возврата активов. Этому способствовало их участие в различных международных многосторонних соглашениях (см. табл. 1.).

Таблица 1. Международная законодательная база по вопросам возврата активов

№	Наименование	Дата документа
1	Конвенция ООН против коррупции	31.10.2003
2	Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом	15.06.2001
3	Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская Конвенция)	13.12.2000
4	Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йоркская Конвенция)	10.01.2000
5	Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок	21.11.1997
6	Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская Конвенция)	20.12.1988
7	Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию	27.01.1999
8	Конвенция Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбургская Конвенция)	08.11.1990
9	Межамериканская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам	23.05.1992

10	Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция)	22.01.1993
11	Кишиневская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишиневская Конвенция)	07.10.2002
12	Конвенция Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшавская Конвенция 2005 г.)	16.05.2005

Данный список не является исчерпывающим и пополняется принятием новых правовых актов и документов.

К региональным можно отнести Директивы Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, которые имеют первостепенное значение для Европейского союза (далее – ЕС).

Директивы – это законодательство ЕС, которое страны-члены ЕС имплементируют в свое национальное законодательство.

К примеру, Директива «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмытия денег или финансирования терроризма» регулирует порядок предотвращения использования финансовой системы ЕС в целях отмытия денег и финансирования терроризма.

Согласно данной Директиве под отмытием денег понимается:

- конверсия или передача имущества зная, что данное имущество получено из преступной деятельности или участвуя в такой деятельности, в целях сокрытия или маскировки незаконного происхождения имущества или в целях оказания содействия любому лицу, которое участвует в такой деятельности, избежать правовых последствий действий такого лица;

- сокрытие или маскировка настоящего характера, источника, места, управления (владения), перемещения, прав или прав собственности на имущество, зная, что данное имущество получено от преступной деятельности или участия в такой деятельности;

- приобретение, хранение или использование имущества зная в момент его получения, что данное имущество получено из преступной деятельности или участвуя в такой деятельности;

- участие, соучастие, попытка совершить или предоставление содействия, подстрекательство, создание удобных условий или консультирование осуществляя любое действие, указанное в вышеуказанных пунктах;

- деятельность признается отмытием денег и в том случае, когда действие, в ходе которых получено имущество, которое предназначается для отмытия денег, были осуществлены на территории другого государства или государства, не входящего в Европейский Союз [1].

Необходимо отметить, что, несмотря на статус международных актов, акты Совета Европейского Союза регламентируют

институциональные отношения, складывающиеся внутри и Европейского Союза [2. стр.177].

Для стран Европы международные документы и европейские нормативно-правовые акты формируют стандарты, принятие которых необходимо для надлежащего международного сотрудничества:

- сближение позиций по уголовно-правовой оценке отмыwania капиталов (доходов) в законодательстве государств-участников;
- унификация внутригосударственных мер, направленных на борьбу с легализацией (отмыwанием) денежных средств или иных капиталов, полученных незаконным путем;
- определение наиболее эффективных форм и процедур международного сотрудничества в борьбе с отмыwанием доходов [3. стр.101].

Согласно части 6 статьи 9 Конвенции Совета Европы об отмыwании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (далее – Варшавская Конвенция) каждая Сторона гарантирует, что осуждение за отмыwание денежных средств ... возможно, если доказано, что имущество ... происходит от основного преступления, без необходимости установления какого именно преступления [4].

Из этого можно сделать вывод, что если лицо проводит подозрительные операции с активами, при этом оно не предоставляет достоверные доказательства об их законном приобретении, то компетентные органы могут сделать вывод об их незаконности поскольку им нет необходимости в установлении конкретного преступления (предиката), а делается общий вывод, что активы приобретены в результате основного преступления.

Эта норма открывает возможность переноса бремени доказывания на лицо, совершившее преступление.

Кроме того, в статье 7 Варшавской Конвенции закреплены положения о необходимости наделения судов и уполномоченных органов полномочиями требовать и изымать банковские, финансовые и коммерческие документы. Также государствам рекомендуется применять специальные методы расследования, включающие сбор, таких доказательств как наблюдение, перехват телекоммуникационных сообщений, доступ к компьютерным системам и требование о предоставлении определенных документов [4].

Аналогичные нормы о доказательствах содержатся и в пункте 2 статьи 4 Страсбургской Конвенции.

Наряду с этим, необходимо отметить, что Варшавская Конвенция также определяет перечень предикатных преступлений, которые применяются к отмыwанию денежных средств (см. табл. 2.).

Таблица 2. Перечень предикатных преступлений, которые применяются к отмыванию денежных средств

№	Наименование
1	Участие в организованных преступных группах и вымогательстве
2	Терроризм, включая финансирования терроризма
3	Торговля людьми и незаконный провоз мигрантов
4	Сексуальная эксплуатация, включая сексуальную эксплуатацию детей
5	Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ
6	Незаконный оборот оружия
7	Незаконный оборот краденных и иных товаров
8	Коррупция и взяточничество
9	Мошенничество
10	Фальшивомонетчество
11	Производство контрафактной и пиратской продукции
12	Экологические преступления
13	Убийство, тяжкие телесные повреждения
14	Похищение людей, незаконное ограничение свободы и захват заложников
15	Разбой или кража
16	Контрабанда
17	Вымогательство
18	Подделка документов
19	Пиратство
20	Торговля инсайдерской информацией и манипулирование рынком

Согласно части 7 статьи 9 Варшавской Конвенции каждая Сторона должна обеспечить, чтобы основные преступления для отмывания денег включали совершение деяний в другом государстве, которые там образуют состав преступления, и которые бы образовывали состав основного преступления, будь оно совершено в первом государстве. Любая Сторона может предусмотреть, что единственным необходимым условием является то, что поведение могло бы образовывать состав преступления, будь оно совершено в этом государстве [4].

Таким образом, Конвенция поощряет общие единые стандарты, касающиеся основных преступлений для отмывания денег. Это означает, что единообразие норм в вопросах доказывания отмывания денег позволит государствам эффективнее взаимодействовать между собой.

Также, важное значение в вопросах возврата активов имеет Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), в которую входят 40 членов: 38 юрисдикций и 2 региональные организации (Совет сотрудничества стран Персидского залива и Европейская комиссия).

Кроме того, ассоциированными членами или наблюдателями ФАТФ являются свыше 30 международных и региональных организаций.

Рекомендации данной организации регламентируют комплекс мер, необходимых для противодействия отмыванию денег, а также финансированию распространения оружия массового уничтожения и терроризма.

Из пункта 36 пояснительной записки к Рекомендации 3 ФАТФ странам следует немедленно принять меры для присоединения к Венской конвенции 1988 года, Палермской конвенции 2000 года, Конвенции ООН о борьбе с коррупцией 2003 года и Конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года и полного их выполнения.

Где применимо, странам также рекомендуется ратифицировать и выполнять другие соответствующие международные конвенции, такие как Конвенция Совета Европы о кибернетических преступлениях 2001 года, Межамериканская конвенция против терроризма 2002 года и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, и борьбе с финансированием терроризма 2005 года [5].

По смыслу пояснительной записки участие в данных Конвенциях способствует достижению реализации задач по противодействию отмывания денег, а также финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

В целом, несмотря на рекомендательный характер международных конвенций, страны принимают все необходимые меры для внедрения их положений в национальное законодательство, это повышает рейтинг стран и совершенствует правоохранительную деятельность.

Вместе с тем, существует ряд норм, которые не все государства имплементировали в свое право, несмотря на то, что сами Конвенции приняты без оговорок и изъятий. По всей видимости, это зависит от внутренней правовой системы и правового мышления данных стран.

К примеру, статья 20 Конвенции ООН против коррупции закрепляет нормы об уголовной ответственности за незаконное обогащение публичных должностных лиц [6]. Эта статья имплементирована не всеми государствами, в том числе и Казахстаном.

Наряду с этим, не в полной мере реализуются нормы о конфискации имущества без вынесения приговора, закрепленного в Конвенции ООН против коррупции (2003 г.), Венской Конвенции (1988 г.), Палермской Конвенции (2000 г.), Конвенции Совета Европы (2005 г.), Рекомендации 4 ФАТФ и некоторых других.

Так, в части 1 статьи 54 Конвенции ООН против коррупции указано о «принятии таких мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы создать возможность для конфискации такого имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, когда преступник не может быть подвергнут преследованию по причине смерти, укрывательства или отсутствия, или в других соответствующих случаях» [6].

Таким образом, международные конвенции прямо регламентируют право государств на конфискацию активов, если невозможно преследовать непосредственно само лицо.

Заключение. По результатам проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. Современная международная практика возврата активов, полученных преступным путем, развивается в условиях усложняющейся финансовой системы, позволяющей преступникам скрывать незаконные доходы. Несмотря на активное участие многих стран, включая Казахстан, в международных соглашениях, остаются значительные проблемы, связанные с эффективностью механизмов конфискации и возврата активов.

2. Одной из ключевых трудностей является сложность доказывания преступного происхождения активов, особенно в случае их перемещения через офшорные зоны и смешивания с легальными средствами. Как показал анализ, международные документы, такие как Конвенция ООН против коррупции, Палермская и Варшавская конвенции, предоставляют правовые основы для борьбы с отмыванием доходов. Однако их имплементация в национальное законодательство различных государств остается не единообразной, что создает барьеры в международном сотрудничестве.

3. Важным шагом является внедрение стандартов, установленных ФАТФ, включая перенос бремени доказывания на лицо, обладающее активами. Это позволит упростить процедуры возврата и минимизировать возможности уклонения от ответственности. Кроме того, усиление взаимодействия между странами, унификация норм уголовного преследования и расширение практики конфискации без вынесения обвинительного приговора могут повысить эффективность возврата активов.

Таким образом, дальнейшее совершенствование международных и национальных механизмов возврата активов, основанное на интеграции передовых правовых инструментов и международного сотрудничества, является существенным условием успешного противодействия преступлениям данной категории.

Список использованной литературы:

1. Directive (Eu) 2015/849 of the European Parliament and of The Council of 20 May 2015 // Official Journal of the European Union. 5.6.2015, L141/73 [Electronic resource] – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015L0849> (дата обращения: 20.03.2025).

2. Болдырева О.М. Нормативно-правовое регулирование Европейской интеграции: первичное право Европейских Сообществ // Юридическая наука. – 2021. – №4. – 174-177 с.

3. Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем // Московский журнал международного права. – 2001. – №1. – 88-119 с.

4. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (ETS №198, Варшава, 16.05.2005 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/International_legal_documents/Conventions/va_rshav_conv.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

5. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2023_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.03.2025).

Есқалы Нұрғазы Төлегенұлы
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО КОАП РК: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа и значение принципа индивидуализации в административной ответственности по Кодексу Республики Казахстан об административных правонарушениях. Анализируются мнения учёных по данной проблеме. Исследуется цель применения данного принципа в административном правосудии. Проводится сравнительный анализ с уголовным законодательством в части реализации индивидуализации наказания. Особое внимание уделяется применению нормы в порядке сокращённого производства. Подчёркивается значимость практической реализации принципа индивидуализации для повышения доверия к административной юстиции и защиты прав личности. Представленные выводы и предложения направлены на совершенствование административного законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: административная ответственность, индивидуализация, Казахстан, кодекс, правонарушение, правовая природа, принцип, сокращённое производство, справедливость, юридическая защита.

Применение административного взыскания представляет собой форму государственного принуждения за совершение административного правонарушения. В условиях правового государства справедливое и обоснованное назначение взыскания является одним из ключевых направлений административного правосудия.

В процессе назначения административного наказания подлежат всестороннему и полному изучению все относящиеся к делу обстоятельства. Данный принцип закреплён в Главе 7 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее - КоАП РК), в которой регламентирован порядок и принципы назначения административных взысканий.

Согласно части 3 статьи 55 КоАП РК, при наложении административного взыскания на физическое лицо учитываются характер совершенного административного правонарушения, личность виновного, в том числе его поведение до и после совершения правонарушения, имущественное положение, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность [1].

Таким образом, законодатель подчёркивает необходимость индивидуального подхода к каждому случаю правонарушения.

Учитываемые обстоятельства помогают органу, рассматривающему дело, установить не только факт нарушения, но и более глубокие причины и условия, при которых оно было совершено. Именно эти обстоятельства позволяют оценить степень вины лица, его мотивы, уровень общественной опасности деяния, а также перспективы исправления нарушителя.

Безусловно, подобные обстоятельства могут продемонстрировать, в каком психоэмоциональном или жизненном состоянии находился правонарушитель на момент совершения противоправного действия. Учет таких факторов необходим для всесторонней, объективной и справедливой оценки правонарушения, а также для индивидуализации административной ответственности. Более того, они служат инструментом для достижения целей административного взыскания — предупреждения повторных нарушений, восстановления социальной справедливости и обеспечения законности.

В научных кругах все чаще поднимается вопрос об индивидуализации административной ответственности, что обусловлено необходимостью учитывать личность правонарушителя при назначении взыскания. В связи с этим данная тема является актуальной и вызывает научную дискуссию, особенно в контексте поиска баланса между законностью и справедливостью.

По мнению А. Поддубного «индивидуализация административной ответственности — это становление правоприменителем конкретной меры административной ответственности с учетом общественной опасности правонарушения и общественной опасности личности правонарушителя. Иными словами, индивидуализация как принцип административной ответственности должна быть направлена именно на личность правонарушителя» [2. стр.285].

Таким образом, автор даёт содержательное определение рассматриваемому принципу, раскрывая его сущностную направленность — обеспечение справедливого отношения к индивиду в процессе применения наказания.

На основании изложенного можно выдвинуть концептуальное положение о том, что правовая природа процедуры выяснения смягчающих и отягчающих обстоятельств заключается в обеспечении достижения целей административного взыскания, предусмотренных статьей 40 КоАП РК. А для достижения указанной цели необходимо назначение соразмерного и справедливого взыскания, соответствующего конкретным обстоятельствам дела.

Дополняя это понимание Н. Евдеев акцентирует внимание на функциональных условиях индивидуализации. По его мнению, «условием индивидуализации ответственности является наличие альтернативных санкций, а также смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств. Так же, принцип индивидуализации ответственности проявляется в системе относительно определенных санкций» [3. стр.61].

Таким образом, если А.О. Поддубный формулирует понятийную основу принципа индивидуализации, а Н. Евдеев уточняет механизмы его реализации и указывает на условия, при которых индивидуализация становится возможной на практике. Это позволяет глубже понять, как правовую природу принципа, так и его прикладное значение в контексте административной ответственности.

Похожую точку зрения выражает А. Вертинская, которая отмечает, что «от наличия тех или иных смягчающих, или отягчающих обстоятельств при совершении административного правонарушения зависит конкретный вид и размер наказания, которое будет назначено конкретному лицу. В этой связи законодательно определены обстоятельства, которые имеют явное выражение и могут быть точно зафиксированы и определены правоохранительными органами, что в дальнейшем позволит индивидуализировать меру ответственности, которая будет применена к правонарушителю» [4. стр.27].

Таким образом, приведённая позиция подтверждает концептуальное понимание правовой природы индивидуализации административной ответственности.

Игнорирование или формальное отношение к этим обстоятельствам может привести к необоснованному ужесточению ответственности, подрыву доверия к административной юстиции и нарушению прав личности. Следовательно, эти обстоятельства должны не только фиксироваться, но и влиять на меру взыскания, чтобы обеспечить справедливый и сбалансированный подход к наказанию.

Согласно статьи 56 обстоятельствами, смягчающими ответственность за административное правонарушение, признаются: 1) раскаяние виновного; 2) предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий правонарушения, добровольное возмещение ущерба или устранение причиненного вреда; 3) совершение административного правонарушения под влиянием сильного душевного волнения либо при стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств; 4) совершение административного правонарушения несовершеннолетним; 5) совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет; 6) совершение административного правонарушения в результате физического или психического принуждения; 7) совершение административного правонарушения при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержании лица, совершившего противоправное посягательство, исполнении приказа или распоряжения; 8) совершение административного правонарушения впервые по неосторожности [1].

Также в статье 57 КоАП РК перечислены 10 обстоятельств, отягчающих административную ответственность. Эти положения служат ориентиром для правоприменителя при оценке степени вины.

Если смягчающие обстоятельства прямо указаны в диспозиции статьи КоАП РК, они становятся частью правовой конструкции состава. В таком случае повторно устанавливать эти обстоятельства не требуется. Законодатель учёл их заранее, определив соответствующий объём взыскания.

Однако если диспозиция статьи не содержит таких условий, необходимо обратиться к статье 56 КоАП РК. В ней перечислены обстоятельства, которые могут смягчить административную ответственность. Но при этом возникает закономерный вопрос: зачем тогда устанавливать эти факторы, если они не влияют на объём взыскания?

В отличие от уголовного права, в котором смягчающие обстоятельства могут существенно повлиять на вид, срок или размер наказания, в административной юрисдикции их влияние остаётся весьма ограниченным.

Согласно части 2 статьи 55 Уголовного кодекса Республики Казахстан, при наличии смягчающего обстоятельства, не предусмотренного в качестве признака совершенного преступления, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер основного вида наказания не может превышать при совершении:

- 1) уголовного проступка, преступления небольшой или средней тяжести – половины;
- 2) тяжкого преступления – двух третей;
- 3) особо тяжкого преступления – трех четвертей максимального срока или размера, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части уголовного кодекса [5].

Таким образом, в уголовном праве наличие смягчающих факторов прямо ограничивает пределы санкции, что влияет на индивидуализацию наказания.

В административном праве такой связи практически нет. Смягчающие обстоятельства, указанные в статье 56 КоАП РК, подлежат лишь учёту при вынесении постановления. Однако на практике их влияние зачастую сводится лишь к формальной фиксации в решении. Фактически они не обязывают судью или уполномоченный орган уменьшать размер взыскания, если санкция не предусматривает нижнего и верхнего предела. Это делает их роль в административном производстве менее значимой и, по сути, необязательной с точки зрения конечного результата.

Проведённый анализ показывает, что цель принципа индивидуализации в административном праве Республики Казахстан реализуется недостаточно эффективно. Механизмы воздействия данного принципа практически не влияют на выбор и назначение административного взыскания. В результате складывается ситуация, при которой назначение наказания в административных делах зачастую происходит без должного учёта личности правонарушителя и конкретных

обстоятельств дела. Это приводит к противоречию с другим фундаментальным принципом — принципом справедливости. Устранение данного противоречия требует реформирования подходов к реализации индивидуализации в административной ответственности.

Для того чтобы принцип индивидуализации административной ответственности действительно функционировал на практике, в действующее законодательство необходимо внести соответствующие изменения. В частности, предлагается дополнить Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях статьей 57-1 под названием «Назначение более мягкого взыскания, чем предусмотрено за данное административное правонарушение».

Предлагаемая редакция:

Статья 57-1. Назначение более мягкого взыскания, чем предусмотрено за данное административное правонарушение

В случае наличия смягчающего обстоятельства, не предусмотренного в качестве признака состава правонарушения, а также при отсутствии отягчающих обстоятельств, размер основного вида административного взыскания не должен превышать половины от максимального, установленного соответствующей санкцией.

Данный механизм должен применяться и в случае производства по сокращённой процедуре, установленной статьёй 811 КоАП РК.

Реализация такого подхода обеспечит практическую реализацию принципа индивидуализации и позволит учитывать особенности каждой конкретной ситуации при назначении административного взыскания.

Список использованной литературы:

1. Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан: от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК [Электронный ресурс] – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 06.03.2025).
2. А.О. Поддубный, Принцип индивидуализации административной ответственности / А. О. Поддубный // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 2(47). – 282-286 с. – DOI 10.25683/VOLBI.2019.47.256. – EDN ZHVJTF.
3. Н.В. Евдеева, Принципы индивидуализации и целесообразности юридической ответственности: вопросы соотношения / Н. В. Евдеева, П. А. Петров, С. А. Соловьев // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – 58-63 с. – EDN YQQZXM.
4. А.Н. Вертинская, Некоторые аспекты принципа индивидуализации административной ответственности / А.Н. Вертинская, Л.Ю. Понежина // Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 декабря 2019 года / отв. ред.: А.Н. Осяк, Ю.В. Капранова. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 23-29 с. – EDN NUVIFD.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 06.03.2025).

Ешназаров Алмаз Алгазович

заведующий Кафедрой специальных юридических дисциплин Института
послевузовского образования Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
кандидат юридических наук

**ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН:
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. В эпоху цифровизации уголовно-процессуальное законодательство сталкивается с необходимостью адаптации к новым технологическим реалиям. Настоящее исследование посвящено анализу Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан с целью выявления пробелов в регулировании электронных доказательств. Выявлены ключевые недостатки, касающиеся отсутствия специального определения электронных доказательств, ограниченности процедур их получения и исследования, недостаточной регламентации международного сотрудничества. На основе сравнительного анализа с опытом развитых правовых систем предлагаются рекомендации по модернизации национального законодательства.

Ключевые слова: электронные доказательства, цифровые доказательства, уголовный процесс, киберпреступность, доказательственное право, цифровая криминалистика.

Введение. Понимание эволюции информационно-коммуникационных технологий без трансграничных потоков данных и вездесущих систем невозможно. Тем не менее, возможности, которые такая эволюция приносит всем уровням общества, сопряжены с беспрецедентными проблемами в контексте уголовного преследования в киберпространстве [1]. Вместе с тем, национальные законодательства зачастую не успевают адаптироваться к технологическим изменениям, что создает правовые пробелы и практические трудности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года содержит общие положения о доказательствах, которые в определенной мере применимы к цифровой информации. Однако отсутствие специализированного регулирования создает неопределенность в правоприменительной практике и может негативно влиять на эффективность расследования киберпреступлений.

Цель настоящей статьи является анализ действующего казахстанского уголовно-процессуального законодательства с позиции его пригодности для работы с электронными доказательствами и разработка предложений по его совершенствованию на основе международного опыта.

Основная часть. В русском языке термины «электронное доказательство» и «цифровое доказательство» часто используются в юридическом и техническом контекстах, но между ними есть тонкие различия, которые зависят от контекста применения. Разберем их по порядку:

1. Что такое электронное доказательство?

Электронное доказательство — это информация, представленная в электронной форме, которая используется для подтверждения фактов в юридическом процессе. Это более широкий термин, охватывающий любые данные, хранящиеся или передаваемые в электронном виде (например, электронные письма, файлы, скриншоты, данные с устройств и т.д.).

Подчеркивает форму хранения или передачи данных (электронная, а не бумажная).

Если проанализировать законодательство Казахстана, то слово «электронное» встречается в: Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан, Административно процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан, Кодексе о здоровье народа и системе здравоохранения Республики Казахстан, Кодексе о таможенном регулировании в Республики Казахстан, Трудовом кодексе Республики Казахстан, Социальном кодексе Республики Казахстан, Налоговом кодексе, Кодексе об административных правонарушениях Республики Казахстан, Предпринимательском кодексе Республики Казахстан, Земельном кодексе Республики Казахстан, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан, Экологическом кодексе Республики Казахстан, Уголовном кодексе Республики Казахстан, Уголовно-исполнительном кодексе Республики Казахстан, Водном кодексе Республики Казахстан, Кодексе о недрах и недропользовании Республики Казахстан, Кодексе о браке (супружестве) и семье, Бюджетном кодексе Республики Казахстан, Лесном кодексе Республики Казахстан, но часто используется в юридической практике, например, в процессуальных кодексах Республики Казахстан (ГПК, УПК), где говорится об «электронных документах» как доказательствах.

Может включать не только цифровые данные, но и иные электронные (материальные) носители (например, флэш-накопители, серверы).

Пример: Электронный документ с цифровой подписью, скриншот переписки в мессенджере, видеозапись с камеры наблюдения, переданная в электронном виде.

2. Что такое цифровое доказательство?

Цифровое доказательство — это информация, представленная в цифровом (двоичном) формате, которая обрабатывается, хранится или передается с использованием компьютерных технологий. Этот термин акцентирует внимание на цифровой природе данных (0 и 1).

Более узкий термин, связанный с цифровыми технологиями и их спецификой.

Часто используется в контексте информационной безопасности, киберкриминалистики, судебной экспертизы и анализа данных (например, метаданные, логи серверов, хэши файлов).

Подчеркивает техническую природу данных, их обработку и верификацию (например, проверка целостности через хэш-функции).

Пример: Логи сервера, данные блокчейна, цифровой отпечаток файла, результаты анализа данных с жесткого диска.

Однако, термин «цифровой» как и термин «электронный» также часто встречается в кодексах Республики Казахстан, где упоминается об электронно-цифровой подписи, но в Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан упоминается отдельно как цифровой носитель.

3. Что такое компьютерная информация?

В части 3 статьи 120 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан упоминается компьютерная информация [2]. По нашему мнению, это устаревший или менее формальный термин, который может использоваться для обозначения любых данных, обрабатываемых компьютером. В юридическом контексте он редко применяется, так как не имеет четкого определения в законодательстве.

Используется в разговорной речи или в устаревших нормативных актах.

Может включать как электронные, так и цифровые данные, но без акцента на их юридическую значимость.

Таким образом, мы придерживаемся термина «электронные доказательства» в связи с тем, что он поглощает термин «цифровые доказательства».

Сравнительный анализ уголовного-процессуального законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации показал, что по «электронным доказательствам» у нас имеются аналогичные проблемы в правовой регламентации.

Изучение научных воззрений наших коллег по «электронным доказательствам» выявил две позиции. Одни ученые против выделения отдельного понятия «электронные доказательства», а другие за введение в Уголовно-процессуальном кодексе электронных доказательств.

К сожалению, в Казахстане этот вопрос только начал рассматриваться отдельными учеными на уровне магистерских диссертации и статей. Есть отдельные попытки рассмотрения данного вопроса «псевдоучеными» далекими от науки уголовного процесса и судебной практики.

А.Г. Кольчурин и Л.В. Садырина отмечают, что в Российской Федерации часть ученых (Р.И. Оконенко, П.С. Пастухова) не видят необходимости в выделении нового вида доказательств... Другие ученые (И.И. Карташов, П.Г. Марфицин), чьей точки зрения придерживаемся и мы, полагают, что необходимость включения в Уголовно-процессуальном

кодексе Российской Федерации нового вида доказательств – «электронные доказательства» уже назрела [3].

Приведем мнение Л.В. Головки, который скептически относится к «ажиотажу» вокруг цифровизации и считает, что отдельный вид доказательств не нужен. Он аргументирует это схожестью матриц доказательств в реальном и виртуальном мире, и тем, что результат работы с цифровой информацией должен быть отражен в протоколе, как это было с появлением автомобилей или телефонов, не потребовавших специальных правил осмотра, так не должно это произойти и с электронной информацией [4].

К.В. Обидин отмечает, что даже среди сторонников сохранения существующей классификации доказательств путем ее переосмысления не наблюдается единообразного понимания, так как некоторые ученые «электронные доказательства» относят к вещественным доказательствам, а другие к иным доказательствам [5].

По мнению А.А. Количенко «действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ни в одной из норм не содержит такого термина, как «электронные доказательства», при этом в научной доктрине уголовного процесса имеется множество подходов к его толкованию, нашедших свое отражение как в научных статьях, так и в работах монографического и диссертационного уровня. Данный факт, с нашей точки зрения, обусловлен повышенным вниманием к институту доказательственного права. Ведь сама специфика электронных доказательств, их уникальность, по нашему мнению, позволяет выделять их как отдельный вид доказательств» [6].

Мы же сторонники того, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан необходимо внести понятие «электронные доказательства».

Цифровые доказательства включают компьютерные доказательства, цифровой звук, цифровое видео, сотовые телефоны, цифровые факсимильные аппараты и т.д. [7. стр.4]. Из этого следует, что к электронным доказательствам относятся данные компьютеров, мобильных устройств, серверов, облачных хранилищ, интернет-коммуникаций и других информационных систем.

Выделяют следующие категории цифровых доказательств:

1. Файлы документов (word, excel, pdf);
2. Электронные письма;
3. Контент социальных сетей – Facebook, Twitter, Instagram и др. (посты, сообщения, изображения и видео);
4. Мультимедийные файлы (изображения, видео и аудиозаписи);
5. История просмотров веб-страниц (может дать представление о его интересах, действиях и намерениях);
6. Записи базы данных (содержат транзакционные данные, записи клиентов и многое др.).

Источниками электронных доказательств могут быть:

1. Компьютеры и ноутбуки (они хранят документы, электронные письма, историю просмотров и даже удаленные файлы);
2. Мобильные устройства (текстовые сообщения, журналы вызовов, данные GPS и использование приложений);
3. Облачные сервисы (Google Drive, Dropbox и iCloud – могут содержать документы, изображения и резервные копии мобильных устройств);
4. Камеры наблюдения (видеозаписи);
5. Устройства Интернета вещей (устройства для умного дома, носимые устройства и даже подключенные приборы могут предоставить информацию о действиях и поведении людей, умные часы);
6. Сетевые журналы (интернет-провайдеров, организации содержат записи интернет-активности, подключений и трафика);
7. Онлайн-услуги (информация, хранящаяся на онлайн-платформах);
8. Журналы сервера (могут раскрыть закономерности использования, доступа и любой несанкционированной активности) [8].

О.А. Зайцев проведя сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства, в том числе и Казахстана отмечает, что «с учетом имеющегося в Российской Федерации несоответствия фактического и нормативно обусловленного использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве возникает необходимость в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства при использовании электронных доказательств. Имеются все основания для определения основных направлений его развития:

- закрепление принципов применения цифровых технологий, более подробной регламентации уголовно-процессуальной формы следственных и судебных действий, производимых с их использованием;
- расширение пределов допустимости доказательств и появление новых источников фактических данных;
- увеличение количества следственных и судебных действий;
- применение цифровых технологий при принятии процессуально значимых решений по уголовному делу [9].

Мы полностью поддерживаем позицию О.А. Зайцева и считаем, что Казахстану также стоит усилить работу в этом направлении.

Поэтому остановимся на отдельных вопросах, требующих совершенствования Уголовно-процессуального законодательства.

Первое, ввести понятие «электронные доказательства» в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. Отсутствие четкой терминологии приводит к неединообразному пониманию природы электронных доказательств в правоприменительной практике.

Второе, осмотр места происшествия и документов, обыск и выемка регламентированы в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан, однако эти нормы не учитывают специфику работы с цифровой информацией, требующей применения специальных технических средств и методов.

В частности, не регламентированы:

- процедуры создания криминалистических копий цифровых носителей;
- требования к обеспечению целостности данных;
- порядок удаленного получения информации из облачных хранилищ;
- особенности изъятия данных с мобильных устройств и IoT-систем.

Третье, вопросы назначения экспертиз. В Уголовно-процессуальном кодексе процессуальные аспекты ее назначения и производства детально не урегулированы.

Четвертое, отсутствие специальных механизмов для оперативного получения цифровых доказательств, находящихся за пределами Казахстана. Учитывая трансграничный характер цифровых технологий, это создает существенные препятствия для эффективного расследования.

Пятое, внедрение международных стандартов по цифровой криминалистике.

Это позволит решить проблемы с электронными доказательствами, в части изъятия, копирования и исследования цифровой информации с обеспечением ее целостности, аутентичности и международного сотрудничества.

Процедуры изъятия должны предусматривать:

- обязательное участие специалиста при работе с цифровыми носителями;
- создание криминалистических копий с вычислением хеш-сумм;
- документирование всех операций с цифровыми данными.

Международное сотрудничество следует дополнить процедурами экстренного сохранения данных и упрощенными механизмами получения информации от иностранных провайдеров интернет-услуг.

Заключение. Анализ действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан выявил значительные пробелы в регулировании цифровых доказательств, которые препятствуют эффективному расследованию преступлений в цифровой среде. Отсутствие специализированных норм создает правовую неопределенность и может негативно влиять на качество правосудия.

Модернизация уголовно-процессуального законодательства должна основываться на международном опыте и современных стандартах цифровой криминалистики. Предлагаемые изменения направлены на обеспечение баланса между эффективностью расследования и защитой прав личности в цифровой среде.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке детальных процедур работы с конкретными видами цифровых доказательств и подготовке методических рекомендаций для правоприменителей.

Список использованной литературы:

1. Fran Casino, Claudia Pina, Pablo López-Aguilar, Edgar Batista, Agusti Solanas, Constantinos Patsakis. SoK: Cross-border criminal investigations and digital evidence Open Access // Journal of Cybersecurity. – 2022, Volume 8, Issue 1, tyac014. <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyac014>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. №231-V ЗРК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.
3. А.Г. Кольчурин, Л.В. Садырина. Электронные доказательства в уголовном процессе // <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-ugolovnom-protsesse/viewer>.
4. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – 22–25 с.
5. Обидин К.В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 198–206. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.198-206.
6. Количенко А.А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 3 (55). – 136-140 с. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-136-140>.
7. Carrie Morgan Whitcomb, Director, National Center for Forensic Science. An Historical Perspective of Digital Evidence: A Forensic Scientist's View // International Journal of Digital Evidence. Spring. – 2002. – Volume 1, Issue 1. – 1-9 p. <https://www.utica.edu/academic/institutes/ecii/publications/articles/9C4E695B-0B78-1059-3432402909E27BB4.pdf>.
8. Types and Sources of Digital Evidence. Posted on November 7, 2023 by EclipseForensics. <https://eclipseforensics.com/types-and-sources-of-digital-evidence/>.
9. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – 42-57 с. – DOI: 10.12737/jfcl.2019.4.4.

Жемпиисов Назарбек Шаруанович
профессор Кафедры специальных юридических дисциплин
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Статья посвящена отдельным криминологическим аспектам обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан. Особое внимание уделяется информационно-прогностическим инструментам криминологической науки для обеспечения различных видов национальной безопасности общества и государства. Предлагаются отдельные рекомендации по законодательному обеспечению, формированию отдельных подразделений специалистов и международно-криминологическому сотрудничеству в интересах национальной, региональной и глобальной безопасности.

Ключевые слова: Криминология (включая ее цифровую разновидность), национальная безопасность, региональная безопасность, глобальная безопасность, информационно-прогностические инструменты, научно-технические средства, международное сотрудничество.

Введение. Сегодня стремительное развитие информационных технологий и их широчайшее, даже можно говорить тотальное влияние на простого человека и соответственно на все общество диктует новые условия для формирования адекватных подходов и инструментов в целях полноценного обеспечения национальной безопасности как отдельно взятого государства, так и региональной и глобальной безопасности всего мирового сообщества в целом.

Признается фактом, что современный мир это взаимозависимый планетарного масштаба не только физический, но и психолого-духовный «организм».

При этом, сам человек, как основной субъект общественных институтов и, соответственно самого государства ежедневно подвергается информационно-техническому влиянию как позитивного, а чаще всего негативного характера.

В этой связи актуальным считаем в данной статье остановиться на некоторых криминологических аспектах обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан.

Основная часть. Обоснованно, еще, в XVII веке профессор Готфрид Вильгельм Лейбниц отмечал, что «будущее неизбежно связано со

считающими машинами, которые будут настолько совершенны, объективны и эффективны, что смогут беспристрастно взвешивать «за» и «против» и таким образом способствовать, например, судопроизводству» [1. стр.122].

Это только одна сторона «медали» влияния технологий на общественную жизнь.

Наиболее «плачевным» результатом влияния негативной (в некотором роде криминальной (унижение чести и достоинства более слабых лиц, школьный кибер и физический буллинг, издевательства над животными и др.)) информации, да в некотором роде и технологий является падение нравов, снижение моральных устоев, в итоге, через информационное «развращение» подрастающей смены (малолетних детей, несовершеннолетних) приводящее к «воспитанию» нового эгоистичного поколения людей.

Вышеизложенное, по сути, формирует новый пласт проблем в современном обществе, приводящий к утрате доверия между людьми, агрессии и в конечном итоге к совершению правонарушений и даже преступлений. А массовость, организованность и политико-экономическая агрессивная «целесообразность» при совершении некоторых преступлений может угрожать в буквальном смысле национальной и международной безопасности.

Изучая феноменологию влияния информации и технологий на человека, группы людей, организации возможно стратегически выстроить то или иное направление обеспечения безопасности общества и государства.

Изначально, сегодня, практически любой субъект (человек, организация и высшие представители государства) старается мыслить категориями безопасности.

Вместе с тем, нередко выделяются и иные субъекты общества «агрессия» у которых (преступники, особенно военные преступники и лица, иницирующие и руководящие геноцидом и др.) выступает центральной философией жизни.

И, как раз с такими субъектами должна работать криминология – наука о преступности, ее причинах, личности преступников и конечно разрабатывающая системные меры профилактики преступлений.

В современном мире классическая криминология не всегда адекватно способна выявить и описать основные проблемы современной криминальной ситуации и в целом всей преступности.

В этой связи, с учетом научно-технического прогресса, развития Интернета и появления искусственного интеллекта актуально новое направление отрасли знания, включая криминологию, то есть цифровая криминология.

Правильно отметила Т.В. Пинкевич: «Все вышеизложенное дает основание полагать, что цифровая криминология – самостоятельное научное направление (отрасль научного познания), изучающее

криминогенное влияние развития цифровой экономики и цифровых технологий на социальные процессы, происходящие в обществе» [2. стр.16].

При этом невольно понимаешь, что специалистам системы обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан не хватает криминологических знаний, не говоря о понимании глубинных вопросов (включая психологические и цифровые) этой науки и использования ее обширного инструментария прежде всего для прогнозирования явлений, ситуаций, действий оппонентов или союзников, да и просто потенциальных правонарушителей.

Пресловутое мнение большинства, что криминология это никому не нужная «теорийка», наука разбивается в пух и прах в современных реалиях геополитических, региональных конфликтов, в условиях, когда без нее фактически сложно понимать мышление современных организованных преступников (включая коррумпированных государственных деятелей различного уровня, «беловоротничковых» преступников – нередко бизнесменов-олигархов и др.).

Так, действующее законодательство Республики Казахстан в сфере обеспечения национальной безопасности на прямую не обращается к криминологическим институтам и инструментам.

Вместе с тем, в статье 3 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года среди основных принципов обеспечения национальной безопасности в пункте 2, вторым по очерёдности законодатель указал – принцип приоритетности предупредительно-профилактических мер при обеспечении национальной безопасности [3].

Таким образом, формирование комплекса предупредительно-профилактических мер при обеспечении национальной безопасности, прежде всего ее наиболее сегодня важных видов, таких как информационная, экономическая и общественная безопасности являются безусловно наиболее приоритетными.

Экономика, будучи основным фундаментом или базисом общества наиболее остро подвержена преступной «коррозии» в лице системной коррупции, а также широкого лоббирования отдельными группами лиц своих экономико-олигархических интересов.

Важнейшей проблемой безопасности считаем «вход» таких крупных субъектов экономики в политическую систему (пространство) государства и решение нередко специализированных задач, вплоть до захвата власти или развала самого государства, через контролируемые ими сферы или сектора экономики. По сути, существующие в мире коррупционные механизмы выступают своеобразным мостом между теневым бизнесом и, недобросовестными и алчными представителями государственной власти.

А, экономически слабое государство (может в любой момент оказаться в роли просящего) выступает своего рода жертвой крупных акторов геополитических игр.

В этой связи адекватное прогнозирование социально-экономической ситуации в регионе и мире является важнейшим инструментом обеспечения национальной и ее вида экономической безопасности.

Правильно отмечала ведущий советский и российский криминолог Н.Ф. Кузнецова: «Тот факт, что наиболее общественно опасные угрозы криминализируются на международном и национальном уровнях, важен как для законодательной деятельности, так и практического функционирования системы уголовной юстиции и иных государственных органов, институтов гражданского общества; существенно для борьбы с транснациональной организованной преступностью и другими криминальными явлениями международного характера – позволяет эффективно использовать энергичные международные правовые средства» [4. стр.202].

В этом случае, также следует согласиться с позицией главы нашего государства К.Ж. Токаева, который уделяет особое внимание международным институтам и инструментам при решении проблем во всех сферах жизнедеятельности Республики Казахстан и мирового сообщества: «Казахстан твердо придерживается миролюбивой и сбалансированной внешней политики. Главными задачами нашей дипломатии остаются укрепление суверенитета и независимости государства, защита прав граждан за рубежом, продвижение национальных интересов, привлечение инвестиций в экономику. Казахстан убедительно демонстрирует приверженность широкому многостороннему сотрудничеству в строгом соответствии с Уставом ООН. Наша страна играет активную роль в решении вопросов международной безопасности и стабильности. Мы поддерживаем усилия ООН и других международных организаций по борьбе с терроризмом, экстремизмом, нелегальной миграцией, изменением климата и другими угрозами, поддерживаем миротворческую деятельность ООН, разоруженческие инициативы, выступаем за урегулирование вооруженных конфликтов дипломатическими средствами» [5].

Обращая внимание на прогнозные механизмы обеспечения национальной безопасности страны отметим, что в пункте 3) статьи 8 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года среди основных функций системы обеспечения национальной безопасности закреплена функция по: выявлению, анализу, оценке и прогнозированию угроз национальной безопасности.

Таким образом, сегодня, целесообразно использование всего комплекса криминологических инструментов (изучение причин и условий, личностей не только преступников, но и потенциальных правонарушителей) включая

прогнозирование ситуаций прежде всего в самом обществе для исключения и нейтрализации ухудшения общественно-политической и социально-экономической обстановки в стране.

Наряду со специальным Законом в сфере национальной безопасности в Республике Казахстан существует важный концептуальный документ – Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан на 2021-2025 годы.

Стратегия признается одним из основополагающих документов системы государственного планирования, который принимается по поручению Главы государства.

Цель стратегии реализация конкретных действий и мер государственного управления по противодействию основным вызовам, на конкретные пять лет.

Из данной стратегии можно выделить наиболее важные вызовы на сегодня:

- технологический характер современной экономики;
- затяжной и продолжающийся кризис мирового рынка и, итог, ее негативное влияние на отечественный рынок, сферу финансов и производства;
- экономические (торговые) и вооружённые конфликты как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Вышеизложенное становится условием для пересмотра значительным количеством стран мира своей политики по вопросам обеспечения безопасности.

В Стратегии определены основные направления усиления «болевых точек» системы национальной безопасности.

Актуальнейшими определены сфера информационной безопасности страны, вопросы противодействия разноплановым киберугрозам, защите стратегически важной информационной инфраструктуры, важнейших объектов государства. Сегодня мы можем наблюдать усиление информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, связанное с преднамеренным искажением и распространением недостоверной информации в ущерб общественной безопасности.

При выявлении данной угрозы особое внимание следует уделять использованию преступниками современных информационно-коммуникационных технологий в целях продвижения разрушительных идеологий и подрыва общественной стабильности.

В противовес киберпреступлениям правоохранительным органам шире следует применять следующие технологичные способы и инструменты противодействия: данные интеллектуальных устройств – видеонаблюдения и распознавания лиц; возможности робототехники, радиомаяки и чипирование для поиска людей, системы прогнозирования преступности и др.

Так, в пункте 4 статьи 8 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года отражена функция по разработке и осуществлению комплекса оперативных и долговременных мер по предупреждению и нейтрализации угроз национальной безопасности.

В этой связи прогнозирование, предупреждение и нейтрализация угроз национальной безопасности – это также согласно Закону «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года важная составляющая полноценной системы безопасности государства.

Заключение. На основании изложенного, обращая пристальное внимание ученых и практических работников на формирование и последующее усиление системы криминологического обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан нами предлагаются следующие инициативы:

- в новом Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» предусмотреть самостоятельную главу «Система прогнозирования и нейтрализации угроз национальной безопасности», которая комплексно должна включать все существующие законные информационно-экономические инструменты и способы такой деятельности;

- формирование во всех правоохранительных и специальных государственных органах отдельных подразделений экспертов-криминологов (прогнозистов) по выявлению и нейтрализации угроз различным видам национальной безопасности;

- создания подразделений специальной киберразведки и Центра «Нейтрализации гибридных угроз»;

- формирование национальной сети научно-исследовательских, информационно-технических институтов и центров государственного и частного характера (прежде всего для взаимообмена важной информацией, сведениями и др.);

- создание нового направления криминологической науки – киберкриминологии, с помощью которой будут осуществляться междисциплинарные исследования по изучению новых разновидностей киберпреступлений, причинно-факторного комплекса киберпреступников, виртуальных сообществ и организаций, и выработка адекватных как физических, так и киберпрофилактических мер безопасности.

Список использованной литературы:

1. Квашис В.Е., Случевская Ю.А. О новой теории прикладной криминологии: рецензия на учебник В. С. Овчинского «Криминология цифрового мира» // Общество и право. – 2018. – № 1 (63). – 122-124 с.
2. Ишук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России. – 2021. – 244 с.
3. О национальной безопасности Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>.

4. Долгова А.И. Избранные труды / [Сост. В.В. Меркурьев, О.А. Евланова, А.С. Васнецова, Д.А. Соколов; вступит. Ст. М.П. Клейменова, В.А. Номоконова, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: 2017. – 424 с. – (Научные труды ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

5. Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014>.

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич

главный научный сотрудник Межведомственного
научно-исследовательского института Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ БЕЗУПРЕЧНОЙ РЕПУТАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Эпоха глобальных изменений, сопровождающаяся трансформацией международных отношений, цифровизацией, усилением вызовов в области безопасности и прав человека, ставит перед государствами необходимость постоянной адаптации правовых систем к новым реалиям.

Республика Казахстан, как активный участник этих процессов, демонстрирует поступательное развитие национальной правовой системы, интеграцию в мировое правовое пространство и модернизацию ключевых институтов, включая государственную службу.

Эволюция правовой системы – это не только обновление законодательства, но и смена парадигмы государственного управления: от административного контроля к сервисной модели, ориентированной на потребности граждан.

Такая трансформация требует не просто новых механизмов и инструментов, но и обновления подходов к формированию кадрового состава, что делает крайне актуальным развитие института «безупречной репутации» в государственной службе.

В государстве функционирует специально сформированный аппарат, обеспечивающий реализацию задач государственного управления, неотъемлемым элементом которого являются государственные служащие.

Именно они выступают основой функционирования государственной службы.

Эффективность развития государства в значительной мере зависит от рациональной организации системы государственных органов и грамотного построения трудовых процессов в государственной службе [1].

Для укомплектования государственного аппарата компетентными и добропорядочными кадрами требуется внедрение механизма предварительного отбора, в том числе через институт «безупречной репутации».

Применение данного инструмента позволит на законодательном уровне организовать сбор и анализ информации о кандидатах, что способствует предотвращению допуска на государственную службу лиц с сомнительной репутацией.

Т.В. Серкова отмечала, что понятие «безупречная репутация» носит оценочный характер [2].

По мнению Е.Г. Гуличевой, «установление безупречной репутации содержательно связано с отсутствием таких параметров, как нахождение в местах лишения свободы или наложение иного вида уголовного наказания; факт совершения уголовного преступления; судимость; некоторые виды административных правонарушений; некоторые виды заболеваний» [3].

Справедливо мнение С.Н. Слободчиковой, которая отмечает, что введение ценза безупречной репутации для кандидатов в органы государственной власти возможно с учетом точки зрения его допустимости [4].

По результатам изучения национальных и зарубежные теоретических и практических материалов предлагается дефиниция безупречной репутации.

Безупречная репутация – совокупность критериев, включающих в себя высокий уровень знаний и профессиональную компетентность, а также высокие морально-нравственные качества и добропорядочность.

Предложенная дефиниция согласуется с требованиями пункта 7 статьи 23 Закона «О правовых актах» о соответствии терминов и определений, используемых в нормативном правовом акте, терминам и определениям, применяемым в вышестоящем нормативном правовом акте, регулирующем однородные общественные отношения.

Полагаю, что она может быть использована в действующем законодательстве.

При разработке за основу взяты 8 нормативно-правовых актов [5], являющихся основными документами, регулирующими взаимоотношения между государством и государственными служащими.

То есть разработка дефиниции «безупречной репутации» осуществлена на основе норм действующего законодательства, что обеспечивает системность и обоснованность каждого структурного элемента.

Формирование определения произведено в соответствии с филологическими, фактическими и логико-семантическими принципами, что позволяет использовать термины, значения которых уже получили общеизвестное толкование и по своей специфике являются более четкими и понятными по сравнению с общим понятием.

При ее разработке применялись индуктивный, словообразовательный и интуитивный методы, что позволило детально проанализировать правоотношения и их составляющие.

Предложенный вариант определения носит универсальный характер и предполагается как неизменяемый, однако допускается адаптивное изменение критериев в зависимости от специфики отбора кандидатов на государственную службу (где требуются высокий уровень знаний и высокие морально-нравственные качества) и действующих сотрудников

правоохранительных органов (где акцент делается на профессиональной компетентности и добропорядочности).

Основанием для корректировки критериев могут служить динамично развивающиеся общественные отношения, а также изменяющиеся требования, предъявляемые при поступлении на государственную или правоохранительную службу, что свидетельствует об эволюционном характере нормативно-правового регулирования в современных условиях.

Предложенная дефиниция «безупречной репутации» полностью согласуется и раскрывает требования к кандидатам на государственную службу которые должны соответствовать предъявляемым квалификационным требованиям, способным по своим личным и профессиональным качествам, состоянию здоровья, уровню образования выполнять возложенные на них должностные обязанности (п. 1 ст. 16 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан») и государственным служащим, которые должны быть привержены государственной политике, выполнять свои обязанности компетентно и эффективно в соответствии с законами со всей добросовестностью по укреплению доверия общества к государственным органам (п.п. 1 и 5 «Меры по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Казахстан», утвержденных указом Президента Республики Казахстан).

Таким образом, предлагаемая дефиниция является не только результатом тщательного междисциплинарного анализа, но и отражает современные тенденции правового регулирования, где неизменяемость ключевых понятий сочетается с адаптивностью критериев в свете изменения общественных требований и процессов в государственном управлении.

Предлагаемая дефиниция «безупречная репутация» с учетом эмпирического материала и нормативно-правовых актов условно разделена на два «уровня»:

Первый уровень (professional qualities) – профессиональные качества (высокий уровень знаний и профессиональная компетентность), то есть способность выполнять поставленные задачи.

Второй уровень (personality profiling) – моральные качества (высокие морально-нравственные качества и добропорядочность), т.е. приверженность правилам и ценностям соблюдаемым обществом, а также этические нормы.

Все указанные сведения «профессиональных качеств» и «добропорядочности» доступны на платформе Агентства по делам государственной службы Республики Казахстан, через интернет-портал «eqyzmet.gov.kz» интегрированной информационной системы (далее – Система).

Для сбора информации составной «второго уровня» необходимо получение сведений об «этичности».

В целях быстрого, полного и объективного сбора информации видится целесообразным разработка и использование Поисковых программ, способных при помощи информационных систем проводить в социальных сетях аналитическую работу по кандидатам и действующим сотрудникам (посещение и/или подписка на деструктивные социальные сети, сайты знакомств, склонность к депрессии/суициду или насилию, лудомания, порнозависимость и т.д.).

Валидность и верификация полученных сведений позволят объективно оценить кандидата или действующего сотрудника требованию «безупречной репутации».

Полученные сведения, подлежат передаче специалистам, проводящим полиграфологические исследования и психофизиологическое освидетельствование, а также специальную проверку.

В целях выяснения необходимости и полезности наличия вышеуказанной информации проведено интервьюирование специалистов, проводящих полиграфические исследования, которые подтвердили полезность наличия указанной выше информации при проведении исследования.

В условиях глобальных преобразований правовых систем и непрерывного развития государственной службы, инновационные подходы становятся ключевыми для обеспечения эффективности государственного управления.

Формирование «безупречной репутации» представляет собой стратегически важный фильтр, позволяющий не допускать на значимые государственные должности лиц, не соответствующих высоким профессиональным требованиям, моральным принципам и этическим нормам.

Этот механизм, основанный на строгих критериях проверки кандидатов при приеме на службу и в ходе дальнейшей деятельности, выступает не только как гарантия минимизации коррупционных проявлений и имиджевых потерь, но и как залог повышения общего уровня профессионализма и ответственности государственных служащих.

Список использованной литературы:

1. Крутских, Д.А. Ограничения и запреты, связанные с государственной гражданской службой: морально-этическое поведение государственного гражданского служащего / Д.А. Крутских // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11. – С. 561-571.
2. Серкова, Т.В. Понятие «безупречная репутация» как одно из требований к сенаторам в Российской Федерации / Т.В. Серкова // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2022. – № 21. – С. 59-65.
3. Гуличева, Е.Г. Актуальные проблемы реализации кадрового обеспечения деятельности судов // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы XXIII междунар. науч.-практ. конфер. Morrisville, 2020. – С. 110-115.

4. Слободчикова, С.Н. Ценз безупречной репутации: содержательное наполнение и особенности отражения в отечественной конституционно-правовой модели свободных выборов / С.Н. Слободчикова // Актуальные вопросы теории российского избирательного права. – 2020. – № 1. – С. 6-10.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года, ратифицированная Законом РК от 4 мая 2008 года.
6. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: Конституционный закон РК от 25 декабря 2000 года № 132.
7. Социальный кодекс Республики Казахстан: от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК.
8. О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 436-V ЗРК.
9. О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК.
10. Об образовании: Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III.
11. Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024-2029 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 17 июля 2024 года № 602.
12. Меры по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан.

Исмайлов Хайям Джабраил оглы

главный научный сотрудник Академии юстиции Министерства юстиции
Азербайджанской Республики – профессор Кафедры теории и истории
государства и права Бакинского государственного университета,
доктор юридической наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСЛАМСКОГО ПРАВА С НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРАВОВЫМИ СИСТЕМАМИ И ЕГО РОЛЬ В ИХ РАЗВИТИИ

Аннотация. Как самостоятельная правовая система, исламское право на всех этапах своего исторического развития имело тесные связи с другими правовыми системами, в том числе и с европейскими. В результате изучения многовековой эволюции исламских правовых норм, которые в силу своей гибкости находили точки соприкосновения с другими правовыми системами, можно сделать вывод, что еще в средние века правовые системы европейских стран заимствовали некоторые институты исламского права, такие как институт векселя, перевод долга, правовой статус военнопленных, вакф, иджитхат. В то же время фикх в исламских странах, начиная с XIX века, также перенимал правовой опыт европейских стран в области торговли, морского права, права собственности и обязательственного права. Многочисленные исторические факты свидетельствуют о взаимности этого процесса.

Целью написания статьи является выявление особенностей норм и принципов исламского права, регулирующих разнородные отношения, внесших вклад в общую правовую культуру и обусловивших эволюцию исламской правовой системы, а также выяснение степени их взаимосвязи с национальными правовыми системами.

В данной статье с использованием методов историко-сравнительного анализа и системности, а также интегративного подхода изучаются вопросы обоюдного воздействия исламской и европейской правовых систем, анализируются важные аспекты этого взаимовлияния и делаются выводы о том, что правовые нормы, по своей природе являющиеся европейскими, весьма эффективно взаимодействуют с исламскими правовыми явлениями, в частности с исламскими финансовыми и благотворительными институтами.

Ключевые слова: исламская право, национальные правовые системы, правовые традиции, обычай, исламские финансовые институты, общечеловеческие ценности и принципы, правовая практика.

С момента своего возникновения в VII веке исламское право на протяжении долгого исторического периода являлось единственным и основным источником права для всего мусульманского мира, включая территорию современного Азербайджана, и в наши дни продолжает сохранять этот статус в ряде мусульманских стран. Оно отражает не только правовые, но также политические, идеологические и этические

основы мусульманского общества. Вместе с тем религиозные и правовые ценности, нормы и принципы, лежащие в основе исламской цивилизации, положившей начало новому этапу в истории развития общества, оказали определённое влияние и на развитие других культур и правовых систем.

Прежде всего следует отметить, что для понимания исламской правовой культуры необходимо знание особенностей исламского права, в котором в качестве основной характеристики содержится взаимосвязь религиозных и правовых, обрядовых и светских начал. Эти взаимосвязи проявляются в своеобразии возникновения и исторической эволюции данного права, его источников и структуры, механизма функционирования, в специфике восприятия права исламскими юристами, а также в уникальности взаимоотношений исламского права с государством и светским законодательством. Другой важной чертой, характеризующей исламское право, является его исключительное разнообразие, выражающееся в широкой гармонии национальных и региональных форм, тесном взаимодействии с местными обычаями и традициями, а также в способности сочетать детализацию индивидуальных решений с общими принципами, устойчивость и постоянство — с подвижностью и способностью изменяться во времени. В контексте всех этих аспектов актуальным представляется исследование состояния и перспектив развития взаимосвязей исламского права с другими правовыми системами. Данная проблема представляет интерес и значимость не только с научной и политической, но и с практической точки зрения.

Как и любая другая система, исламское право имеет свою модель взаимоотношений правовых норм, правосознания и правового поведения. Именно ярко выраженная религиозная оболочка исламского права доказывает чрезвычайную близость указанных компонентов между собой. Нормы этого права воспринимаются верующим в качестве базовой основы представлений о должном и справедливом, что в свою очередь предопределяет стремление следовать этой основе в своем поведении. Центральное место в этой триаде занимает правовое сознание, точнее, исламская правовая ментальность, охватывающая как религиозные, так и правовые представления.

Активное взаимодействие исламских и светских правовых институтов (преимущественно в странах с мусульманским большинством населения) обусловлено тем, что в исламском праве религиозные и юридические начала существуют в тесном переплетении. Именно этот фактор определяет характер влияния исламского права на отдельные сегменты современных правовых систем исламских стран, а также специфику его взаимоотношений с западной правовой культурой. Следует отметить, что институт иджтихада в исламском праве, представляющий собой важнейший источник исламской правовой доктрины, не является случайным образованием. В большинстве исламских стран именно иджтихад выступает в качестве ядра светских

общественных отношений. Однако развитие правовой доктрины ислама возможно лишь при опоре на основные источники — Священную книгу и Сунну — с учетом тех фундаментальных норм и принципов, которые они формулируют, а также с учетом требований новой исторической эпохи.

Существуют многочисленные особенности, характеризующие ислам в современном Азербайджане, который является неотъемлемой частью истории и культуры нашей страны и важным элементом образа жизни многомиллионного населения. Среди этих особенностей можно отметить как общие черты, присущие исламу в целом, так и специфические для нашей страны факторы, определяемые социальными, культурными, политическими, конфессиональными и другими обстоятельствами. К ним относятся чрезвычайно многогранный характер исламского феномена, плюрализм его проявлений, разнообразие выполняемых им функций и т.д.

Следует также отметить, что до начала XIX века социально-экономические условия существования исламского мира не подвергались коренным изменениям. В этом смысле шариат со всеми своими нормами полностью соответствовал данным условиям. Однако в этот период оккупация северных территорий нашей страны Российской империей, а также процессы, происходившие в соседней Османской империи, способствовали усилению влияния европейских держав в мусульманском Востоке. Лидеры исламского мира начали осознавать необходимость модернизации государственного управления и правовой системы, чтобы выдержать политическую и экономическую конкуренцию с западными странами. С середины XIX века был запущен процесс проведения реформ. В традиционную сферу отношений, регулируемых мусульманским правом, начали проникать нормативные акты европейского происхождения, что в определённой степени привело к трансформации ряда областей, в частности в сферах торговли, морского права, собственности и обязательственного права. Так, например, в Османской империи в тот период был принят Меджелле (1869–1876) — закон, касающихся права собственности и обязательств. Хотя он полностью не отходил от норм шариата, его оформление в виде параграфов по европейскому образцу, введение в силу с санкции государства и наличие ряда нововведений стали основой правовой модернизации в данной области. Согласно этому закону, светские суды, наделённые полномочиями рассматривать споры, связанные с собственностью и обязательствами, в своей деятельности не были ограничены нормами исламского права.

На территории Азербайджана данные изменения в основном сопровождались постепенным вытеснением норм исламского права российским законодательством, заимствованным из правовых систем европейских стран, а также расширением применения новых правовых норм [5. стр. 7, 28–29, 54, 71–75, 151–173]. В то же время с целью совершенствования применения норм мусульманского права в новых

социальных условиях были проведены определённые реформы, в рамках которых были составлены сборники, охватывающие основы мусульманского права, а также нормы, регулирующие торговлю, залог, наследование и обязательственные отношения.

В тот период в Египте, Иордании, Кувейте были приняты новые гражданские кодексы западного образца, а начиная с начала XX века в ряде стран, в частности в Египте и Судане, были приняты законы о семейном праве. В Сирии, Тунисе, Египте, Иордании, Ираке и ряде других мусульманских стран было начато проведение модернизированной кодификации исламского права, результатом чего стало создание кодексов личного статуса. Во всех этих законах наряду с традиционными исламскими нормами нашли отражение также нормы, согласующие эти традиции с требованиями нового времени. Такое положение в значительной степени было обусловлено проводимой колониальной правовой политикой западноевропейских держав на ряде территорий мусульманского мира, в результате чего происходило согласование исламского правового наследия с рядом элементов европейского права. В конечном итоге некоторые из кодексов, принятых в этих странах (например, Кодекс обязательств Туниса), продолжают действовать до настоящего времени. Одновременно сближение исламского права с европейской правовой мыслью в определённой мере привело в ряде стран (например, в Алжире) к формированию нового взгляда на сущность отдельных правовых институтов исламского права.

Следует также обратить внимание на то, что в ряде стран, население которых исповедует ислам и, которые испытали влияние европейской правовой мысли, правовое регулирование института личного статуса, в особенности вопросов, связанных с браком, семьёй, наследованием, обязательствами, опекой и попечительством, а также применение соответствующих норм, существенно различается. Так, в ряде стран (например, Иране, Пакистане и др.) указанные отношения в основном регулируются нормами исламского права, тогда как в других странах (в том числе в Азербайджане) они регулируются на основе норм светского права. Одновременно регулирование вопросов личного статуса по конфессиональному признаку характерно не только для исламских стран, но и для ряда других государств с компактным проживанием мусульман (например, в Индии, Израиле, Греции и др.), где семейно-брачные отношения мусульман определяются специальными законодательными актами и базируются на нормах исламского права. Следует отметить, что и в Азербайджане вплоть до создания Первой республики, то есть с момента насильственного присоединения Северного Азербайджана к Российской империи и до 1918 года, несмотря на преобладание светского законодательства в остальных правовых сферах, регулирование семейно-брачных отношений основывалось на нормах исламского права. В наши дни, с провозглашением в Конституции Азербайджана статуса светского, демократического и правового государства, регулирование

указанных отношений на основе норм исламского права стало невозможным. Тем не менее в исламском праве существуют такие правовые институты, которые в современных условиях отличаются своей актуальностью и совершенством. Одним из таких примеров является брачный договор, о котором в последнее время говорят всё чаще и, который регулируется современным семейным законодательством. Брачный договор представляет собой один из детально разработанных институтов исламского права, и поскольку многие его положения сохраняют актуальность и сегодня, можно использовать прогрессивные элементы исламского права для совершенствования отдельных аспектов этого института.

Ориентация многих исламских стран на западные модели в сферах предпринимательства и гражданского права вовсе не противоречит существующему в этих странах положению о запрете банковских операций, сопровождаемых взиманием процентов. Дело в том, что законодательство, построенное на западных образцах, за исключением некоторых норм, не рассматривается в этих странах как противоречащее шариату и, более того, включает в себя нормы, принципы и институты исламского права, полностью соответствующие правовым конструкциям западного мира. Следует учитывать, что современная исламская правовая мысль, опираясь на концепцию и общие принципы исламского законодательства, обосновывает отступление от ряда императивных предписаний шариата в сфере имущественных правоотношений. Так, хотя получение кредита путём выплаты процентов со стороны государства противоречит исламскому праву, такая мера допускается, исходя из принципа фикха о допустимости запрещённого в ситуации крайней необходимости, с учётом отсутствия иных альтернатив решения наиболее острых проблем страны и с позиции сохранения жизни людей как высшей ценности.

В то же время в современном мире наблюдается и обратная тенденция — использование прогрессивных ценностей и важных правовых институтов, разработанных исламским правом, странами мира, в том числе европейскими государствами. Среди них достаточно упомянуть такие правовые институты, как вексель, передача долга, морское происшествие, правовой статус военнопленных и другие.

В современном мире, в том числе и в нашей стране, проблема правового плюрализма, активно обсуждаемая преимущественно юристами, является характерной и актуальной также для стран, большинство населения которых исповедует ислам. Это связано с тем, что в указанных странах правовая культура формировалась на протяжении многих веков на основе трёх основных элементов — местных обычаев, государственного законодательства и шариата. Каждый из этих трёх компонентов, несмотря на то что может выступать в оппозиции к другим, одновременно также выполняет роль союзника.

Среди аспектов взаимоотношений, основанных на сотрудничестве и соперничестве между этими элементами, можно выделить проблему переплетения шариата с светским правом, решение которой невозможно без прояснения специфических черт правовой природы шариата. Следует отметить, что шариат в целом представляет собой религиозное явление, отражающее отдельные элементы правового начала. В отличие от него, мусульманское право, несмотря на то что проявляется под религиозной оболочкой и основывается на религиозном правосознании, в своей сути представляет правовой феномен. Принципы, сформированные исламской правовой доктриной на основе общих направлений шариата, в определённой мере отходят от божественного характера и со временем способны изменяться по форме. Недаром в одном из правовых принципов ислама утверждается, что изменение норм с течением времени не является запрещённым. Однако при этом необходимо учитывать ценности, охраняемые шариатом, а также интересы и насущные потребности человека. Например, в странах, где подавляющее большинство населения составляют мусульмане, в том числе в Азербайджане, обычаем и нормой законодательства стала именно моногамная форма брака, а не полигамная, что с учётом особенностей времени также находит одобрение в исламском праве.

Указания, предписываемые исламским правом в отношении подданных, основаны на приоритете их интересов, то есть предполагают выдвижение на первый план интересов и благополучия человека во всех вопросах. Это находит своё соответствие в национальных правовых системах, где человеческий фактор и интересы личности занимают центральное место в регулировании общественных отношений. В то же время исламское право проявляет уважение ко всем народам, особенно к тем обществам, которые впоследствии приняли ислам, признавая их обычаи и традиции, что подчёркивает необходимость их учёта при решении конкретных правовых вопросов. Согласно фикху, обычай имеет значение правовой нормы, то есть то, что определяется обычаем, приравнивается к установленному правовой нормой. Роль обычаев в правовой жизни подтверждается также хадисом: «Всё, что мусульмане считают хорошим, считается угодным и для Аллаха». В целом исламская правовая доктрина допускает применение обычая лишь в тех случаях, когда он не противоречит шариату. Тем не менее на практике в жизни большинства исламизированных народов преобладают обычаи, которые во многих случаях не только не соответствуют предписаниям ислама, но и могут вступать с ними в противоречие. Причём в правовой практике этих народов нормы шариата реализуются преимущественно тогда, когда они становятся составной частью местных обычаев и воспринимаются ими. В этом контексте все правила, применяемые людьми, рассматриваются как стандарты, обязательные к соблюдению. С этой точки зрения исламское право предлагает более широкое понимание самого смысла права.

Следует также отметить, что наличие столь значимого положения обычаев в исламском праве в определённой мере оказывает влияние и на содержание и сущность национальных правовых систем. В современную эпоху во многих странах, в том числе и в Азербайджане, в гражданском законодательстве можно проследить происхождение ряда норм из обычаев, особенно в части, касающейся правовой природы деловых обычаев. Наличие подобных норм свидетельствует о признании обычаев в качестве источника права светскими правовыми системами при соблюдении определённых условий.

Что касается отражения отдельных элементов исламской правовой культуры и исламского образа жизни в светских правовых системах стран, большинство населения которых исповедует ислам, то в этом случае в качестве первоначального условия выступает заимствование тех элементов, которые не связаны напрямую с религией и суеверием, а согласуются с мирским образом жизни. Вторым условием является совместимость достижений исламской правовой культуры с общими началами национальной правовой системы, в частности с правовой системой Азербайджана, а именно с конституционными принципами. При этом важно не только соответствие правовых норм ислама указанным началам, но и необходимость того, чтобы заимствуемые принципы и нормы могли органично интегрироваться в национальную правовую систему с точки зрения их технико-юридических и структурных характеристик. Соблюдение этих условий делает возможным учёт и включение отдельных институтов, принципов и норм исламского права в правовые системы европейского типа, что представляет собой вполне вероятную перспективу развития национального законодательства во многих странах с мусульманским населением.

В целом, на сегодняшний день можно утверждать, что национальные правовые системы практически всех мусульманских стран в той или иной степени отражают основные тенденции развития права в современном мире. Среди этих тенденций ведущее место занимает сближение правовых систем, включая унификацию ряда ключевых элементов. Наряду с этим всё более отчётливо проявляется и другая тенденция — учёт в праве отдельных стран их специфических историко-культурных, религиозных и цивилизационных особенностей, находящихся в той или иной степени во взаимодействии с общепринятыми правовыми стандартами. В этом контексте глобализация в сфере права не ограничивается лишь сближением или унификацией схожих и даже идентичных элементов национальных правовых систем. Глобализация также сопровождается активным участием различных правовых культур в правовом развитии мира, признанием правового многообразия, разнообразием форм реализации общих принципов, в том числе с учётом национальных традиций, в организации и функционировании государственных институтов, а также формированием единых правовых принципов.

Фактический и правовой статус граждан, сформированный под влиянием исламских традиций, в большинстве случаев охватывает их гражданские, политические и экономические права, включая свободу совести, слова и передвижения, независимо от принадлежности к тому или иному обществу, конфессии или наличия религиозных убеждений. Это играет исключительно важную роль в формировании принципов, лежащих в основе национального законодательства, закрепляясь в конституциях современных государств. Следует также отметить, что в современный период отношение либеральных политических сил исламских стран к закреплению конституционного статуса ислама и шариата является неоднозначным. Некоторые из них поддерживают признание принципов шариата в конституциях этих стран в качестве основного и ведущего источника законодательства, в то время как другие выступают против такой позиции. Однако и последние, как правило, признают доминирующую роль исламского права в национальном законодательстве при условии закрепления в нём прав человека в соответствии с международными соглашениями, в частности свободы вероисповедания для каждого и обеспечения возможности для немусульман действовать в рамках своих религиозных норм [10. стр.24].

В исламском праве закреплены естественные права человека, такие как право на жизнь, свобода вероисповедания, право собственности, право на создание семьи, свобода мысли, право на образование и другие. Эти права ещё раз подтверждают светскую направленность исламского права. Нормы и принципы исламского права, регулирующие светские отношения между людьми (муамалят), являются не только достижением последователей ислама, но и вкладом в общую правовую культуру. Именно эти нормы и принципы стали фактором, обусловившим эволюцию исламской правовой системы.

Среди вышеупомянутых прав особое внимание в исламском праве уделяется индивидуальным правам, в частности обеспечению права собственности, которая не может быть отчуждена без законных оснований. Принцип исламского права, закрепляющий положение о том, что «всё, что не предусмотрено Кораном и Сунной, является дозволенным», предоставляет человеку широкую свободу действий. В то же время исламское право, предоставляя широкие возможности реализации индивидуальных прав, считает недопустимым их использование в ущерб интересам других лиц и общественному благу. В Священной Книге чётко очерчены контуры принципа справедливости, который должен лежать в основе межличностных отношений и разрешения споров между индивидами.

В качестве примеров можно привести следующие положения Корана:

– сура 4 (ан-Ниса), аят 58: «Воистину, Аллах велит вам возвращать доверенное тем, кому оно принадлежит, и когда вы судите между людьми — судите справедливо...» [1. стр.91];

– сура 6 (аль-Ан'ам), аят 152: «...Будьте справедливы в весах и мерах... И если вы говорите, то пусть ваши слова будут справедливы, даже если это касается вашего родственника...» [1. стр.155];

– сура 16 (ан-Нахль), аят 90: «Воистину, Аллах велит быть справедливыми, делать добро, давать ближнему то, что ему положено, помогать бедным родственникам в том виде, в каком это предписано шариатом, и запрещает прелюбодеяние, порочные деяния и несправедливость» [1. стр.309];

– сура 42 (аш-Шура), аят 15: «...Мне велено вершить суд между вами справедливо...» [1. стр.597];

– сура 49 (аль-Худжурат), аят 9: «...Примирите враждующих между собой и поступайте справедливо...» [1. стр.642];

– сура 57 (аль-Хадид), аят 25: «Мы вместе с пророками ниспослали Писание и весы справедливости, чтобы люди поступали справедливо друг с другом» [1. стр.682] и др.

В свою очередь, принцип справедливости составляет основу идеи равенства, настойчиво проповедуемой в различных формах в Коране и Сунне. Так, в одном из хадисов Пророка (датируемом 630 годом) говорится, что все люди равны, как зубья одного гребня, никто не превосходит другого, и благородство каждого определяется его искренней верой. Известно, что исламу чуждо формальное разделение людей по социальным, этническим или имущественным признакам, а также сословное деление. Главное превосходство связано исключительно с искренностью вероисповедания. Как сказано в 13-м аяте 49-й суры Священного Корана, Аллах сотворил мужчин и женщин равными, разделил их на народы и племена для того, чтобы они узнавали друг друга, уважали и осознавали свою идентичность. Самым почитаемым у Аллаха является тот, кто больше всего остерегается дурных поступков.

В отличие от романо-германской правовой системы, для исламского права не характерно чёткое разграничение права на общую и особенную части. Тем не менее в исламском праве существуют нормы, регулирующие как отдельные общеправовые (например, государственный порядок, следствие и наказание, международные отношения, права человека, судебное право), так и частноправовые отношения. Однако границы между общей и особенной частью права не являются абсолютными — эти сферы пересекаются и функционируют во взаимосвязи.

В настоящее время исламское право продолжает оставаться одной из крупнейших правовых систем современного мира. Многие страны исламского мира сохраняют верность традициям ислама, что находит своё отражение в их законах и даже конституциях. С этой точки зрения совершенно ошибочно воспринимать исламское право, как застойную систему, не способную к изменениям. Юридические принципы, закреплённые в основных источниках ислама, легко адаптируются к различным сферам общественной жизни современности и способствуют развитию и совершенствованию соответствующего законодательства.

Рассматривая проблему влияния современного исламского права на развитие национальных правовых систем, особенно правовых систем, отражающих европейскую правовую культуру, невозможно обойти молчанием один важный аспект. Как в прежние времена, так и в настоящее время исламское право успешно сочетается с двумя основными европейскими моделями правовых систем — романо-германской (континентальной) и англосаксонской (общего права). Несмотря на то, что эти две правовые системы построены на различных принципах и на уровне правовых институтов зачастую с трудом находят общее взаимопонимание, исламское право ещё в средние века успешно взаимодействовало с обеими. Например, в период колониального господства Великобритании в Индии взаимодействие исламского и английского права привело к формированию так называемого англо-исламского права. В Северной Африке, в условиях французского колониального господства, результатом взаимосвязи исламского права с институтами французского права стало становление так называемого «алжирского исламского права».

В средние века исламское право обогатило обе вышеупомянутые европейские правовые системы по ряду направлений, преимущественно в сфере частного права. В то же время, на протяжении более чем двух последних столетий, исламское право само подвергалось рецепции достижений европейского права. Однако с началом третьего тысячелетия практика современного исламского права вновь начала становиться востребованной для западного мира. Так, целый ряд институтов исламского предпринимательского права — в частности, исламские облигации, банковские операции, формы страхования, основанные на принципах взаимной гарантии — получили признание в правоприменительной практике европейского права. В последние десятилетия исламские банки активно развиваются не только в мусульманском мире, но и в ряде западных стран, таких как Великобритания и Люксембург.

Следует отметить, что на предыдущих исторических этапах исламское право сформировало и развило целый ряд правовых институтов и конструкций без внешнего влияния и прямых контактов с европейским правом, которые впоследствии были заимствованы европейскими странами. В качестве примера можно привести институт вакфа, предложенный исламской правовой доктриной в целях правового регулирования благотворительной деятельности и всесторонне развитый в рамках исламского права. Вакф представляет собой имущество и иные средства, выведенные из гражданского оборота и предназначенные исключительно для благотворительных целей. На протяжении веков этот институт использовался для поддержки образования и науки, а в настоящее время применяется для финансирования многочисленных социальных программ. При этом исламское право в сравнении с светскими правовыми системами более эффективно регулирует

правовой статус и взаимные права и обязанности трёх основных участников благотворительной деятельности — донора, получателя помощи и уполномоченного лица, ответственного за управление вакфом и направление доходов от его эксплуатации на удовлетворение нужд благополучателей.

В настоящее время современное исламское право под влиянием тесного взаимодействия с европейской правовой системой порождает определённые результаты, от которых также черпает пользу европейская правовая культура. При этом фундаментальные нормы шариата остаются неизменными, одновременно с чем не игнорируются и положения светского права. В целом, взаимосвязи между исламской правовой культурой и основанной на западных ценностях светской культурой находят своё выражение в нескольких формах: в параллельном регулировании схожих вопросов, касающихся мусульман и не мусульман (например, в сфере личного статуса); во включении норм, принципов и институтов исламского права в законодательство, построенное по западным образцам, и наоборот — в отражении элементов исламского права в светском законодательстве; в синтезе исламских и светских правовых институтов, выраженном в принятии законодательных актов, которые не могут быть однозначно отнесены ни к западным, ни к мусульманским правовым системам. Наряду с этим, в качестве особого варианта взаимосвязи указанных культур можно рассматривать законодательство, которое по своему содержанию и основным конституционным подходам основывается на религиозных постулатах, однако по форме и юридико-техническим характеристикам отражает образцы западного права.

Опыт современного исламского права ещё раз подтверждает, что национальные правовые системы, в которых характерны позитивные взаимосвязи между исламской и европейской культурами, способны успешно развиваться. Такой опыт особенно важен для стран, в которых большинство населения составляют мусульмане, но которые при этом объявили себя светскими государствами. Одним из таких государств является Азербайджанская Республика. Только посредством детального изучения наследия исламского права и его новых концепций становится возможным продолжить перечень таких образцов использования потенциала исламской правовой культуры, которые соответствуют всем юридическим критериям и вполне приемлемы для правовой системы Азербайджана.

Следует отметить, что в этом году Центральный банк Азербайджана обсуждал вопрос внедрения одного института исламского банкинга — сукук, а не системы в целом, поскольку это потребовало бы изменения и корректировки всего национального законодательства. Сукук — это исламский эквивалент облигаций, представляющий собой особую форму финансирования, сочетающую принципы шариатского права с современными финансовыми механизмами. За последние десятилетия

сукук приобрел широкую популярность, привлекая как мусульманских, так и немусульманских инвесторов по всему миру. Термин «сукук» происходит от слова «сакк» — арабского корня, означающего «сертификат», «документ», «акт» или «квитанция». В отличие от традиционных облигаций, по которым инвесторы получают процентные платежи, сукук обычно основаны на активе и предполагают распределение дохода или прибыли от этого актива.

Сукук придерживается ряда ключевых принципов: запрет на проценты (риба): доход не может формироваться за счёт процентов, вместо этого — участие в прибыли и убытках; запрет на спекуляцию (гарар): сделки должны быть привязаны к реальным активам или услугам; запрет на азарт (майсир): исключаются элементы игорных операций. Исламский аналог облигаций отличается прозрачной структурой, соответствием шариату, разделением рисков между инвесторами и эмитентом, а также возможностью диверсификации за счёт привязки к различным активам и проектам. Исламские облигации выпускаются на основе реального актива: эмитент определяет актив, шариатский консультант и банк формируют структуру сделки, после чего ценные бумаги размещаются на рынке, а инвесторы получают доход от эксплуатации актива [13].

В настоящее время в ряде исламских стран, достигших экономического и социального прогресса, наблюдается тенденция проведения реформ, направленных на построение права, особенно публичного, на светских принципах. Однако такая ситуация отнюдь не свидетельствует об отказе от традиционных норм исламского права или об отдалении от них. Большинство исламских государств, включая Азербайджан, население которого в своем большинстве исповедует ислам, сумели в своих современных правовых системах объединить различные элементы — как традиционные, так и заимствованные из развитых стран, при этом сохранив соответствие национальным традициям и культуре. Особенно следует отметить опыт нашей страны в области толерантности, религиозной терпимости и построения межконфессиональных отношений на желаемом уровне, который может служить примером для многих государств мира. В этом контексте изучение и освоение исламского права в современном Азербайджане представляет не только теоретический, но и практический интерес. Ведь история и культура нашей страны тесно связаны с историей и культурой ислама, и сегодня исламские ценности, в которых отражены древние обычаи Азербайджана, способствуют формированию нашей нации, её достойному представительству в мировой культуре, отделению истинного ислама от невежества и воспитанию молодежи в духе приверженности национальным корням.

Незнание исламской правовой культуры оказывает отрицательное влияние на позицию, которую занимают многие люди и различные структуры власти разных стран по отношению к исламу и его

последователям. В результате появляются абсурдные термины, такие как «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм», «исламский терроризм». Однако всем известно, что ислам запрещает все формы насилия и террора и посредством своих основных источников неоднократно призывает к милосердию и справедливости по отношению к человеку. Формирование столь негативного отношения к ценностям исламской цивилизации вызывает ответную реакцию среди верующих мусульман, что, в свою очередь, ведет к усилению социальных напряжённостей и росту межнациональных конфликтов. С этой точки зрения признание достижений исламской правовой культуры полезно не только для развития правовых систем всех государств, но и с точки зрения решения национальных, политических, социальных и культурных проблем. В то же время сближение различных правовых систем, взаимная интеграция элементов этих систем, в частности внедрение передовых исламских финансовых институтов национальными правовыми системами, привело бы к укреплению эффективных правовых и морально-ценностных ориентиров в праве в целом.

Список использованной литературы:

1. Qurani-Kərim. Z.M. Bünyadov və V.M. Məmmədəliyevin ərəb dilindən tərcüməsində. Bakı: "Əl-Küreyət", 2001. – 787 s.
2. Heyd, U. Türk Hukuk ve Kültür Tarihi Üzerine Makaleler. Ankara: Ankara Okulu Yayınları, 2014, 303 s.
3. İslam Ansiklopedisi. Cild IX. İstanbul, 1970. – 658 s.
4. İsmayılov, X.C. Azərbaycanın hüquq tarixi. Bakı: Elm və Təhsil, 2015. – 572 s.
5. İsmayılov, X.C. XIX əsrdə Azərbaycanda məhkəmə sistemi. Bakı: Nurlan, 2004. – 226 s.
6. İsmayılov, X.C. Müasir dövrdə baş verən qloballaşma prosesinin hüquqa və onun sisteminə təsiri məsələləri // Beynəlxalq hüquq və integrasiya problemləri. Bakı, 2015. – №4 (44), – 111–117 s.
7. М.Н. Марченко, Правовые системы современного мира. М.: Зерцало-М, 2009. – 528 с.
8. Петровская, А.В., Старостина, С.А. Правовая культура в контексте цивилизационного развития: сравнительный анализ западноевропейской, мусульманской и российской правовых культур. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2016. – 118 с.
9. Право Кавказской цивилизации: Научно-исследовательский проект / Под ред. Д.Ю. Шапсугова, Х.Дж. Исмаилова и др. Ростов-на-Дону — Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2014. – 315 с.
10. Сюкияйнен, Л.Р. Современная исламская правовая мысль о халифате и гражданском государстве с исламской ориентацией // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII–XX вв.): сравнительный анализ. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. – 15–31 с. – 520 с.
11. Türk Hukuk Tarihi / Red.: Boşgun Uçok, Ahmet Mumcu və Əlnihal Bozkurt. 10-cu nəşr. Ankara, 2004, – 358 s.
12. Шарль, Р. Мусульманское право. М.: Госюриздат, 1959. – 144 с.
13. <https://minval.az/news/124460768>.

Ким Клара Васильевна
заслуженный профессор Высшей школы права Maqsut Narikbayev
University, кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности как объекта правовых исследований в условиях трансформации научного знания, обусловленной развитием искусственного интеллекта. Анализируются методологические основания научного исследования в юриспруденции, выделяется ключевая роль правильного определения объекта и предмета исследования для обеспечения научной обоснованности результатов. Особое внимание уделено значению деятельности как формы проявления общественных отношений, а также рассмотрению возможностей и ограничений использования искусственного интеллекта в правовой сфере. Автор предлагает концептуальные подходы к определению места искусственного интеллекта в структуре правового познания и поднимает вопросы об изменении традиционного методологического аппарата юридической науки.

Ключевые слова: объект исследования, предмет исследования, деятельность, искусственный интеллект, юридическая наука, методология, правовое познание, комплексный подход.

Современные условия глобальных преобразований обуславливают и необходимость радикальных изменений в развитии наук, в частности – правовых. Эволюционные изменения в праве связаны, в первую очередь, с такими новыми вызовами, как появление и развитие искусственного интеллекта, защиты данных, развитие междисциплинарного подхода и др. В юридической науке выбор объекта исследования играет ключевую роль в определении как методологических оснований, так и направлений познания правовой действительности. Методологические дискуссии относительно объекта и предмета науки вообще и юридической науки в частности продолжаются в течение многих десятилетий. Одним из актуальных аспектов этих дискуссий становится вопрос о том, каким образом в условиях цифровизации и появления новых технологических агентов, таких как искусственный интеллект (ИИ), должен формироваться подход к определению объекта исследования в праве.

Значение объекта для анализа научного исследования, в первую очередь, определяется следующим. Первоначальный обобщенный анализ и получение представления о содержании научной работы (монографии, диссертации, статьи и т.п.) определяются путем ознакомления с её наименованием. В аннотации оно конкретизируется, отражая сформулированные автором цель, задачи, метод и содержанием

результатов. Данные структурные элементы научной работы представляют собой качественное единство, поскольку отражают отдельные предметные стороны объекта научного исследования и могут быть правильно поняты и оценены только во взаимосвязи с ними. Научная достоверность и обоснованность работы обеспечивается ясным пониманием автора объекта и подлежащих исследованию его предметных сторон, что предполагает определенную последовательность в предстоящей работе по достижению её результативности:

- понимание научной проблемы;
- формулирование цели, связанной с её разрешением;
- представление объекта;
- определение предмета исследования,
- и соответствующие им задачи, решение которых обусловливается поставленной целью.

Определение данных структурных составляющих научно-исследовательской деятельности являются основой для формирования круга источников получения необходимой информации и достижения поставленных целей и задач: направления поиска необходимой нормативной, специальной литературы, эмпирических материалов, (материалов соответствующей юридической практики, статистических данных и др.), а также методов исследования и ожидаемых результатов. «Формулирование предмета исследования фреймирует и упорядочивает, артикулированно идентифицирует исследовательское пространство», отмечает д.ю.н., профессор И.В. Понкин [1. стр.65].

Таким образом, правильное определение объекта исследования соответственно обусловливает и обоснованное формулирование остальных системных элементов научного исследования, составляющих её методологию. В философии и методологии науки объект исследования традиционно определяется как фрагмент объективной реальности, на который направлена познавательная деятельность субъекта. В юридической науке объектом, как правило, признаются правовые явления, происходящие в социальной действительности, такие как правовые отношения, правовое поведение, нормы права и др. Однако в современной научной дискуссии усиливается акцент на деятельностный подход, согласно которому объектом юридического познания является прежде всего правовая деятельность как форма существования и выражения права в действительности.

Методологическое значение объекта и предмета обращает в последнее время большое внимание в юридической науке, что закономерно для современного её развития с появлением новых теорий, учений, институтов, связанных с расширением сфер человеческой деятельности, требующих правового регламентирования, с одной стороны. С другой стороны, появление искусственного интеллекта обязывает его использовать, чтобы быть востребованной и

соответствовать требованиям современного этапа развития человечества.

Под искусственным интеллектом понимается область исследования в информатике, разрабатывающая и изучающая «методы и программное обеспечение, позволяющие машинам воспринимать окружающую среду и использовать обучение и интеллект для принятия действий, которые максимизируют их шансы на достижение поставленных целей [2]. Таким образом, это машинная форма жизни прообраза (модели) человеческого интеллекта, поэтому открывает сложно прогнозируемые широкие возможности для развития права. Например, расширение источников информации, оперативный и качественный анализ больших данных, прогнозирование и моделирование правовых ситуаций, предложение новых направлений исследований, прогнозируемых идей, в том числе анализ и проектирование правовых актов и т.д. Проблема использования искусственного интеллекта, на наш взгляд, начинается с вопроса: «Какое место занимает искусственный интеллект в жизни человека.» Концептуальная направленность создания искусственного интеллекта Аланом Тьюрингом определена как имитация человеческой деятельности в его работе «Вычислительные машины и разум» [3], где он утверждал, что создание ИИ должно определяться невозможностью отличия человеческого и машинного разума [4].

В правовой сфере проблемы использования искусственного интеллекта (ИИ) следует выделить вопрос о соотношении юридической деятельности и ИИ, его места и роли в общей системе права, а также в познавательной структуре правовой деятельности: цель, задачи, субъект, объект, метод, условия? Одним из подходов уяснения данной проблемы является уяснение соотношения объекта права и объекта искусственного интеллекта.

Больше внимания в правовой литературе обращается на предмет права, к которому общепринято относить общественные отношения, им урегулированные. В учебниках по юридическим дисциплинам, как правило, не выделяется объект исследования, а определяется предмет. Кузнецова О.А. и Захаркина А.В., отмечая понимание объекта и предмета как одной из основных методологических проблем, считают, что «сложность разграничения данных категорий привела к рассмотрению только предмета» [5. стр.219].

Практически не вызывающим возражений являются понимание объекта юридической науки как части, явления окружающей действительности, на которую направлено познание, а предмета – его стороны, свойства признаки. Например, объектом называется правовая действительность, а предметом – закономерности правовых процессов для последующего применения в правотворческой и правоприменительной деятельности [6. стр.68]. «Объект исследования – это то, что мы видим в объективной действительности, но не понимаем внутренних законов, причин, условий его существования и

функционирования. Предмет науки — выявление внутренних существенных признаков и связей объекта», считают Кузнецова О.А. и Захаркина А.В. [5. стр.220].

Интересно сравнение понятия объекта и предмета исследования в отдельных правовых науках.

«Объектом социального цивилистического исследования как фрагментированной части объективной реальности являются фактические гражданско-правовые отношения (деятельность, правовой быт).» [5. стр.238]. «Основными объектами цивилистического познания являются гражданско-правовые предписания, фактические гражданско-правовые отношения и сама цивилистическая наука», к предмету относят «...закономерности возникновения, функционирования и развития объекта, отраженные в виде теоретического, в том числе догматического, знания об объекте» [5. стр.240-241]. Думаем, что главное в определении предмета правовой отрасли является конкретизация таких закономерностей, поскольку любой объект многопредметен и может исследоваться различными науками. Например, человек является объектом познания многих наук, однако их предметные сферы не могут полностью совпадать (медицина, социология, криминология и др.), так как они должны отвечать различным социальным назначениям данных научных отраслей.

В учебниках отраслевых правовых наук общепринято под предметом права понимать круг общественных отношений, подлежащий регулированию определённой отраслью права. Например, предмет гражданского права — круг отношений, регулируемых гражданско-правовыми нормами [7]. Статья 1. ГК РК предусматривает такие виды отношений:

- товарно-денежные и иные основанные на равенстве участников;
- имущественные отношения;
- личные неимущественные отношения, несвязанные с имущественными;
- семейные, трудовые отношения и отношения по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, отвечающие признакам, указанным в пункте 1 настоящей статьи, если они не регулируются соответственно семейным, трудовым законодательством, законодательством об использовании природных ресурсов и охране окружающей среды;
- имущественные отношения, основанные на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим бюджетным отношениям, в исключительных случаях, предусмотренных законом.

Предметом уголовного права определяются отношения, возникающие в результате совершения уголовного правонарушения [8. стр.8], [9. стр.7], [10. стр.11]; «социальные отношения, обеспечивающие состояние защищенности жизненно важных интересов личности,

общества, государства, сообществ государств и всего человечества от преступных посягательств» [11. стр.11].

Предметом криминологической науки определяют закономерности и тенденции преступности с целью её контроля, прогнозирования и предупреждения [12. стр.20].

Калиновский К.Б. объектом исследования науки уголовного процесса называет уголовно-процессуальную деятельность, поскольку она непосредственно связана с уголовно-процессуальными нормами и правоприменительной практикой [13. стр.11].

К предмету регулирования гражданского процессуального права относят само судопроизводство по гражданским делам, или деятельность всех участников гражданского процесса, а объектом – общественные отношения, складывающиеся при их рассмотрении [14. стр.6].

К предмету трудового права относят трудовые и непосредственно с ними связанные отношения [15].

На наш взгляд не раскрывает и не конкретизирует понятие и содержание распространённая фраза – «объект исследования – общественные отношения в некоторой сфере и с чем связанных – пустая ссылка, не несущая информации» [16. стр.19]. Важность определения объекта научного исследования и его методологическое значение наглядно проявляется в наименованиях таких работ, как «Определение объекта правовых наук как предпосылка решения методологических задач исследования», «Деятельность как реальная движущая сила правового регулирования», «Различие объекта и предмета науки» и др., сформулированных в рабочей программе по дисциплине программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре [17].

Одной из первых юридических наук криминалистика определила деятельность как объект своего исследования. Использование деятельностного подхода легло в основу появления и развития таких криминалистических теорий и учений, как: о способе совершения преступлений, об обстановке, о следственной ситуации, криминалистической ситуации, тактических операциях, криминалистической виктимологии, тактических решениях и др. [18. стр.100]. Основной задачей данных теорий и учений была разработка типовых практических рекомендаций по принятию решений о выборе оптимального алгоритма расследования уголовных правонарушений. Единство методологического подхода позволило создать научные основы для алгоритмизации на основе компьютерных технологий решения отдельных задач расследования, в частности: автоматизацию систем криминалистических учетов по отпечаткам пальцев, по внешним признакам; идентификации и диагностики по голосу, по внутренней структуре вещества (кровь, иные вещества), ситуаций по определению механизма дорожно-транспортных происшествий и т.д.

Если «искусственный интеллект — это искусственная система, имитирующая интеллектуальную деятельность человека» [19. стр.4], то и

основным объектом его изучения является человеческая деятельность, все её процессы: информационные, интеллектуальные, эмоциональные и др. Когда основным назначением правовой деятельности любой сферы является оптимальная и эффективная защита прав и интересов граждан, то и объект изучения представляется шире определенного вида отношений, поскольку последние могут проявляться, реализовываться только посредством деятельности, никак не иначе. Соответственно общей структуре деятельности определяется и место ИИ в принятии правовых решений: признать его одним из субъектов, объектом изучения, средством или только средством, или только объектом исследования. В любом варианте все исследования, связанные с использованием искусственного интеллекта для решения правовых задач, должны носить характер комплексных исследований. Соответственно результату решения данного вопроса обусловлены и основные проблемы использования искусственного интеллекта в правовой деятельности: ИИ должен относиться к объекту или субъекту права, пределы использования ИИ в правовой сфере, ответственность ИИ за «незаконное поведение», этические основы использования ИИ, возможность прогнозирования «поведения» ИИ, учитывая, что это саморазвивающаяся система.

На наш взгляд, правовая деятельность как объект познания полностью соответствует требованиям постнеклассической [20. стр.254–260] методологии: она включает субъект, является динамичной, контекстуальной и взаимодействующей с технологиями, в том числе ИИ. Именно в деятельности, в её правовой форме, синтезируются общественные отношения, нормы, действия и ценности.

Таким образом, искусственный интеллект, как новое средство анализа, интерпретации и моделирования правовых процессов, начинает влиять на саму структуру юридического познания. Он не только расширяет инструментарий исследователя, но и меняет способы восприятия и интерпретации правовой реальности. ИИ способен моделировать правовые ситуации, выявлять закономерности в больших массивах правовых данных и даже участвовать в формировании правовых норм. Это, в свою очередь, требует переосмысления как объекта, так и предмета исследования. Использование деятельностного подхода при определении объекта исследования не только методологически оправдано, но и обеспечивает более целостное и гибкое понимание права как динамической, открытой системы, в которой субъект и объект соотносятся не как внешние полюса, а как взаимовлияющие элементы. Установление места искусственного интеллекта в структуре правовой деятельности — как объекта, субъекта, средства или партнёра по взаимодействию — требует комплексного подхода, опирающегося на философию, информатику, теорию, практику права. Только при сохранении методологической целостности возможна разработка

эффективных правовых решений и адаптация юридической науки к вызовам цифровой эпохи.

Список использованной литературы:

1. Понкин И.В. Объект и предмет научного или прикладного аналитического исследования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. – № 3 (51). – 65-69 с. // [obekt-i-predmet-nauchnogo-ili-prikladnogo-analiticheskogo-issledovaniya.pdf](#).
2. Искусственный интеллект// https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_intelligence.
3. Вычислительные машины и разум [https://ru.wikipedia./](https://ru.wikipedia/).
4. Тест Тьюринга https://ru.wikipedia.org/wiki/Тест_Тьюринга.
5. Кузнецова О.А., Захаркина А.В. Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. Право. 2019. – 217-249 с. // [obekt-i-predmet-issledovaniya-v-tsivilisticheskikh-dissertatsiyah.pdf](#).
6. Попондопуло В.Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия вузов. Правоведение. 2016. – № 5. – 68-85 с. – [obekt-i-predmet-yuridicheskoy-nauki.pdf](#)
7. Басин Ю. Г. Понятие гражданского права https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1015276&pos=6;-107#pos=6;-107.
8. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник. 2-ое изд., перераб. и доп. /Под ред. д.ю.н., профессора, засл. деятеля науки РФ Ревина В.П. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 504 с.;
9. Суденко, В.Е. Уголовное право. Общая часть: лекции / В.Е. Суденко; под ред. Н.А. Духно. – М.: Юридический институт МИИТа, 2016. – 197 с.
10. Нуртаев Р.Т. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник / АО Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева. – Астана, 2018. – 411 с.
11. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.С. Прохорова, В.Ф. Шепелькова. 3-е изд., испр. и доп. _ Спб. : Изд-во С-Петерб. Ун-та, 2018. - 628 с.
12. Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата. - М.: Изд-во Юрайт, 2019. - 686 с.
13. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Норма, 2020. <https://kalinovsky-k.narod.ru/p/upp/upp1-4.htm>.
14. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. -М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. – 448 с.
15. Трудовое право. Предмет [https://ru.wikipedia.org/wiki/Трудовое право_Предмет](https://ru.wikipedia.org/wiki/Трудовое_Право_Предмет).
16. Протасов В.Н. Некоторые проблемы защиты диссертаций в современной российской юриспруденции // Государство и право. 2013. – № 5. – 16–23 с.
17. «Методика правовых исследований» юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова <https://www.law.msu.ru>.
18. Ким К. В. Объект криминалистики: понятие и методологическое значение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. – № 4 (71). – 98-104 с.
19. Иванов, В. М. Учебное пособие. Интеллектуальные системы: учебное пособие / В. М. Иванов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 92 с.
20. Стёпин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

Кулжабаева Жанат Орынбековна
ведущий научный сотрудник Института законодательства и правовой
информации Министерства юстиции Республики Казахстан,
кандидат юридических наук, доцент

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ВЫЗОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается влияние процессов глобализации на развитие международного права. Глобализация приводит к расширению сферы международного правового регулирования, формированию новых наднациональных институтов и усилению международного сотрудничества. Однако одновременно с этим наблюдается фрагментация международного права, вызванная увеличением специализированных правовых режимов и потенциальными конфликтами норм. Анализируются вызовы, возникающие в связи с глобализацией, включая ослабление традиционного государственного суверенитета, усиление роли негосударственных акторов и необходимость адаптации международного права к динамично меняющимся условиям. Рассматриваются основные тенденции развития международного права в условиях глобализации, гармонизация национальных законодательств и развитие механизмов разрешения международных споров. В заключении обсуждаются перспективы международного права в условиях глобализации, включая возможности создания более эффективных механизмов глобального управления, укрепления принципа многосторонности и адаптации международных норм к технологическим и экологическим вызовам современности.

Ключевые слова: глобализация, фрагментация, международное право, Организация Объединённых Наций, правовые системы, государство, международные организации, унификация, гармонизация, международный договор.

Введение. Современное употребление термина «глобализация» началось в 1960-х годах. Уже в 1961 году в Оксфордском словаре зафиксировано его первое употребление, связываемое с экономическими и социологическими исследованиями, направленными на анализ возрастающей взаимосвязанности стран. Однако именно в 1980-х и 1990-х годах понятие получило более широкое распространение, когда процессы международной торговли, технологические изменения и культурный обмен стали определять динамику мировых отношений - The action, process, or fact of making global; esp. (in later use) the process by which businesses or other organizations develop international influence or start operating on an international scale, widely considered to be at the expense of national identity [1].

Юридическая дискуссия о глобализации начала активно развиваться в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда процессы международной интеграции начали активно влиять на правовые системы. В этот период юристы стали всё активнее анализировать, каким образом процессы глобальной интеграции и транснациональной деятельности влияют на традиционные правовые категории, такие как суверенитет, юрисдикция и национальное регулирование. Эта дискуссия стала особенно актуальной в условиях расширения международной торговли, развития транснациональных корпораций и ускорения технологических изменений, что привело к необходимости пересмотра национальных правовых систем и усилению роли международного права.

Международное право стало рассматривать глобализацию в контексте расширения международных организаций, например, Всемирной Торговой организации, Международного валютного фонда, Всемирного Банка, и усиления транснационального бизнеса. Десятилетиями позже, в 90-е годы, после окончания холодной войны, началось изучение влияния глобализации на суверенитет государств, международное право и правозащитные механизмы. К 2000 году формируется отдельная юридическая дисциплина – глобальное право, связанная с транснациональными нормами, международной торговлей и правами человека. Одним из первых исследователей юридического осмысливания глобализации считается Дэвид Хелд.

В фундаментальном исследовании процессов глобализации, подготовленном Дэвид Хелд, Энтони Макгрю, Дэвид Гольдблатт, Джонатан Перратон авторы анализируют, как современная фаза глобализации трансформирует общества в различных сферах: изучается влияние глобализации на государственный суверенитет, демократию и международные институты; рассматриваются изменения в мировой торговле, финансах и производстве под воздействием глобальных процессов; анализируется распространение культурных ценностей и развитие глобальных коммуникационных сетей; исследуются причины и последствия глобальных миграционных потоков; обсуждаются экологические вызовы, возникающие в условиях глобализации; рассматриваются изменения в характере конфликтов и адаптация международного права к новым реалиям. Авторы выделили основные позиции в отношении глобализации: во-первых, глобализация ведет к исчезновению национальных государств и созданию единого глобального рынка; во-вторых, имеются сомнения в новизне и масштабе глобализации, утверждая, что национальные государства сохраняют свою значимость; в-третьих, глобализация способствует глубоким изменениям в структурах власти и общества, но не обязательно к упадку национальных государств [2].

Американский философ Джон Ролз известен своей работой «Теория справедливости» (1971), где он представил концепцию справедливости как честности. Хотя Ролз не писал напрямую о глобализации, его идеи о

справедливости и принципах социального устройства оказали влияние на дискуссии о глобальном правосудии и международной справедливости [3]. Социолог Саския Сассен известна своими исследованиями в области глобализации, особенно концепцией «глобальных городов». В своей книге «Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио» (1991) она анализирует, как эти города стали ключевыми узлами в глобальной экономике, влияя на процессы миграции, неравенства и урбанизации [4]. Таким образом, работы Сассен предоставляют глубокий анализ механизмов и последствий глобализации, в то время как идеи Ролза о справедливости способствуют пониманию этических аспектов глобальных процессов. Эти книги являются основополагающими работами в области политической философии и социологии, предоставляя глубокий анализ концепций справедливости и глобализации.

Известный российский юрист и международник, Игорь Иванович Лукашук, отмечал, что глобализация приводит к коренным изменениям в правовом регулировании. Основные идеи И.И. Лукашука сводились к следующим тезисам [5]:

- глобализация способствует трансформации международного права, когда влияние глобальных процессов ослабляет традиционный суверенитет государств; возникает новая система наднационального регулирования;
- право становится «глобальным», т.е. международное право расширяет свое воздействие на внутренние правовые системы государств. Появляются новые правовые нормы, которые регулируют глобальные вызовы;
- повышается роль международных организаций в правовом регулировании на глобальном уровне;
- глобализация способствует развитию международных стандартов защиты прав человека, но одновременно создает риски неравномерного развития и кризиса правового регулирования.

Таким образом, по мнению Лукашука, глобализация стала причиной нового подхода в международном и национальном праве, требующего обновления законодательной базы для адекватного отражения трансформаций в мировой системе отношений.

Основная часть. Многоаспектность глобализации затрагивает экономические, политические, социальные и культурные процессы, способствующие интеграции и взаимозависимости государств. В правовой сфере глобализация проявляется через унификацию и гармонизацию правовых норм, а также через развитие наднациональных правовых институтов.

Влияние глобализации на международное право осуществляется унификацией правовых норм, а именно, разработкой универсальных стандартов в различных областях, таких как права человека, торговля, экология, способствует сближению национальных правовых систем.

Кроме того, складывается объективная ситуация, способствующая развитию новых отраслей международного права, которые отражали бы необходимость регулирования глобальных процессов и решения новых вызовов. Изменяются функции международного права: помимо традиционных функций, международное право начинает выполнять коммерческую функцию, регулируя глобальные экономические отношения.

Какие проблемы и вызовы связаны с глобализацией? Увеличение числа международных договоров и организаций может привести к конфликтам между различными правовыми режимами и нормами. С расширением наднациональных структур и обязательств может ограничиваться автономия национальных правовых систем, что угрожает суверенитету государства. Глобализация может усиливать разрыв между развитыми и развивающимися странами, что требует разработки механизмов справедливого распределения ресурсов и преимуществ.

Адаптация международного права к условиям глобализации может осуществляться в следующих направлениях:

- разработка новых правовых механизмов: создание гибких инструментов, способных оперативно реагировать на глобальные изменения и вызовы;
- усиление роли международных организаций: повышение эффективности таких структур, как ООН, ВТО и других в регулировании глобальных процессов;
- поиск баланса между универсализмом и партикуляризмом: сочетание общепризнанных международных норм с учетом специфики отдельных государств и регионов.

Каковы перспективы развития международного права в условиях глобализации? Полагаем, что это возможно через укрепление принципа верховенства международного права, т.е. обеспечение приоритета международных норм над национальными в решении глобальных проблем. Кроме того, посредством расширения участия негосударственных акторов, а именно: признание роли транснациональных корпораций в формировании и реализации международных правовых норм. Возникает объективная необходимость интеграции новых технологий, связанных с цифровизацией, кибербезопасностью и искусственным интеллектом, то есть международное право должно адаптироваться к современным вызовам. Таким образом, глобализация выступает как ускоритель изменений в международном праве, требуя его постоянного обновления и приспособления к динамично меняющемуся миру.

Глобализация предъявляет новые требования к международному праву, вызывая необходимость совершенствования его норм и институтов. В таких условиях содержание некоторых отраслей международного права необходимо либо актуализировать, либо пересмотреть. Например, с усилением регулирования

транснациональных корпораций и глобальных финансовых рынков для предотвращения экономических кризисов и обеспечения справедливой конкуренции нормы международного экономического права должны иметь иные подходы. В экологической сфере правоотношений необходимо разработать более эффективные механизмы для борьбы с глобальными экологическими проблемами, такими как изменение климата и утрата биоразнообразия. Глобальные миграционные процессы способствуют обновлению стандартов труда и защиты прав работников в различных юрисдикциях, что приведет к пересмотру ряда норм и институтов международного трудового права. Создание норм, регулирующих кибербезопасность, защиту данных и цифровую торговлю в условиях растущей цифровизации будет способствовать международно-правовому регулированию в сфере информационных технологий. Полагаем, что необходимо дальнейшее развитие системы международных правозащитных механизмов в связи с усилением институтов, обеспечивающих защиту прав человека, особенно в контексте миграции и беженцев. В области уголовных правоотношений будут совершенствоваться нормы, направленные на борьбу с транснациональной преступностью и терроризмом. Для разрешения споров между государствами и негосударственными акторами повысится эффективность и авторитет международных судов и арбитражей. Международное сообщество понимает, что для эффективного регулирования новых вызовов и обеспечения стабильности в мировом сообществе требуется адаптация и совершенствование международного права.

В условиях глобализации государства продолжают играть основную роль в развитии международного права. Их вклад проявляется в создании и принятии международных договоров и соглашений, формируя правовые рамки для регулирования глобальных процессов. Через свою практику и правовые позиции государства способствуют развитию и адаптации международного права к новым вызовам, возникающим в условиях глобализации, что, несомненно, влияет на эволюцию международного права. Несмотря на процессы глобализации, государства сохраняют свой суверенитет, адаптируя его к новым условиям и обеспечивая баланс между национальными интересами и международными обязательствами.

Выше обозначенные задачи стоят не только перед государствами, но и международными организациями как основными субъектами международного права. В условиях глобализации Организация Объединенных Наций (далее – ООН) играет основополагающую роль в координации международных усилий, направленных на решение глобальных проблем и обеспечение устойчивого развития. Основные направления деятельности ООН в этом контексте включают, прежде всего, содействие устойчивому развитию. ООН активно продвигает Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года,

которая включает 17 целей, направленных на ликвидацию бедности, борьбу с неравенством и решение экологических проблем. ООН стремится обеспечить, чтобы преимущества глобализации были доступны всем странам, особенно развивающимся, и минимизировать негативные последствия, такие как экономическое неравенство и экологические риски. Будучи универсальной платформой для диалога, ООН способствует мирному разрешению конфликтов, укреплению международного права и защите прав человека. ООН играет центральную роль в мобилизации международных усилий по борьбе с изменением климата, глобальными эпидемиями и другими транснациональными угрозами. Таким образом, ООН способствует позитивным изменениям и координирует усилия мирового сообщества для эффективного управления процессами глобализации.

Заключение. Глобализация приводит к усилению взаимозависимости государств, формированию универсальных норм и созданию наднациональных институтов (например, ООН, ВТО, Международный уголовный суд). Это способствует унификации международного права и его применению в глобальном масштабе. Однако параллельно с этим происходит фрагментация международного права.

Фрагментация выражается в разделении международного права на автономные отрасли, которые часто регулируются разными нормами и принципами. Из-за этого возникает конкуренция между правовыми системами и даже конфликты норм. Например, решения ВТО могут противоречить нормам прав человека, закрепленным в ООН. Фрагментация международного права – это процесс, при котором международное право разделяется на множество специализированных норм и режимов, что может приводить к конфликтам и снижению согласованности в правоприменении. Увеличивается количество норм и договоров, регулирующих различные аспекты международных отношений, способствует усложнению системы и возникновению пересечений между ними. Появляются новые субъекты международного права, такие как международные организации и негосударственные акторы, что приводит к созданию дополнительных норм и механизмов регулирования. Необходимо упомянуть, что различия в правовых традициях и подходах в разных регионах мира могут способствовать созданию региональных норм, отличающихся от общепризнанных международных стандартов. К последствиям фрагментации относятся конфликты норм и сложности в правоприменении. Первая позиция несогласованности между различными нормами может приводить к юридическим коллизиям и затруднять их применение. Вторая способствует тому, что различные судебные и арбитражные органы могут по-разному интерпретировать схожие нормы, что снижает предсказуемость и единообразие международного права. Фрагментация

может подрывать единство и управляемость международно-правовой системы, снижая ее эффективность.

К путям преодоления фрагментации относятся, во-первых, согласование и унификация различных норм и режимов для обеспечения их совместимости и предотвращения конфликтов; во-вторых, повышение взаимодействия и обмена информацией между различными международными организациями и судебными органами для обеспечения согласованности в правоприменении. Наконец, в-третьих, создание процедур и институтов, способных эффективно разрешать возникающие коллизии между различными нормами и режимами. Таким образом, фрагментация международного права представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий постоянного внимания и усилий со стороны международного сообщества для обеспечения целостности и эффективности правовой системы.

Глобализация расширяет сферу международного права, но делает его более сложным и многоуровневым. Фрагментация – неизбежный результат глобализации, поскольку разные сферы требуют специализированного регулирования. Конфликты между нормами требуют создания механизмов согласования, например, принципа *lex specialis* (специальные нормы имеют приоритет). Таким образом, глобализация и фрагментация – не противоположные, а взаимодополняющие процессы, которые формируют современное международное право.

Список использованной литературы:

1. Официальный сайт: Oxford English Dictionary Online: https://www.oed.com/dictionary/globalization_n?tab=meaning_and_use#3012225/.
2. Д. Хелд, Э. Макгрю, Д. Гольдблатт, Дж. Перратон. Глобальные трансформации: политика, экономика и культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. – Москва: Праксис, 2004. 447 с.
3. Джон Ролз. Теория справедливости. – Новосибирск: Издательство НГУ, 1995. Переводчик: С. Моисеев. – 534 с.
4. Саския Сассен. Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио. Переводчик: А.Г. Брудный. – Москва: Издательский дом «Весь Мир», 2008. – 472 с.
5. Лукашук И.И. Глобализация, право, государство. – Москва: Издательство «Юридическая литература», 2000. – 118 с.

Мансұрова Мадина Есімханқызы

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Жасанды интеллект және Big data кафедрасының меңгерушісі, физика-математика ғылымдарының кандидаты, профессор

ҚАЗАҚСТАН ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫНА АРНАЛҒАН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ КӨМЕКШІСІН ӘЗІРЛЕУ ЖӘНЕ ҚОЛДАНУ

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан құқық қорғау органдарына арналған жасанды интеллект көмекшісінің тұжырымдамасы сипатталады. Жүйе іздеу арқылы күшейтілген генерация Retrieval-Augmented Generation (одан әрі – RAG) әдісімен жетілдірілген үлкен тілдік модельдерге (LLM) негізделген және екі тілде – қазақша және орысша жұмыс істеуге бейімделген. Көмекші оқиға туралы есептерді автоматты жасау, процессуалдық құжаттарды дайындау, жедел сауалдарға жауап беру, барлау-талдау, рәсімдік нұсқаулықтар секілді әртүрлі міндеттерді атқарады. Мақалада модель архитектурасы, оқыту стратегиялары, ведомстволық дерекқорлармен қауіпсіз біріктіру, тілдік бейімдеу және нәтижені ресми деректерге негіздейтін қауіпсіз RAG конвейерінің іске асырылуы егжей-тегжейлі талданады. Конвейер PDF, Word, TXT, JSON файлдарын және веб-сілтемелерді өңдей алады, бұл көмекшінің білім базасын барынша кеңейтеді. Сондай-ақ дербес деректерді қорғау, теңгерімділік пен ашықтық, есеп берушілік және Қазақстан заңнамасына толық сәйкестік сынды этикалық-қоғамдық мәселелер қарастырылады.

Қазіргі таңда құқық қорғау органдары орасан зор әрі үзіліссіз өсіп отырған ақпарат ағынымен, көпсатылы процессуалдық талаптармен және уақыт талабы — шұғыл әрі дәл шешім қабылдаумен бетпе-бет келеді. Тергеу материалдары, жедел мәліметтер, бейнебақылау түсірілімдері мен цифрлық іздер күн сайын терабайттап жиналып, оларды дер кезінде өңдеп, дұрыс интерпретациялау құқық қорғау қызметінің нәтижелілігін айқындайтын басты факторға айналды. Қазақстан жағдайында бұл сын-қатерлер қос тілдік орта — қазақ және орыс тілдерінің қатар қолданылуымен Үкімет жүзеге асырып отырған ауқымды цифрлық трансформация бағдарламалары арқылы бұрынғыдан да күрделене түсуде.

Осы күрделі жасанды интеллекттің қарқынды дамып келе жатқан саласы — үлкен тілдік модельдер (LLM) — құқық қорғау қызметіне тың серпін бере алады. LLM-дер табиғи тілді терең түсініп, адамға ұқсас мәтін құра білу мүмкіндігінің арқасында:

- Оқиға туралы есептерді автоматты түрде құрастырып, қызметкерге тек фактіні нақтылауды қалдырады;
- Заң және ішкі ведомстволық құжаттарды семантикалық тұрғыда талдап, қажетті бапты не нормативті қысқа уақытта табады;

- Көптілді интерактивті нұсқаулықтар ұсыну арқылы жас мамандардың да, тәжірибелі офицерлердің де ресми рәсімдерді қатаң сақтап, қателікке жол бермеуін қамтамасыз етеді;

- Барлау-талдау жұмыстарын жеделдетіп, деректер арасындағы жасырын байланыстарды ұсыну арқылы стратегиялық шешім қабылдауды қолдайды.

Бұған қоса, трансшекаралық қылмыстардың көбеюі, киберқауіптердің эволюциясы және қоғамның мемлекеттік қызмет сапасына қойып отырған жоғары талаптары LLM негізіндегі құралдардың өзектілігін арттыра түсуде. Осы орайда құқық қорғау жүйесіне арнайы бейімделген, екі тілде бірдей сауатты жұмыс істейтін және ұлттық заңнамаға сәйкестендірілген ЖИ-көмекші — ақпаратты өңдеу, талдау мен құжаттандыру процестерін жаңа сапалық деңгейге көтеруге қабілетті перспективалық шешім.

RAG технологиясы.

Дегенмен, дәстүрлі LLM-дер фактілік қателікке (галлюцинация) ұрынып, өзекті контексттен ажырап қалуы мүмкін. Мұны еңсеру үшін іздеу арқылы күшейтілген генерация (RAG) тәсілі ұсынылады: LLM жауап бермес бұрын заң баптары, архивтік іс материалдары немесе барлау есептері сияқты құзыретті дереккөздерден ақпарат іздеп алып, соларға сүйенеді (Сурет 1). Осылайша, модельдің тілдік икемділігі деректер қорының нақтылығымен үйлесіп, қате ықтималдығы азаяды және нәтиженің шығу тегі айқындалады. Қазақстан жағдайында мұндай шешім екі тілде де еркін жұмыс істеп, ұлттық заңнама мен рәсімдерді ескеріп, мемлекеттік қорғалған инфрақұрылымда іске асыра алады.

Сурет 1. RAG қалай жұмыс істейді

Өртүрлі дереккөздерді бір арнаға тоғыстыру үшін RAG конвейері жетілдірілген деректерді қабылдау тетігімен толықтырылған: жүйе құқық қорғау органдарында жиі кездесетін PDF, Word, TXT секілді құрылымсыз құжаттардан маңызды ақпаратты автоматты іріктеп, JSON пішіміндегі құрылымданған деректерді (ішкі БҚ немесе сыртқы API) да өңдейді. Бұған қоса, таңдалған веб-сілтемелерден (мысалы, ресми құқықтық порталдар) деректі тікелей жүктеп, білім базасын толықтырады. Бұл әмбебаптық көмекшіге кең әрі өзекті мәліметтер жиынтығын пайдаланып, дәл әрі мазмұнды жауап беруге мүмкіндік береді.

Этикалық және қоғамдық аспектілер.

Жүйе privacy-by-design қағидатын ұстана отырып, сезімтал деректерге қолжетімділікті шектейді, барлық сұрау-жауап әрекеттерін журналға жазады және оқу деректерін жеке басын анықтайтын мәліметтерден арылтып береді. RAG тәселінің арқасында көмекші жеке деректерді ішке жаттап алмай, қажет кезде ғана қорғалған дерекқордан жүктейді.

Тарихи деректердегі ықтимал қиғаштықты күшейтпеу үшін модель арнайы этикалық нұсқаулармен түйінделіп, қорғалған белгілерге (ұлт, дін, жыныс және т.б.) негізделген профильдеуге тыйым салады. Үздіксіз сынақ-бағалау мен білім базасын жаңарту әділ нәтижені қамтамасыз етеді. Көмекші тек кеңесші рөлін атқарады; шешім қабылдау құқығы әрқашан адамда қалады, ал күмәнді жауаптарды шұғыл хабарлап, түзетуге арналған арнаулы кері байланыс арналары бар.

RAG тәсілі пайдаланылған бастапқы құжаттарды көрсетуге мүмкіндік беріп, ішкі пайдаланушыларға да, сот жүйесіне де көмекшінің жауабын тексеруге жол ашады. Модель белгісіз жағдайда болжам жасағаннан гөрі «нақты дерек жоқ» деп мойындауды жөн көреді. Барлық ұсыныстарды түпкілікті растау – адам офицерлердің мойнында; ЖИ-тің ұсынымдары негізінде жасалған әрекеттер толық журналданады. Жоба Қазақстанның дербес деректерді қорғау, цифрлық басқару жөніндегі заңдарына және халықаралық этикалық стандарттарға толығымен сай келеді. Технологияға заңи-этикалық талаптарды әуелден енгізу көмекшіні мемлекеттік секторда жауапты қолданыстың үлгісіне айналдырады.

Қорытынды. RAG-тұлғаланған ЖИ көмекшіні Қазақстан құқық қорғау қатарына енгізу – цифрлық тұрғыдан жаңартудың тың қадамы. Жергілікті ерекшелікке дәл бейімделген және этикалық талаптарды алдын-ала ескеріп жобаланған бұл жүйе шешім қабылдау сапасын арттырып, офицерлердің уақытын үнемдейді. Жобаны кезең-кезеңмен пилотқа енгізу, тұрақты кері байланыс жинап, жетілдіру – ЖИ-ті жауапкершілікпен өрістетудің кілті. Осындай тәжірибе екі тілдік және қауіпсіздік талаптары ұқсас басқа өңірлер үшін де үлгі бола алады, әрі әлемдегі әділ және тиімді құқық қорғау саласына арналған жасанды интеллектті пайдалану жөніндегі дискурсқа маңызды үлес қосады.

Мукатаев Талгат Маратович
старший научный сотрудник Межведомственного
научно-исследовательского института Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к определению искусственного интеллекта (ИИ), представленные в нормативных актах, рекомендациях и инициативах международных организаций, а также в законодательстве отдельных стран. Особое внимание уделяется их влиянию на развитие технологий ИИ за рубежом, приведена компиляция определений искусственного интеллекта, с фокусом на его практическое применение, в том числе в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, определение, понятие.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) привело к необходимости формирования правового регулирования, которое охватывает все сферы применения новых технологий.

Одной из важнейших задач в контексте применения ИИ является чёткое определение понятий и концепций. Это создаёт основу для разработки нормативных актов, регулирующих использование ИИ, что требует внимательного рассмотрения определений ИИ, закреплённых в законодательных актах, рекомендациях и других инициативах.

Выработка определений ИИ, как его правового статуса и ответственности за его ошибки, сегодня в международно-правовом и научно-теоретическом мире вызывает много дискуссий и споров.

Вместе с тем единого унифицированного определения ИИ сегодня не сформировано, нет и общего согласия по вопросу правосубъектности ИИ, в то же время он активно внедряется.

Значительное влияние на создание стандартов в формировании правового регулирования ИИ оказывают нормы и рекомендации таких международных организаций как Европейский Союз, ЮНЕСКО, ОЭСР и других организаций, которые могут стать основой для разработки национальных законодательств.

Так, согласно Рекомендациям ЮНЕСКО, об этических аспектах искусственного интеллекта (2021), ИИ определяется как технологические системы, способные обрабатывать данные и информацию способом, напоминающим разумное поведение и включающим, как правило, такие аспекты, как рассуждение, обучение, распознавание, прогнозирование, планирование и контроль.

Это определение ориентируется на высокоуровневое представление ИИ, что является общепринятым в мировой практике,

учитывая его широкий спектр применения в различных сферах, включая здравоохранение, экономику, образование, а также органы правопорядка.

При этом, как утверждает данная организация, она не имеет цели ввести единственно правильное определение, мотивируя это тем, что с течением времени и развития технологий такое определение потребует изменений.

Разбирая приоритеты этой дефиниции, следует отметить, что оно касается не только физической реализации систем ИИ, но и их функциональной роли в обществе. Иными словами, ИИ в данном случае, трактуется не только как техническая система, но и механизм влияющий на процессы принятия решений, определяя выбор людей и организаций. В этой связи данный аспект приобретает определенное значение в контексте работы правоохранительных органов и судебной системы, где необходимо учитывать этические и правовые ограничения в использовании таких технологий.

Согласно определения Европейского Закона «Об искусственном интеллекте» (2024), общепринятого как Регламент ЕС об ИИ, ИИ не имеет прямого определения, но трактуется как «Система искусственного интеллекта» основанная на машинной технологии, разработанной для работы с различными уровнями автономности и способной демонстрировать адаптивность после развертывания, которая, имея явные или неявные цели, делает выводы на основе получаемых данных для генерации таких выходных результатов, как прогнозы, контент, рекомендации или решения, способные влиять на физическую или виртуальную среду.

Выработанные в данном законе нормы определяют системы ИИ как машинные системы, которые могут работать автономно и адаптироваться после развертывания, генерируя такие результаты как прогнозы и решения.

Регламент ЕС также устанавливает рамки, для стран его участников, для применения ИИ в разных сферах, подчеркивая адаптивность алгоритмов, акцентирует внимание на регулировании рисков, связанных с ИИ, а также необходимости обеспечения прав человека в условиях цифровых технологий.

Анализ представленных определений искусственного интеллекта в нормативных актах Китая показывает их различную направленность в зависимости от правового и контекстного документа.

В «Положении о содействии развитию индустрии ИИ в Шанхае» Китая (Shanghai AI Industry Development Promotion Regulations), дано определение ИИ, где это «система теорий, методов, технологий и программного обеспечения, использующая компьютеры и машины для симуляции, расширения и дополнения человеческого интеллекта, воспринимающая окружающую среду, обретая знания и используя их для достижения наилучших результатов»,

Основными положениями данного нормативного документа является поддержка разработчиков ИИ, создание исследовательских центров, развитие законодательства по регулированию ИИ.

Однако основным нормативно-правовым актом на уровне Китая является Закон об управлении алгоритмами (2022) и другие государственные инициативы, такие как Белая книга по ИИ (2021) и «Спецификации этики искусственного интеллекта нового поколения» (2021).

В «Законе об управлении алгоритмами» Китая (2022) не дается прямого определения ИИ, но регулируются алгоритмы рекомендаций, машинного обучения и автоматизированного принятия решений, где основными положениями являются ограничения на алгоритмическую персонализацию контента (например, в социальных сетях), защита данных пользователей, запрет на манипуляции общественным мнением.

В «Спецификации этики искусственного интеллекта нового поколения» Китая (2021) определение ИИ описывается как «интеллектуальная технология, способная воспринимать, обучаться и адаптироваться, оказывающая влияние на общество», основными принципы здесь являются – гармония с человеком (ИИ не должен заменять человеческую волю), справедливость и инклюзивность, безопасность и контроль. Здесь акцент делается не только на технологической стороне ИИ, но и на его влиянии на социальные процессы.

В «Белой книге по ИИ» Китая (2021) нет четкого универсального определения, ИИ здесь рассматривается как «ключевая технология для цифровой трансформации экономики и других областях». Основными положениями документа являются – стимулирование инноваций, усиление госрегулирования, внедрение стандартов безопасности.

Тем самым мы наблюдаем комбинацию жесткого регулирования (безопасность, контроль данных, управление алгоритмами) и активного стимулирования индустрии (развитие технологий, инвестиции, исследования).

Таким образом, китайская политика в области ИИ представляет собой модель жесткого государственного регулирования с одновременным активным стимулированием индустрии. Это отражается в сочетании мер по контролю над алгоритмами и защите общественных интересов с программами поддержки разработчиков, инвестициями в исследования и созданием инновационной экосистемы. Такой подход позволяет Китаю управлять рисками ИИ, минимизировать негативные социальные эффекты и одновременно ускорять технологический прогресс.

Сегодня еще нет общего законодательного регулирования ИИ в Великобритании, тогда как различные области права затрагивают вопросы регулирования ИИ на практике и согласно информационным источникам – законодательная работа в этом направлении начата.

Подход в Англии к регулированию ИИ опирается на существующие правовые рамки вроде законов о неприкосновенности частной жизни, защите данных и ответственности за качество продукции.

В программном документе правительства Великобритании 2023 года «Про инновационный подход к регулированию ИИ», системы ИИ или технологии ИИ описаны как «продукты и услуги, которые являются «адаптируемыми» и «автономными».

Названный документ указывает на стремление к гибкому регулированию, поддерживающий инновации, избегая чрезмерного контроля, который мог бы сдерживать развитие ИИ.

Конгресс Соединенных штатов Америки (США) в 2017 году в проводимой научной деятельности описывает ИИ как технологии машинного обучения, роботы и умное программное обеспечение, способные действовать рационально, то есть планировать действия, выстраивать их последовательность, принимать решения, воплощать планы и обучаться.

С научной точки зрения и ключевых аспектов документа, данное определение ИИ имеет ряд преимуществ: оно включает ключевые характеристики ИИ, такие как способность к планированию, обучению и принятию решений; охватывает как программные, так и аппаратные реализации; а также соответствует современному представлению об ИИ как адаптивной и рациональной технологии. Однако у него есть и недостатки: оно упрощает концепцию рациональности, так как современные ИИ-системы не всегда действуют строго рационально без четко определенных целей; не упоминает глубокое обучение и нейросетевые подходы, которые стали ключевыми в развитии ИИ; а также не делает различия между слабым (узким) и сильным (общим) ИИ, что важно для точного регулирования и понимания границ технологии.

Сегодня в США отсутствует единое федеральное определение ИИ в законодательстве. Однако различные государственные документы и инициативы предлагают описания и принципы, связанные с ИИ.

Это следующие ключевые нормативные акты и документы, регулирующие ИИ в США:

«Национальный стратегический план исследований и разработок в области искусственного интеллекта» (National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan: 2019 Update) (обновлен в 2023 году) не дает конкретного определения ИИ, но понимается как междисциплинарная область компьютерных наук, где ИИ включает широкий спектр технологий и методов, которые позволяют машинам воспринимать информацию, анализировать данные, принимать решения и действовать для достижения поставленных целей. Автономность, адаптивность и способности к обучению.

Искусственный интеллект в данном документе понимается не как единая технология, а как целая экосистема методов, подходов и решений, управляемых машинами интеллектуально в различных средах.

Следующим примером приведем определение Отчета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, 2019 г.), нормы которого не являются юридически обязательными, но влияющим на создание стандартов политики государств-участников (38 стран).

Согласно Отчета, ИИ определяется как «системы, которые воспринимают окружающую среду, обрабатывают информацию и принимают решения с целью достижения поставленных целей». Это определение ставит акцент на целеустремленности ИИ и его способности действовать в интересах пользователей. ОЭСР подчеркивает, что ИИ должен быть направлен на решение конкретных задач.

В Европейской хартии искусственного интеллекта (2020), ИИ определяется как «системы, которые могут выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта, включая восприятие, обработку информации, принятие решений и обучение». Это определение близко к тем, что предложены ЮНЕСКО и ОЭСР, с акцентом на обучаемость систем и их способность решать задачи, аналогичные человеческому интеллекту.

Особенности ИИ в контексте стран Содружества Независимых Государств (СНГ).

В странах СНГ также предпринимаются шаги по созданию нормативно-правовой базы для регулирования технологий ИИ.

Одной из ключевых инициатив и документов, направленных на регулирование ИИ в странах СНГ является проект Модельного закона о технологиях искусственного интеллекта для стран СНГ.

Целью проекта закона является унификация законодательства государств-участников в сфере ИИ. Ожидается, что этот закон установит подробные правила управления рисками использования ИИ, обработки данных, защиты прав потребителей и ответственности за нарушения. Разработка закона осуществляется Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларуси.

Вместе с тем, по мнению генерального директора данного института Сергея Кругликова, ключевой проблемой при разработке закона, оказалось отсутствие общепринятого определения самого понятия «ИИ». Завершение согласования проекта на уровне правительств стран СНГ планируется в 2025 году.

На территории СНГ правовые определения искусственного интеллекта также находятся на стадии формирования. Однако в ряде стран, таких как Россия и Узбекистан, были приняты первые шаги в области правового регулирования ИИ.

Федеральный Закон Российской Федерации от 24 апреля 2020 года «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта» даёт следующее определение ИИ: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные

функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Стоит отметить, что в странах СНГ часто принимаются более ограниченные и конкретизированные определения, ориентированные на практическое использование технологий в различных отраслях, включая правоохранительные органы.

Например, в Республике Узбекистан в рамках Стратегии цифровой экономики (2020) ИИ определяется как «система, которая анализирует данные и использует их для автоматического принятия решений или классификации, имитируя когнитивные способности человека». Это определение отражает более прагматичную точку зрения на ИИ, ориентированную на практическое использование в сфере административных решений и регулирования.

В проекте Закона Республики Казахстан (2025) «Об искусственном интеллекте» ИИ – это информационно-коммуникационная технология, позволяющая имитировать или превосходить когнитивные функции человека, с целью выполнения интеллектуальных задач и поиска решений.

Анализ представленных определений ИИ показывает несколько ключевых аспектов, которые характеризуют все системы ИИ.

Восприятие: все определения, включая те, что указаны в ЮНЕСКО, ОЭСР, Казахстане, России, и других странах, подчеркивают способность ИИ воспринимать окружающую среду. Это включает использование датчиков, камер и других технологий для сбора данных.

Обработка информации: Все определения указывают на способность ИИ обрабатывать информацию. Это включает её анализ, обработку и интерпретацию для принятия решений.

Принятие решений: Важным аспектом всех определений является способность ИИ принимать решения. Это является основой для использования ИИ в различных сферах, таких как правоохранительная деятельность, экономика и здравоохранение.

Обучение: ряд определений, в том числе в ЮНЕСКО и ОЭСР, акцентирует внимание на обучении ИИ. Это делает системы ИИ адаптивными и способными улучшать свою работу на основе полученного опыта.

Эти элементы являются основными для понимания правового и этического контекста использования ИИ в различных областях.

Однако существующие определения в разных странах и международных организациях не всегда совпадают, что затрудняет создание унифицированных стандартов для регулирования ИИ. В странах СНГ, например, законодательство только начинает включать понятие ИИ в свои акты, и эти определения будут развиваться по мере актуализации законодательства.

Международные организации, такие как ЮНЕСКО, ОЭСР и Европейский Союз, предлагают более универсальные определения ИИ, что способствует гармонизации мировых стандартов. Однако для эффективного правового регулирования необходимо учитывать особенности каждой юрисдикции, а также обеспечивать этичность и безопасность применения ИИ.

В дальнейшем необходимо стремиться к выработке общих принципов и стандартов для регулирования ИИ, которые будут соответствовать как международным, так и национальным требованиям.

С учетом всех рассмотренных определений ИИ в различных странах и международных организациях, можно предложить следующее новое, более универсальное определение, которое будет отражать ключевые аспекты ИИ, учитывая его сложность и многообразие применения.

В условиях использования ИИ в правоохранительных органах важным аспектом является этическое и правовое регулирование этого процесса. Принятие решений с использованием ИИ может затрагивать различные вопросы, такие как защита прав человека, обеспечение справедливости и прозрачности, а также предотвращение ошибок, которые могут быть допущены системой. В этом контексте ИИ должен быть не только эффективным инструментом, но и строго регулируемым, чтобы минимизировать риски нарушения прав граждан и гарантировать соблюдение этических норм.

На основе приведенного анализа определений выработана компиляция определений ИИ, используемых в международных и национальных нормах, с фокусом на его практическое применение в анализе данных и принятии решений, что особенно важно для органов прокуратуры.

Вариант 1. Искусственный интеллект — это совокупность систем и технологий, способных воспринимать окружающую среду, обрабатывать полученные данные, обучаться на основе опыта и принимать решения, направленные на решение задач, аналогичных тем, что выполняет человек, с целью оптимизации процессов и повышения эффективности в различных сферах деятельности, включая экономику, право, медицину и другие области.

Заключение (к предлагаемому определению). Такое определение искусственного интеллекта не только охватывает все ключевые аспекты, упомянутые в нормативных актах разных стран и международных организациях, но и подчеркивает важность практической стороны применения ИИ в различных областях. Оно достаточно гибкое, чтобы применяться в разных юрисдикциях, и в то же время дает четкое представление о функционале и возможностях ИИ в контексте правового регулирования.

Вариант 2. Искусственный интеллект — это совокупность технологий, методов и систем, способных автоматически воспринимать, анализировать и интерпретировать данные, а также обучаться,

адаптироваться и принимать решения с целью выполнения задач, традиционно требующих человеческого интеллекта. ИИ включает как программные, так и аппаратные решения, охватывает машинное обучение, нейросетевые подходы, обработку естественного языка, компьютерное зрение и робототехнику.

Заключение (к предлагаемому определению). Эти системы могут функционировать автономно или в сотрудничестве с человеком, а их применение должно учитывать этические, правовые и социальные аспекты, обеспечивая безопасность, прозрачность, конфиденциальность данных и защиту прав пользователей.

Список использованной литературы:

1. <https://rg.ru/2021/10/04/v-kitae-vypustili-kodeks-eticheskikh-principov-dlia-iskusstvennogo-intellekta.html>.
2. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64b154ee9a794770e668094b>.
3. <https://post.parliament.uk/artificial-intelligence-ai-glossary>.
4. <https://www.prolaw38.ru/principy-zakonodatelnogo-regulirovanija-iskusstvennogo-intellekta-v-ssha-i-ih-vlijanie-na-razvitie-tehnologicheskogo-sektora/>.
5. <https://telegraf.news/it-news/opredeleniya-ii-poka-net-v-akademii-nauk-belarusi-rasskazali-podrobnosti-o-razrabotke-zakona-ob-iskusstvennom-intellekte/>.
6. <https://orda.kz/iskusstvennomu-intellektu-zapretjat-manipulirovat-kazahstancami-397718/> Искусственному интеллекту запретят манипулировать казахстанцами / 05 февраля 2025 Анастасия Прилепская.
7. <https://cmn.kz/prichina-v-dengah-expert-po-informtehnologiyam-raskritikoval-zakonoproekt-ob-ii/>.
8. <https://www.zakon.kz/obshestvo/6469053-v-mazhilise-prezentovali-zakonoproekt-ob-iskusstvennom-intellekte.html>.

Нугманов Рустем Рахимжанович
доцент Кафедры общеправовых дисциплин Института
послевузовского образования Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

Аннотация. Статья посвящена вопросам имплементации института уголовной ответственности юридических лиц в правовую систему Республики Казахстан. Автор рассматривается эволюция института уголовной ответственности юридических лиц, изучены основные модели реализации указанного института в законодательстве зарубежных государств. Проведен анализ основных точек зрения в поддержку и против уголовной ответственности юридических лиц в правовой литературе, на основании чего делается вывод о перспективах ее введения в законодательство Республики Казахстан.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, уголовная ответственность, уголовная ответственность юридических лиц, модели уголовной ответственности юридических лиц.

Введение. На сегодняшний день одним из наиболее дискуссионных вопросов теории и практики уголовного права является вопрос уголовной ответственности юридических лиц.

Имплементация института уголовной ответственности юридических лиц в правовые системы обусловлена глобальными угрозами развития преступности в сфере экономической деятельности, экологии, незаконного оборота наркотических средств, терроризма и экстремизма, проблемами возмещения ущерба, причиняемого деятельностью транснациональных корпораций, необходимостью повышения эффективности международного сотрудничества.

В этой связи, гармонизация национальных правовых систем через введение данного института находит широкую поддержку в сфере международного права.

Рекомендации о признании юридических лиц субъектами уголовной ответственности содержатся в статье 5 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года, статье 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, статье 26 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года [1].

При этом Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года не рекомендует, а прямо

предусматривают введение уголовной ответственности для юридических лиц [2].

В настоящее время уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена законодательством государств как англосаксонской, так и романо-германской системы права, в частности – большинства стран-членов Европейского Союза, а также некоторых стран-республик бывшего СССР: Австралии, Англии, Бельгии, Венгрии (с 2001 г.), Дании, Израиля, Ирландии, Исландии (с 1998 г.), Канады, КНР (с 1997 г.), Нидерландов (с 1976 г.), Норвегии (с 1991 г.), Польши (с 2002 г.), Румынии (с 2004 г.), Словении (с 1999 г.), США, Финляндии (с 1995 г.), Франции (с 1992 г.), Швейцарии (с 2003 г.) и других стран [3. стр.57].

Основная часть. Процесс развития института уголовной ответственности юридических лиц в правовых системах зарубежных государств насчитывает несколько сотен лет, при этом в законодательстве отдельных стран такая ответственность появилась сравнительно недавно.

Если применявшийся в праве феодальной Европы принцип объективного вменения не создавал препятствий для привлечения организаций и иных форм сообществ к ответственности [3. стр.56], то в более поздний период подход к уголовной ответственности юридических лиц меняется в зависимости от их принадлежности к романо-германской или англосаксонской правовой семье.

В XVI-XVIII вв. уголовное законодательство Франции предусматривало возможность привлечения к ответственности в случае совершения преступлений ассоциаций, корпораций, университетских обществ и городов. Однако после Великой французской буржуазной революции 1789-1794 годы, провозгласившей принципы индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности, упоминания об уголовной ответственности юридических лиц исчезают из уголовного законодательства [4. стр.307].

Страны англосаксонской правовой семьи, прежде всего Великобритания, изначально не применяли уголовную ответственность к юридическим лицам, но промышленная революция, развитие капиталистических отношений существенно увеличили воздействие юридических лиц (корпораций) на общественные отношения, что создало необходимость ужесточения их ответственности, в том числе в сфере уголовного права. С середины XIX в. суды стали выносить решения о признании корпораций виновными в нарушении статутных обязанностей. С 1944 года стало возможным привлекать к уголовной ответственности корпорацию как исполнителя или соучастника любого преступления независимо от наличия *mens rea* [4. стр.45-46].

В США Верховный суд в 1909 году признал конституционным «что действие агента (представителя), осуществляющего делегированные ему полномочия..., может контролироваться в интересах публичной политики, посредством вменения его действия в вину его работодателю и

назначения наказаний корпорации, в интересах которой он действует». Данное решение легло в основу решений нижестоящих американских судов – стало «обычным правом (правилом) вменение в вину корпорации деяния ее служащего, совершенного в рамках своих полномочий» [4. стр.144].

Дореволюционное российское, а затем и советское уголовное право отрицало возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, признавая в качестве субъекта преступления исключительно физическое лицо [5. стр.57].

Как писал выдающийся русский юрист, представитель классической школы российского уголовного права Н.С. Таганцев: «...справедливо указывают на то, что признание принципа ответственности юридических лиц вносит крайний произвол и неопределенность в установление объема и условий этой наказуемости. Нельзя отрицать права государства прекращать бытие корпорации, оказавшейся вредной или по цели, которую она осуществляет, или по условиям ее деятельности; но такое прекращение не тождественно с наказанием» [6. стр. 370-371].

При этом уголовное законодательство Российской Империи, а позднее, какое-то время и советское уголовное законодательство, в отдельных случаях предусматривало возможность привлечения к ответственности коллективных образований.

Так статья 530 Уложения о наказаниях 1885 года устанавливала ответственность за укрывательство военных беглецов-евреев не только для физического лица, но и для еврейского общества: «Сверх того, с еврейского общества, в котором укрывался военный беглец из евреев, взыскивается не свыше трехсот рублей за каждого, если оно само его не обнаружило и не представило надлежащему начальству» [7].

Статья 123 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года предусматривала ответственность за «присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц». Данное деяние каралось принудительными работами на срок до шести месяцев с ликвидацией вышеуказанных организаций и с конфискацией их имущества [8].

С распадом СССР в новых независимых государствах, формирующих национальные правовые системы с учетом опыта западных стран, вновь начинается подниматься вопрос о введении в уголовное законодательство ответственности юридических лиц. Начиная с конца 90-х годов 20-го века, в течение нескольких лет такая ответственность появляется в уголовных кодексах Азербайджана, Литвы, Молдовы, Украины, Эстонии.

В этот же период попытки включить в уголовное законодательство нормы, регламентирующие уголовную ответственность юридических лиц, предпринимаются и в Республике Казахстан.

Вопрос о возможности признания юридического лица субъектом преступления был положительно решен на девятой сессии Верховного

Совета в 1993 году в первом чтении проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан. Уголовная ответственность юридических лиц была предусмотрена и в главе 18 проекта Уголовного кодекса 1997 года. Однако в окончательный вариант УК РК эти положения не вошли [9].

Задача о введении уголовной ответственности юридических лиц за некоторые категории уголовных деяний, в том числе за экологические, экономические и коррупционные правонарушения, была поставлена в утвержденной 24 декабря 2009 года Концепции правовой политики на 2010-2020 годы [10].

В 2010 году постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 апреля 2010 года № 371 на рассмотрение Мажилиса Парламента Республики Казахстан внесен Проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросу введения уголовной ответственности юридических лиц» одобренный в первом чтении 22 декабря 2010 года.

Однако до сегодняшнего дня попытки ввести уголовную ответственность юридических лиц и в Казахстане и в России остаются безрезультатными.

Несмотря на неудачные попытки законодательного закрепления, указанный вопрос не потерял своей актуальности и продолжает разрабатываться уголовно-правовой наукой, имея как сторонников, так и противников. Основное возражение ее противников сводится к тому, что введение уголовной ответственности юридических лиц противоречит концепции вины, существующей в современном уголовном праве, нарушает принцип личной виновной ответственности [11].

Действительно, на первый взгляд юридическое лицо, не являясь личностью, не обладает психикой и, следовательно, не может иметь психического отношения к совершенному им деянию. Однако так ли это на самом деле? Как признают современные философия, социология, психология, любая объединенная общность людей, даже такая неорганизованная как толпа, приобретает волевою способность действовать, складывающуюся на основе совокупности волевых устремлений образующих ее людей [12].

Юридическое лицо представляет собой коллектив, общность людей, объединившихся для достижения определенной цели. Являясь отражением воли составляющих его личностей, воля коллектива при этом представляет собой не просто совокупность воли индивидуумов, но носит самостоятельный и относительно независимый характер – «воля всех – это качественно единая воля, образовавшаяся в результате анализа и синтеза «воли всех», общая воля проявляется через индивидуальную волю каждого входящего в коллектив лица и вместе с тем обладает по отношению к этой последней самостоятельностью и, более того, преобладанием над ней» [13. стр.215].

«Совершая конкретные действия, вступая в гражданские правоотношения, изменяя и прекращая их, юридического лица, тем

самым, проявляют свою волю. Воля юридических лиц всегда конкретна – это явно выраженное желание совершить именно эту сделку, заключить или расторгнуть совершенно конкретный договор и т.д. ...юридическое лицо представляет собой образование нового, иного качества, нежели изначальная группа (коллектив), его образовавшая» [14. стр.69-72].

К примеру, зародившаяся в США правовая доктрина «alter ego» (в переводе с английского «второе «я»»), рассматривает корпорацию как «продолжение личности» ее участников.

Но, может быть, такой подход характерен только для зарубежного права и не свойственен нашей правовой системе? Анализ действующего законодательства Республики Казахстан показывает, что целый ряд отраслей права (административное, гражданское, налоговое, трудовое право) допускает возможность ответственности за совершенное правонарушение не только физических, но и юридических лиц. Возникает вопрос, что является основанием для такой ответственности, если юридическое лицо не обладает свободой воли? На наш взгляд – признание факта выражения воли организации через волевые действия образующих ее лиц, в первую очередь руководителей.

Мы полностью согласны в этом плане с У.С. Джекебаевым: «Исходя из того, что воля юридических лиц относительно свободна, что они имеют возможность в пределах предоставленной им самостоятельности и независимости выбор для своей практической деятельности, возникает и их ответственность за результаты своей негативной деятельности, как в административном, так и гражданско-правовом порядке. Почему в этом случае особняком в правовой жизни общества должно оставаться уголовное право?» [9].

К примеру, статья 28 КоАП РК «Лица, подлежащие административной ответственности» устанавливающую, что административной ответственности подлежат: 1) физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом; 2) юридическое лицо (выделено нами – Р.Р.).

При этом следует отметить, что в классической европейской правовой доктрине административное право Казахстана и других государств бывшего СССР рассматривается не как самостоятельная отрасль права, а как составная часть права уголовного [15. стр.37].

К примеру, Европейский суд по правам человека в Страсбурге неоднократно отмечал в своих решениях, что любая форма государственной репрессии независимо от наименования (административно-деликтная, налоговая, экологическая ответственность и т.д.) остается в сфере уголовного права. Соответственно при производстве по таким деяниям должна обеспечиваться вся полнота гарантий, предусмотренных для «уголовных дел» (презумпция невиновности, право на защиту, право на обжалование и др.) [16].

Поэтому, нельзя не согласиться с мнением С.Г. Келиной: «Близость административного и уголовного права свидетельствует о том, что если

административное право ввело ответственность юридических лиц, то логичным, с точки зрения системы права, было бы и положительное решение вопроса об ответственности этих субъектов в уголовном праве» [17. стр.53-54].

Одним из постоянных противников введения уголовной ответственности юридических лиц являются предприниматели Казахстана, высказывающие опасения, что это может послужить почвой для попыток «рейдерских» захватов предприятий или нарушения антимонопольного законодательства в конкурентной борьбе. В частности, именно возражения представителей Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» стали одной из причин отклонения Проекта Закона 2010 года.

Однако являются ли такие опасения серьезным аргументом против введения такой ответственности? При желании, многие нормы действующего уголовного, административного, налогового или антимонопольного законодательства могут быть использованы в тех же целях. Следовательно, в данных случаях речь может идти лишь о необходимости строго соблюдения законности правоприменительной деятельности и жесткого надзора со стороны компетентных органов для исключения таких злоупотреблений.

Следует отметить, что страны, национальное законодательство которых предусматривает институт уголовной ответственности юридических лиц, по-разному определяют его содержание и выражение. В мировой практике применения данного института можно выделить три базовых модели [18. стр.13-15].

Первая модель основывается на традиционной конструкции уголовной ответственности юридических лиц, при которой юридическое лицо наряду с физическим лицом рассматривается в качестве самостоятельного субъекта преступления.

Вторая модель выражается в признании физического лица единственно возможным субъектом преступления. Уголовная ответственность юридического лица за виновные действия физических лиц наступает лишь в том случае, если указанные действия были совершены в пользу или во исполнение функций данного юридического лица его руководителем или представителем. В настоящее время эта модель введена в уголовное законодательство таких стран, как Австрия, Албания, Испания, Мексика, Перу, Турция, Швейцария.

Третья модель ответственности («квазиуголовная») юридических лиц предполагает применение к ним принудительных мер, предусмотренных уголовным законодательством. Юридическое лицо не признается субъектом преступления, но к нему могут применяться некоторые уголовные санкции. Данная модель в настоящее время существует в уголовном законодательстве Азербайджана, Латвии, Украины, Германии, Италии, Швеции.

Заключение. Тенденции развития преступности в сфере экономической деятельности, экологии, незаконного оборота наркотических средств, терроризма и экстремизма, проблема возмещения ущерба, причиняемого деятельностью юридических лиц, а также имеющийся опыт развитых зарубежных государств показывают, что вопрос введения уголовной ответственности юридических лиц является весьма актуальным.

В условиях глобализации, увеличения роли транснациональных корпораций в экономике Казахстан возрастает и опасность нарушения законодательства в сфере экологии, трудовых и иных прав и интересов граждан и государства. В крупных корпорациях решения зачастую принимаются коллективными органами (советом директоров, акционерами), а ответственность за совершенное правонарушение будет нести лицо, «назначенное» виновным.

Однако сложившиеся традиции науки уголовного права, исходящие из личной виновной ответственности физического лица, приводят к стойкому неприятию идеи признания субъектом уголовной ответственности юридических лиц. Ее признание рассматривается как подрыв фундаментальных принципов уголовного права не только учеными, но практикующими юристами.

Выходом из сложившейся ситуации может стать предлагаемый в научной литературе компромиссный вариант в рамках третьей модели уголовной ответственности юридических лиц.

Принятый такими странами как Азербайджан, Украина, Латвия он основывается на традиционном признании физического лица единственным субъектом уголовной ответственности, но допускает применение к юридическим лицам мер уголовного принуждения.

Список использованной литературы:

1. Конвенции и соглашения // Сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1990.shtml (дата обращения: 31.03.2025).
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/173> (дата обращения: 01.04.2025).
3. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. – 2006. – № 4. – 64 с.
4. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. – М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2001. – 576 с.
5. Павлов В.Г. Субъект преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 318 с.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. С.-Петербург, 1902. – 815 с.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file626.pdf> (дата обращения: 02.04.2025).

8. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1922 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 02.04.2025).
9. Джекебаев У.С. Юридическое лицо как субъект преступления [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://journal.zakon.kz/219542-juridicheskoe-lico-kak-subekt.htm1> (дата обращения: 01.04.2025).
10. Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858> (дата обращения: 01.04.2025).
11. Поздеева О.С. Уголовная ответственность юридических лиц: современные реалии и перспективы развития. Вестник Уральского юридического института МВД России. – №2. – 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_23639998_27528359.pdf. (дата обращения: 01.04.2025); Алимбеков М. Уголовная ответственность юридических лиц: теория и практика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://journal.zakon.kz/219540-ugolovnaja-otvetstvennost.html> (дата обращения: 01.04.2025); Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц: Pro и Contra. Серия “Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе”. СПб., 1998. – 40 с.
12. Самойлов И.Д. Феномены власти и воли в обществе: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Курган, 2016. – 202 с.
13. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М.: «Юридическая литература», 1970. – 312 с.
14. Захаров Д.Н Понятие воли юридического лица и проблема ответственности // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 7 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fundamental-research.ru/pdf/2005/7/44.pdf> (дата обращения: 30.03.2025)
15. Арутюнов А.А. К вопросу о соотношении уголовного и административного права // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2 (7).
16. Соотношение административного правонарушения и уголовного проступка в проектах новых редакций КоАП и УК РК (Жумагали А., к.ю.н., доцент, эксперт ОФ «Международная Правовая Инициатива») [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31497241 (дата обращения: 30.03.2025).
17. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового Уголовный кодекс Российской Федерации // В сб: Уголовное право: новые идеи / Рос АН, Институт государства и права / Отв. ред. С.Г. Келина, А.В. Наумов. – М: ИГПАН, 1994. – 100 с.
18. Евтушевская М.Е. Проблема формирования модели уголовной ответственности юридических лиц. Санкт-Петербург. 2016 год. 72 с.; Щедрин Н.В. Организации как субъекты уголовно-правового воздействия / Н.В. Щедрин, А.А. Востоков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2007. – №1 – 2.

Проколова Анна Алексеевна

профессор Кафедры уголовного процесса Карагандинской академии
Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени
Б. Бейсенова, кандидат юридических наук

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли искусственного интеллекта в обеспечении правопорядка и расследовании уголовных правонарушений. Рассматриваются как функциональные возможности ИИ, так и сопутствующие этические и юридические риски: дискриминация, непрозрачность алгоритмов, угроза приватности и замена человеческого суждения. Особое внимание уделяется концепции «человека в контуре» (human-in-the-loop) и международным стандартам этичного ИИ. Подчеркивается необходимость нормативного и этического регулирования для безопасной интеграции интеллектуальных технологий в деятельность правоохранительных органов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, расследование, этика, право, дискриминация, прозрачность, ответственность, human-in-the-loop, безопасность, правосудие.

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий искусственный интеллект (далее – ИИ) все активнее внедряется в различные сферы общественной жизни, включая сферу обеспечения правопорядка. Использование интеллектуальных систем в деятельности правоохранительных органов открывает значительные перспективы для повышения эффективности предупреждения, выявления и расследования правонарушений. Однако вместе с тем формируются и новые риски, касающиеся как юридической ответственности, так и соблюдения прав и свобод личности [1].

К числу основных возможностей применения ИИ в правоприменительной практике следует отнести автоматизированную обработку больших массивов данных (Big Data), видеонаблюдение с функцией распознавания лиц и номеров, интеллектуальный анализ поведения, прогнозирование преступной активности и распределение патрульных ресурсов на основе алгоритмических моделей. Такие технологии позволяют правоохранительным органам оперативно реагировать на инциденты, выявлять подозреваемых, повышать точность принятия решений, а также оптимизировать использование кадровых и материальных ресурсов.

Особое значение имеет применение ИИ в области профилактики правонарушений [2]. Программные комплексы, анализирующие цифровой след пользователя, могут определять потенциально опасные

поведенческие паттерны, что способствует предотвращению террористических актов, киберпреступлений и массовых беспорядков. Использование алгоритмов машинного обучения для анализа криминологических данных также может способствовать более точному распределению риска и прогнозированию правонарушений в определенных районах [3. стр.205].

Однако наряду с очевидными преимуществами, вопросы внедрения ИИ в правоохранительную деятельность поднимают серьезные проблемы как технического [4. стр.166], так и этического характера [5].

Хотелось бы более подробно остановиться на этической составляющей применения интеллектуальных систем в расследовании уголовных правонарушений.

Основная часть. Применение искусственного интеллекта (ИИ) в процессе расследования уголовных правонарушений, безусловно, открывает новые горизонты для повышения эффективности, оперативности и точности уголовного преследования. Вместе с тем данное направление сопровождается серьезными этическими вызовами, которые затрагивают фундаментальные принципы справедливости, прав человека и верховенства закона.

Одним из центральных этических вопросов является проблема дискриминации, обусловленной неполнотой или предвзятостью обучающих выборок, на которых строятся алгоритмы ИИ. Если система обучена на исторических данных, содержащих элементы расовой, этнической, социальной или гендерной предвзятости, она может неосознанно воспроизводить и усиливать эти искажения, влияя на принятие решений по конкретным делам. Такая ситуация нарушает принцип равенства перед законом и может привести к уголовному преследованию лиц, исходя не из объективных доказательств, а из статистической предвзятости.

Вторым важным этическим аспектом является нарушение права на частную жизнь. Применение систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, анализа поведения, геолокации и биометрии ставит под угрозу неприкосновенность личного пространства. Возникает риск тотального наблюдения за гражданами, что может использоваться не только в целях борьбы с преступностью, но и для недопустимого контроля и давления, особенно в условиях слабой демократии и отсутствия судебного надзора.

Кроме того, актуален вопрос отсутствия прозрачности алгоритмов (так называемая «проблема черного ящика»). В отличие от решений, принимаемых человеком, работа алгоритма ИИ зачастую недоступна для анализа или обжалования. Это создает угрозу нарушения процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых, в частности — права на защиту и справедливое судебное разбирательство.

Наконец, следует отметить опасность делегирования моральной ответственности машине. Автоматизированные системы не обладают

сознанием, эмпатией и пониманием контекста, что может привести к негуманному или непропорциональному решению в условиях, когда требуется индивидуальный подход.

Кроме того, не следует недооценивать угрозу подмены профессионального суждения сотрудников правоохранительных органов автоматизированными решениями, что может привести к деформированию принципов процессуальной справедливости и объективности. Важно учитывать, что ИИ — это лишь вспомогательный инструмент, а не замена человека в осуществлении правосудия.

Учитывая вышеуказанные риски, применение ИИ в расследовании должно опираться не только на технические и правовые стандарты, но и на четкие этические рамки.

В это связи, необходимо:

- разработать кодекс этики ИИ. Международная практика демонстрирует различные подходы к решению этих этических проблем. На наднациональном уровне существуют: «Этически ориентированное проектирование» (IEEE); «10 принципов этичного искусственного интеллекта» (Глобальный союз UNI); «Этические рекомендации по надежному ИИ» (Совет Европы); «Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении» (Совет Европы); «Доклад по вопросам этики робототехники» (КОМЭСТ ЮНЕСКО / ООН) и «Принципы по искусственному интеллекту» (ОЭСР).

Свои этические стандарты предложили НКО и частных групп исследователей: 23 Принципа Асиломара (Asilomar AI Principles, США), Future of Life Institute; Монреальская декларация: Ответственный ИИ (Канада); Доклад AI Now «AI Now Report» (NYU AI Now Institute, США) Торонтийская декларация (Amnesty International, Access Now Канада); 8 принципов Сусуму Хирано (Япония) и Модельная конвенция робототехники и ИИ (Россия).

В корпоративной среде также имеются попытки создать принципы работы с ИИ: «10 Законов для искусственного интеллекта», Microsoft; «7 принципов ИИ» (Google); «6 тематических областей исследования этики ИИ» (Deepmind); «5 принципов ИИ» (Telefonica); «Руководство по ИИ» (Deutsche Telekom); «Руководящие принципы ИИ» (SAP); «Этические принципы», (Японская ассоциация ИИ); «Руководящие принципы этики ИИ», Sony Group; «Руководящие принципы ИИ» (Unity) и «Инициатива в сфере ИИ» (Partnership on AI) [6].

В 2023 году в Казахстане рабочая группа Лиги академической честности (AIL) разработала руководство по использованию искусственного интеллекта (ИИ) в академической деятельности, с целью установления четких и справедливых норм и принципов, регулирующих применение ИИ в контексте всех видов академической деятельности, присущей высшим учебным заведениям Казахстана [7].

Дальнейшая работа по стандартизации принципов ИИ должна проходить на законодательном уровне:

- проведение независимой экспертизы алгоритмов, а именно привлечение внешних, неаффилированных специалистов или экспертных организаций для оценки работы систем искусственного интеллекта, используемых в уголовном процессе. Целью такой экспертизы является установление соответствия алгоритма правовым и этическим стандартам, проверка отсутствия скрытых дискриминационных паттернов, предвзятости в обучающих выборках, а также оценка прозрачности и воспроизводимости принимаемых системой решений [8. стр.26-27];

- обеспечение права на доступ к объяснению автоматизированных решений, предполагает предоставление участникам уголовного судопроизводства — подозреваемым, обвиняемым, защитникам, суду — возможности получить понятное и юридически значимое разъяснение того, как и на основании каких данных система ИИ пришла к конкретному выводу. Это необходимо для реализации права на защиту, проверки законности решений, а также для обеспечения подотчетности и соблюдения принципа справедливости в уголовном процессе;

- внедрение механизма «человека в контуре» (human-in-the-loop), обеспечивающего участие человека на всех ключевых этапах принятия решений.

Механизм «человека в контуре» – это концепция, согласно которой человек сохраняет активное участие и контроль над каждым важным этапом функционирования системы ИИ, особенно в ситуациях, связанных с принятием решений, имеющих правовые, этические или социально значимые последствия. Данная модель предполагает, что автоматизированная система не действует полностью автономно, а выполняет лишь вспомогательную роль, предоставляя человеку рекомендации, расчеты, прогнозы или аналитические выводы. При этом окончательное решение остается за компетентным специалистом (следователем, прокурором, судьей или иным уполномоченным должностным лицом).

Кроме фундаментальных этических проблем, связанных с дискриминацией, нарушением конфиденциальности и непрозрачностью алгоритмов, особое внимание в научной и правозащитной среде уделяется вопросам ответственности за действия ИИ-систем, задействованных в расследовании уголовных дел. В случае, если ИИ-программа допустила ошибку — например, ошибочно идентифицировала лицо, дала неточную поведенческую оценку или рекомендовала неправомерные действия — встает вопрос: кто несет ответственность за последствия? Разработчик алгоритма, его внедренец, государственный орган, опиравшийся на рекомендации ИИ, или конкретный сотрудник, следовавший предписаниям программы?

Отсутствие четко прописанных юридических механизмов распределения ответственности между субъектами разработки, внедрения и применения интеллектуальных технологий приводит к юридической неопределенности, создавая потенциальную зону

безнаказанности и подрывая доверие к правосудию. В условиях, когда следственные действия, задержания, выбор меры пресечения или формирование обвинения опосредованы ИИ-решением, принцип персональной ответственности должен сохраняться за должностным лицом, принимающим окончательное решение.

Нельзя также игнорировать проблему общественного восприятия технологий искусственного интеллекта в системе уголовной юстиции. Исследования показывают, что даже при технически корректной работе алгоритмов значительная часть населения выражает недоверие к автоматизированным решениям в таких чувствительных сферах, как расследование преступлений, уголовное преследование и судебное разбирательство. Это связано не только с нехваткой цифровой грамотности, но и с отсутствием открытых данных о принципах функционирования ИИ, практике их использования, случаях ошибок и процедурах обжалования решений. Следовательно, государство и разработчики обязаны обеспечивать прозрачность, информирование и общественный контроль над системой ИИ, применяемой в правоохранительной деятельности.

Заключение: Анализ представленных в статье положений демонстрирует, что использование интеллектуальных алгоритмов в уголовно-процессуальной деятельности сопряжено не только с техническими преимуществами, но и с целым рядом фундаментальных вызовов, затрагивающих основы справедливого правосудия. Несмотря на то что цифровые технологии открывают новые горизонты в сфере раскрытия преступлений, они одновременно формируют правовые и этические риски, требующие специального регулирования.

К числу ключевых угроз можно отнести закрытый характер алгоритмических решений, отсутствие объяснимости и возможности контроля за логикой их формирования, а также риск неосознанного внедрения предвзятости в процесс расследования. Особую обеспокоенность вызывает неопределенность правового статуса таких решений и ответственность за их последствия. В этих условиях необходима выработка четких механизмов, направленных на институционализацию контроля за интеллектуальными системами, включая внешнюю техническую экспертизу алгоритмов, а также нормативное обеспечение права участников уголовного процесса на ознакомление с основанием автоматизированных выводов.

Особое значение приобретает концепция «человека в контуре» (human-in-the-loop), которая должна быть интегрирована в структуру уголовного судопроизводства как гарантия сохранения правовой и этической оценки на каждом этапе взаимодействия с интеллектуальными системами. Формирование правового режима для применения ИИ должно сопровождаться разработкой прозрачных процедур, обучением персонала, внедрением стандартов цифровой доказательственной практики и надзорных механизмов.

Следовательно, дальнейшее распространение ИИ в правоохранительной системе допустимо исключительно при условии сбалансированного нормативного, этического и организационного сопровождения. Только при соблюдении этих условий технологии смогут органично вписаться в правовую систему, не разрушая ее основ, а укрепляя эффективность и доверие общества к цифровому правосудию.

Список использованной литературы:

1. Гусарова, Н.Ф. Введение в теорию искусственного интеллекта. – СПб: Университет ИТМО, 2018. – 56 с.
2. Рыжков С.А., Рыжкова И.А. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: расследование преступлений, назначение и исполнение наказаний: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Красноярск, 2025. – 72-75 с.
3. Писковатский Д.А. Цифровые технологии в раскрытии и расследовании преступления // Суверенитет России и ее правовое развитие в условиях ограничительных мер. Сборник материалов XI (68) ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2024. – 203-208 с.
4. Акеньшина Е.Ю. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений: проблемы и перспективы развития // В сборнике: Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. – 165-167 с.
5. Иванов И.И. Применение искусственного интеллекта в следственной деятельности: правовые и технические аспекты // Право и информационные технологии. 2020. – №2. – 126 с.
6. Попова А.В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. – №3 (61). – 38-39 с.
7. Руководство по использованию искусственного интеллекта (ИИ) в академической деятельности. Астана, 2023. – 11 с. [Электронный ресурс] – <https://adaldyq.kz>.
8. Баргаримов А.Р., Прокопова А.А. ЕРДР – цифровая экосистема в уголовном процессе Казахстана: Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан. 2024. – №4 (81). – 26-32 с.

Рахметуллина Назгуль Маульхановна
председатель Судебной коллегии по уголовным делам
Верховного Суда Республики Казахстан

КЛЮЧЕВЫЕ РЕФОРМЫ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ЗА ПОСЛЕДНИЕ 3 ГОДА

Добрый день, уважаемые участники Конгресса!

Позвольте поприветствовать Вас и поблагодарить за возможность выступить на данном форуме.

Также хочу поздравить Академию правоохранительных органов с юбилеем, пожелать ей больших успехов в развитии и достижении намеченных целей.

Мое выступление посвящено реформам в сфере уголовного правосудия.

Как Вы знаете, после обретения независимости судебная система Казахстана прошла несколько этапов модернизации.

Эти реформы создали прочную основу для становления независимой и профессиональной судебной власти.

В то же время современные вызовы и ожидания общества определили необходимость совершенствования деятельности судов.

В этой связи глубокие преобразования в судебной системе Казахстана были продолжены.

Их основная цель – повысить доверие к судебной власти, сделать её доступной, а процедуры судопроизводства понятными каждому человеку.

Сегодня хочу остановиться на основных направлениях данных реформ и их результатах.

О трехзвенной модели.

В первую очередь уделено внимание модернизации досудебного производства, где больше всего допускалось нарушений конституционных прав граждан.

С внедрением трехзвенной модели уголовного процесса таких нарушений стало меньше, поскольку теперь ключевые решения следователя согласовываются прокурором.

Одновременно были расширены полномочия адвокатов по защите прав представляемых ими лиц.

В целом такой подход положительно повлиял на качество поступающих в суды уголовных дел.

О реформе апелляции.

Одним из важных шагов по переустройству судебной системы стала реформа апелляционной инстанции.

Теперь апелляционный суд уже не может вернуть дело в нижестоящий суд или прокурору. Если он видит нарушения, то обязан

самостоятельно рассмотреть дело по существу и вынести законный приговор.

Такая мера повысила ответственность обеих инстанций за итоговое решение и исключила «круговорот дел в судах».

Об усилении независимости судов.

Важной новеллой в законодательстве стало исключение условий для давления на суды со стороны силовых органов.

Сейчас оперативно-розыскные и негласные следственные мероприятия в отношении судей могут проводиться только с санкции Генерального Прокурора. Раньше санкции давали прокуроры областей, а значит, могли влиять на решения судей.

О расширении подсудности судов с участием присяжных.

В рамках расширения доступа гражданского общества к отправлению правосудия увеличена подсудность суда присяжных (с 31 до 44 составов).

Раньше с их участием рассматривались только дела об особо тяжких преступлениях, сейчас – по отдельным составам тяжких преступлений и преступлений средней тяжести.

Благодаря этому число дел, рассматриваемых с участием присяжных, с каждым годом растет.

Приведу статистику. Если в 2022 году с присяжными рассмотрено всего 33 дела, то в прошлом году – уже 261 или в 8 раз больше (2022 г. – 33, 2023 г. – 136, 2024 г. - 255).

Однако мы не планируем останавливаться.

В ближайшем будущем хотим передать в ведение суда присяжных рассмотрение ходатайств осужденных о применении к ним условно-досрочного освобождения и замены наказания на более мягкое.

Законодательные поправки депутатами Парламента уже инициированы и находятся на согласовании в госорганах.

Данный проект уникален и не имеет аналогов в мире.

Бесспорно, такой шаг только повысит справедливость и прозрачность судебных решений.

О реформе кассации.

Одним из ключевых вопросов судебной реформы является изменение порядка кассационного пересмотра.

Сегодня функции кассации выполняет Верховный Суд, который ежегодно пересматривает не более 5% дел, что явно не соответствует запросам общества.

Поэтому уже с 1 июля по всем видам судопроизводства начнут работу самостоятельные кассационные суды.

Их создание – прогрессивный и важный шаг в сторону укрепления гарантий прав человека.

По всем видам судопроизводства кассационный порядок будет единым. Исключается предварительное изучение жалоб. Теперь они

будут сразу приниматься к рассмотрению. Это значит, что любой приговор можно обжаловать в кассации.

По сути, граждане получают полный доступ к правосудию, что и является конечной целью проводимой реформы.

В свою очередь, Верховный Суд сможет сосредоточиться на обеспечении единообразия судебной практики.

Создание кассационных судов повлечет рост нагрузки, поэтому существующие в кассации барьеры будут сниматься постепенно. Завершить реформу планируется в 2027 году.

Об электронных браслетах.

Одним из чувствительных в контексте соблюдения прав личности является вопрос применения содержания по стражей.

Ежегодно в Казахстане до суда заключается под стражу около 11 тыс. лиц. Из них только две трети приговариваются к реальному лишению свободы.

Поэтому суды нередко критикуют в чрезмерной суровости.

Решение данной проблемы мы видим в более широком применении домашнего ареста и залога.

Если в 2021 году суды удовлетворили почти 90% ходатайств о санкционировании ареста, то сейчас лишь 65% задержанных заключается под стражу.

Хорошим подспорьем в этом вопросе стал запущенный нами проект по применению электронных браслетов.

Количество лиц, к которым применены электронные браслеты, увеличилось почти в 14 раз (2023 г. – 68, 2024 г. - 954).

Хотелось бы отметить, что аренда одного браслета за 15 тыс. тенге в месяц в разы дешевле, чем содержать следственно-арестованных под стражей. Для этого требуется отдельный штат, здания, инфраструктура и т.п.

Помимо экономических преимуществ от сокращения числа арестованных это демонстрирует приверженность Казахстана соблюдению основных принципов в области прав человека.

Поэтому работа в этом направлении будет продолжена.

О цифровизации.

Еще одним важным направлением реформ является цифровизация судебной системы.

Поступление дел, их распределение и рассмотрение – все это сейчас происходит в электронном формате.

Это позволило существенно снизить бумажный документооборот и фальсификацию материалов.

С помощью сервиса «Судебный кабинет» сегодня каждый гражданин может подать жалобу, ознакомиться с материалами дела, получить судебные акты.

Всем функционалом можно пользоваться при помощи обычного смартфона из любой точки мира, где есть интернет.

Существенно облегчают работу судей IT-помощники.

В компьютерах судей установлен электронный дневник, который ведет графики процессов, открывает доступ судье к судебным актам, обобщениям и анализам судебной практики.

Формированием списков присяжных у нас занимается искусственный интеллект, который полностью исключил фактор человеческой ошибки.

В целом по применению судами IT-сервисов Казахстан среди стран СНГ занимает самые высокие позиции.

Уважаемые коллеги!

Учитывая регламент, я лишь вкратце остановилась на наиболее важных изменениях в сфере уголовного правосудия.

Есть и другие инициативы, над реализацией которых Верховный Суд сегодня активно работает.

Было бы интересным услышать мнения участников, что позволило бы выработать наилучшие пути реализации проводимых реформ.

Уверена, что этот конгресс станет отличной площадкой для конструктивного диалога и обмена опытом.

Желаю всем участникам плодотворных дискуссий.

Спасибо за внимание!

Рахимов Канат Ерсынович
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы теории, практики и законодательства по функционированию уголовной ответственности юридических лиц в иностранном уголовном праве. В этом ключе раскрывается генезис и типология теорий, определяющих юридическое лицо в качестве субъекта преступления. Так, с учетом зарубежного законодательства, доктрины и практики для определения юридического лица в качестве субъекта преступления используются два концептуальных подхода. Функционирование первого подхода характерно для преступлений физических лиц. Второй подход связан с привлечением юридических лиц к уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные его сотрудниками, имеющими возможность принимать управленческие решения и осуществлять конкретные действия в пользу юридического лица.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, корпорация, международное законодательство, модели кодексов, викарная ответственность, убийство, экологические преступления, ответственность организаций, наказание.

Уголовная ответственность юридических лиц (организаций) концептуально отличается от ответственности физических лиц, что породило различные теоретические подходы к ее обоснованию. В доктрине выделяются две основные модели: производная (викарная) ответственность и самостоятельная (прямая) ответственность организации.

Первая модель исходит из того, что виновность юридического лица производна от виновного поведения физических лиц – сотрудников или руководителей. Согласно доктрине викарной ответственности (*respondeat superior*), разработанной в англо-американском праве, преступное деяние работника, совершенное «в пределах служебных полномочий и в интересах компании», вменяется самой компании.

Корпорация рассматривается как абстракция, действующая через своих агентов, поэтому их виновные действия приравниваются к действиям юридического лица. Этот подход обеспечивает широкое привлечение корпораций, но критикуется за возможность наказания компании даже при отсутствии вины ее руководства.

Вторая модель предполагает самостоятельную уголовно-правовую виновность организации. В рамках так называемой доктрины идентификации (*alter ego*) компания отождествляется с действиями и

намерениями ее руководящих лиц. Как образно указала Палата лордов Великобритании в деле *Tesco v. Nattrass* (1972), управляющие директора и иные должностные лица высшего звена воплощают «разум и волю» компании. Поэтому, согласно этой теории, юридическое лицо несет ответственность только если преступление совершено лицом, являющимся «органом» или «представителем» компании (например, директором), действовавшим от ее имени. В ряде континентальных систем данная концепция дополнена идеей организационной вины: преступление рассматривается как следствие недостатков корпоративной политики, слабого надзора или «преступной культуры» компании. Например, в праве Австралии уголовная вина корпорации может устанавливаться через доказательство того, что в организации существовала коррупциогенная корпоративная культура либо отсутствовали должные меры предотвращения правонарушений [1].

Кроме того, выработан принцип двойной ответственности (*dual liability*), согласно которому привлечение юридического лица не исключает и одновременного привлечения виновных физических лиц. Этот принцип сейчас признан универсально: международные акты (например, ст. 26 Конвенции ООН против коррупции 2003 г.) требуют, чтобы ответственность организаций реализовывалась без ущерба для преследования должностных лиц компании. Таким образом, современная теория исходит из комплексного подхода: преступление организации рассматривается как совокупность индивидуальных проступков и системных упущений самой компании. Уголовная ответственность юридического лица носит особый характер – она не устраняет личной вины конкретных исполнителей, но дополняет ее, позволяя применить санкции непосредственно к имущественной сфере и деятельности организации [2].

Важно отметить, что признание уголовной правосубъектности организаций стало также результатом практических потребностей. Традиционные меры (гражданско-правовое возмещение ущерба или административные штрафы) нередко оказались недостаточными для профилактики тяжких правонарушений, совершаемых от имени крупных компаний. Уголовная ответственность корпораций усиливает превентивный эффект, побуждая компании внедрять комплаенс-программы и внутренний контроль, чтобы избежать наказаний [3].

В странах, где этот институт функционирует уже длительное время (США, Великобритания, Франция и др.), наблюдается формирование корпоративной культуры, ориентированной на соблюдение закона. Вместе с тем в теории продолжают дискуссии о пределах и критериях такой ответственности, о балансе между наказанием организации и учетом усилий по предотвращению правонарушений (например, смягчение наказания при наличии эффективных механизмов контроля).

Законодательное регулирование уголовной ответственности юридических лиц заметно варьирует между различными правовыми системами [4].

Рассмотрим отдельные особенности правовых норм Китая, США и стран Европейского Союза, включая виды преступлений, за которые возможна ответственность организаций.

В Китайской Народной Республике институт уголовной ответственности организаций был официально введен Уголовным кодексом 1997 года. Глава «Преступления, совершаемые единицами» закрепила особый субъект – «данвэй» (单位), что охватывает любые организации, включая компании, предприятия, учреждения и объединения. Статья 30 УК КНР устанавливает общий принцип: «Любая компания, предприятие, учреждение, государственный орган или организация, совершившие деяние, опасное для общества и предусмотренное как преступление, несут уголовную ответственность». Причем закон прямо требует, как наказания самой организации, так и ответственности должностных лиц: «Единица, виновная в преступлении, подлежит штрафу, а непосредственно ответственные руководитель и другие лица привлекаются к уголовной ответственности».

Законодательное регулирование процедуры привлечения данвэй включает также особые санкции. Основным наказанием для организации является штраф (фа-дин 金罚款). Максимальные размеры штрафов законом не фиксированы и определяются судом исходя из тяжести преступления и ущерба. Дополнительно могут применяться конфискация незаконно полученных доходов и ликвидация предприятия, если это прямо предусмотрено санкцией статьи (например, за изготовление фальсифицированной продукции суд может распорядиться о закрытии предприятия по приговору). Важной гарантией является то, что наказанию подлежат и физические лица – обычно непосредственно ответственный руководитель и иные работники, чьи действия составили преступление [5].

Таким образом, китайская модель стремится наказать и организацию (ударяя по ее имущественным интересам), и отдельных виновников, обеспечивая полноту ответственности. Примером применения этих норм является дело британской фармацевтической компании GlaxoSmithKline (GSK) в Китае: в 2014 году китайский суд признал китайское подразделение GSK виновным во взяточничестве (дача взяток врачам) и назначил компании рекордный штраф 3 млрд юаней (490 млн долларов).

Законодательство США характеризуется самым широким подходом к уголовной ответственности юридических лиц. Формально ни Конституция, ни федеральные уголовные законы общего характера прямо не упоминают корпорации как субъект преступления – этот институт был развит судебной практикой и спецификой отдельных

законов. Начиная с начала XX века (дело New York Central, 1909 г.), американские суды утвердили правило, что корпорация подлежит ответственности за преступления, совершенные ее работниками или агентами в пределах их служебных полномочий и в интересах компании [6].

Законодательная база США для привлечения корпораций – это совокупность прецедентного права и конкретных статей Уголовного кодекса. Многие федеральные уголовные законы прямо распространяются на «лица» (persons), определяя, что этим термином включаются юридические лица (корпорации, компании, партнерства и т.п.). Например, раздел 18 Кодекса США §18 включает корпорации в число субъектов преступления, если только норма явно неограниченна физическим лицом. На уровне штатов ситуация сходна: большинство штатов ввели положения, позволяющие преследовать компании, зачастую опираясь на Model Penal Code (Модельный уголовный кодекс).

Согласно Модельному кодексу, корпорация подлежит ответственности, если преступление совершено уполномоченным лицом в интересах организации, либо если это преступление – отсутствие надлежащего контроля или прямое предписание руководства. В результате охват преступлений очень широк: корпорации в США нередко привлекаются за мошенничество (банковское, почтовое, ценными бумагами), коррупцию (нарушения FCPA – закона о зарубежной коррупции), картельные сговоры (антитраст), экологические преступления (например, незаконные выбросы), нарушения безопасности на производстве, налоговые преступления и другие.

Примером служит дело о крупнейшей техногенной катастрофе – аварии на платформе Deepwater Horizon (Мексиканский залив, 2010). Компания BP как юридическое лицо была привлечена к ответственности: ей предъявлены обвинения в непредумышленном убийстве (гибель 11 рабочих), экологических преступлениях и препятствии правосудию [7].

В правовой системе Европейского Союза отсутствует единый уголовный кодекс, однако на уровне ЕС приняты директивы и рамочные решения, обязывающие государства предусматривать ответственность юридических лиц за определенные правонарушения (например, коррупция, отмывание денег, торговля людьми, экологические преступления). Каждое государство-член ЕС внедрило этот институт в национальное законодательство, хотя модели несколько разнятся между странами континентальной Европы и системы общего права (Великобритания, до Брекзита - тоже участник этих процессов). Можно говорить об общей европейской тенденции: почти все страны ЕС сегодня признают уголовную (или квазинаказательную) ответственность организаций.

Существенный толчок развитию института дали международные договоры (Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом, 1997; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, 1999 и др.), а также акты ЕС. Например, Директива 2008/99/ЕС «Об уголовной охране окружающей

среды» прямо требует от всех государств-членов установить ответственность юридических лиц за экологические преступления. Согласно этой директиве, страны ЕС должны обеспечить, чтобы юридические лица могли привлекаться к ответственности за преступления, совершенные в их интересах лицами, занимающими руководящую позицию (с полномочиями представительства, принятия решений или контроля) [8].

Европейский Союз как наднациональное объединение задает рамки, но конкретное воплощение отличается по странам.

Во Франции одним из первых громких дел стало дело о катастрофе на химическом заводе AZF в Тулузе (2001). Взрыв на заводе AZF (принадлежал компании Grande Paroisse, дочерняя структура нефтехимического гиганта Total) привел к 30 погибшим и большим разрушениям. Прокуратура выдвинула обвинения и против компании Grande Paroisse, и против директора завода. Долгое судебное разбирательство завершилось лишь в 2017 году: апелляционный суд признал и компанию, и директора виновными в непредумышленном причинении смерти вследствие халатности. Grande Paroisse была оштрафована на €225 тыс. (максимум, позволенный на момент аварии, так как действовал еще принцип ограниченной перечневой ответственности до 2005 г., что ограничивало сумму). Хотя штраф был сравнительно невелик, важно, что компания, входящая в крупную группу Total, была осуждена уголовным судом. Суд указал на серию грубых нарушений техники безопасности и признал их «существенной небрежностью со стороны юридического лица», подчеркивая, что руководящие структуры компании не обеспечили надлежащего контроля.

Германия пока не имеет собственно приговоров по уголовным делам против корпораций (по причине отсутствия такового института), но есть крупные постановления о штрафах: помимо упомянутого штрафа против Volkswagen (€1 млрд в 2018), были штрафы: Siemens – €395 млн (2008, за коррупцию, с конфискацией €200 млн незаконных доходов), Bayerische Motoren Werke (BMW) – €8,5 млн (2019, за недочеты в отчетности выбросов CO₂), Airbus – €81 млн (2018, за нарушение экспортного контроля). Эти штрафы формально административные, выносятся прокурором с утверждением судом, и также базируются на выводе о недостатках надзора в компании, сделавших возможным преступление [9].

Таким образом, стоит подчеркнуть значимость прямых и не прямых последствий:

1) Репутационные риски. Уголовная судимость наносит долгосрочный урон деловой репутации. Клиенты и партнеры могут разорвать отношения - особенно в сферах, где доверие критично (аудит, финансы). Например, после скандала со взятками Siemens AG внедрила масштабную программу комплаенса, но все равно на годы столкнулась с недоверием и повышенным вниманием регуляторов по всему миру.

2) Экономические издержки. Помимо штрафов, компании несут расходы на юридическую защиту, внутренние расследования,

реформирование процессов. Крупные корпорации нередко создают новые отделы соблюдения закона, нанимают сотни комплаенс-специалистов, устанавливают дорогостоящие системы мониторинга транзакций – все это прямое следствие прецедентов ответственности.

3) Доступ к рынкам. У осужденных компаний могут возникнуть проблемы с получением лицензий, разрешений. Например, финансовый регулятор может ужесточить требования к банку, уличенному в нарушении, вплоть до отзыва лицензии на определенные операции.

4) Социально-кадровые последствия. Иногда наказание компании воспринимается как удар по ее добросовестным сотрудникам (снижение прибыли – сокращение бонусов, увольнения). Это ставит проблему справедливости: например, штрафы в сотни миллионов могут привести к падению акций, от чего страдают миноритарные акционеры-пенсионеры и т.д. Однако суды считают, что эти негативные эффекты – результат именно неправомерных действий компании, и компания должна заранее думать о рисках.

Таким образом, санкции против юридических лиц многогранны: формальное наказание (штраф и др.) часто запускает цепь косвенных последствий, существенно влияющих на дальнейшую судьбу организации. В идеале система наказаний стремится обеспечить, чтобы для компании было более выгодно соблюдать закон, чем нарушать (так называемый *deterrence effect* – сдерживающий эффект).

Казахстан на данный момент не ввел уголовно-правовой ответственности организаций, но испытывает влияние международных стандартов.

Список использованной литературы:

1. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 1998. – 40 с.
2. Есаков, Г.А. Уголовно-правовые санкции, применяемые к юридическим лицам: сравнительно-правовой аспект / Г.А. Есаков // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 72-83.
3. Tesco Supermarkets Ltd v Natrass [1972] AC 153.
4. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1999. – 352 с.
5. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика: учебное пособие / Н.А. Лопашенко. – М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2009. – 608 с.
6. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – 560 с.
7. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник / Ф.М. Решетников. – М.: Юрид. лит., 1993. – 336 с.
8. Ситникова, А.И. Уголовная ответственность юридических лиц: сравнительно-правовой анализ / А.И. Ситникова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 272-276.
9. Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 192 с.

Суиндигов Нурдаулет Мыктыбекович
председатель Комитета по возврату активов Генеральной прокуратуры
Республики Казахстан, магистр юриспруденции, докторант Академии
правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан

ВОЗВРАТ АКТИВОВ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВО БЛАГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию возврата незаконно выведенных активов и особенностям применения института добровольного соглашения в Республике Казахстан. Автор раскрывает его преимущества, включая быстроту процедуры, экономию ресурсов и вклад в восстановление социальной справедливости. Рассматриваются международные практики, подтверждающие эффективность подхода, и подчеркивается соответствие механизмов международным стандартам, включая положения Конвенции ООН против коррупции. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития института как важного элемента государственной политики в сфере борьбы с незаконным обогащением.

Ключевые слова: возврат активов, добровольное соглашение, гражданская конфискация, коррупция, мировое соглашение, незаконное обогащение, необъяснимое богатство, отмывание доходов, превентивная конфискация, разумные сомнения.

Введение. Проблема незаконного обогащения и вывода активов из национальной экономики давно признана одной из главных угроз для устойчивости и суверенитета государства.

Такие явления, как коррупция, отмывание доходов и сокрытие капиталов за рубежом, подрывают основы справедливости, экономической безопасности и верховенства права.

Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев считает, что для установления верховенства закона и построения настоящего правового государства, прежде всего, нужно искоренить коррупцию [1].

В этой связи принимается комплекс мер для укрепления Казахстана в качестве справедливого и честного государства.

Основная часть. По инициативе Главы государства три года назад значительно активизирована работа по возврату активов. Принят специальный Закон о возврате активов [2].

Одной из ключевых новелл Закона стал институт заключения добровольного соглашения (ст. 25).

Он позволяет субъекту, законность происхождения активов которого вызывает сомнения, вернуть их в пользу государства на договорной основе.

Закон выделяет 4 вида соглашений, посредством которых субъекты Закона имеют право добровольно вернуть активы государству.

Это: соглашение о добровольном возврате активов; мировое соглашение; процессуальное соглашение о признании вины и возврате активов; иные соглашения, не противоречащие действующему законодательству.

Преимущество добровольного возврата в том, что часть незаконно приобретенного имущества может быть сохранена за субъектом.

Соглашение о добровольном возврате может предусматривать не только передачу активов государству, но и иные социально-экономические обязательства.

Например, можно вложить средства в нужной стране в проекты, прямо влияющие на повышение благосостояния наших граждан.

Помимо этого, при добровольном возврате субъект получает ряд правовых возможностей и гарантий, в том числе освобождение от ответственности.

Большинство лиц, с кем работает Комитет по возврату активов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (далее – Комитет), самостоятельно иницируют процедуры сотрудничества и добровольного возврата.

В результате, на сегодня Комиссией под руководством Премьер-Министра страны одобрено заключение 60 соглашений о добровольной передаче активов на сумму свыше двух миллиардов долларов США.

Деньги от возврата активов направляются нужной стране социальные и экономические проекты. Это школы, детские сады, больницы, культурные центры, спортивные объекты и коммунальная инфраструктура.

На сегодня Правительством одобрено финансирование свыше 330 таких объектов.

Ряд субъектов Закона приняли на себя обязательства по реализации 20-ти инвестиционных проектов в горнорудном, металлургическом и энергетическом секторах на сумму свыше 10 млрд долларов.

Помимо этого, взяты обязательства по строительству культурных, образовательных, спортивных объектов, а также финансированию программ реабилитации и социализации.

Таким образом, работа Комитета по линии добровольного возврата активов охватывает все основные компоненты – это:

- 1) пополнение республиканского бюджета;
- 2) возврат активов в натуре;
- 3) реинвестирование капитала;
- 4) реализацию соцпроектов.

Сегодняшние результаты Комитета – это проявление субъектами Закона доброй воли по построению диалога с государством и готовности вкладывать сомнительно нажитый капитал в национальную экономику, на благо народа и процветание страны.

Если такой инициативы нет, и Комитет имеет разумные сомнения в законности происхождения актива, то применяются принудительные механизмы.

Основной инструмент – это иск о необъяснимом богатстве.

Путем подачи таких исков обеспечен возврат государству активов на 35 млн долларов.

Озвученные цифры говорят сами за себя и подтверждают эффективность института добровольного возврата активов, который логично укладывается в рамки концепции «восстановительной юстиции».

То есть приоритет отдается не столько наказанию, сколько компенсации причиненного государству и обществу ущерба.

Применение данного механизма способствует реализации цели юридической ответственности как восстановления нарушенного правопорядка, а не только репрессии.

Как справедливо отмечает А.А. Арутюнян «для теории восстановительной юстиции основным элементом является именно столкновение интересов разных лиц, которое происходит в результате совершения деяния; сам же факт нарушения норм права отходит на второй план» [3. стр.33].

С позиций неоинституционализма, добровольное соглашение о возврате активов может рассматриваться как часть институционального механизма, направленного на формирование благоприятной среды взаимодействия между государством и субъектами, что в свою очередь также снижает транзакционные издержки и способствует формированию предсказуемых правил поведения [4. стр.42].

Применение данного института тесно связано с теорией эффективного правоприменения, в рамках которой государство стремится максимизировать эффект от правовых мер за счёт стимулирования добровольного соблюдения норм.

В результате государство получает активы быстрее и без затрат на длительные процедуры (как административные, так и судебные), а лицо – возможность выйти из ситуации с меньшими издержками.

Такой подход в полной мере соответствует международным правовым актам.

Так, Конвенция Организации Объединенных Наций (ООН) против коррупции («Конвенция UNCAC»), принятая Генассамблеей в 2003 году, устанавливает международно-признанные правовые стандарты в области борьбы с коррупцией и возврата незаконно присвоенных активов.

Согласно Конвенции каждое Государство-участник в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции и стремится устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции, включая возвращение активов, которое

представляет собой основополагающий принцип Конвенции UNCAC согласно статье 51 [5].

В Техническом руководстве по осуществлению Конвенции ООН против коррупции отмечается, что «в то время как некоторые государства рассматривают конфискацию доходов от преступлений в качестве исключительно карательной санкции, многие другие государства подходят к вопросу конфискации как к коррективной, восстановительной санкции, которая при определенных обстоятельствах применяется в качестве не уголовного средства судебной защиты» [6] и также допускает механизмы альтернативного разрешения споров и предусматривает возможность договорных форм возврата имущества при соблюдении принципов прозрачности и законности.

Примеры из мировой практики демонстрируют успешность и эффективность использования института добровольного возврата активов.

Например, в 2010 году Министерство юстиции Соединенных Штатов Америки запустило Инициативу по возвращению похищенных активов, направленную на выявление, изъятие и возврат активов, приобретенных путем коррупции или незаконного присвоения активов путем процедуры конфискации активов, с целью возврата таких активов людям и правительствам, у которых они изначально были изъяты [7].

По данным Минюста США, эта процедура была успешно применена для возврата средств в Нигерию [8] и Малайзию [9].

Великобритания внедрила механизм, согласно которому власти могут выпускать приказы о неясном происхождении активов, которые требуют от людей или организаций объяснения того, каким образом они получили имущество.

Такие приказы могут быть изданы в отношении лица «когда имеются разумные основания подозревать, что либо известные источники дохода лица или организации были бы недостаточны для приобретения имущества, [или] имущество было получено в результате противоправных действий» [10].

В Италии одним из правовых механизмов, позволяющих осуществлять возврат активов без вынесения обвинительного приговора, выступают положения, предусмотренные в нормативных актах, направленных на борьбу с организованной преступностью, в частности с мафиозными структурами. Согласно данным положениям, в случаях, когда установлено, что лицо систематически участвует в преступной деятельности либо систематически обеспечивает своё существование за счёт доходов, полученных преступным путём, может быть применена мера так называемой «превентивной конфискации» [11].

Принятие подобной меры основывается на судебной оценке доказательств, подтверждающих, что данное лицо представляет собой угрозу для общества.

Такие доказательства подлежат рассмотрению с соблюдением стандартов, применяемых в уголовном процессе.

Меры по возврату коррупционных доходов приняты и в других странах.

Например, Королевство Саудовской Аравии возвратило 107 миллиардов долларов США по соглашениям с членами королевской семьи, министрами и известными бизнесменами в процессе, который проходил с 2017 по 2019 годы [12].

Таким образом, международная практика демонстрирует легитимность и эффективность таких соглашений как части гибкой политики возврата активов.

В них упор делается на результат – восстановление имущественного ущерба, а не только на наказание.

Заключение. Подводя итог, можно сделать вывод о том, что институт добровольного соглашения имеет ряд существенных преимуществ, обуславливающих его эффективность в современном правоприменении.

Во-первых, данный механизм обеспечивает оперативность возврата активов в государственную собственность, позволяя избежать затяжных аналитических и проверочных мероприятий, следственных действий, ведение судебных процедур, в результате чего достигается значительная экономия государственных ресурсов.

Во-вторых, формируется правовая мотивация для лиц, обладающих сомнительными активами, к конструктивному взаимодействию с государственными органами.

В-третьих, присутствует степень гибкости, позволяющая учитывать специфику конкретной ситуации и адаптировать условия соглашения с учётом индивидуальных факторов.

Наконец, в-четвёртых, подобные соглашения играют важную роль в восстановлении социальной справедливости, способствуя защите публичных интересов и восстановлению нарушенных имущественных прав общества и государства.

Таким образом, добровольное соглашение о возврате активов представляет собой эффективный инструмент, сочетающий в себе элементы правовой гибкости, восстановительной справедливости и превентивного воздействия.

При правильном применении он способен существенно усилить государственную политику по возврату незаконно приобретённого имущества.

Обоснованность и перспективность развития данного института подтверждаются как теоретическими подходами, так и международной практикой.

Следует обратить внимание на то, что добровольное соглашение не подменяет собой судебные механизмы, а дополняет их, позволяя в ряде

случаев достигать справедливых и законных целей более рациональным путём.

Учитывая это, видится целесообразным продолжать нормативное, институциональное и методологическое развитие указанного института, обеспечивая его широкое внедрение.

Мы убеждены, что институт добровольного соглашения о возврате активов имеет право на существование в правовой системе Республики Казахстан и способен занять устойчивое место среди эффективных инструментов противодействия незаконному обогащению и возврата активов.

Список использованной литературы:

1. Глава государства провел совещание по вопросам противодействия коррупции // <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-protivodeystviya-korrupcii-1128> (дата обращения: 20.05.2025).

2. О возврате государству незаконно приобретенных активов: Закон Республики Казахстан от 12.07.2023 г. №21-VIII ЗРК (ред. от 12.07.2023) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021> (дата обращения: 20.05.2025).

3. Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011, – №5. – 31-43 с.

4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.05.2025).

6. Техническое руководство по осуществлению Конвенции ООН против коррупции // https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/TechnicalGuide/10-53208_ebook_r (дата обращения: 20.05.2025).

7. Assistant Attorney General Lanny A. Breuer Delivers Keynote Address at Money Laundering Enforcement Conference // <https://www.justice.gov/archives/opa/speech/assistant-attorney-general-lanny-breuer-delivers-keynote-address-money-laundering> (дата обращения: 20.05.2025).

8. United States to Repatriate Nearly \$1 Million to Federal Republic of Nigeria // <https://www.justice.gov/archives/opa/pr/united-states-repatriate-nearly-1-million-federal-republic-nigeria> (дата обращения: 20.05.2025).

9. Justice Department Recovers an Additional \$20M in Misappropriated 1MDB Funds // <https://www.justice.gov/archives/opa/pr/justice-department-recovers-additional-20m-misappropriated-1mdb-funds> (дата обращения: 20.05.2025).

10. Unexplained wealth orders // <https://www.gov.uk/government/collections/unexplained-wealth-orders> (дата обращения: 20.05.2025).

11. Bright Line Law. Использование ареста и конфискации без вынесения обвинительного приговора // <https://rm.coe.int/the-use-of-non-conviction-based-confiscation-ru-final/1680a21d75C> (дата обращения: 20.05.2025).

12. Saudi Arabia ends major anti-corruption campaign // <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-47065285> (дата обращения: 20.05.2025).

Сәрсенбаев Азамат Серікұлы

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Кәсіптік оқыту институты Қызметтік даярлық кафедрасының аға оқытушысы, заңтану магистрі

ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІ ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛАУ АЯСЫНДА КҮЗЕТПЕН ҰСТАУ ТҮРІНДЕГІ БҰЛТАРТПАУ ШАРАСЫН ҚОЛДАНУ БОЙЫНША ПРОКУРОРДЫҢ ПРОЦЕСТІК ШЕШІМІ ТУРАЛЫ

Аннотация. Мақалада прокурордың әртүрлі құқықтық жүйелер контекстінде күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасын қолдану бойынша прокурордың процестік шешімі қарастырылады. Осы шараны қолданудың негіздері мен шарттары, сондай-ақ оны таңдау процесінде прокурордың рөлі талданады. Күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шараларын қолдану тәртібін регламенттейтін ТМД-ның кейбір елдерінің заңнамаларына салыстырмалы талдау жүргізіледі. Әділдік, пропорционалдылық және кінәсіздік презумпциясы қағидаттарын ескере отырып, күзетпен ұстауды реттейтін құқықтық нормаларды интерпретациялау мәселелеріне ерекше назар аударылады. Автор санкциялық материалдарды уақытылы қалыптастыру функцияларын сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамдарға нормативтік тұрғыдан бекітуді және оларды алдын-ала қарауға жіберуді ұсынады.

Түйінді сөздер: бұлтартпау шарасы, күзетпен ұстау, прокурор, қылмыстық процесс, құқықтық жүйелер, құқықты интерпретациялау, кінәсіздік презумпциясы, әділеттілік, мөлшерлестік.

Кіріспе. Күзетпен ұстау – адамның конституциялық құқықтары мен бостандықтарын едәуір шектейтін ең қатаң бұлтартпау шараларының бірі.

Қазақстан Республикасы Конституциясының 16-бабы 2-бөлігіне сәйкес «заңда көзделген реттерде ғана және тек қана соттың санкциясымен тұтқындауға және қамауда ұстауға болады, тұтқындалған адамға шағымдану құқығы беріледі. Соттың санкциясынсыз адамды жетпіс екі сағаттан аспайтын мерзімге ұстауға болады» [1].

Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексінің (бұдан әрі – ҚПК) 147-бабына сәйкес «бұлтартпау шарасы ретінде күзетпен ұстау тек судьяның санкциясымен және басқа, қатаңдығы неғұрлым жеңіл бұлтартпау шараларын қолдану мүмкін болмаған кезде заңмен бес жылдан астам мерзімге бас бостандығынан айыру түріндегі жаза көзделген қылмысты жасады деген күдіктіге, айыпталушыға, сотталушыға қатысты ғана қолданылады» [2].

Бұл шараны қолдану істің нақты жағдайларын мұқият талдауды, тәуекелдерді бағалауды және процестік кепілдіктерді сақтауды талап етеді.

Прокурордың күзетпен ұстау туралы шешім қабылдаудағы рөлі маңызды. Өйткені ол айыптау тарапын білдіреді және сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысында заңдылықтың сақталуын қамтамасыз етеді.

Осыған байланысты зерттелетін тақырыптың өзектілігі теориялық және практикалық маңызы бар бірқатар факторларға байланысты:

Біріншіден, бұл шараны негізсіз немесе шамадан тыс қолдану адам құқықтарының елеулі бұзылуына және әділетсіздікке әкелуі мүмкін.

Екіншіден, прокурордың шешімі заңды, негізделген және дәлелді болуы керек. Аталған шараны қолдану қылмыстық процестің кінәсіздік презумпциясы, тараптардың жарыспалылығы, қорғау құқығын қамтамасыз ету және әділеттілік сияқты негізгі қағидаттарына сәйкес келуі керек.

Үшіншіден, күзетпен ұстау – қоғамның үлкен назарындағы мәселе. Бұл шараны негізсіз немесе шамадан тыс қолдану құқық қорғау органдары мен сот жүйесіне деген сенімге нұқсан келтіруі мүмкін.

Сонымен қатар адам құқықтары мен бостандықтарын қорғау мәселелері барған сайын өзекті болып отырған қазіргі әлемде прокурордың бұлтартпау шарасын қолдану туралы процестік шешімін зерттеу ерекше маңызға ие болады. Оған қоса ғалымдар мен практиктердің үнемі назарын талап етеді.

Нәтижелер, пікірталастар. Күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасы, әдетте, әртүрлі елдердің қылмыстық-процестік заңнамасымен реттелетіні белгілі. Оның негізгі мақсаты сотқа дейінгі тергеп-тексеру мен сот ісін жүргізу барысында айыпталушының (күдіктінің) тиісті мінез-құлқын қамтамасыз ету болып табылады.

ҚР ҚПК-нің 147-бабына сәйкес «айрықша жағдайларда бұл бұлтартпау шарасы, егер:

- оның Қазақстан Республикасының аумағында тұрақты тұрғылықты жері болмаса;

- оның жеке басы анықталмаса;

- ол бұрын таңдалған бұлтартпау шарасын немесе процестік мәжбүрлеу шарасын бұзса;

- ол қылмыстық қудалау органдарынан немесе соттан жасырынуға әрекет жасаса немесе жасырынса;

- оған ұйымдасқан топтың немесе қылмыстық қоғамдастықтың (қылмыстық ұйымның) құрамында қылмыс жасады деген күдік келтірілсе;

- оның бұрын жасалған ауыр немесе аса ауыр қылмысы үшін сотталғандығы болса;

- оның қылмыстық әрекетті жалғастырып жүргендігі туралы деректер бар болса, заңда бес жылға дейін мерзімге бас бостандығынан айыру түріндегі жаза көзделген қылмысты жасады деп күдік келтірілетін, айыпталатын, сотталатын адамға қатысты қолданылуы мүмкін» [2].

ТМД-ның кейбір елдерінің қылмыстық-процестік заңнамаларын салыстырмалы талдау әр елдің тарихи, құқықтық және әлеуметтік

ерекшеліктеріне байланысты олардың ұқсастықтары да, елеулі айырмашылықтары да бар екенін көрсетті.

ТМД-ның барлық елдерінде күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасын қолдану құқығы бекітілген. Алайда оны қолдану тәртібі, шарттары мен мерзімі әр түрлі. Негізгі қағидаттар – заңдылық, қажеттілік, мөлшерлестік және гуманизм – барлық ұлттық заңнамаларда бар.

Мысалы, Ресейде бұл шара Ресей ҚПК-нің 91-бабымен реттеледі. Ол қамауға алудың негіздерін, оны қолдану мерзімдері мен тәртібін анықтайды. Алдын-ала тергеу үшін шекті мерзімі – 12 ай, ал қажет болған жағдайда оны сот ерекше жағдайларда 18 айға немесе одан да көп уақытқа дейін ұзарта алады [3].

Беларусь мемлекетінің заңнамасы нақты критерийлерді белгілей отырып, қамауда ұстау мәселелерін реттейді. Ең ұзақ мерзім – сот шешімі бойынша ұзарту мүмкіндігімен 6 айға дейін [4].

Ал Украинаның ҚПК-де қамауда ұстау түріндегі бұлтартпау шарасы туралы ережелер бар. Соттың 12 айға дейін, ерекше жағдайларда 24 айға дейін ұзарту мүмкіндігімен 2 айға дейінгі мерзімде қолданылады [5].

Басқа елдер (мысалы, Қырғызстан, Армения) ұлттық ерекшеліктерін ескере отырып, осындай нормативтік актілерге ие.

Сонымен бірге барлық елдерде ұсталғандардың құқықтарының сақталуын бақылау шаралары қарастырылған. Мысалы, адвокаттың қатысуы, күзетпен ұстау туралы шешімдерге шағымдану мүмкіндігі және т.б. Алайда сот бақылауы мен шағымдану рәсімдерінің деңгейі формализация мен тиімділік дәрежесінде әртүрлі болады.

Қорғау, медициналық қызмет көрсету, іс материалдарымен танысу сияқты ұсталғандардың құқықтары барлық елдерде көзделген.

Мәселен Ресейде ұстау мерзімдерінің сақталуын қатаң бақылауға, сондай-ақ балама бұлтартпау шараларын қолдану мүмкіндігіне баса назар аударылатыны ерекшелік деп көрсетеміз.

Ал Қазақстанда ұсталғандардың құқықтарының сақталуын бақылау бойынша қосымша шаралар енгізіледі. Оған қоса электрондық бақылау құралдарын пайдалану мүмкіндіктері кеңейтілген.

Беларусь мемлекетінде сот шешімінсіз ұстаудың қатаң мерзімдері, сондай-ақ ұзарту мүмкіндігін шектеу көзделген.

Украинада адам құқықтарын қорғаудың еуропалық стандарттарына, сондай-ақ Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың тәжірибелерін белсенді енгізуге баса назар аударылады.

ТМД елдерінде күзетпен ұстау мәселесін реттеудегі жалпы қағидаттар мен ұқсастықтарға қарамастан, осы нормаларды іске асырудың айтарлықтай айырмашылықтар бар екені байқалды. Бұл айырмашылықтар тарихи дәстүрлерге, сот жүйесінің даму деңгейіне және адам құқықтарын қамтамасыз ету тәсілдеріне байланысты.

Сонымен күзетпен ұстау жүйесінің тиімділігін арттыру үшін заңнаманы халықаралық стандарттармен (Мысалы, Адам құқықтарын қорғау туралы Еуропалық конвенция) үйлестіруді жалғастыру қажет деп

пайымдаймыз. Сондай-ақ ұсталғандардың құқықтарының сақталуын бақылау рәсімдерін жетілдіру де маңызды деп санаймыз. Атап айтқанда, ТМД елдері адам құқықтарын қорғаудың халықаралық міндеттемелері мен тәжірибелерін ескере отырып, неғұрлым гуманистік көзқарасқа бет бұруда.

Одан әрі зерттеу барысында көптеген құқықтық жүйелерде күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шараларын таңдауда прокурор шешуші рөл атқаратыны белгілі болды. Ол тиісті өтінішпен сотқа жүгіну арқылы рәсімді бастайды. Прокурордың өтінішхатында:

- істің нақты мән-жайлары баяндалады;
- күзетпен ұстауды қолдану қажеттілігі негізделеді;
- қылмыс жасады деген күдіктің негізділігін растайтын дәлелдемелерді ұсыну туралы мәліметтер болуы тиіс.

Сот айыпталушының (күдіктінің) және оның қорғаушысының қатысуымен прокурордың өтінішін қарайды.

Ал айыпталушы (күдікті) өтінішхатқа қатысты өз ұстанымын білдіруге және өзінің дәлелдерін ұсынуға құқылы.

Күзетпен ұстау туралы шешімді сот тараптар ұсынған дәлелдерге сүйене отырып және әділдік пен мөлшерлестік қағидаттарын ескере отырып қабылдайды.

Мысалы, кейбір құқықтық жүйелерде, оның ішінде англо-саксондық, прокурордың рөлі неғұрлым белсенді болуы мүмкін. Оған сот шешіміне дейін адамды уақытша ұстау мүмкіндігі кіреді, алайда қамауға алу туралы шешім сотта қалады.

Әртүрлі құқықтық жүйелерде күзетпен ұстауды қолданудың салыстырмалы талдауы олардың күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасын қолдану тәсілдері бойынша ерекшеленетінін көрсетті.

Ғалымдардың пікірінше, Еуропа елдерінде қамауға алу салыстырмалы түрде сирек қолданылады және дәлелді себептер болған жағдайда ғана қолданылады [6].

АҚШ-та қамауға алу, әсіресе ауыр қылмыс жасады деп айыпталған адамдарға қатысты кеңінен қолданылуы мүмкін [7. 91 б.].

Әртүрлі құқықтық жүйелерді салыстыру күзетпен ұстау тәсілдеріндегі жалпы үрдістер мен айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік береді.

Жалпы үрдістерге осы шараны қолдануды шектеуге және айыпталушылар (күдіктілер) үшін процестік кепілдіктерін күшейтуге деген ұмтылыс жатады. Мұндай айырмашылықтарға мыналар жатады:

- қамауға алуды қолданудың әртүрлі негіздері (мысалы, кейбір жүйелерде айыпталушының жаңа қылмыстар жасау қаупі ескеріледі);
- сотқа дейін қамауда ұстаудың әртүрлі мерзімдері;
- қамауға алу туралы шешімге шағымданудың әртүрлі рәсімдері.

Сонымен қатар күзетпен ұстауды реттейтін құқықтық нормаларды интерпретациялау мәселесін зерттеу әртүрлі факторларды ескеруді қажет ететін мәселенің күрделілігін көрсетеді, мысалы:

- норма мәтінінің тура мағынасы;
- барлық заңнама контекстіндегі норманы жүйелі түсіндіру;
- заңнаманың мақсаты мен міндеттері;
- соттардың норманы қолдану тәжірибесі.

Бұл ретте құқықты интерпретациялауды ғалымдар құқық нормаларын интерпретациялау заңнаманы нақты және біркелкі қолдануда маңызды рөл атқаратынын, нәтижесінде заңнаманың тиімділігін арттырудың маңызды факторы болып табылатынын айтты [8. 5 б.].

Расымен де интерпретациялау проблемалары норма тұжырымдамаларының бұлыңғырлығына, әртүрлі нормалар арасындағы қайшылықтарға және қоғамдық өмірдегі өзгерістерге байланысты туындауы мүмкін. Күзетпен ұстауды реттейтін нормаларды интерпретациялау кезінде әділеттілік, мөлшерлестік және кінәсіздік презумпциясы қағидаттарын ескеру маңызды.

Тәжірибе көрсеткендей, күзетпен ұстау түріндегі бұлтартпау шарасын қолдану бойынша қылмыстық қудалау органы мен қадағалау органы арасындағы өзара іс-қимыл мәселелерінде олқылықтар бар. Оның ішінде мамандандырылған ауданаралық тергеу сотының қарауына өтінішхаттар мен санкциялық материалдарды беру мерзімдеріне теріс әсер ететін фактілер орын алатынын айту қажет.

Мәселен, ҚР ҚПК-нің 147-бабының 3-бөлігінің талаптарына сәйкес «прокурор ұстап алу мерзімі өтерден кемінде сегіз сағат бұрын тергеу судьясына өтінішхаттың негізділігін растайтын қылмыстық іс материалдарының көшірмелерін қоса бере отырып, күзетпен ұстауды санкциялау жөнінде өтінішхат қозғау туралы қаулыны ұсынуға міндетті» [2].

Бұл ретте жоғарыда аталған құжаттарды сот органына нақты мерзімдерде, тергеу органының прокуратура органдарына өтінішхаттар мен санкциялық материалдарды ұсыну мерзімдерін ұсынуды қамтамасыз ету жөніндегі функцияны прокурорға жүктей отырып, заң шығарушы оны заңнамада көрсетпеді.

Алайда тергеп-тексеру органы осы мүмкіндікті пайдалана отырып, қадағалау органының санкциялық материалдарды ақылға қонымды мерзімде жіберу қажеттілігі туралы қолда бар талаптарына қарамастан, оларды қысқа мерзімде ұсынады. Алайда іс материалдарын егжей-тегжейлі зерделеуді және қабылданған процестік шешімнің негізділігін тексеруді ұйымдастыру үшін уақыт қалмайды. Ал кейде бұл мән-жай материалдарды сотқа ұсынудың белгіленген регламентінің бұзылуына әкеп соғады.

Алайда 1997 жылғы редакциядағы (күші жойылған) ҚР ҚПК-нің 150-бабының 2-бөлігіне сәйкес «егер өтініш ҚПК-нің негіздерінде және тәртіппен ұсталған сезіктіге қатысты қозғалса, аталған қаулы мен материалдар ұстау мерзімі аяқталғанға дейін он сегіз сағаттан

кешіктірілмей прокурорға табыс етілуге тиіс» [9] деген ереже көзделген болатын.

Осыған байланысты тергеу органы мен қадағалау органы арасындағы өзара іс-қимыл тәртібін одан әрі жетілдіру мақсатында, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамға санкциялық материалдарды уақытылы қалыптастыру және оларды алдын-ала қарауға жіберу функцияларын нормативтік бекіту туралы ҚР ҚПК-ге өзгеріс енгізу жөн деп санаймыз. Өйткені оларды жинақтау белгілі бір жұмыс көлемін уақытылы орындауды талап етеді.

Ұсынылған нұсқаны қарау кезінде ҚР ҚПК-нің 131-бабы 4-бөлігіне сәйкес ұсталған адамға қатысты шешім қабылдау үшін бөлінген 48 сағаттың 30 сағаты – қылмыстық қудалау органына бастапқы тергеу әрекеттерін жүргізу және күдіктінің іс-әрекетін саралауды белгілеу, қажетті деректерді жинау және тиісті құжаттамалық материалдарды дайындау үшін беріледі. 10 сағаты – құқықтық баға беру және шешім қабылдау үшін қадағалау органына беріледі. Ал қалған 8 сағат – заң шығарушы атап өткендей соттың материалдарды қарау мерзімі.

Қорытынды. Осылайша, жүргізілген зерттеу негізінде күзетпен ұстау ҚПК-ге сәйкес және әділеттілік пен гуманизм қағидаттарын ескере отырып, қатаң қолданылуы тиіс маңызды, бірақ сонымен бірге өте жауапты бұлтартпау шарасы болып табылады деген қорытынды жасауға болады.

ТМД-ның әртүрлі құқықтық жүйелерінде бұл шараны реттеуге ұқсас тәсілдер бар. Бірақ олардың арасында әр елдің тарихи, құқықтық және әлеуметтік ерекшеліктеріне байланысты оны қолдану шарттарында, мерзімдері мен рәсімдерінде айтарлықтай айырмашылықтар сақталады.

Күзетпен ұстау туралы шешім қабылдау процесінде прокурордың рөлі ерекше маңызға ие, яғни оның өтініштері негізделген, уақытылы және белгіленген талаптарға сай болуы керек.

Сонымен қатар тергеп-тексеру, прокуратура және сот органдары арасындағы тиімділікті арттыру және процестік кепілдіктерді сақтау үшін өзара іс-қимылды жетілдіру қажеттілігі туындайды. Атап айтқанда, санкциялық материалдарды ұсыну мерзімдерін неғұрлым нақты реттеу үшін заңнамаға өзгерістер енгізу ұсынылады. Бұл күдіктілердің құқықтарын бұзу тәуекелдерін азайтуға және сот төрелігін неғұрлым ашық және әділ жүзеге асыруды қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Тұтастай алғанда заңнаманы халықаралық стандарттармен үйлестіру және ұсталғандардың құқықтарының сақталуын бақылау рәсімдерін ұдайы жетілдіру – қылмыстық сот ісін жүргізу жүйесінің тиімділігін арттыру үшін маңызды бағыттар болып табылады. Бұл қоғамның құқық қорғау органдары мен сот жүйесіне деген сенімін нығайтуға ықпал етеді және қоғамдық қауіпсіздік пен адам құқықтарын қорғау қажеттілігі арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы: Конституция 30.08.1995 жылы республикалық референдумда қабылданды [Электрондық ресурс] – Рұқсат режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_ (жүгіну күні: 09.04.2025).
2. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 4 шілдедегі №231-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Рұқсат режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгіну күні: 09.04.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.04.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. №295-3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: от 13.04.2012 г. №4651-VI [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 10.04.2025).
6. Волеводз А.Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета по правам человека ООН // Актуальные вопросы науки и практики. 2017. – №3. – 3-7 с.
7. Стойко Н.Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США: Учебное пособие // Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2000. – 315 с.
8. Сайдуллаев Ш.А. Интерпретация правовых норм – важный этап правоприменительного процесса // Журнал юридических исследований. 2019. – №2. – 3-6 с.
9. Қазақстан Республикасының Қылмыстық іс жүргізу кодексі: 13.12.1997 жылғы №206 (Күші жойылған). [Электрондық ресурс] – Рұқсат режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z970000206_ (жүгіну күні: 11.04.2025).

Сарсембаев Марат Алдангорович
главный научный сотрудник Института законодательства и правовой
информации Министерства юстиции Республики Казахстан,
доктор юридических наук, профессор

ЗАКОН И ПОРЯДОК, ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Идея «Закон и порядок» была выдвинута Главой казахстанского государства К.-Ж.К. Токаевым, которая неоднократно обосновывалась в его публичных выступлениях. Концептуально эта идея была подана в его Послании народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм», а также на расширенном заседании Правительства республики 28 января 2025 года, на котором он, в частности, сказал: «Принцип «Закон и Порядок» должен глубоко укорениться в общественном сознании. Чтобы добиться этого, важно продвигать и воплощать на практике принцип «нулевой терпимости» к правонарушениям. Соответствующая работа должна быть организована на всех уровнях, прежде всего, акимами регионов». Его основная мысль заключается в том, что в казахстанском обществе необходимо повсеместно утверждать и укреплять «идеологию закона и порядка».

Суть проблемы, на наш взгляд, состоит в наличии некоторого дисбаланса между осуществлением прав человека и восприятием гражданами административной практики, которая им кажется казенной и не совсем справедливой. В концепции «Закон и порядок» определенное внимание уделяется системе назначения и уплаты штрафов за совершенные гражданами административных правонарушений. С одной стороны, уплата штрафов за нарушение правил общественного порядка, правил дорожного движения – занятие для любого гражданина страны малоприятное. Но с другой стороны, нужно иметь в виду, что штрафные санкции повышают дисциплинированность наших граждан в целом ряде общественных сфер, служат воспитанию наших граждан, особенно молодежи, в духе уважения закона и порядка в стране.

Немаловажно определить в балансе интересов государства и граждан. Устранению этого дисбаланса способствует внедрение принципа равенства перед требованиями закона и принципа неотвратимости наказания за нарушение этого закона. Именно такой подход содействует утверждению принципа ответственности граждан за себя, за свое поведение, за свое отношение к другим гражданам. Баланс в действиях государства проявляется в том, что оно прилагает немало усилий для обеспечения общественного порядка, порядка на дорогах. Так, печальная статистика на дорогах страны свидетельствует о том, что по итогам 2024 года было зарегистрировано более 31 тыс. дорожно-транспортных происшествий, в которых серьезно пострадали 40 тыс. человек, а 2,5 тыс. погибли. К сожалению, сравнение с цифрами 2023 года

складывается не в пользу данных 2024 года, поскольку данные 2024 года демонстрируют рост дорожно-транспортных происшествий на 109%.

Если провести социологический опрос среди пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях 40 тыс. граждан, то наверняка на вопрос, надо ли штрафовать водителей, нарушающих правила дорожного движения, мы получим 40 тыс. ответов, что нужно наказывать нерадивых водителей более жестче, чем это делалось до сих пор. Получается, что в этой ситуации государство находится не на своей стороне, а на стороне граждан.

По роду своей работы, службы автору этих строк приходилось работать и жить в целом ряде зарубежных стран. В цивилизованных странах нас всегда удивляли предупредительность и вежливость водителей по отношению друг к другу, к пешеходам, дисциплинированность самих пешеходов. В нашей стране практически каждый водитель в происшедшем нарушении на дороге считает виновным кого угодно, только не себя самого. Отсюда – ссоры, скандалы, драки, грубое нарушение правил на дорогах. Это говорит о низком уровне правовой культуры значительной части нашего общества.

Вместе с тем есть другая сторона проблемы. В последние годы в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях были внесены немало изменений, сформулированы статьи, которые привели к усилению ответственности за превышение водителями скорости на дорогах, за управление автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, совершение правонарушений в сферах экологии, благоустройства, за несоблюдение, особенно вечерней, тишины, за жестокое обращение с животными. Кроме того, увеличены суммы штрафов в налоговой, предпринимательской сферах. Естественно, это повлекло рост, увеличение фактов наложения административных взысканий в виде штрафов. Данные 2024 года, которые приводит генеральная прокуратура Республики Казахстан, свидетельствуют о рекордном количестве зарегистрированных административных дел. Таких дел оказалось более 15 млн. Когда сравнили с данными 2023 года, то статистика 2024 года показала увеличение административных взысканий на 37% больше. А если сравнивать с данными 2014 года, то мы видим прирост в 2024 году более, чем в 3,5 раза. Численность правонарушителей составила 14,6 млн человек (см.: Казахстанская правда. 2025. – №67 (30445). – 8 с.). Половина всех штрафов пришлась на нарушения правил дорожного движения. На втором месте по количеству находятся штрафы за налоговые правонарушения. Третье место досталось нарушителям общественного порядка и норм морали (нравственности).

Сопоставляя приведенные цифры, мы должны сказать, что случился определенный перекося, возник дисбаланс интересов государства и граждан. Что можно и нужно сделать, чтобы привести к нормальному балансу действий государственных органов и граждан?

Говоря другими словами, как навести надлежащий порядок в обществе, в том числе законодательными мерами, не прибегая к излишним мерам государственного принуждения.

Для этого, по нашему мнению, юристам-экспертам, специализирующимся в сфере административного права, следует детально изучить все наиболее часто используемые статьи Кодекса об административных правонарушениях и их применение в практике органов административного правосудия. Думается, есть смысл вывести из Кодекса те статьи, которые не приводят к укреплению общественного порядка, а также уменьшить размеры штрафов в соответствующих статьях Кодекса.

Во-вторых, нужно законодательно внедрить в обществе правовой всеобуч. Для этого было бы желательно возродить систему распространения правовых знаний в виде Общества «Правовые знания». В школах и высших учебных заведениях страны желательно более основательно обучать «Основам казахстанского права». При этом нужно потребовать, чтобы авторы таких учебников писали такие «Основы» не казенным языком, а в доступном, содержательно-насыщенном, увлекательно-интересном формате. В этой связи надо проводить республиканские конкурсы на лучший учебник «Основы казахстанского права» по линии министерства просвещения и министерства науки и высшего образования в отдельности: победителям надо вручать солидные премии. Такие конкурсы надо проводить периодически каждые 3-5 лет, а организаторы конкурса должны вникать, насколько конкурсантам удалось отразить существенное изменение всех отраслей казахстанского права и насколько им удалось повысить уровень занимательности, увлекательности излагаемого материала по сравнению с предыдущими конкурсными учебниками. Причем в учебниках для школ нужно делать достаточно большой крен в сторону соблюдения учениками административных норм, правил поведения в школе, во дворе своего дома, в общественных местах, правил уважения друг друга: обретая навыки дисциплинированного поведения в местах своего повседневного нахождения ученики с этими добротными навыками будут входить во взрослую жизнь.

В-третьих, в местах лишения свободы находятся 37 тыс. человек, из них 35 тыс. – мужчины (см.: В Казахстане выросло тюремное население. 18 июля 2024 года. – <https://www.zakon.kz/obshestvo/6441974-v-kazakhstane-vyroslo-tyuremnoe-naselenie.html>). Одной из причин такой статистики, на наш взгляд, является или отсутствие учителей-мужчин в средних школах, или их малое количество. Надо создавать стимулы для прихода мужчин в школы. Тогда учителя и учительницы с обеих сторон могли бы оказывать существенное воспитательное воздействие на учеников, особенно на мальчиков с девиантным, хулиганским поведением, живущих в неполных, неблагополучных семьях, которые, совершая административные правонарушения и не встречая при этом должного, воспитательного

противодействия в семье, в школах, постепенно пополняют ряды преступного мира.

В-четвертых, в деятельности правоохранительных органов надо бы сместить акцент работы на профилактику (предупреждение) правонарушений. В этой связи наказывать в административном порядке штрафами и другими формами административного воздействия после, скажем, одного-двух официальных предупреждений о недопустимости совершения соответствующего административного правонарушения.

В-пятых, было бы целесообразно, используя элементы цифровизации, создать систему обжалования незаконных, по мнению гражданина, наложенных административных взысканий в суде посредством онлайн-формата. Такой механизм способствовал бы справедливому пониманию наложенного на него взыскания. Если он сумел доказать в суде, что взыскание было наложено незаконно и судья вынес оправдательное решение, это способствовало бы тому, что гражданин и его окружение приходили бы к выводу о том, что они живут в государстве, в котором выносятся объективные, справедливые решения. Это дополнительно способствовало бы уважительному отношению к государству и желанию граждан помогать ему в наведении законности и правопорядка.

В-шестых, думается, что одними заклинаниями о необходимости повышения культуры в обществе и правовой культуры, в частности, вряд ли можно повысить эту самую культуру. У нас есть закон «Об образовании». Но этого недостаточно. Нам нужен закон «О воспитании гражданина Республики Казахстан», начиная с дошкольного возраста. Мы сегодня, говоря о правах человека, внушаем ему, что он имеет фундаментальные, конституционные права и свободы, подкрепленные внутригосударственными правовыми актами и международно-правовыми документами. Вольно или невольно каждый человек начинает думать, что ему должны обеспечить эти права общество, государство, все люди. Думается, нам надо в дополнение к тому, что он человек, который обладает всеми естественными правами, воспитывать его так, что, в свою очередь, и он должен создавать условия для реализации прав и свобод другим людям и вправе тогда надеяться, что эти другие люди помогут ему в реализации его прав и свобод.

Мы полагаем, что на такой основе вырабатывается взаимное уважение сограждан друг другу, повышается общая культура в обществе, поднимается уровень правовой культуры, что приведет к снижению уровня административных правонарушений и преступности в целом. Благодаря предлагаемому закону и направлениям общественной деятельности на его основе мы вправе надеяться, что в нашей казахстанской педагогике появятся яркие имена, подобные Макаренку, Ушинскому, Песталоцци, Каменскому. И такая педагогика существенно поможет нам в решении проблем при осуществлении прав и свобод человека в Республике Казахстан.

А теперь давайте посмотрим, как внедряется закон и порядок в пенитенциарной системе страны и в ряде других сфер. 13 мая 2025 года появился интернет-материал «Доклад о реальной ситуации по пыткам в стране» (<https://kaztag.kz/ru/news/o-realnoy-situatsii-s-pytkami-v-kazakhstan-dolozhili-pravozashchitniki>), который подготовила Коалиция НПО Казахстана против пыток совместно с международным партнерством по правам человека и Всемирной организацией против пыток». Затем 15 мая 2025 года 46 НПО выступили с разъяснением своей позиции по поводу результатов борьбы с пытками в Казахстане под названием «Позиция организаций гражданского общества, занимающихся мониторингом и адвокацией по предупреждению пыток в Республике Казахстан, в ответ на комментарии Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан в отношении размещённой информации по вопросам Специального докладчика ООН по вопросу о пытках» (https://bureau.kz/novosti/zayavleniya_i_obraasheniya/pozicziya-organizaczij-go/?ysclid=maty3y3be0621289577).

Нет смысла отрицать того, что, как пишут авторы «Доклада о реальной ситуации по пыткам»: «Несмотря на обязательства перед ООН, Казахстан продолжает сталкиваться с системными нарушениями прав задержанных – от пыток до отсутствия эффективного расследования. В Казахстане продолжают случаться жестокого обращения и пыток в отношении задержанных и заключённых» (https://bureau.kz/novosti/zayavleniya_i_obraasheniya/pozicziya-organizaczij-go/?ysclid=maty3y3be0621289577).

Это печально, но с этим сталкиваются во многих странах мира. Но о государстве судят не столько по наличию преступлений, в том числе по данной категории, а по его умению эти преступления предупреждать и обезвреживать. Критикуя недостатки в деятельности государственных, правоохранительных органов страны, одновременно считаем своим долгом показать усилия государства в этом направлении в последние годы: в местах лишения свободы установлены более 45 тыс. видеокамер, которые служат как средством предотвращения пыток, так и доказательствами по фактам пыток и иных преступлений, которые уже имели место. Для совершенствования использования такого материала «доступ к записям в режимах как «онлайн», так и «архив» предоставлен прокуратуре и министерству внутренних дел на всех уровнях. Казахстан по этому показателю занял достаточно передовые позиции на мировой арене. Предупреждению пыточных преступлений способствует установление 612 электронных терминалов, предназначенных для подачи жалоб в местах и помещениях, которые исключают цензуру со стороны сотрудников администрации тюрем: благодаря им заключённые и подследственные имеют возможность напрямую обращаться в органы суда и прокуратуры.

Немаловажным фактором предупреждения пыточной преступности является то, что тюремную медицину из ведения министерства внутренних дел передали в гражданское ведомство (министерство

здравоохранения). Хотелось бы дополнительно прокомментировать значимость этой передачи. Такой подход казахстанского государства является реализацией пункта 72 Стамбульского протокола (содержащего в себе необходимые международные стандарты), представленного Верховному комиссару ООН по правам человека 9 августа 1999 года, в котором прописано следующее: «Тюремные врачи призваны в первую очередь оказывать медицинскую помощь, но, помимо этого, они также должны осматривать задержанных, прибывающих в тюрьму после содержания под стражей в полиции. Выполняя эту свою функцию или при лечении людей в тюрьме, эти врачи могут обнаружить доказательства недопустимого насилия, о которых сами заключенные не имеют реальной возможности кому-либо заявить. В таких ситуациях врачи должны учитывать наилучшие интересы пациентов и помнить о своем долге сохранять конфиденциальность в отношении этих лиц, но в то же время у врачей появляются и веские моральные доводы в пользу раскрытия обнаруженных доказательств жестокого обращения, поскольку сами заключенные часто не имеют возможности сделать это с достаточной эффективностью». И то, что теперь врачи в местах лишения свободы не подчинены министерству внутренних дел, как это было раньше, а министерству здравоохранения, позволяет им исполнять предписания пункта 72 Стамбульского протокола независимо и эффективно. Кстати, 46 НПО в своем обращении от 15 мая 2025 года положительно оценили «перевод медицинских служб пенитенциарных учреждений в ведение министерства здравоохранения Республики Казахстан» (https://bureau.kz/novosti/zayavleniya_i_obrasheniya/pozicziya-organizaczij-go/?ysclid=maty3y3be0621289577).

Профилактике пыток способствует законодательное усиление ответственности за пытки – до 12 лет лишения свободы, введение запретов на примирение, условное освобождение, амнистии и отсутствие сроков давности в отношении дел о пытках. И это можно оценить, как позитивный шаг государства. В этом русле НПО «Қадыр-Қасиет» утверждает, что по сравнению с Россией и Беларусью «в Казахстане мы можем отметить достаточно хорошую тенденцию. В принципе, позитивные шаги есть. Можно утверждать, что большую часть обязательств по приведению в соответствие с конвенционным определением пыток и жестокого обращения казахстанское законодательство и власти выполнили», «однако в целом проблема пыток и жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения в Казахстане остаётся очень актуальной» (<https://orda.kz/kazakhstan-lider-v-regione-po-indeksu-zapreta-pytok-388309/>).

Некоторые НПО пишут, что «заявления, связанные с жестоким обращением, продолжает расследоваться полицией – структурами, сотрудники которых зачастую сами являются фигурантами этих дел». Следственные суды должны разбираться с подобного рода делами на основе пункта 49 Стамбульского протокола.

Следует отметить как положительный факт то, что 46 НПО написали, что они в своих докладах и сообщениях отмечали «все позитивные шаги, предпринятые государством». В частности, введение в 2003 году моратория на исполнение приговоров к смертной казни, последовавшее за этим в 2014 году сокращение статей в уголовном законодательстве, предусматривающих смертную казнь, затем исключение смертной казни из уголовного законодательства и Конституции Республики Казахстан в 2022 году и ратификация Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах», направленного на отмену смертной казни. Поддерживая в целом позицию государства, приведшую к полной отмене смертной казни в стране, нам все же думается, что можно было сделать оговорку в отношении возможности «применения смертной казни в военное время после признания вины в совершении наиболее тяжких преступлений военного характера, совершенных в военное время»: такую оговорку допускает статья 2 Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах. «В докладах и сообщениях позитивно отмечался перевод пенитенциарной системы из ведения Министерства внутренних дел Республики Казахстан в ведение Министерства юстиции РК в 2004 году, хотя и негативно оценен обратный перевод этой системы в ведение Министерства внутренних дел Республики Казахстан».

Мне в то время довелось присутствовать на пленарном заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан, где решался обратный перевод пенитенциарной системы из ведения Министерства юстиции в Министерство внутренних дел в связи с накоплением системных серьезных проблем у Министерства юстиции в этой связи. Заместитель министра юстиции признал эти проблемы и в принципе не возражал против обратного перевода в Министерство внутренних дел этой системы. Мы хотели бы предложить всем заинтересованным правоохранительным, иным государственным органам, неправительственным организациям обсудить все аргументы «за» и «против» по поводу нахождения пенитенциарной системы в министерстве внутренних дел или в министерстве юстиции.

46 НПО отметили, что они позитивно оценивали «после ратификации Казахстаном Конвенции ООН против пыток в 1998 году создание системы независимых посещений мест содержания под стражей, сначала через общественно-наблюдательные комиссии еще в 1999 году, а затем и через Национальный превентивный механизм по предупреждению пыток с ратификацией Факультативного протокола к Конвенции в 2008 году. Это был также очень важный шаг по сравнению с нашими соседями по постсоветскому пространству». Также положительно они оценили концепцию «нулевой терпимости к пыткам», «проект «К обществу против пыток», уточнение статьи 146 Уголовного

кодекса Республики Казахстан, закрепление специальной подследственности по делам о пытках за спецпрокурорами».

Могу засвидетельствовать: факты о том, что 160 сотрудников правоохранительных органов страны были осуждены за пытки за последние 5 лет, а также о том, что были внедрены многие профилактические и действенные меры в борьбе против пыток, которые привели к сокращению численности заявлений о пытках в 5 раз, были доложены на сайд-ивенте в Женеве 22 января 2025 года: все это было положительно воспринято и официально высказано представителями Комитета ООН против пыток, других ооновских комитетов, Европейского союза, а также ряда НПО, аккредитованных при Женевском отделении ООН. Данный факт также признан 46-ю представителями НПО: отмечался как положительный фактор «увеличение случаев привлечения к уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов и органов национальной безопасности за применение пыток».

Мне думается, что правоохранительным органам, неправительственным организациям, Уполномоченному по правам человека в Республике Казахстан, Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, научным работникам, специализирующимся в вопросах прав человека и его основных свобод, в том числе в вопросах борьбы с пытками, нужно объединять свои усилия, критиковать друг друга, пытаться находить точки соприкосновения и взаимопонимания, используя потенциал наших законов, ратифицированных нами международных пактов, соглашений, конвенций по правам человека, чаще посещать места лишения свободы, привлекать на семинары и конференции представителей силовых, правоохранительных структур, послушать их, почему продолжают пытки и как можно, по их мнению, блокировать это средневековое, отвратительное явление. Есть смысл приглашать специалистов высокого класса из зарубежных стран, которые могли бы давать мастер-классы нашим правоохранительным органам о том, как можно получать необходимые для следствия сведения без применения пыток и иных мер жестокого обращения. Нам необходимо узнать от специалистов по этике и психологии, каким должен быть длительный процесс этического общения между лицом, нарушившим закон, и представителями закона. Было бы целесообразно ежегодно проводить в отношении всех работников силовых структур и судебных органов в рамках общего медицинского осмотра психиатрический осмотр в целях выявления маньячно настроенных лиц в их среде. Большим пластом нашей общей работы должна стать наша общая деятельность по реализации решений Комитета ООН по правам человека, Комитета ООН против пыток на территории Республики Казахстан.

Сырбу Александр Владимирович
заведующий Кафедрой общеправовых дисциплин Института
послевузовского образования Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат
юридических наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье анализируются принципы уголовного процесса и случаи, при которых доказательства обвинения могут быть признаны недопустимыми. Доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их сборе и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их сбора и закрепления, а также если сбор и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.

Нарушение конституционных принципов в зависимости от его характера и существенности, влечет признание состоявшегося производства по делу недействительным, отмену вынесенных в ходе такого производства решений либо признание собранных при этом материалов не имеющими силы доказательств.

Ключевые слова: Конституция Республики Казахстан, приоритет прав и свобод человека, уголовное судопроизводство, конституционные принципы уголовного процесса, доказательства, недопустимость доказательств.

Конституция Республики Казахстан (далее – Конституция) создала необходимые условия для становления и развития правового государства, провозгласив приоритет прав и свобод человека. Эти демократические идеи и принципы нашли свое дальнейшее развитие в проводимой в республике судебно-правовой реформе и принятии соответствующих международно-правовым требованиям законов, регулирующих правоотношения, связанные с осуществлением деятельности органов уголовного преследования и суда, по расследованию и судебному рассмотрению дел и доказыванию обстоятельств совершенного уголовно-наказуемого деяния.

Конституция определила основополагающие, принципиальные для уголовного процесса положения о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого; не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом.

Согласно закону доказывание состоит в сборе, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих

доказыванию. Собираение, проверка и оценка доказательств — части единого органического целого — процесса доказывания, процесса установления истины по уголовному делу. Обязанность по осуществлению доказывания в силу принципа публичности возлагается на властные субъекты уголовно-процессуальной деятельности — дознавателя, следователя, прокурора. Именно они обязаны собирать доказательства, проверять и оценивать их. На них же лежит обязанность признания доказательств недопустимыми. Вне доказывания властные субъекты уголовного процесса со стороны обвинения не смогут реализовать возложенную на них функцию уголовного преследования, а суд — осуществить правосудие.

Признание доказательств недопустимыми — одна из актуальных проблем в науке уголовного процесса в настоящее время. Основания признания доказательств недопустимыми в первую очередь связаны с соблюдением участниками процесса принципов Конституции.

Конституция закрепила ряд принципов уголовного процесса, нарушение которых при собирании доказательств является основанием для признания их недопустимыми, поскольку Конституция как основной закон, имеющий высшую юридическую силу, всегда оказывала мощное влияние на уголовно-процессуальное законодательство, формировала основные положения законодательства не только об уголовном судопроизводстве, но и судоустройстве. В настоящее время Конституция, сохранив свое прежнее влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства, непосредственно является источником права.

Как правильно отмечает В.П. Божьев, такой вывод базируется на том, что в ней получили нормативное решение многие вопросы правосудия и судопроизводства; сформулирована система конституционных принципов правосудия; определены основополагающие начала и предпосылки прямого действия ее норм [1].

В части 3 пункта 9 статьи 77 Конституции [2] содержится очень важное положение о том, что не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом, то есть при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона. Доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами. Эта конституционная норма является нормой прямого действия.

Конституция содержит следующие принципы уголовного процесса, нарушение которых при собирании доказательств влечет за собой обязательное признание их недопустимыми:

1. Верховенство Конституции в регулировании уголовного судопроизводства на всей территории государства. Этот принцип, сформулированный в статье 4 Конституции, препятствует вторжению некоторых националистических и сепаратистских сил в область законодательного регулирования порядка уголовного судопроизводства на территории государства [3. стр.12], а также попыткам регулирования порядка уголовного судопроизводства подзаконными и ведомственными актами. С этих позиций трудно согласиться с теми авторами, которые допускают применение и иных нормативных актов, в том числе Указов Президента, регулирующих те или иные положения уголовного процесса, и, в частности, касающихся правил проверки допустимости доказательств [4. стр.10].

2. Принцип законности. Это универсальный правовой принцип, который нашел свое воплощение в нормах ряда статей действующей Конституции, направленных на обеспечение законности в сфере уголовного судопроизводства. Принцип законности означает, что вся деятельность соответствующих участников уголовного процесса по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств должна строго соответствовать нормам Конституции и уголовно-процессуальному законодательству. Любые нарушения в порядке получения доказательств могут являться основаниями для последующего признания судом доказательств недопустимыми.

3. Принцип равенства граждан перед судом и законом. Статья 14 Конституции указывает на то, что при рассмотрении уголовных дел в суде закон устанавливает в отношении всех граждан один и тот же процессуальный порядок их производства, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения и т.д. Рассматриваемый принцип распространяется на уголовное судопроизводство в целом и действует на всех стадиях уголовного процесса. Следовательно, равенство граждан распространяется на отношения его (гражданина) с дознавателем, со следователем и прокурором, ведь в границах, установленных законом процессуальных прав и обязанностей для того или иного участника процесса каждый гражданин, вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства, вступает в различные процессуальные отношения, реализуя принадлежащие ему субъективные права и обязанности. Нарушение принципа равенства участников уголовного процесса при собирании, исследовании, проверке и оценке доказательств является достаточным основанием для признания их недопустимыми.

4. Принцип уважения, охраны достоинства личности, права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Конституция гарантирует право каждого на свободу и личную неприкосновенность тем, что в статье 16 Конституции установлено, что арест и содержание под стражей

допускается только с санкции суда. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 72 часов.

Статья 25 Конституции устанавливает принцип неприкосновенности жилища, она провозглашает: «Жилище неприкосновенно. Не допускается лишение жилища, иначе как по решению суда. Проникновение в жилище, производство его осмотра и обыска допускаются лишь в случаях и в порядке, установленных законом». Если же порядок не соблюден, то все доказательства, полученные путем проведения любых следственных действий (осмотр, обыск, выемка и др.), связанные с незаконным вторжением сотрудников правоохранительных органов в жилище граждан, должны быть признаны недопустимыми.

Охрана прав и свобод, чести и достоинства граждан как принцип уголовного процесса означает обязанность дознавателя, следователя, прокурора и суда при выполнении ими процессуальных, следственных и судебных действий, а также при принятии процессуальных и тактических решений не допускать унижение чести и достоинства участвующих в уголовном деле лиц и применять к ним меры процессуального принуждения только в случаях действительной необходимости и не иначе как на основаниях, в порядке и пределах, предусмотренных законом. Более того, органы государства обязаны принимать меры к охране безопасности, чести и достоинства, участвующих в деле лиц, членов их семей и близких родственников от возможных на них посягательств со стороны кого бы то ни было [5. стр.23].

В соответствии со статьей 17 Конституции, «достоинство человека неприкосновенно. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Этот запрет имеет общее значение. В связи с этим в соответствии с нормами Конституции запрещается домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в уголовном деле лиц. Если же органы дознания, следователь, прокурор и суд получили какие-то доказательства и при этом были нарушены основные права человека, защищаемые Конституцией, то все эти доказательства, безусловно, должны быть признаны недопустимыми и не имеющими юридической силы.

5. Принцип презумпции невиновности. Этот принцип уголовного процесса выражен в статье 77 Конституции: «лицо считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда» и воспроизведен в статье 19 уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [6].

Все доказательства, полученные дознавателем, следователем, прокурором и судом с нарушением принципа презумпции невиновности, должны, безусловно, признаваться недопустимыми. Вместе с тем, следует отметить – порой предпринимаются необоснованные попытки преувеличить, гипертрофировать значение принципа презумпции невиновности при собирании доказательств. Так, например, некоторые

авторы полагали, что при допросе после предъявления обвинения вопрос следователя к обвиняемому, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении, с позиции презумпции невиновности является незаконным и необоснованным [7. стр.70].

6. Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. Указанный принцип хорошо известен в теории уголовного процесса и нашел законодательное закрепление в Конституции. Так, в статье 13 устанавливается: каждый имеет право на признание его правосубъектности и вправе защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами, включая необходимую оборону. Каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод. Каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

В части 3 статьи 71 уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан предусмотрено, что в случаях обязательного участия защитника и законного представителя подозреваемого или обвиняемого, обязанность обеспечить их участие возлагается на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Очевидно, что все доказательства, которые были получены дознавателем, следователем, прокурором и судом с нарушением права подозреваемого и обвиняемого на защиту, должны быть признаны недопустимыми.

Изложенное позволяет констатировать, что нарушение конституционных принципов уголовного процесса, в зависимости от его характера и существенности, влечет признание состоявшегося производства по делу недействительным, отмену вынесенных в ходе такого производства решений либо признание собранных при этом материалов не имеющими силы доказательств.

Список использованной литературы:

Божьев В. Научно-практический комментарий к статье 1 УПК РСФСР // Уголовное право. – 1999. – 39 с.

Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим обращения: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 20.05.2025).

Быков В.М., Тренбак О.Н. Конституционные основания признания доказательств недопустимыми // Следователь. – 2001. – 12-15 с.

Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. – Ростов-н/Д., 1999. – 10-11 с.

Громов Н.А., Николайченко В.В., Францифоров Ю.В. Принципы уголовного процесса. Саратов, – 1997. – 23 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим обращения: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.05.2025).

Черкасов А.Д., Громов Н.А. О допросе обвиняемого с позиции презумпции невиновности // Государство и право. – 1995. – 70-75 с.

Талкибаев Аскар Булатович

старший преподаватель Кафедры общеюридических дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр юридических наук

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СОСТАВАМ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ УЧЕТА И ХРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовной ответственности за нарушения, связанные с учетом и хранением оружия, в рамках действующего законодательства Республики Казахстан. Приводятся статистические сведения по уголовным преступлениям в сфере оборота огнестрельного оружия за период 2023, 2024 и 1 месяц 2025 года. В ней рассматриваются ключевые аспекты правовых норм, регулирующих учет и хранение огнестрельного оружия в Республике Казахстан, а также правоприменительная практика в этой области. События января 2022 года, известные как «Кровавый январь», вновь подняли вопросы о необходимости строгого контроля за оборотом оружия и применения уголовной ответственности за нарушения. Обеспечение надлежащего учета и хранения оружия рассматривается как важнейшая задача государства для обеспечения общественной безопасности. Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность за нарушения, что служит важным инструментом правового воздействия.

Ключевые слова: правовые нормы, правоприменительная практика, учет оружия, хранение оружия, преступления, законодательство Республики Казахстан, национальная безопасность, владельцы гражданского оружия, массовые беспорядки, январские события.

Протестные настроения и прокатившиеся волна массовых беспорядков населения в Республике Казахстан, случившиеся в январе 2022 года, позже названные рядом средств массовой информации как «Январские события» или «Кровавый январь», подняли вопросы о необходимости строгого контроля контрольных органов в лице административной полиции за оборотом оружия, а также неукоснительного применения уголовной ответственности за нарушение правил учета и хранения оружия в Казахстане, которые и до названных событий являлись актуальной темой и приоритетным направлением деятельности Министерства внутренних дел Республики Казахстан в контексте обеспечения общественной безопасности и правопорядка.

Для юристов правоведов является общеизвестным тот факт, что за нарушение правил обращения с оружием в зависимости от совершенных действий или наоборот бездействия, может образоваться состав

административного или уголовного правонарушения, поскольку оружие является источником повышенной опасности. Обеспечение надлежащего учета и хранения оружия является одной из важнейших задач государства в сфере общественной безопасности. Наличие четко установленных правил и их соблюдение позволяют минимизировать риски преступного использования оружия, предотвратить его попадание в незаконный оборот, а также снизить уровень насильственных преступлений. В этой связи законодательство Республики Казахстан устанавливает строгие требования к владельцам оружия, регулируя порядок его хранения, учета и контроля.

Вопросы, связанные с хранением и учетом оружия, регламентируются различными нормативными правовыми актами, среди которых ключевую роль играет Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК). В частности, законодательство предусматривает уголовную ответственность за нарушение установленных правил, что является важным инструментом правового воздействия на потенциальных нарушителей, поскольку соблюдение правил учета и хранения оружия является не просто юридической обязанностью, но и необходимой мерой для обеспечения общественного порядка, защиты граждан от преступных посягательств и предотвращения угроз национальной безопасности.

Так, по информации Комитета административной полиции, озвученной им на коллегии Министерства внутренних дел Республики Казахстан, на учете в органах полиции в 2024 году официально состояло 224 550 владельцев гражданского оружия, тогда как по состоянию на 2022 год в органах полиции состояло на учете около 235 тысяч владельцев гражданского оружия и более 2 тыс. субъектов служебного оружия, что свидетельствует о росте числа собственников и владельцев оружия [1].

Не случайно, что глава 10 УК РК, рассматривающая составы уголовных правонарушений в сфере оборота оружия, называется «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка», поскольку несоблюдение установленных норм может привести к тяжким последствиям, включая использование оружия в преступных целях, его незаконное распространение среди криминальных группировок и угрозу жизни и здоровью граждан.

Согласно статистической информации Комитета правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в период с 2023 по 2024 годы наблюдался рост по такой категории уголовных преступлений как «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено» (470 и 480 соответственно), «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (1820 и 1909 соответственно, см. таблицу ниже №1, №2, №3).

Незначительный рост отдельных категорий уголовных преступлений в рассматриваемой сфере может говорить о различных тенденциях, среди которых могут быть ослабление контроля, определенные недостатки в законодательном регулировании, но в целом делать конкретные выводы о причинах роста отдельных категорий данного вида уголовных преступлений сложно, поскольку это зависит от конкретных обстоятельств, для чего может потребоваться проведение дополнительного анализа. Всего, уголовным правонарушениям в сфере незаконного оборота оружия, УК РК отнесены 6 составов преступлений: а) статья 286 «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено» УК РК; б) статья 287 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК РК; в) статья 288 «Незаконное изготовление оружия» УК РК; г) статья 289 «Небрежное хранение огнестрельного оружия» УК РК; д) статья 290 «Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств» УК РК; е) статья 291 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК РК.

Так, согласно форме отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях за 2023 г.».

Таблица №1

Всего правонарушений	Количество правонарушений, уголовные дела о которых находились в производстве в отчетном периоде	Количество правонарушений, зарегистрированных в ЕРДР в отчетном периоде	в т.ч. совершенные в прошлых годах	Количество правонарушений, уголовные дела о которых окончены производством в отчетном периоде
Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено (ст. 286)	470	430	10	385
Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 287)	1 820	1 527	127	703
Незаконное изготовление оружия (ст. 288)	785	554	119	15
Небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 289)	5	2	1	3
Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 290)	1	1	0	0
Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов,	38	19	4	26

взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 291)				

Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях за 2024 г.»

Таблица 2

Всего правонарушений	Количество правонарушений, уголовные дела о которых находились в производстве в отчетном периоде	Количество правонарушений, зарегистрированных в ЕРДР в отчетном периоде	в т.ч. совершенные в прошлых годах	Количество правонарушений, уголовные дела о которых окончены производством в отчетном периоде
Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено (ст. 286)	480	425	10	382
Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 287)	1 909	1 597	125	817
Незаконное изготовление оружия (ст. 288)	792	599	147	32
Небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 289)	1	0	0	0
Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 290)	1	1	0	0
Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 291)	27	25	7	13

Форма отчета №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях за январь 2025 г.».

Таблица 3

Всего правонарушений	Количество правонарушений, уголовные дела о которых находились в производстве в отчетном периоде	Количество правонарушений, зарегистрированных в ЕРДР в отчетном периоде	в т.ч. совершенные в прошлых годах	Количество правонарушений, уголовные дела о которых окончены производством в отчетном периоде
Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено (ст.286)	28	0	0	0

Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст.287)	5	2	2	0
Незаконное изготовление оружия (ст. 288)	2	7	7	0
Небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 289)	0	0	0	0
Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 290)	0	0	0	0
Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 291)	1	1	0	0

Давайте подробно рассмотрим отдельные составы уголовных преступлений, предусмотренных УК РК.

Хотелось бы отдельно остановиться на статье 286 «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено» УК РК, поскольку из смысловой нагрузки названия статьи не всем может быть ясно, какую роль играет здесь оружие. Предметом данного преступления, помимо наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих радиоактивных веществ, радиоактивных отходов или ядерных материалов, могут выступать взрывчатые вещества, вооружение, военная техника, взрывные устройства, огнестрельное оружие, боеприпасы, ядерное, химическое, биологическое или другие виды оружия массового поражения, а также материалы, оборудование или компоненты, которые могут быть использованы для создания оружия массового поражения. Объективной стороной данного преступления будет выступать совершение одного из следующих действий: 1) перемещение через таможенную границу Таможенного союза помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с не декларированием или недостоверным декларированием взрывчатых веществ, вооружения, военной техники, взрывных устройств, огнестрельного оружия, газового пистолета и револьвера, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж, охолощенного, сигнального и метательного оружия, основных (составных) частей к ним, боеприпасов, ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового уничтожения, материалов, оборудования или компонентов, которые могут быть использованы для создания оружия массового уничтожения, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы для создания средств доставки оружия массового уничтожения, вооружения

и военной техники, в отношении которых установлен контроль специфических товаров; 2) незаконное перемещение через Государственную границу Республики Казахстан взрывчатых веществ, вооружения, военной техники, взрывных устройств, огнестрельного оружия, газового пистолета и револьвера, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж, охолощенного, сигнального и метательного оружия, основных (составных) частей к ним, боеприпасов, ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового уничтожения, материалов, оборудования или компонентов, которые могут быть использованы для создания оружия массового уничтожения, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы для создания средств доставки оружия массового уничтожения, вооружения и военной техники, в отношении которых установлен контроль специфических товаров. Общественно опасное последствие перемещения не является обязательным признаком состава данного преступления, в связи с чем оно относится к числу формальных составов.

Субъективная сторона данного преступления будет характеризоваться умыслом, поскольку виновный осознает, что незаконно перемещает через Государственную границу Республики Казахстан или через таможенную границу Таможенного союза запрещенные предметы, тем самым совершает общественно опасное деяние. Субъектом данного преступления может только вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста [2].

Санкции данной статьи достаточно разнообразны. Так, согласно части 1, за перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с не декларированием или недостоверным декларированием, либо с указанием заведомо недостоверных сведений в заявлении о выпуске товаров до подачи декларации на товары, в том числе представлением недействительных документов, поддельных и (или) содержащих заведомо недостоверные (ложные) сведения, а равно незаконное перемещение через Государственную границу Республики Казахстан взрывчатых веществ, вооружения, военной техники, взрывных устройств, огнестрельного оружия, газового пистолета и револьвера, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж, охолощенного, сигнального и метательного оружия, основных (составных) частей к ним, боеприпасов, ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового уничтожения, материалов, оборудования или компонентов, которые могут быть использованы для создания оружия

массового уничтожения, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы для создания средств доставки оружия массового уничтожения, вооружения и военной техники, в отношении которых установлен контроль специфических товаров, наказываются штрафом (до пяти тысяч МРП) либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до пяти лет, либо лишением свободы (далее – ЛС) на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой.

Согласно части 2 рассматриваемой статьи, те же деяния, совершенные: 1) неоднократно; 2) должностным лицом с использованием своего служебного положения; 3) с применением насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль; 4) группой лиц по предварительному сговору; 5) в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров в крупном размере, наказываются ЛС на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества. Часть 3 рассматриваемой статьи сообщает, что деяния, предусмотренные частями 1 или 2 статьи, совершенные преступной группой, наказываются ЛС на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Таким образом, санкции за такие деяния могут включать штрафы, исправительные работы, ограничение свободы или ЛС на определенный срок, в зависимости от тяжести совершенного преступления [3].

Автор статьи не будет рассматривать все составы преступлений, предусмотренной Главой 10 УК РК «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка», а остановится на основных составах преступлений в данной сфере.

Согласно УК РК, незаконные действия, связанные с оборотом оружия, включая его приобретение, сбыт, передачу, хранение, перевозку или ношение оружия боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств также квалифицируются как уголовные правонарушения и влекут за собой соответствующие наказания.

Так, диспозициями статьи 287 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК РК, предусмотрена уголовная ответственность за незаконное ношение или сбыт холодного оружия, за исключением, когда ношение холодного оружия связано с охотничьим промыслом, а равно продажу работниками организаций торговли оружия и боевых припасов к нему физическим лицам, организациям, не имеющим соответствующего разрешения, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного бесствольного оружия, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, короткоствольного гладкоствольного оружия, а равно патронов к ним, а также незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение

огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Санкции частей данной статьи предусматривают наказание в виде штрафа либо исправительных работ в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до ста восьмидесяти часов, либо арестом на срок до пятидесяти суток, с конфискацией имущества или без таковой (ч. 1), штрафом (до 2 тыс. МРП) либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до шестисот часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо ЛС на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой (ч. 2), штрафом (до 5 тыс. МРП) либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до пяти лет, либо ЛС на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой (ч. 3), а если деяния, предусмотренные частью третьей статьи, совершены группой лиц по предварительному сговору или неоднократно, то это уже влечет ЛС на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой. Необходимо отметить, что если деяния, предусмотренные частями 3 или 4 статьи, совершены преступной группой, то это уже влечет наказание в виде ЛС на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой.

Важно подчеркнуть, что согласно примечанию к рассматриваемой статье, лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в статье, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состава иного преступления, при этом не признается добровольная сдача предметов, указанных в статье, при их изъятии в случае задержания лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Только в январе 2025 года за совершение преступлений, предусмотренных ст. 287 УК РК в Республике Казахстан было привлечено 186 лиц.

Объектом по данному уголовному преступлению будет являться общественная безопасность, а непосредственным предметом выступать ответственность, которая предусмотрена частями рассматриваемой статьи, а именно холодное оружие (нож, кастет, сабля, кинжал и др.), огнестрельное бесствольное оружие, газовое оружие с возможностью стрельбы патронами травматического действия, короткоствольное гладкоствольное оружие, а равно патроны к ним, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства.

Если рассматривать объективную сторону данного уголовного правонарушения, то она будет образовываться за совершение одного из следующих соответствующих действий: незаконное ношение холодного оружия, за исключением, когда его ношение связано с охотничьим промыслом; сбыт холодного оружия; продажу работниками организаций торговли оружия и боевых припасов к нему физическим лицам, организациям, не имеющим соответствующего разрешения (ч.1).

Часть 2 статьи 287 УК РК образует состав за незаконное: а) приобретение; б) передачу; в) сбыт; г) хранение; д) перевозку; е) ношение огнестрельного бесствольного оружия, газового оружия, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия, короткоствольного гладкоствольного оружия, а равно патронов к нему. Часть 3 статьи 287 УК РК в свою очередь образует состав за: а) приобретение; б) передачу; в) сбыт; г) хранение; д) перевозку; е) ношение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Состав статьи 287 УК РК будет относиться к формальному и считается оконченным с момента совершения одного из вышеуказанных действий вне зависимости от того, наступил факт общественно опасных последствий или нет. Субъектом уголовных преступлений везде выступает вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Если рассматривать субъективную сторону данного преступления, то оно будет характеризоваться умыслом, то есть виновный прямо осознает, что незаконно носит, сбывает холодное оружие, незаконно продает оружие и боевые припасы к нему, тем самым совершает общественно опасное деяние [4].

За совершение уголовного правонарушения, предусмотренного статьей 288 «Незаконное изготовление оружия» УК РК, диспозиция которой говорит о факте незаконного изготовления или же ремонт огнестрельного оружия, его основных (составных) частей, в том числе незаконное изготовление боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств предусмотрен широкий перечень наказаний, в числе которых штрафные санкции (от 5 тыс. до 200 МРП), исправительные работы в том же размере, привлечение к общественным работам на срок до двухсот сорока часов, ограничение свободы на срок до пяти лет, либо арест на срок до пятидесяти суток, и наконец, ЛС на срок от пяти до десяти лет. В примечании к данной статье отмечается, что в случае, если лицо, добровольно сдаст предметы, отмеченные в диспозиции статьи, то он освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состава иного преступления.

В данном случае, объектом уголовного правонарушения выступает общественная безопасность, а предметом будут являться огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, а также газовое оружие, холодное оружие, в том числе метательное оружие за которые наступает ответственность, предусмотренная всеми частями рассматриваемой статьи. Объективная сторона данного уголовного правонарушения характеризуется фактом незаконного изготовления и ремонта огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, в том числе незаконного изготовления боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Важно отметить, что состав уголовного правонарушения, предусмотренного статьей 288 УК РК является формальным, вследствие чего, даже наступление каких-либо

последствий не будет иметь значения для его квалификации. Оно также считается оконченным в момент создания оружия и ему подобных предметов в готовом виде (при изготовлении).

Субъективная сторона данного преступления содержит в себе наличие умысла, то есть виновный осознает, что он занимается изготовлением или ремонтом оружия, или боеприпасов к нему взрывчатых веществ или взрывных устройств, совершая тем самым общественно опасное деяние.

В январе 2025 года за совершение преступлений по данной статье было привлечено к ответственности 28 лиц.

Санкции, предусмотренные статьей 289 «Небрежное хранение огнестрельного оружия» УК РК., предусматривают наказание в виде штрафа (до 5 тыс. МРП), либо исправительные работы в том же размере, либо ограничение свободы на срок до пяти лет, либо ЛС на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой (ч. 1), те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или неоднократно наказываются ЛС на срок от трех до восьми лет (ч. 2), деяния, предусмотренные частями 1 или 2 статьи, совершенные преступной группой, наказываются ЛС на срок от пяти до десяти лет (ч. 3), а незаконное изготовление газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия, наказываются штрафом (до двухсот МРП) либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до пятидесяти суток (ч. 4).

Объектом рассматриваемого уголовного правонарушения также будет являться общественная безопасность, а непосредственным предметом уголовного проступка будет являться огнестрельное оружие. Объективная сторона данного уголовного правонарушения будет содержать небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшее условия для его использования другим лицом, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия. Субъективная сторона характеризуется неосторожной виной в виде небрежности, поскольку виновный не предвидит, что его бездействие могут привести к наступлению последствий в виде смерти человека или иных возможных тяжких последствий, хотя при соблюдении необходимой в таком случае внимательности и предусмотрительности он должен был и мог предвидеть наступление таких последствий.

Автор статьи не будет подробно останавливаться на составе преступления, предусмотренного статьей 290 «Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств» УК РК, содержащей два самостоятельных состава преступления. Они относятся к категории наиболее опасных и представляют серьезную угрозу общественной опасности, в первую очередь жизни, здоровью и охраняемым законом правам и интересам граждан, а использование предметов посягательства

в преступных целях нередко приводит к тяжким последствиям, поскольку статистические данные говорят о малочисленности ее применения органами уголовного преследования.

Завершает уголовные правонарушения главы 10 «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка» УК РК, статья 291 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК РК.

Санкциями данной статьи предусмотрено наказание в виде ЛС на срок от трех до семи лет (ч. 1), за хищение либо вымогательство оружия массового уничтожения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения, наказание в виде ЛС на срок от пяти до десяти лет (ч. 2), за деяния, предусмотренные частями 1 или 2 статьи, если они совершены: 1) лицом с использованием своего служебного положения; 2) неоднократно; 3) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; 4) группой лиц по предварительному сговору предусмотрено наказание в виде ЛС на срок от пяти до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой (ч.3). Санкции части 4 статьи являются более суровыми и предусматривают ЛС на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой, поскольку ее диспозиция предусматривает совершение деяния, предусмотренные частями 1, 2 или 3 статьи, если они совершены как преступной группой, так и с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Объектом данного правонарушения традиционно выступает общественная безопасность, дополнительными непосредственными объектами могут выступать как собственность, так и жизнь или здоровье человека. Предметом преступления, за которое наступает ответственность, является огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства (ч. 1), оружие массового поражения, а также материалы или оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ч. 2). Объективная сторона правонарушения образует хищение и вымогательство огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывные устройств, а также хищение либо вымогательство оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения. Субъективная сторона характеризуется умыслом [5].

Касательно имеющейся судебной практики, необходимо подчеркнуть строгость подхода к пресечению правонарушений в сфере оборота оружия. Верховный Суд Республики Казахстан подчеркивает необходимость неукоснительного соблюдения законодательства в этой области и применения соответствующих мер наказания к лицам, допустившим нарушения [6].

В тоже время, нельзя не отметить и существование определенных проблем и недостатков в правоприменительной практике действующего законодательства.

Автор статьи хотел бы отметить тот факт, что по состоянию на 27 февраль 2025 года в базе данных информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» размещено только одно Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан (далее – НП ВС РК) от 21 июля 1995 года № 4. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов, вооружения и взрывчатых веществ, незаконном приобретении, ношении, хранении, изготовлении или сбыте их, и небрежном хранении огнестрельного оружия».

Последние дополнения и изменения в него были внесены и дополнения датированы 2018 и 2022 годами, и не рассматривают или оставляют без внимания такие основные квалификационные вопросы как предмет преступления, четкой и расширенной дефиниции «вооружение», «перемещение оружия».

Сопутствующие или уточняющие дополнения и изменения в него вносились НП ВС РК от 21 апреля 2011 года № 1 «О внесении изменений и дополнений в некоторые НП ВС РК», от 22 декабря 2008 года № 5 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июля 1995 года № 4 «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов, вооружения и взрывчатых веществ, незаконном приобретении, ношении, хранении, изготовлении или сбыте их, и небрежном хранении огнестрельного оружия», от 20 апреля 2018 года № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые НП ВС РК по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» и одноименному НП ВС ПРК от 22 декабря 2022 года № 10.

В этой связи назрела необходимость в разработке нового проекта или внесения дополнений в существующее НП ВС РК № 4 «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов, вооружения и взрывчатых веществ, незаконном приобретении, ношении, хранении, изготовлении или сбыте их, и небрежном хранении огнестрельного оружия», что позволит не только актуализировать и унифицировать требования в сфере оборота гражданского оружия, но и устранил многие существующие пробелы в действующем законодательстве.

Список использованной литературы:

1. Статья «Незаконное хранение и ношение оружия: о результатах проверок рассказали в МВД РК» (https://www.inform.kz/ru/nezakonnoe-hranenie-i-noshenie-oruzhiya-o-rezul-tatah-proverok-rasskazali-v-mvd-rk_a3918722?ysclid=m7ghkn203g323457688).

2. Комментарий к уголовному кодексу Республики Казахстан, том 2, коллектив авторов - Аманов Ж.К., Алибекова А.М., Каженов Е.Е., Канатов А.К., Рахметов С.М., Рогов И.И., Татенов Г.Ш, Астана. 2024, – 334-344 с.

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

4. Комментарий к уголовному кодексу Республики Казахстан, том 2, коллектив авторов - Аманов Ж.К., Алибекова А.М., Каженов Е.Е., Канатов А.К., Рахметов С.М., Рогов И.И., Татенов Г.Ш, Астана. 2024.

5. Там же - Комментарий к уголовному кодексу Республики Казахстан, том 2, Астана. 2024;

6. О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов, вооружения и взрывчатых веществ, незаконном приобретении, ношении, хранении, изготовлении или сбыте их, и небрежном хранении огнестрельного оружия: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июля 1995 г. №4 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P95000004S_?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 23.02.2025 г. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P95000004S_).

Филипец Оксана Борисовна

доцент Кафедры специальных юридических дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат
юридических наук, ассоциированный профессор

**О ПЕРСПЕКТИВАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ПРОПАГАНДУ ЭКСТРЕМИЗМА ИЛИ ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К
СОВЕРШЕНИЮ АКТА ЭКСТРЕМИЗМА**

Аннотация. Экстремизм как общественно опасное и запрещенное многими странами явление, как и различные формы его преступного проявления, являются одними из ключевых объектов противодействия преступности. Экстремистские преступления имеют глобальный характер и, следовательно, в сфере противодействия требуют повышенного внимания не только со стороны отдельно взятого государства, но и совместных усилий борьбы с ними со стороны всего мирового сообщества.

Настоящая статья посвящена вопросам и перспективам введения уголовной ответственности за пропаганду и призывы к совершению акта экстремизма, поскольку действующая редакция Уголовного кодекса Республики Казахстан не предусматривает самостоятельной нормы об ответственности за указанные действия, что затрудняет квалификацию содеянного и создает проблемы в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правовая политика, законодательство, уголовный закон, противодействие преступности, экстремизм, пропаганда, уголовная ответственность, экстремистские преступления, наказание, общественная опасность.

Введение. Уголовная политика является составной частью правовой политики Республики Казахстан. Ключевые направления правовой политики республики четко обозначены в Концепции правовой политики до 2030 года (далее – Концепция), так в частности, в ней указано: «Важно продолжить работу, связанную с актуализацией уголовного законодательства с целью обеспечения эффективной и упреждающей уголовно-правовой охраны конституционных ценностей казахстанского общества» [1]. Более того, в Концепции акцентируется внимание на том, что «важным направлением правовой политики является политика государства в области противодействия преступности», которая «нацелена на обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от криминальных угроз.» [1].

Политика в области противодействия преступности за годы суверенитета республики сформировалась в двух направлениях – это смягчение подходов за уголовные правонарушения, не представляющие повышенной степени опасности и ужесточение уголовной

ответственности и наказания с исключением возможности применения поощрительных норм к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления.

К преступлениям повышенной степени опасности законодатель относит: террористические, экстремистские и коррупционные преступления, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; преступления, совершенные в составе преступных групп и ряд других преступлений.

Мы остановимся на экстремистских преступлениях, как преступных деяниях, относящихся к посягательствам с повышенной степенью общественной опасности.

Экстремизм, как явление в XXI веке признано глобальной угрозой, ставящей в опасность конституционный строй и суверенитет государства, целостность, неприкосновенность и неотчуждаемость территории страны, национальную безопасность и обороноспособность государства. Указанные объекты экстремистских посягательств определены в международных стандартах, в частности в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицированной Республикой Казахстан 18 апреля 2002 года, где «экстремизм» определен следующим образом: «это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2].

Руководство нашей страны, уделяет особое внимание вопросам противодействия деяниям экстремистского характера и ужесточению ответственности за их совершение. Так, в Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» обозначено: «Министерство внутренних дел обязано принимать жесткие меры в отношении всех правонарушений: от мелкого хулиганства и вандализма до незаконной иммиграции, и тяжких уголовных преступлений. В правовом государстве нет места криминалитету, поэтому с бандитизмом должно быть покончено. Это же касается деструктивной деятельности экстремистов, включая религиозных радикалов. Правоохранительным органам нужно проявить профессионализм, решительность и принципиальность.

Казахстан убедительно демонстрирует приверженность широкому многостороннему сотрудничеству в строгом соответствии с Уставом ООН. Наша страна играет активную роль в решении вопросов международной безопасности и стабильности. Мы поддерживаем усилия ООН и других международных организаций по борьбе с терроризмом, экстремизмом,

нелегальной миграцией, изменением климата и другими угрозами, поддерживаем миротворческую деятельность ООН, разоруженческие инициативы, выступаем за урегулирование вооруженных конфликтов дипломатическими средствами» [3].

В статье 6 Закона Республики Казахстан от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан» в качестве одной из основных угроз национальной безопасности указаны «терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях» [4].

Основная часть. Противодействовать экстремизму возможно только комплексными мерами реагирования. Казахстан активно борется с экстремизмом комплексными мерами, особо эффективными среди которых, по нашему мнению, являются уголовно-правовые инструменты.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) от 3 июля 2014 года ужесточил ответственность за совершение экстремистских преступлений.

Особенностью действующего уголовного закона Республики Казахстан является введение дефиниций «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок» (ст. 10 УК). При этом законодатель, подчеркивая степень общественной опасности преступных деяний экстремистской направленности, относит их исключительно к преступлениям (п. 39) ст. 3 УК), среди них нет ни одного уголовного проступка.

Экстремизм – это понятие, которое прочно вошло в современный обиход, хотя в настоящее время, как и ранее велись и ведутся активные дискуссии по вопросу определения данного явления. До сих пор отсутствует юридически безупречное, логически выверенное, абсолютно ясное по смыслу, безусловно принятое в международных и национальных правовых институтах универсальное определение, точно раскрывающее его суть.

В национальном законодательстве экстремизм определяется как «организация и (или) совершение: физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;

- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

- насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

- разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

- разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [5].

Казахстанский законодатель дал определение экстремизму как явлению, нормативное же понятие экстремистских преступлений отсутствует. Уголовный закон (п. 39) ст. 3 УК РК) содержит их исчерпывающий перечень: статьи 174 (Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни), 179 (Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан), 180 (Сепаратистская деятельность), 181 (Вооруженный мятеж), 182 (Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности), 184 (Диверсия), 258 (Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму), 259 (Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности), 260 (Прохождение террористической или экстремистской подготовки), 267 (Организация незаконного военизированного формирования), частями 2 и 3 статьи 404 УК (Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений), 405 (Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма) [6].

Противодействуя экстремизму и его пропаганде государственные органы республики выработали систему мер обеспечения безопасности государства и обществ от угроз этого негативного явления.

Республикой Казахстан наряду с присоединением к международным стандартам по противодействию экстремизму, были приняты: Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 года «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма»; две Государственные программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы и 2018-2022 годы, утвержденные Указами Президента Республики Казахстан в 2013 года и в 2018 году соответственно; Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года «О противодействии экстремизму».

В целях обеспечения общественной безопасности, сохранения и укрепления единства народа Казахстана Генеральной прокуратурой Республики Казахстан принимаются меры по пресечению фактов пропаганды идей экстремизма: «согласно национальному и международному праву любая деятельность таких организаций, целями которых является терроризм или насильственный экстремизм, находится под запретом» [7].

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», «экстремистские материалы – это любые

информационные материалы, содержащие признаки и (или) призывы к осуществлению экстремистских действий либо обосновывающие или оправдывающие необходимость их совершения [5].

«Органами прокуратуры совместно с другими государственными органами в целях недопущения распространения незаконных материалов ведется работа по выявлению и пресечению интернет-ресурсов, пропагандирующих экстремизм и терроризм, а также распространяющих материалы по изготовлению самодельных взрывных устройств и взрывчатых веществ» [8], – отметили в Генеральной прокуратуре. «В рамках этой работы прокурорами проведен мониторинг более ста тысяч интернет-ресурсов. По выявленным фактам пропаганды идей экстремизма и терроризма, а также распространения информации о способах самодельного изготовления взрывчатых устройств, проведена исковая работа, приняты меры досудебного урегулирования. Судами за последние пять лет удовлетворены заявления прокуроров и уполномоченного органа о признании материалов более одной тысячи интернет-ресурсов незаконными с прекращением распространения их на территории Казахстана. Кроме того, в досудебном порядке удалены более двухсот материалов незаконного содержания» [8].

Пропаганде граждане подвергаются различными способами – личные беседы, распространение печатной продукции, через Интернет-ресурсы и другими способами.

В этой связи вопросы ужесточения уголовной ответственности за преступления экстремистского толка должны представляются актуальными.

Между тем, анализ уголовного законодательства, позволяет выявить несовершенство правовых норм уголовного закона в части ответственности за пропаганду экстремизма.

Пропаганда (лат. propaganda дословно – «подлежащая распространению (вера)», от лат. Propago – «распространяю») – в современном политическом дискурсе понимается как открытое распространение взглядов, фактов, аргументов и других сведений для формирования общественного мнения или иных целей, преследуемых пропагандистами [9. стр.127].

Для сравнения, в УК РК одной из центральных статей, специально предназначенных для пресечения проявлений террористической деятельности, является статья 256, предусматривающая уголовную ответственность за пропаганду терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, в том числе с использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ (ч. 2 ст. 256 УК РК).

При этом уголовный закон не содержит специальную норму, предусматривающую ответственность за пропаганду экстремизма или публичные призывы к совершению экстремизма. Ранее действующий УК РК 1997 года закреплял в одной правовой норме основания уголовной ответственности за пропаганду терроризма либо экстремизма или публичные призывы к совершению акта терроризма или экстремизма, а

равно распространение материалов указанного содержания (ст. 233-1 УК РК 1997 г.) [10].

Если проводить сравнительно-правовой анализ с законодательством отдельных зарубежных стран, то для сравнения, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит самостоятельную статью об ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) [11], Уголовный кодекс Таджикской Республики содержит аналогичную статью (ст. 307.1 УК ТР) [12].

Не вызывает сомнений, общественная опасность деяния в виде пропаганды экстремизма или публичных призывов к совершению экстремизма, а равно распространение материалов указанного содержания.

Справедливо отмечает С.Н. Фридинский: «общественная опасность данного преступления состоит в том, что это деяние способно существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране, нарушить общественное спокойствие, вызвать угрозу национальной безопасности государства» [13. стр.32].

Законодатель при всем этом не предусмотрел в действующем УК РК оснований уголовной ответственности за распространение идей экстремизма, что без сомнений, не только затрудняет квалификацию содеянного, но и делает ее невозможной.

Заключение. Руководствуясь вышеизложенным, полагаем, что необходимо внести изменения в уголовное законодательство Республики Казахстан, дополнив УК РК нормами об ответственности за пропаганду экстремизма и публичные призывы к совершению экстремистских преступлений.

На основании вышеизложенного, предлагаем дополнить часть первую статьи 256 УК РК положением об ответственности за указанные деяния и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 256. Пропаганда терроризма либо экстремизма или публичные призывы к совершению акта терроризма либо экстремизма

1. Пропаганда терроризма либо экстремизма или публичные призывы к совершению акта терроризма либо экстремизма, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов указанного содержания, –...».

Имеющиеся квалифицирующие признаки (ч. 2 ст. 256 УК РК) для перечисленных в части первой предлагаемой редакции деяний будут являться общими.

С учетом предлагаемых нами поправок в уголовный закон, необходимо дополнить статье 256 УК РК перечень экстремистских преступлений (п. 39) ст. 3 УК РК).

Наличие уголовно-правовой нормы в законодательстве Республики Казахстан по противодействию проникновению и распространению материалов экстремистской направленности будет способствовать

правильной квалификации содеянного и недопущению неверного толкования закона.

Список использованной литературы:

1. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года №674 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.), ратифицированная Законом Республики Казахстан 18 апреля 2002 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000316_ (дата обращения: 20.05.2025).
3. Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K24002024_1 (дата обращения: 20.05.2025).
4. О национальной безопасности Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года №527-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527/z1200527> (дата обращения: 20.05.2025).
5. О противодействии экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года №31-III [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_ (дата обращения: 21.05.2025).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Обращение заместителя Генерального Прокурора Республики Казахстан Умиралиева Ж.Ж. в порядке статьи 40 Конституционного закона «О прокуратуре» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/462207?lang=ru>.
8. Прокуроры РК проверили на экстремизм более ста тысяч сайтов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/prokuroryi-rk-proverili-ekstremizm-sta-tyisyach-saytov-288403/ (дата обращения: 20.05.2025).
9. Новая философская энциклопедия: В 4 томах // Под редакцией В.С. Стёпина. – «Мысль». – М., 2001.
10. Уголовный Кодекс Республики Казахстан: от 16 июля 1997 года № 167 (Утратил силу Кодексом РК от 3 июля 2014 г. №226-V) https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167_ (дата обращения: 20.05.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397073&pos=453;-44#pos=453;-44 (дата обращения: 22.05.2025).
12. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: от 21 мая 1998 года № 574 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=395;-50#pos=395;-50 (дата обращения: 20.05.2025).
13. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. докт. юрид. наук. – М., 2011.

Хан Виталий Вячеславович

профессор Кафедры специальных юридических дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
кандидат юридических наук, ассоциированный профессор

Тулесова Мулдира Ерлановна

старший преподаватель Кафедры специальных юридических дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр юриспруденции

**ЭКЛЕКТИЧЕСКАЯ И ГИЛЕТИЧЕСКАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ НАЧАЛА
ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНОЙ
ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты начала досудебного расследования в соответствии с главой 23 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и Правилами регистрации заявлений и сообщений. Автор выделяет этапы приема и регистрации, анализирует сроки, предусмотренные законодательством, а также указывает на противоречия и сложности нормативной формулировки. Отмечается, что нарушения процедуры фиксации сведений об уголовных правонарушениях влекут нарушение конституционных прав граждан. Рассматривается высокая доля прекращенных дел по реабилитирующим основаниям как негативный индикатор, требующий правовой корректировки и усиления гарантий прав личности.

Ключевые слова: досудебное расследование, регистрация, Единый реестр досудебных расследований, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, заявление, следственные действия, реабилитация, конституционные права

Концепция оптимизации национального уголовного процесса основывалась на идеях эклектики западного уголовного судопроизводства, реализовавших гилетический подход к стадии возбуждения уголовного дела.

В результате редакция уголовно-процессуального закона 2014 года должна была регламентировать новый порядок начала досудебного расследования, исключавший излишнюю волокиту и бюрократию, а вместе с этим и сложившуюся коррупционную составляющую. Ключевой идеей трансформации начала досудебного производства являлся отказ от каких-либо доследственных проверок и предоставление возможности приступать к расследованию сразу с момента регистрации заявления или сообщения в Едином реестре досудебных расследований (далее – ЕРДР).

Подобные западный манер оптимизировал уголовно-процессуальную деятельность органа расследования и позволял собирать и исследовать доказательства в одном штатном режиме, без промедления и последующего дублирования.

Однако реформаторы не смогли строго придерживаться заданного концепцией курса по развертыванию новой редакции уголовно-процессуального закона в силу банального политического прагматизма, что привело к некому традиционному синкретизму: эксплицитно – западной модификации начала досудебного расследования, а имплицитно – традиционной доследственной проверки.

Вследствие чего сложившиеся на законодательном и теоретическом уровнях коллизии в регулировании начала досудебного расследования вынесли некую сумятицу в практическую деятельность органов уголовного преследования.

Так, в структуре уголовно-процессуального закона регламентация начала досудебного расследования технически располагается в Главе 23 (ст.ст. 179-186) Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан РК (далее – УПК РК) [1]. В соответствии с части 1 статьи 179 УПК РК началом досудебного расследования является регистрация заявления или сообщения об уголовном правонарушении в ЕРДР, а также первое неотложное следственное действие.

В указанных статьях содержится регламентация основных положений, относящихся к стадии начала досудебного производства, детализация которых осуществляется посредством подзаконного акта: Правилами приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований, утвержденными Приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года (далее – Правила) [2].

Поводы к началу досудебного расследования закреплены в части 1 статьи 189 УПК РК и определяются в качестве достаточных данных, указывающих на признаки уголовного правонарушения, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу, а именно:

1) заявление физического лица либо сообщение должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации, об уголовном правонарушении либо безвестном исчезновении лица;

2) явка с повинной;

3) сообщения в масс-медиа и на онлайн-платформах;

4) рапорт должностного лица органа уголовного преследования о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении.

На этапе приема и регистрации указанных поводов к началу досудебного производства начинает действовать конституционное право каждого на судебную защиту своих прав и свобод, сформированное также

в качестве принципа уголовного процесса в статье 12 УПК РК. Исходя из содержания данного уголовно-процессуального принципа «государство обеспечивает каждому доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба в случаях и в порядке, установленных законом» (ч. 3 ст. 12 УПК РК).

Первым шагом к реализации конституционной и процессуальной гарантии является соблюдение надлежащей процедуры по принятию и регистрации поводов к началу досудебного производства, предполагающее последующее расследование и направление уголовного дела в суд. Следовательно, нарушение процессуальной формы приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях влекут за собой нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем реформирование стадии возбуждения уголовного дела подвергло оптимизации и традиционный понятийный аппарат, гилетическим образом купировав понятие «основания возбуждения уголовного дела» и в последующем привив его элементы к понятию «поводы для возбуждения уголовного дела» (ч. 1 ст. 189 УПК РК).

Однако такой гилетический подход является методологически неверным и нарушает диалектическое движение, на котором основывается вся система уголовного процесса. Объединив в одно понятие формальные и материальные основания для начала досудебного расследования, реформатор хотел воплотить в жизнь западное заимствование и эклектику, сформировать некий симбиоз, а на деле получил очередной синкретизм, который негативным образом отражается на практике реализации конституционных и процессуальных гарантий.

Прием заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях является первым этапом стадии начала досудебного расследования и детерминируется понятием «поводы», которое в сложившейся теории уголовного процесса своими содержательными составляющими определяют его процессуальный порядок [3. стр.586].

В частности, правила устанавливают, что должностные лица органов уголовного преследования принимают информацию о любом уголовном правонарушении круглосуточно. Принятая информация подлежит фиксации в книге учета информации (далее – КУИ).

КУИ – автоматизированная база данных, в которую вносится информация об уголовном правонарушении, включая поводы к началу досудебного расследования, перечисленные в части первой статьи 180 УПК РК (п. 1) ст. 2 Правил) [2].

Причем формулировка «любые» распространяется и на анонимные обращения, поскольку они также подлежат фиксации в КУИ.

Таким образом регистрации подлежат любые заявления, сообщения об уголовных правонарушениях вне зависимости от того, усматриваются ли в их содержании признаки уголовно наказуемого деяния или нет.

Форма подачи заявлений не имеет ограничений. Заявления могут быть поданы письменно, устно или посредством телекоммуникационных и электронных средств связи, а также почтовой связи и посредством ящиков для обращений.

Правила устанавливают форму заявлений об уголовных правонарушениях, которая может быть заполнена при подаче заявления путем личной явки. В остальных случаях требование о форме заявления реализуются по прибытии сотрудника органов уголовного преследования непосредственно к заявителю, а в случаях не терпящих отлагательств – после проведения неотложных следственных действий.

Нормативная регламентация формы заявлений и обращений преследует цели по установлению максимально возможной полноты сведений, как о лице, подавшем заявление, так и об общественно опасном событии, а также исключении совершения ложных доносов.

Завершающим этапом приема заявлений и сообщений об уголовном правонарушении является выдача лицу, обратившемуся с заявлением талона-уведомления в установленной Правилами форме.

Талон-уведомление состоит из двух частей:

корешка талона-уведомления, который остается в органе уголовного преследования;

отрывного талона-уведомления, который выдается заявителю.

Оригиналы корешков талонов-уведомлений являются документами строгой отчетности, хранятся в течение 3 лет в органах уголовного преследования.

На обороте отрывного талона-уведомления указаны адрес Интернет-ресурса www.qamqor.gov.kz, номера телефонов: 8 800-080-7777 (со стационарного), 1414 (с мобильного), по которым заявителю можно получить соответствующую информацию и телефон органа уголовного преследования, принявшего заявление (ст. 7 Правил) [2].

Регистрация поводов к началу досудебного расследования в ЕРДР представляет собой второй этап стадии начала досудебного расследования и в теории уголовного процесса детерминируется понятием «основания», содержание которого синтезируется за счет фактических данных, устанавливающих наличие признаков уголовного правонарушения и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу [4. стр.46], позволяющих принять соответствующие процессуальное решение: регистрацию повода – заявления, сообщения, первичного следственного действия.

Но, поскольку понятие «основания к началу досудебного расследования» подверглось купированию за счет гилетического подхода к оптимизации стадии возбуждения уголовного дела, в регулировании второго этапа возникла сумятица и коллизии.

Так, руководитель органа прокуратуры, ответственный начальник следственного отдела или органа дознания, в соответствии с компетенцией, установленной УПК РК, а также уполномоченное

должностное лицо обеспечивают незамедлительную передачу следователям, дознавателям, прокурорам, а также иным должностным лицам информации об уголовном правонарушении для исполнения требований пунктов 12-15 настоящих Правил и осуществления досудебного расследования (ст. 8 Правил) [2].

Поводы к началу досудебного расследования, указанные в пунктах 9, 10, 11 настоящих Правил, подлежат регистрации в ЕРДР следователями, дознавателями, прокурорами, уполномоченным лицом, а также должностными лицами органов уголовного преследования, которым в соответствии с их компетенцией поручено досудебное расследование по данному факту (ст. 12 Правил).

В данном случае ссылки на пункты 9, 10, 11 настоящих Правил соответствуют следующим пунктам части 1 статьи 180 УПК РК:

1) заявление физического лица либо сообщение должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации, об уголовном правонарушении либо безвестном исчезновении лица;

2) явка с повинной;

3) сообщения в масс-медиа и на онлайн-платформах [1].

Однако при переходе к процедуре формирования материальной составляющей второго этапа стадии начала досудебного расследования начинаются сложные для адекватного понимания семантические конструкции и юридические коллизии.

В частности, в пункте 13 Правил излагается следующее: «При получении информации об уголовном правонарушении, за исключением поводов, указанных в пунктах 9-11 настоящих Правил, следователями, дознавателями и прокурорами, уполномоченными лицами, а также иными должностными лицами, которым поручено рассмотрение данной информации, незамедлительно, но не позднее 24 часов, обеспечивается принятие заявления, сообщения об уголовном правонарушении с соблюдением требований пунктов 9, 10 настоящих Правил и их регистрация в ЕРДР в соответствии с пунктом 12 настоящих Правил» [2].

Информацией, «за исключением поводов, указанных в пунктах 9-11 настоящих правил», является повод к началу досудебного расследования, согласно пункта 4) части 1 статьи 180 УПК РК, а именно – рапорт должностного лица органа уголовного преследования о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении [1].

Вместе с тем в тексте пункта 13 Правил трижды используется ссылка на иные пункты Правил, которые в своей совокупности с использованием указанного многословного оборота осложняют восприятие всего текста в целом и влекут за собой неоправданное усложнение нормативного регулирования.

В то же время текст нормативного правового акта должен излагаться с соблюдением норм литературного языка, юридической терминологии и

юридической техники, его положения должны быть предельно краткими, содержать четкий и не подлежащий различному толкованию смысл. Текст нормативного правового акта не должен содержать положения декларативного характера, не несущие смысловой и правовой нагрузки (п. 3 ст. 24 Закона «О правовых актах») [6].

В этой связи для нормализации логического и психологического восприятия смыслового содержания нормы следует, на наш взгляд, использовать следующую семантическую конструкцию: «При получении рапорта должностного лица органа уголовного преследования о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении...».

Излишним, на наш взгляд, также является употребление в тексте Правил термина «незамедлительно», не несущего в себе никакой смысловой и правовой нагрузки, поскольку данное понятие не коррелирует ни с порядком регистрации поводов, ни с процессуальными сроками, предусмотренными для принятия соответствующего процессуального решения.

Процесс регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении в ЕРДР завершается процедурой учинения управомоченным лицом регистрационного штампа на бумажном варианте документа в соответствии с приложениями 10 и 10-1 Правил.

Регистрационные штампы органа включают в себя наименование, дату регистрации, регистрационный номер КУИ или ЕРДР, должность, фамилию, имя, отчество и подпись должностного лица.

Срочность рассмотрения поводов и принятия процессуального решения о регистрации и начале производства досудебного расследования, как и отмечалось нами выше, формирует юридическую коллизию между нормами уголовно-процессуального закона и правилами.

Однако несмотря на то, что правила представляют собой подзаконный акт, детализирующий организационный порядок правовой (уголовно-процессуальной) процедуры, практика руководствуется подзаконным актом в силу административной подчиненности практических работников соответствующим правоохранительным органам.

Так, Правилами предусмотрено, что после их принятия и регистрации в КУИ они передаются для последующей проверки и регистрации в ЕРДР незамедлительно.

Срок рассмотрения поступившей информации и ее регистрации в ЕРДР также определяется 24 часами.

Получается, что на процедуры по принятию, регистрации в КУИ, передаче уполномоченным должностным лицам для установления оснований для регистрации в ЕРДР и регистрация в ЕРДР должна быть осуществлена в 24 часа.

В свою очередь, Глава 23 УПК РК на первых взгляд не содержит указания на то, в какие сроки должны быть выполнены процедуры принятия и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях.

Вместе с тем при системном способе толкования норм уголовно-процессуального закона прорисовывается уже другая картина:

- в части 4 статьи 179 УПК РК закреплено, что при наличии в поступившем заявлении, сообщении сведений о признаках административного правонарушения либо дисциплинарного проступка обращение в течение трех суток передается сопроводительным письмом в соответствующий уполномоченный государственный орган или должностному лицу:

- в соответствии с частью 5 статьи 181 УПК РК при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки уголовного правонарушения, заявления и сообщения, требующие проведения ревизий и проверок уполномоченных органов для установления признаков уголовного правонарушения, без регистрации в ЕРДР в течение трех суток направляются для рассмотрения уполномоченным государственным органам.

Теперь возникает вопрос: чем обусловлены такие серьезные расхождения в определении сроков одинаковых по содержанию процедур? При этом мы имеем в виду процедуры по приему и регистрации заявлений и сообщений в ЕРДР или их перенаправлении в соответствующий уполномоченный орган.

Кроме того, проверка сообщения, заявления об уголовном правонарушении может быть связано с проведением неотложных следственных действий. Так, часть 1 статьи 196 УПК РК устанавливает перечень неотложных следственных действий: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемого, допрос потерпевших и свидетелей и другие следственные действия [1].

Учитывая юридическую конструкцию данной уголовно-процессуальной нормы, перечень неотложных следственных действий исчерпывающим не являются, да и не может является в силу общей методологии ретроспективного познания объективной реальности.

Соответственно, законодатель использует выражение «и другие следственные действия», неотложность которых зависит от конкретной ситуации. Однако релевантность проведения неотложных следственных действий может вызвать потребность в дополнительном времени, которое необходимо для его подготовки (оповещение участников, подбор специалистов, необходимой техники, обеспечения мер безопасности и т.д.).

В результате такая ведомственная (подзаконная) поспешность в принятии решении о регистрации определенной информации в ЕРДР детерминирует негативные правовые последствия. Например, в нижеприведенной таблице показано соотношение количества

прекращенных уголовных дел к числу зарегистрированных в определенный отчетный период.

Таблица №1. Соотношение количества прекращенных уголовных дел к числу зарегистрированных в период с 2022 по 2024 годы

Анализируемый период	Всего зарегистрировано уголовных правонарушений	Прекращено по реабилитирующим основаниям
2022 год	157 473	68 557 или 43,5%
2023 год	140 272	66 565 или 47,4%
2024 год	132 778	67 634 или 50,9%

С одной стороны, эти статистические показатели являются положительными в разрезе снижения обвинительного уклона уголовного правосудия, однако, с другой стороны, оценка квантитативных показателей диалектически должна учитывать и квалитативные характеристики объекта познания.

Следовательно, если рассматривать квалитативные свойства прекращенных уголовных дел, то в таком ракурсе квантитативные характеристики следует расценить в качестве негативного феномена, противоречащего задачам уголовного процесса.

Реабилитация лица, попавшего в орбиту уголовного судопроизводства из-за поспешного процессуального решения становится актуальной в силу положений Главы 4 УПК РК и влечет за собой возмещение материального и морального ущерба, а также полное восстановление нарушенных прав и свобод.

В соответствии с частью 1 статьи 37 УПК РК лицо, оправданное по суду, а равно подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, в отношении которых вынесено постановление суда, органа уголовного преследования о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1), 2), 5), 6), 7), и 8) части первой статьи 35 УПК РК, подлежат реабилитации, то есть восстановлению в правах и не могут быть подвергнуты каким-либо ограничениям в правах и свободах, гарантированных Конституцией Республики Казахстан.

В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс» сказано следующее [7].

В соответствии с частью первой статьи 40 УПК и постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2014 года № 1218 «Об утверждении Правил выплаты имущественного вреда, причиненного лицу, оправданному по суду, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, в отношении которых вынесено постановление суда, органа уголовного преследования о прекращении уголовного дела, в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс» имущественный вред, причиненный в результате незаконных действий

органа, ведущего уголовный процесс, включает в себя возмещение: заработной платы, пенсии, пособий, иных средств и доходов, которых они лишились; имущества, незаконно конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или иного решения суда; штрафов, взысканных во исполнение незаконного приговора суда; судебных издержек и иных сумм, выплаченных лицом в связи с незаконными действиями; сумм, выплаченных лицом за оказание юридической помощи; иных расходов, понесенных в результате уголовного преследования. Также лица, имеющие право на возмещение в полном объеме имущественного вреда, причиненного в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, имеют право на восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, а также на устранение последствий морального вреда [8].

Таким образом, реализация цели по оптимизации уголовного процесса в стадии начала досудебного расследования, основанного на гилетическом подходе, сформировало некую закономерность в виде многократного увеличения количества уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям.

Детерминацией такой негативной тенденции является гилетический подход к оптимизации процессуальных сроков (24 часа) необходимых для выяснения наличия или отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния.

На основании изложенного представляется целесообразным следующее:

- пункт 13 Правил слова «информации об уголовном правонарушении, за исключением поводов, указанных в пунктах 9-11 настоящих Правил» заменить словами: «рапорта должностного лица органа уголовного преследования о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении»;

- в тексте первого абзаца пункта 8 Правил слово «незамедлительную» заменить словами «в течение 24 часов», а в тексте второго абзаца слова «в течение 24 часов» заменить словами «в течение трех суток»;

- в тексте пункта 13 Правил слова «незамедлительно» исключить, а слова «но не позднее 24 часов» заменить словами «в течение трех суток».

Представляется, что принятие указанных предложений хоть не решит всех институционных проблем, однако будет способствовать повышению качества уголовно-процессуальной деятельности по приему и регистрации заявлений и обращений об уголовных правонарушениях в существующих реалиях. Фиксация более разумного срока позволит снизить количество ошибок в части установления наличия или отсутствия признаков уголовных правонарушений, что, в свою очередь, отразится и на квантитативных показателях уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 года №231-V (с изм. и доп. по сост. на 13.03.2025 г.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 20.05.2025).
2. Правила приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года №89 (с изм. и доп. по сост. на 20.05.2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31619562&show_di=1.
3. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 586-599 с.
4. Зеленецкий В.С. Возбуждение уголовного дела. Харьков: Издательство «КримАрт», 1998. – 46-75 с.
5. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Монография / Химичева Г.П. – М: Издательство «Экзамен», 2003. – 104-122 с.
6. О правовых актах: Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года №480-V ЗРК.
7. О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013901.
8. Правила выплаты имущественного вреда, причиненного лицу, оправданному по суду, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, в отношении которых вынесено постановление суда, органа уголовного преследования о прекращении уголовного дела, в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс: Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2014 года №1218 (с изм. и доп. по сост. на 20.05.2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31619562&show_di=1.

Шушикова Гульнар Карбаевна

проректор – директор Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КРИМИНОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В представленной публикации автор анализирует состояние готовности к криминогенным рискам и правовым неопределенностям, связанными с экспоненциальным развитием цифровых технологий шестого технологического уклада.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые технологии, неприкосновенность частной жизни, криминогенный потенциал, форсайт-криминалистика.

В настоящее время происходит уникальный процесс цифровой трансформации практически всех аспектов жизни человеческого общества.

По своей значимости он сопоставим с открытием возможностей и потенциала электроэнергии в XIX веке и беспроводного интернета в XXI веке.

Ежедневно по экспоненте совершенствуются технологии квантовых вычислений, искусственного интеллекта, робототехники.

К примеру, беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) уже стали привычной реальностью. Их активно применяют не только гражданские лица и военные, но и криминалитет для достижения своих противоправных целей.

Вместе с тем, правовое регулирование БПЛА создавалось «постфактум», когда они уже нашли применение в повседневной жизни людей.

Аналогично «вдогонку», после фактов причинения вреда здоровью граждан и иных негативных последствий, создавалась правовая база для лиц, управляющих самокатами и скутерами.

При этом практически без внимания широкого круга юристов, криминологов и криминалистов остаётся вопрос о влиянии новых технологий на состояние защищенности прав и законных интересов граждан, необходимости правового регулирования новых общественных отношений.

В то время как прямо сейчас решается вопрос о запуске в массовое производство беспилотных и летающих автомобилей, промышленных и бытовых роботов, иных инновационных разработок шестого технологического уклада, а основатель компании «SpaceX» Илон Маск объявил о возможности ежедневно производить по три космических корабля Starship.

Приведем наглядный пример. Ни одно государство мира не обладает законодательством и необходимой инфраструктурой для массовой эксплуатации летающих автомобилей, тогда как их промышленное производство уже практически решенный вопрос.

Несмотря на этот фактор, нет понимания того, кто будет управлять таким автомобилем – водитель или пилот, какая у него должна быть квалификация и подготовка, четкие границы прав и обязанностей участников нового формата транспортного движения и многие другие важные правовые вопросы.

Иная ситуация и оперативность в восприятии новейших технологий криминальным миром, который без колебаний адаптирует технологии к своим преступным целям – масштабируя ущерб для простых людей.

С учетом цифровой и даже смысловой трансформации назрела насущная необходимость в конвергенции ресурсов различных отраслей науки, как между собой, так и с практикой, для углубленного изучения криминогенного потенциала инновационных технологических разработок (*forsight criminology*). С выработкой по итогам такого изучения криминологических прогнозов, превентивных упреждающих предложений, направленных не только на локальное совершенствование национальных законодательств, но и в целом, действующих правовых систем, базирующихся на фундаменте, заложенном еще в античные времена.

Происходящие события не могут не отражаться и на деятельности правоохранительных органов. Практически ежедневно появляются новые, ранее неизвестные способы совершения противоправных деяний, начиная от киберпреступлений и заканчивая организацией высокоомобильных лабораторий по производству синтетических наркотиков.

В скорой перспективе силовые структуры неминуемо столкнутся с необходимостью расследования правонарушений, совершенных новыми «субъектами» – генеративным искусственным интеллектом (без участия замысла человека-оператора) и роботами, возникнет необходимость расследовать нарушения прав наших граждан, совершенных в виртуальной (дополненной) реальности.

С учетом такой прогнозной перспективы ведомственные научно-образовательные учреждения правоохранительных органов должны заблаговременно адаптировать образовательные программы и научно-исследовательский компонент под требования шестого технологического уклада, постоянно наращивать свой кадровый, интеллектуальный и инфраструктурный потенциал.

Особого внимания, особенно органов прокуратуры, заслуживают различные аспекты влияния современных технологий на состояние защиты охраняемых законом прав граждан.

Безусловно, технологический прогресс открывает широкие возможности и перспективы, но одновременно формирует новый спектр

рисков и угроз, связанных с вмешательством в личную жизнь, а также несанкционированным сбором персональных данных.

Так, согласно статье 18 Конституции Казахстана, каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и достоинства [1].

Аналогичные нормы содержатся в законодательстве большинства развитых государств мира.

Однако обзор практики, информации, размещенной в средствах массовой информации, свидетельствует о повсеместном кризисе исполнения этих правовых гарантий.

Во всем мире персональные данные становятся объектом несанкционированных запросов и торговли в теневом сегменте.

Это происходит не только из цифровых систем, но и на этапах оцифровки бумажных архивов, когда они переводятся в электронный формат без должного соблюдения протоколов безопасности.

В результате становятся уязвимыми как архивные, так и текущие данные, связанные с медицинскими, финансовыми, судебными досье. Такая ситуация привела к созданию своего рода «рынка цифрового шпионажа».

Особое беспокойство вызывает ситуация с онлайн-сервисами, предоставляющими расширенный доступ к сведениям о физических и юридических лицах. Подписка на них позволяет третьим лицам незаконно осуществлять работу, идентичную оперативно-розыскной деятельности, получать обширные сведения о деловой активности, участии в бизнесе и другую значимую информацию.

Это де-факто создает цифровую систему слежки, нарушающую конституционные права граждан.

Проблема усугубляется еще и тем, что большинство серверов, содержащих терабайты персональной информации, находятся в других юрисдикциях, где обрабатываются и используются в целях повышения доходов собственников транснациональных технологических компаний.

Таким образом, с развитием цифровых технологий и переходом государств и бизнеса в цифровую среду наблюдается тенденция, когда высокий уровень цифровизации приводит к высоким рискам нарушения прав человека.

Эта закономерность требует глубокого доктринального осмысления и пересмотра современных механизмов защиты прав в условиях цифровой трансформации.

Подобная ситуация несёт в себе угрозу снижения анонимности, несанкционированного и ничем (никем) не ограниченного контроля, преобразования любой активности человека в данные биометрической и поведенческой аналитики (datafication).

В этой связи возникает фундаментальная дилемма: где проходит грань между дозволенным и запретным, не вступают ли реалии

цифровизации в противоречие с конституционными гарантиями, и не утрачивают ли они (конституционные гарантии) свою юридическую силу?

Требуется своего осмысления и вопрос о том, насколько традиционные представления о неприкосновенности частной жизни в классическом понимании соответствуют реалиям цифровой эпохи XXI века.

Эта мысль активно обсуждается современными учеными с позиции права и философии.

Автор книги «Эпоха надзорного капитализма», профессор Шошана Зубофф утверждает, что цифровые технологии, лишённые морального и правового контроля, привели к возникновению новой формы власти, основанной на сборе и анализе персональных данных без согласия пользователей.

Она подчеркивает, что такие практики подрывают основы демократии и требуют фундаментального переосмысления [2].

Глубокий философский анализ значения приватности поднял профессор Адам Д. Мур, отмечавший необходимость ее защиты в условиях стремительного развития цифровых технологий. По его мнению, приватность является фундаментальным моральным и юридическим правом, не подлежащим компромиссу ради соображений эффективности или безопасности [3].

Следует признать, что правовое регулирование значительно отстает от происходящей трансформации и этот разрыв увеличивается в геометрической прогрессии.

Такое положение подрывает фундаментальные положения Всеобщей декларации прав человека (ст. 12) и Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 17), которые гарантируют защиту частной жизни и переписки.

С практической точки зрения представляется целесообразным принятие законодательных рамок, аналогичных Общему регламенту Европейского союза по защите данных (GDPR). Вместе с тем, есть понимание того, что жесткое правовое регулирование негативно отразится на развитии технологий внутри государства и на многие годы вперед сделает его потребителем готовых зарубежных цифровых решений, теряя свою конкурентоспособность и цифровой суверенитет.

В тоже время, без чёткой правовой базы и переосмысления роли государства, бизнеса и технологий в жизни общества, существует риск деформации и девальвации институтов, обеспечивающих гарантии защиты прав граждан.

При таком подходе, когда государство самоустраняется от вопроса защиты прав граждан, возрастают риски размывания такого важнейшего фундаментального базиса государственности как общественный договор и, в конечном счете, дезинтеграции самого государства.

Следовательно, защита прав граждан в цифровую эпоху должна стать приоритетом политики и науки для того, чтобы технологический

прогресс служил расширению свободы и возможностей людей, вплоть до массового освоения космического пространства, а не становился инструментом для манипулирования и деградации интеллектуальных, психологических и физических возможностей человека.

Такая парадигма развития требует принятия совместных комплексных, последовательных и стратегических решений.

Необходим доктринальный пересмотр такого понятия как неприкосновенность частной жизни, которая должна включать в себя цифровое пространство и персональные данные.

Следующим шагом должно стать обеспечение прозрачности работы с данными, как в государственном, так и в коммерческом секторе.

Представляется разумным такое состояние защищенности прав граждан, когда все решения, принимаемые на основе алгоритмов и затрагивающие их права, были полностью подотчётны, объяснимы и обжалуемы.

Это особенно актуально в сфере обеспечения общественной безопасности, где искусственные интеллектуальные системы стали мощным инструментом в раскрытии преступлений.

Распознавание лиц, анализ цифровых следов и геолокации безусловно помогают полиции, однако при этом возникает риск злоупотреблений и вторжения в частную жизнь, которая находится под защитой международных договоров и Конституции.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан: от 30 августа 1995 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http: // 10.61.42.188/rus/docs/K950001000](http://10.61.42.188/rus/docs/K950001000) (дата обращения: 28.05.2025).

2. Книга «Эпоха надзорного капитализма» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://time.com/5930790/shoshana-zuboff-interview/?utm_source (дата обращения: 28.05.2025).

3. Адам Д. Мур. Глубокий философский анализ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.psupress.org/books/titles/978-0-271-03685-> (дата обращения: 28.05.2025).

Шайхыстанова Салтанат Нурлановна
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ФРЕЙМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье исследуются правовые основания и механизмы обеспечения конституционных гарантий при проведении негласных следственных действий в уголовном процессе Республики Казахстан. Особое внимание уделено соразмерности вмешательства в частную жизнь, судебному и прокурорскому контролю, а также процессуальным гарантиям защиты прав личности.

Ключевые слова: негласные следственные действия, уголовный процесс, конституционные права, судебный контроль, правовые гарантии, санкционирование, прокурорский надзор, соразмерность вмешательства, неприкосновенность частной жизни, досудебное расследование, допустимость доказательств, адвокатская тайна.

Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы [1].

Подобная правовая установка подчёркивает приоритет личности, её прав, свобод и неприкосновенности жизни как высших ценностей, что в свою очередь предполагает необходимость неукоснительного соблюдения провозглашенных конституционных прав во всех сферах жизнедеятельности, в том числе при уголовном судопроизводстве. В этом контексте особое значение приобретает соблюдение прав граждан в процессе проведения негласных следственных действий, поскольку указанные мероприятия предполагают непосредственное воздействие на регламентированные основным законом права граждан.

В принятой новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК) вступившей в силу с 1 января 2015 года, основной новеллой, концептуально модернизированной систему национального уголовного процесса, явилась интеграция уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, воплотившаяся в институте негласных следственных действий [2. стр.4].

Так негласные следственные действия (далее - НСД) являются специфическим инструментом досудебного производства, которые в соответствии с частью 1 статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают [3].

При этом реализация НСД в рамках уголовного судопроизводства не должна сопровождаться абсолютизацией интересов органов уголовного преследования, напротив, при их проведении приоритетное значение должно придаваться обеспечению и соблюдению конституционных гарантий, направленных личной жизни, тайны коммуникаций и иных конституционных прав граждан. Принимая во внимание, что указанные мероприятия реализуются без ведома лица, в отношении которого они применяются, особую значимость приобретает соблюдение принципа соразмерности между интересами уголовного преследования и охраной прав человека и гражданина. Конституционно закреплённые положения о неприкосновенности частной жизни, а также требования законности и недопустимости произвольного вмешательства в личную сферу, определяют необходимость точного правового регулирования и эффективного судебного контроля за использованием НСД. Баланс между интересами правосудия и защитой прав личности является ключевым условием легитимности подобных действий в правовом государстве.

Анализ статьи 231 УПК РК позволяет сделать вывод о том, что проведение НСД непосредственно затрагивает ряд конституционных прав граждан в частности предусмотренные статьями 12, 18 и 25 Конституции, регламентирующие: гарантию прав и свобод человека и гражданина, которые признаются и гарантируются в соответствии с Конституцией; неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства; право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; неприкосновенность жилища. Ограничения указанных прав допускаются только в случаях и порядке, прямо установленных законом.

В целях обеспечения законности проведения НСД и защиту конституционных прав граждан, национальное законодательство предусматривает ряд следующих гарантий:

Субъектность проведения согласно нормам УПК РК, право на проведение НСД принадлежит исключительно органу досудебного расследования, ведущему производство по конкретному уголовному делу, при этом законодатель чётко разграничивает компетенции в данной сфере, исключая возможность осуществления указанных мероприятий иными государственными органами либо должностными лицами, не уполномоченными на проведение досудебного расследования.

Судебное санкционирование подавляющее большинство, перечисленных в статье 231 УПК РК видов НСД, подлежат обязательному санкционированию следственным судьей специализированного следственного суда, указанное обеспечивает судебный контроль за обоснованностью и законностью планируемых действий.

В данном контексте следует согласиться с мнением профессора И.Л. Петрухина, согласно которому судебный контроль это одна из форм реализации судебной власти по осуществлению правосудия [4. стр.32].

Ограниченность круга лиц в соответствии с частью 7 статьи 232 УПК РК, негласные следственные действия производятся в отношении: 1) лица, на которое в заявлении, сообщении об уголовном правонарушении указано как на лицо его подготавливающее, совершающее или совершившее, либо в отношении которого имеются иные основания полагать, что оно имеет отношение к расследуемому правонарушению либо обладает сведениями о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении; 2) подозреваемого; 3) потерпевшего с его письменного согласия; 4) третьего лица, если есть сведения, что третье лицо получает или передает информацию, имеющую значение для дела, в отношении которых могут проводиться НСД [3].

Проведение таких действий в отношении лиц, не входящих в этот перечень, не допускается.

Следует отметить, что на сегодняшний день Конституционным Судом Республики Казахстан начато производство по проверке конституционности части 8 статьи 232 УПК РК, согласно которой запрещается проводить негласные следственные действия в отношении адвокатов, осуществляющих профессиональную помощь, за исключением случаев, когда имеются основания полагать, что ими готовится или совершено тяжкое, или особо тяжкое преступление [3].

Согласно позиции Республиканской коллегии адвокатов (далее – РКА) сохранение ограничений на проведение НСД в отношении адвокатов является необходимым для защиты прав граждан, справедливого правосудия и доверия к правовой системе [5].

В этом контексте вполне справедлива позиция А.М. Глашевой, о том, что адвокат является единственным человеком для подозреваемого, которому он может доверять самые сокровенные тайны. Закон обязывает сохранять тайну разговоров адвокатов со своими подзащитными, вне зависимости от временных и пространственных координат [6. стр.32].

С точки зрения правовой доктрины сохранение действующих ограничений в отношении проведения НСД в отношении адвокатов представляется обоснованной и необходимой мерой. Такая правовая позиция исходит из того, что адвокат, действующий в рамках профессиональной защиты, выполняет не только функцию представителя конкретного доверителя, но и играет важную роль в обеспечении принципов справедливого правосудия, правовой определённости и укрепления доверия к судебной системе.

Более того, адвокатская деятельность имеет публично-правовое значение, поскольку способствует реализации конституционных гарантий прав на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Статус адвоката как независимого участника уголовного судопроизводства

предполагает наличие устойчивых профессиональных гарантий, направленных на исключение давления со стороны государственных органов, включая ограничения в применении к ним скрытых оперативно-розыскных методов. Именно эти гарантии обеспечивают надлежащее равенство процессуальных возможностей адвоката и прокурора, что прямо вытекает из принципа состязательности сторон и принципа равенства участников уголовного процесса.

На наш взгляд поддержание особого правового режима в отношении адвокатов способствует не только защите прав личности, но и укреплению основ правового государства, декларированного в статье 1 Конституции Республики Казахстан.

Формальная определенность согласно положениям УПК РК, постановление о проведении НСД должно соответствовать установленным законом требованиям как по форме, так и по содержанию. В соответствии со статьей 233 УПК РК, в постановлении обязательно указываются обстоятельства, послужившие основанием для проведения НСД, сведения о характере планируемого действия, а также данные о лице, в отношении которого оно предполагается, либо об объекте, с которым оно связано. Кроме того, в документе должно содержаться мотивированное обоснование необходимости вмешательства в сферу, охраняемую законом, включая указание на невозможность получения информации иными, менее инвазивными способами. Подобная нормативная конструкция направлена на обеспечение законности при ограничении конституционных прав граждан, а также на реализацию принципа соразмерности вмешательства и обеспечения судебного контроля за действиями органов досудебного расследования. Соблюдение требований УПК РК служит ключевым условием допустимости и легитимности проведения негласных следственных мероприятий в рамках уголовного судопроизводства.

Мотивированность постановление о проведении НСД должно содержать обоснование необходимости проведения соответствующего действия, сведения о лице, месте или предмете, в отношении которого планируется проведение НСД, а также другие необходимые данные. В свою очередь следственный судья вправе запрашивать дополнительные материалы для проверки обоснованности постановления. Непредставление запрашиваемых материалов является основанием для отказа в санкционировании.

Ограниченность сроков санкционирования согласно статье 234 УПК РК, следственный судья обязан рассмотреть постановление о санкционировании НСД в течение 12 часов с момента поступления, а в исключительных случаях до 24 часов. В случае необоснованности вынесенного постановления следственный судья отказывает в его санкционировании [3].

Судебный контроль постфактум в случаях, не терпящих отлагательства, проведение НСД допускается без предварительного

санкционирования, однако с последующим уведомлением следственного судьи в течение 24 часов и получением санкции в порядке, предусмотренном статьей 235 УПК РК. При рассмотрении уведомления о проведенном НСД судья проверяет обоснованность его проведения и наличие объективных препятствий для получения санкции до начала действия. В случае несогласия с законностью проведенного НСД, судья выносит постановление о его прекращении и недопустимости использования полученных результатов в качестве доказательств.

Обязанность уведомления лицо, в отношении которого проводилось НСД, должно быть уведомлено об этом в течение шести месяцев с момента вынесения итогового решения по уголовному делу, за исключением особых случаев.

Право на обжалование лицо, в отношении которого проводились негласные следственные действия, в течение пятнадцати суток с момента уведомления, предусмотренного частью 1-1 статьи 240 УПК РК имеет право обратиться в специализированный следственный суд, специализированный межрайонный следственный суд в порядке, предусмотренном статьей 106 УПК РК, с заявлением о признании проведения соответствующих негласных следственных действий незаконными и возмещении причиненного ущерба (при наличии такового) [3].

Прокурорский надзор одним из ключевых процессуальных механизмов, обеспечивающих законность и допустимость вмешательства в охраняемые конституционные права граждан при осуществлении НСД является судебный контроль на стадии их санкционирования. В соответствии с положениями УПК РК, при отсутствии достаточных оснований или при наличии сомнений в обоснованности постановления органа досудебного расследования следственный судья вправе отказать в его утверждении. Особый интерес представляет установленная законом процедура дополнительной проверки уже санкционированного постановления в случае возникновения сомнений у судьи относительно достоверности представленных сведений.

Так, в соответствии с нормами УПК РК, следственный судья, санкционировав проведение НСД, в течение двадцати четырех часов имеет право инициировать проверку его законности путем обращения к процессуальному прокурору. Процессуальный прокурор, в свою очередь, обязан в срок, не превышающий пяти суток, провести соответствующую проверку и сообщить о её результатах следственному судье. Подобного рода проверка направлена на всестороннюю и объективную оценку правомерности действий органов досудебного расследования, в частности соблюдения последними принципа соразмерности при ограничении прав личности.

В случае, если по результатам прокурорской проверки будет установлено, что постановление о проведении НСД было принято с нарушением норм законодательства, прокурор обязан внести в адрес

следственного судьи мотивированное ходатайство о признании соответствующего акта незаконным, что создаёт дополнительный уровень гарантий, обеспечивающий надлежащую реализацию принципов законности, обоснованности и недопустимости произвольного вмешательства в частную жизнь граждан.

Таким образом, полагаем, что НСД являются необходимым инструментом в борьбе с преступностью, особенно в случаях, когда иные следственные действия не могут обеспечить получение полной и объективной информации. Однако, потенциальное вторжение в сферу частной жизни граждан требует строжайшего соблюдения установленных законом процедур и гарантий.

Баланс между необходимостью проведения НСД и защитой конституционных прав обеспечивается исключительно путем сохранения правовых гарантий. Имеющиеся в правовом арсенале механизмы призваны минимизировать риск необоснованного или незаконного вмешательства в конституционные права граждан и обеспечить использование результатов НСД исключительно в целях установления истины по уголовному делу при соблюдении принципа верховенства закона.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенный анализ национального законодательства, регулирующего порядок проведения НСД, свидетельствует о стремлении государства обеспечить баланс между необходимостью эффективного расследования преступлений и защитой конституционных прав и свобод граждан.

Внедрение института санкционирования НСД следственным судьей, установление четких процедурных требований, ограничений в отношении субъектов и объектов НСД, а также предоставление лицу права на уведомление и обжалование являются важными гарантиями законности и защиты от произвола.

Тем не менее важно подчеркнуть, что эффективность этих гарантий напрямую зависит от неукоснительного соблюдения закона всеми участниками уголовного процесса.

Вместе с тем, дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в этой сфере должно быть направлено на укрепление гарантий конституционных прав граждан при проведении НСД, обеспечивая справедливое и законное отправление правосудия. Необходимо постоянное внимание к вопросам соблюдения этических норм и недопущения злоупотреблений при использовании данного специфического инструмента досудебного производства.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан: от 30 августа 1995 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 03.01.2018).
2. Амирханов Б.К. Негласные следственные действия в уголовном процессе Республики Казахстан: проблемы теории и практики. Монография/ Алматы, 2019. – 160 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 21.05.2025).
4. Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений: монография. – М.: Велби, Проспект, 2008. – 288 с.
5. Сохранение ограничений на проведение НСД в отношении адвокатов является необходимым для защиты прав граждан, справедливого правосудия и доверия к правовой системе: Письмо Республиканской коллегии адвокатов от 7 октября 2024 года №01-05/1163 https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38806673&pos=41;-52#pos=41;-52 (дата обращения: 21.05.2025).
6. Глашева А.М. Типология негласных следственных действий: содержательные основания: монография // Глашева А.М., под общ. и науч. ред. Хан. В.В. – Астана, 2024. – 77 с.

**ТҮРКІ МЕМЛЕКЕТТЕРІ ҰЙЫМЫ ЕЛДЕРІНДЕГІ
ТРАНСҰЛТТЫҚ ҚАУІПТЕРГЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ**

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ
УГРОЗАМ В СТРАНАХ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ
ГОСУДАРСТВ**

**COMBATING TRANSNATIONAL THREATS
IN THE MEMBER STATES OF THE ORGANIZATION
OF TURKIC STATES**

Августхан Сырым Августханұлы

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының Арнайы заң пәндері кафедрасының доценті, философия докторы (PhD)

Амуртаева Динара Талғатқызы

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының Арнайы заң пәндері кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ АДАМ САУДАСЫН АЛДЫН АЛУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасындағы заңға қайшы, қоғамға қауіпті іс-әрекет адам саудасының алдын алудың кейбір мәселелерін талдау мақсатында орындалды.

Қазақстандағы адам саудасына қарсы күрес жөніндегі Мемлекет басшысының Жарлығы, қолданыстағы нормативтік құқықтық актілер, сондай-ақ қылмыстық заңнамалар негізгі дереккөз ретінде пайдаланылды. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің 2019-2024 жылдар аралығында Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 128 бабы бойынша тіркелген ақпараты талданды. Зерттеу қылмыстық-құқықтық аспектілерге және статистикалық деректерді талдауға негізделген, бұл Қазақстан Республикасындағы проблеманың ауқымы мен ерекшеліктерін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: құқықтық мемлекет, адам саудасы, адам құқығы, күш қолдану, заңға қайшы, қанау, қоғамға қауіпті, оңалту, жезөкшелік, жыныстық қанау.

Еліміздің Конституциясында адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарына, олардың заңды қорғалуына кепілдік беріп, осы қағидатты берік ұстанады. Дегенмен, адам саудасы – бүкіл әлемдегі ең өзекті және қауіпті қылмыстардың бірі ретінде халықаралық қоғамдастықтың, соның ішінде Қазақстанның назарындағы өткір мәселе болып қалуда. Бұл қылмыс адамның қадір-қасиетін таптап, оның негізгі құқықтарын бұзады, сондықтан оған қарсы тұру өзекті сипатқа ие.

Құқықтық мемлекеттің басты міндеттерінің бірі – азаматтардың әлауқатын жақсарту және олардың құқықтарын қамтамасыз ету, әсіресе адам саудасына қарсы тиімді іс-қимыл жүргізу. Қазақстан Республикасында бұл бағыт мемлекеттік саясаттың негізгі басымдықтарының бірі болып табылады, мұны еліміздің Конституциясы мен осы саладағы нормативтік құқықтық актілер кепілдендіреді.

Халықаралық міндеттемелерді орындау және адам саудасының алдын алу, оған қарсы тұру, сондай-ақ зардап шеккендерге көмек көрсету мақсатында көптеген елдерде арнайы заңдар қабылдануда. Бұл үрдіс мемлекетаралық бағдарламалар мен заңнамалық базаны жетілдіру арқылы жүзеге асырылуда.

Еліміз заңға қайшы, қоғамға қауіпті іс-әрекет адам саудасына қарсы іс-қимылда көптеген жұмыстар атқарып, озық тәжірибелерді зерделеп, нормативтік құқықтық актілерді қабылдап, халықаралық, үкіметтік, үкіметтік емес ұйымдармен ынтымақтасып іс-шаралар атқаруда.

Негізгі бөлім. Адам құқықтары мен бостандықтары заңды мүдделері кез келген өркениетті қоғамда бірінші орында тұрады.

Біздің елімізде де адам және азаматтың құқықтары мен бостандықтарына, олардың заңды түрде қорғалуына мемлекетпен кепілдік беріледі.

Адам саудасы, адам саудасының құрбанын сәйкестендіру, адам саудасының құрбандарын оңалту, адам саудасына қарсы іс-қимыл мәселелері әлемде көптеген мемлекеттердің өзекті сұрағына айналған.

Қазақстан Республикасы Президентінің 2022 жылғы 13 сәуірдегі №871 Жарлығымен адам құқықтары және заңның үстемдігі саласында одан әрі шаралар жоспарын бекіту тапсырылып, аталған жоспарда адам саудасы құрбандарының құқықтарын қамтамасыз ету бағыты да көзделген болатын [1].

Аталған Жарлықтың негізінде Қазақстан Республикасы Үкіметімен Адам құқықтары және заңның үстемдігі саласындағы одан арғы шаралар жоспары бекітілді. Жоспарды жүзеге асыру барысында қазір қолданыста жүрген 2024 жылғы 5 шілдеде «Адам саудасына қарсы іс-қимыл туралы» Қазақстан Республикасының Заңы қабылданды.

Заңның қабылдануымен Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне өзгерістер мен толықтырулар енгізілді.

Атап өтетін болсақ, Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне адам саудасына, вандализм көрінісіне және бөтеннің мүлкін бүлдіруге қарсы іс-қимыл мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының 2024 жылғы 5 шілдедегі № 111-VIII Заңымен, қолданыстағы Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне адам саудасына байланысты қылмыстар енгізілді [2].

Атап айтқанда, қазіргі кезде адам саудасына байланысты қылмыстар – Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде көзделген 116-бап, 125-баптың 3-бөлігінің 2-тармағында, 126-баптың 3-бөлігінің 2-тармағында, 128, 134, 135, 308 және 309-баптарында көзделген іс-әрекеттер танылады.

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің ақпараты бойынша 2019-2024 жылдар аралығында Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 128 бабы адам саудасы бойынша: 2019 жылы 7

қылмыс, 2020 жылы 43 қылмыс, 2021 жылы 5 қылмыс, 2022 жылы 14 қылмыс, 2023 жылы 5 қылмыс, 2024 жылы 15 қылмыс тіркелген [3].

Келтірілген ақпараттардан 2020 жылы аталған қылмыстарды тіркеу бойынша өсім болғандығын аңғаруға болады.

2022 жылы Қазақстандағы адам саудасымен күрес туралы құқықтық форумда, М.М. Ахметжанов: «Статистикалық деректер проблеманы айқын көрсетпейді. Халықаралық және үкіметтік емес ұйымдардың мәліметінше, сексуалды және еңбек қанау көрсеткіші қылмыстық істерден бірнеше есе көп. Шыны керек, соңғы жылдарда мәселенің мәнісіне үңіліп, нақты жұмыстар атқарылған жоқ. Талдау жүргізілмеді. Соның салдарынан біз бүгін адам саудасы бойынша толыққанды мәліметке ие емеспіз. «Қармаққа» қалай түседі? Неге сол жолды таңдайды? Неге құтыла алмайды? Неге өз құқықтарын білмейді? Неге еңбек мигранттары «көлеңкеде» жүру құлдыққа апаратын жол екенін түсінбейді? Осы сияқты сауалдардың себебін анықтау маңызды. Бұл ретте, министрлік жұмыс бағытын өзгертті. Бүгінде қоғамдық институттармен, құзырлы мемлекеттік органдармен қоян-қолтық жұмыс істеуге көштік», деп атап өтті [4].

Жоғарыда аталған ақпараттармен толық келісуге болады. Адам саудасымен байланысты қылмыстар бүгінгі таңда да латентті болуы мүмкін. Адам саудасының құрбаны, құқықтарын білмеуі салдарынан құрбаны болып жүргендігін білмеуі мүмкін. Өртүрлі себептерге байланысты ол жерден кетпеуі немесе кете алмай жүруі мүмкін.

Адам саудасына қарсы іс-қимыл туралы заңға сәйкес адам саудасының алдын алу жөніндегі шаралар:

1. Ұйымдастырушылық шаралар – Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық актілерін әзірлеу, бекіту және іске асыру, ақпараттық материалдарды дайындау мен тарату, адам саудасының профилактикасы бойынша іс-шараларды жүйелі негізде жүргізу.

2. Құқықтық шаралар – адам саудасына қарсы іс-қимылда халықтың құқықтық сауаттылығын арттыру, адам саудасының ықтимал құрбандарын құқықтық қорғау.

3. Зерттеу шаралары – адам саудасы проблемасын зерделеуге байланысты іздеу жұмыстары, кешенді, талдамалық жұмыстар, құқық қолдану практикасын талдау, ғылыми зерттеулер.

4. Ақпараттық шаралар – Қазақстан Республикасы азаматтарының, қандастардың, шетелдіктердің және азаматтығы жоқ адамдардың адам саудасы құрбандарының құқықтары, оларды қорғау және көмек көрсету шаралары, Қазақстан Республикасы заңнамасының талаптары, сондай-ақ адамдар, оның ішінде кәмелетке толмағандар саудасына, оларды қанауға қарсы іс-қимыл, жезөкшелік пен порнографияға төзбеушілік туралы хабардар болуын арттыру жөніндегі ағартушылық қызмет.

5. Әлеуметтік-экономикалық шаралар – адам саудасының алдын алуға, адам саудасына ықпал ететін себептер мен жағдайларды жою мен азайтуға бағытталған әлеуметтік жобаларды дайындау және іске асыру,

сондай-ақ Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес әлеуметтік қолдау шараларын көрсету.

6. Адам саудасына ықпал ететін себептер мен жағдайларды анықтауға және жоюға бағытталған өзге де шаралар [5].

Заңда айқындалған іс-шаралардың адам саудасына қарсы іс-қимылда маңызы зор. Аталған іс-шаралар үйлесімді түрде, дұрыс бағытта ұйымдастырылып жүзеге асырылса өз нәтижесін береді деген сенімдеміз.

Ф.Н. Кадников, адам саудасына қарсы іс-қимылдың сұрақтары туралы өз еңбегінде: «қолданыстағы мөлшерлемелер бойынша төленбейтін, бірақ көптеген елдерде жұмыссыздықтың болуына және лайықты өмір сүру жағдайларының болмауына байланысты кез келген табысты қабылдауға дайын жұмыс күшіне сұраныстың артуы; әлемде заңсыз әрекеттерге, оның ішінде адам саудасымен байланысты әрекеттерге негіз болатын бақылаусыз көші-қонның орын алуы; адам саудасының құрбандары тиімді түрде құлдыққа айналды, ал оларды пайдалану бір реттік емес, ұзақ мерзімді, адам саудагерлеріне де, қанаушыларға да орасан зор пайда әкелуі; көптеген мемлекеттер мен үкіметтер іс жүзінде бар проблемаларды мойындамауы немесе шешпеуі; жезөкшелік пен жыныстық қанаудың басқа түрлерінен жоғары пайда және құқық қорғау деңгейінің төмендігі; бұл түрдегі қылмыстар өте жасырын, жәбірленушілер полицияға хабарлауға қорқуы, жариялылықты қаламауы», деп атап өтті [6].

Ф.Н. Кадниковпен келісуге болады, себебі қазіргі дамыған қоғамдағы адам саудасының басты себептерін анықтап, онымен мемлекеттік, халықаралық деңгейде күресудің маңызы зор.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасы Үкіметінің адам саудасына байланысты қылмыстың профилактикасы, оның алдын алу және оған қарсы күрес жөніндегі 2024-2026 жылдарға арналған іс-шаралар жоспарын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің қаулысында барлығы 55 тармақтан тұратын төмендегі іс-шаралар айқындалған: ұйымдық-құқықтық іс-шаралар; ұйымдық-практикалық іс-шаралар; басқа елдердің құзыретті органдарымен ынтымақтастық; қиымдық-профилактикалық шаралар; ақпараттық және ғылыми-әдістемелік қамтамасыз ету; кадр даярлау [7].

Жоғарыда аталған Үкімет қаулысы адам саудасына байланысты қылмыстың профилактикасы, оның алдын алу және оған қарсы күрес жөніндегі жұмысты қамтамасыз ету және үйлестіру мақсатында, сондай-ақ Біріккен Ұлттар Ұйымының (бұдан әрі – БҰҰ) трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясын толықтыратын адам, әсіресе, әйел мен бала саудасының алдын алу мен жолын кесу және ол үшін жазалау туралы хаттамаға сәйкес қабылданған.

Қорытынды. Адам саудасының алдын алу мәселелерінде жоғарыда келтірілген іс-шаралардың маңызы зор, олар қылмыс құрбандарын оңалтуға қатысты дұрыс бағытты таңдауға, аталған заңға қайшы, қоғамға қауіпті іс-әрекеттердің алдын алу шараларын белгілеуге және жүзеге

асыруға мүмкіндік береді. БҰҰ-ның халықаралық құжаттарында және шетелдегі жоғары дамыған елдердің заңдарында адам саудасына қарсы күрес қызметінің ең маңызды үш аспектісіне ерекше көңіл бөлінеді: құрбандарды қорғау, кінәлілерді қылмыстық қудалау және алдын алу.

Тек мемлекеттік органдардың ғана емес, үкіметтік емес қоғамдық ұйымдардың да күш-жігері осы түрдегі қылмыстардың алдын алуға бағытталған.

Үкіметтік емес ұйымдардың көмегінде адам саудасының құрбандарымен және қанаудың әртүрлі түрлерінің құрбандарымен күнделікті жұмысты жүргізу септігін тигізеді. Осыған қарамастан, үкіметтік емес ұйымдар мен мемлекеттік органдардың бірігіп, осындай заңсыз әрекеттердің қауіптілігі, ықтимал құрбандарды осы қылмыстық қатынастарға тарту әдістері, оларды оңалту, адам саудасына қарсы күрестің ұлттық бағдарламалары мен жоспарларын іске асыру туралы барша халықты хабардар ету бойынша жүйелі, қажырлы жұмысты жүзеге асыру маңызды.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының адам құқықтары саласындағы одан әрі шаралары туралы: Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 9 маусымдағы №597 Жарлығы // «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі.

2. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне адам саудасына, вандализм көрінісіне және бөтеннің мүлкін бүлдіруге қарсы іс-қимыл мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2024 жылғы 5 шілдедегі №111-VIII ҚРЗ // «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі.

3. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің ақпараты [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz>.

4. Адам саудасы тыйылмай тұр: 2022 жылғы 7 қараша. Егемен Қазақстан [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://egemen.kz/article/327529-adam-saudasy-tyyylmay-tur>.

5. Адам саудасына қарсы іс-қимыл туралы: Қазақстан Республикасының 2024 жылғы 5 шілдедегі Заңы // «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі.

6. Ф.Н. Кадников. К вопросу о противодействии торговле людьми и смежным преступлениям в современный период [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-protivodeystvii-torgovle-lyudmi-i-smezhnym-prestupleniyam-v-sovremennyi-period>.

7. Қазақстан Республикасы Үкіметінің адам саудасына байланысты қылмыстың профилактикасы, оның алдын алу және оған қарсы күрес жөніндегі 2024-2026 жылдарға арналған іс-шаралар жоспары: Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2023 жылғы 28 қарашадағы №1048 қаулысы // «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі.

Асан Махамбет Қалыбайұлы
магистрант Карагандинской академии Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Б. Бейсенова

ЭВОЛЮЦИЯ КИБЕРУГРОЗ: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ФИШИНГА К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ АТАКАМ – СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЗАЩИТЕ

Аннотация. Статья рассматривает эволюцию киберугроз - от классического фишинга до высокотехнологичных атак, основанных на искусственном интеллекте и методах социальной инженерии. Автор анализирует многоуровневые механизмы защиты, включая современные фильтры электронной почты, криптографические протоколы (SPF, DKIM, DMARC, TLS/HTTPS), многофакторную аутентификацию и концепцию Zero Trust. Отдельное внимание уделено обучению пользователей и персонала, развитию систем Threat Intelligence и использованию Big Data для обнаружения аномалий в финансовых транзакциях.

Ключевые слова: интернет мошенничество, фишинг, социальная инженерия, многофакторная аутентификация, искусственный интеллект, машинное обучение.

Бурное развитие цифровых технологий существенно упростило коммуникации и финансовые операции, однако одновременно породило качественно новые формы преступной активности. Интернет мошенничество, трансформировавшись из примитивных писем «ловушек» в интеллектуальные многоэтапные атаки, превратилось в глобальную проблему, затрагивающую государственные учреждения, бизнес сообщество и рядовых пользователей. Масштаб ущерба ежегодно растёт, а границы между техническими уязвимостями и человеческим фактором становятся всё более размытыми. В таких условиях традиционные средства защиты оказываются недостаточными: требуется системный подход, объединяющий передовые технологии, нормативно правовые механизмы и повышение цифровой грамотности населения.

Современные системы противодействия фишинговым атакам интегрируют многоуровневые защитные механизмы, включающие:

1. Усовершенствованные алгоритмы фильтрации электронных сообщений.
2. Криптографические методы защиты данных (SPF, DKIM, DMARC).
3. Комплексные программы обучения персонала.

Особое значение приобретает когнитивная подготовка сотрудников в крупных организациях, где человеческий фактор остается наиболее уязвимым звеном системы безопасности. Ведущие компании в области киберзащиты (Kaspersky, IBM Security) разработали специализированные тренинги, использующие реальные примеры фишинговых атак для

выработки навыков их распознавания. Параллельно развиваются интеллектуальные системы анализа почтового трафика на основе нейросетевых алгоритмов, способные выявлять и блокировать подозрительные сообщения на этапе их распространения [1]; [2].

Социальная инженерия как метод киберпреступности демонстрирует устойчивую эффективность, несмотря на активную просветительскую работу. Современные схемы мошенничества характеризуются:

1. Использованием сложных психологических манипуляций.
2. Технологиями голосовой подмены (deepfake).
3. Имитацией официальных коммуникаций (вишинг).

Особую опасность представляют комбинированные атаки, сочетающие технические и психологические приемы воздействия. Как показывают исследования, традиционные методы информирования населения оказываются недостаточно эффективными, что требует разработки новых подходов к формированию киберграмотности.

Многофакторная аутентификация (MFA) стала ключевым элементом современной системы защиты. Согласно данным Microsoft, внедрение MFA позволяет предотвратить до 99,9% попыток несанкционированного доступа. Эволюция методов аутентификации проходит следующие этапы:

1. СМС-верификация.
2. Генераторы одноразовых кодов.
3. Биометрические идентификаторы.
4. Поведенческая аналитика.
5. Аппаратные ключи безопасности.

Современные системы используют комбинацию нескольких факторов аутентификации, что существенно повышает уровень защиты и снижает экономическую привлекательность атак для злоумышленников [3]. Отдельного внимания заслуживает быстрое развитие искусственного интеллекта и машинного обучения в сфере информационной безопасности. С одной стороны, технологии машинного обучения активно применяются для анализа аномалий в сетевом трафике, выявления потенциально вредоносных действий и группировки инцидентов, что позволяет службам кибербезопасности оперативнее реагировать на новые угрозы. С другой стороны, киберпреступники также не отстают в использовании подобных инструментов.

Мошенники обучают нейронные сети для создания уникальных вредоносных образцов кода и генерируют контент, внешне неотличимый от легитимной информации [4. стр.33], что значительно повышает эффективность атак, так как традиционные механизмы защиты, основанные только на сигнатурах, оказываются недостаточно гибкими и не успевают адаптироваться под быстро меняющиеся угрозы. Применение больших данных (Big Data) в совокупности с машинным обучением открывает новые горизонты для борьбы с интернет-

мошенничествами. Банки и платежные системы все чаще используют аналитические платформы, способные в реальном времени отслеживать аномалии в транзакциях. Если поведение пользователя внезапно выходит за рамки обычных паттернов (например, неожиданно совершается покупка большого количества ценных бумаг или идет запрос на перевод крупной суммы на счет в другой стране), система мгновенно блокирует операцию или запрашивает подтверждение через дополнительные каналы. Такой подход минимизирует риск несанкционированных переводов и серьезно затрудняет жизнь мошенникам, вынужденным изобретать новые обходные схемы. Важную роль в предотвращении интернет-мошенничеств играют криптографические средства защиты.

Широкое распространение HTTPS при передаче данных, шифрование конфиденциальной информации и использование протоколов типа TLS (Transport Layer Security) являются базовыми элементами безопасного взаимодействия в сети. Если несколько лет назад в обиходе были сайты без надлежащего шифрования, то сегодня почти все крупные порталы, банковские сервисы и государственные онлайн-площадки перешли на безопасные протоколы, существенно снижая шансы перехвата паролей или другой конфиденциальной информации. Не менее важно и качественное управление ключами шифрования, поскольку ошибки в данном аспекте могут свести на нет всю пользу современных криптографических алгоритмов.

В свете стремительной глобализации и роста количества кибератак уместно отметить международное сотрудничество правоохранительных органов и профильных организаций, цель которого – пресечение мошеннических сетей и ликвидация их инфраструктуры. Европол, Интерпол и другие агентства, в том числе подразделения кибербезопасности в разных странах, все чаще проводят скоординированные операции. В некоторых случаях удается конфисковать серверы, арестовать операторов фишинговых площадок или торговцев украденными данными на даркнет-форумах. Примером может послужить проведенная в 2020 году международная операция с участием правоохранительных органов более чем из десяти стран, в ходе которой был закрыт крупный сервис Emotet, специализировавшийся на распространении вредоносных программ и хищении банковских данных. Такой глобальный подход доказывает, что международная коллаборация – важнейший элемент в борьбе с мошенниками, ведь они нередко располагаются в разных юрисдикциях, что усложняет процесс расследования [5. стр.601]. Критически важным аспектом дальнейшего развития технологий и методов предотвращения интернет-мошенничеств становится образовательная и просветительская деятельность.

Необходимо формировать у пользователей понимание: какие именно типы атак наиболее распространены, как действуют мошенники, каковы возможные признаки обмана при совершении платежей, скачивании приложений или общении в социальных сетях. Регулярные

вебинары, курсы повышения квалификации и даже включение основ кибербезопасности в общеобразовательные программы способны значительно повысить грамотность населения в цифровой среде. По данным отчета Совета Европы по кибербезопасности, большинство успешных мошеннических схем срабатывает лишь по причине низкой осведомленности жертв о базовых мерах предосторожности. Особое место в борьбе с интернет-мошенничеством занимают платформы киберугрозной разведки (Threat Intelligence Platforms).

Они аккумулируют сведения о вредоносных IP-адресах, доменах, сигнатурах атак и позволяют компаниям получать обновленные данные об актуальных угрозах в режиме реального времени. Такая динамическая система дает возможность быстро блокировать подозрительную активность и проактивно защищаться от новых вариантов вредоносного ПО. В то же время, повышаются требования к квалификации специалистов, способных интерпретировать полученную аналитику и применять ее для корректной настройки систем защиты.

Перспективным направлением остается концепция Zero Trust (нулевое доверие), предполагающая, что никакой пользователь или устройство не должны автоматически считаться безопасными, даже если они находятся внутри корпоративной сети. Данный подход означает обязательную проверку всех запросов к ресурсам, постоянную сегментацию сети, строгую политику авторизации и аутентификации.

Интернет-мошенничество не ограничивается классическими финансовыми преступлениями: оно проникает в смежные области, такие как мошенничество в сфере криптовалют, подделка учетных записей в социальных сетях, распространение фальшивых онлайн-объявлений о продаже товаров и услуг. Для каждой из этих форм создаются специализированные схемы обмана. Так, в контексте криптовалют участились случаи фишинговых сайтов-подделок популярных бирж, предложений «эксклюзивных» токенов и схем типа «памп и дампы». Атаки на NFT-платформы показали, что даже относительно новые технологии, обладающие в своей основе блокчейном и интеллектуальными контрактами, уязвимы к методам социальной инженерии и незащищенным пользовательским кошелькам.

Будущее борьбы с интернет-мошенничеством, по мнению экспертов, лежит в создании комплексных систем, сочетающих в себе несколько принципиально важных элементов. Во-первых, активное сотрудничество государства, бизнеса и научно-образовательного сообщества, позволяющее быстро распространять информацию об актуальных угрозах и совместно разрабатывать новые средства защиты. Во-вторых, более жесткое законодательство и отработанные механизмы правоохранительных процедур, позволяющие быстро реагировать на нарушения, блокировать незаконную деятельность и преследовать виновных. В-третьих, стимулирование развития передовых технологий – от искусственного интеллекта до распределенных реестров и квантовых

вычислений – с целью находить решения для «прорывных» направлений мошенничества еще до того, как они станут массовым явлением.

Нельзя недооценивать роль корпоративных политик безопасности. При недостатке должного финансирования, приоритета или внимания со стороны руководства многие компании продолжают использовать устаревшие системы, уязвимые к целому ряду современных угроз. Ситуация усложняется тем, что киберпреступники постоянно оттачивают свои схемы и без особого труда находят бреши там, где организации пытаются сэкономить на мерах защиты. Поэтому инвестиции в инновационные инструменты мониторинга, аудит сети, проведение регулярных стресс-тестов и обучение персонала – неотъемлемые компоненты современной корпоративной культуры, направленной на минимизацию рисков мошенничества [6. стр.174].

Все чаще затрагивается этический и правовой аспект применения технологий для профилактики интернет-мошенничества. Сбор и анализ больших массивов данных о поведении пользователей, а также автоматизированное принятие решений о блокировке той или иной транзакции могут привести к ошибочным обвинениям или несправедливым ограничениям. Поэтому вместе с усиливающимися мерами по защите от мошенников появляются и новые регуляторные правила, уравнивающие свободу граждан в интернете и необходимость обеспечения безопасности. Несмотря на масштабность и сложность проблемы, успехи последних лет в борьбе с интернет-мошенничеством дают основание для умеренного оптимизма.

Повсеместное внедрение современных криптографических протоколов, широкие просветительские кампании о типичных схемах обмана, международные операции по задержанию преступных сетей, а также всё более совершенные системы обнаружения киберугроз позволяют рассчитывать на создание более надежного и безопасного цифрового пространства. Ключевым фактором остаётся непрерывное совершенствование технологий и координация усилий на всех уровнях – от обычного пользователя, включающего двухфакторную аутентификацию, до глобальных финансовых организаций, вкладывающих средства в передовые методы защиты.

Интернет мошенничество сегодня – это не просто технический вызов, но и социальное явление, отражающее низкую цифровую грамотность, экономическую мотивацию злоумышленников и уязвимость мировой инфраструктуры. Решение этой комплексной проблемы требует инновационных подходов, постоянного анализа угроз и просвещения общества. Важно понимать, что одни лишь технологии не способны полностью устранить риск мошенничества — необходим целостный подход, объединяющий технические меры, законодательные инициативы, межгосударственное сотрудничество и формирование безопасных поведенческих практик в сети.

Список использованной литературы:

1. Лаборатория Касперского [Электронный ресурс] <https://www.kaspersky.kz>.
2. IBM Security Training and Certification [Электронный ресурс] <https://www.ibm.com/training/security>.
3. Microsoft 365 Security – Overview [Электронный ресурс] <https://learn.microsoft.com/en-us/microsoft-365/security/?view=o365-worldwide>.
4. Матрузиева А.А. Интернет - мошенничество в Казахстане // Интернаука. – 2024. – №32-2(349). – 33-34 с.
5. Намысов Е.Д. Актуальные вопросы борьбы с киберпреступностью // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – 599-604 с.
6. Борисова В.А. Интернет-мошенничество: особенности, виды, отграничение от иных составов мошенничества // Молодой ученый. – 2024. – №18(517). – 173-175 с.

Муратжан Зарина

старший преподаватель Кафедры общеюридических дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
доктор философии (PhD)

КЛОНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Статья рассматривает вопросы правового регулирования клонирования человека и вывоза биологических материалов, в частности стволовых клеток, из Республики Казахстан. В ней анализируется законодательное запрещение вывоза половых клеток и человеческих эмбрионов в коммерческих, военных или промышленных целях, а также поднимается вопрос о необходимости расширения запрета, включая в него стволовые клетки. Особое внимание уделяется научному и медицинскому потенциалу стволовых клеток, их применению в регенеративной медицине, а также этическим и правовым рискам, связанным с их использованием и возможностью вывоза за рубеж. Автор предлагает изменить действующее законодательство, добавив в перечень запрещённых к вывозу биологических материалов стволовые клетки, что позволит более эффективно регулировать их использование и защитить от возможных нарушений этических и правовых норм. Статья направлена на выработку рекомендаций для улучшения правового регулирования в сфере биотехнологий и медицинских исследований в контексте глобализации и научного прогресса.

Ключевые слова: клонирование человека, стволовые клетки, биологические материалы, вывоз, правовое регулирование, медицинские исследования, коммерциализация, этические нормы, Уголовный кодекс Республики Казахстан, биотехнологии, регенеративная медицина.

Развитие человеческого общества, усложнение форм социальной организации, появление новых видов экономической деятельности, технических средств и технологий неизбежно влекут за собой появление новых видов преступных посягательств. В силу этого уголовное право непрерывно должно давать ответ на все новые и новые криминальные вызовы.

Буквально на наших глазах происходит формирование нового вида преступных деяний, который можно назвать как «медицинские преступления». Их появление связано с бурным развитием медицинских технологий в последние десятилетия, а также возрастающей коммерциализацией сферы медицинских услуг. Можно прогнозировать, что в ближайшее десятилетие медицинские преступления станут одной из самых динамичных сфер развития уголовного законодательства.

К числу новых медицинских преступлений, уже получивших законодательное оформление, в частности, относятся:

- незаконная трансплантация и торговля органами — страны СНГ, Болгария, Испания, Латвия, Македония, Монголия, Сербия, Франция, Эстония;

- незаконные генные манипуляции — Боливия, Венгрия, Грузия, Испания, Колумбия, Румыния, Сальвадор;

- незаконное проведение медицинских экспериментов над человеком — Армения, Венгрия, Украина, Словакия, Франция, Эстония;

- незаконное искусственное оплодотворение и действия с эмбрионом — Азербайджан, Гватемала, Колумбия, Молдова, Румыния, Сальвадор, Сан-Марино, Франция, Эстония, некоторые штаты США;

- незаконная медицинская стерилизация — Азербайджан, Молдова;

- применение запрещенных методов диагностики и лечения, а также лекарственных средств — Азербайджан [1].

Интересно, что едва сенсационные сообщения о возможности клонирования человека появились на страницах газет, как законодатель уже среагировал введением уголовной ответственности за осуществление подобных действий (клонирование уже криминализировано в УК Испании 1995 г., Сальвадора 1997 г., Колумбии 2000 г., Эстонии 2001 г., Молдовы 2002 г., Румынии 2004 г., Словакии 2005 г.).

Основная часть. Клон, клонирование (от др.-греч. κλών «ветвь, побег, отпрыск») в биологии — появление естественным путём или получение нескольких генетически идентичных организмов путём бесполого (в том числе вегетативного) размножения или партеногенеза. Термин «клонирование» в том же смысле нередко применяют и по отношению к клеткам многоклеточных организмов. Клонированием называют также получение нескольких идентичных копий наследственных молекул (молекулярное клонирование). Наконец, клонированием также часто называют биотехнологические методы, используемые для искусственного получения клонов организмов, клеток или молекул [2].

Опасения вызывает большой процент неудач при клонировании, которые могут привести к неполноценности клонированных людей (примером может служить развитие эмбриона при бластуляции).

Современные достижения науки открыли новые горизонты в области генетики, позволив детально изучить молекулы, разделив их на атомы, а также раскрыть клеточную структуру тканей, хромосомы, ДНК и гены. Эти открытия стали основой для развития генной инженерии. Путём вмешательства в процесс развития клеточного ядра специалисты научились направлять клетки на формирование определённых тканей или даже целых организмов. Использование деления клетки вместо полового размножения дало начало понятию клонирование и клонирования.

Под клонированием человека наука понимает прогнозируемую методологию, заключающуюся в создании эмбриона и последующем

выращивании из эмбриона людей, имеющих генотип того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего. Или проще говоря клон – это идентичный близнец другого человека, отсроченный во времени. При клонировании ДНК копируется, в результате чего появляется ещё один человек, точный близнец существующего индивида.

Клонирование человека сейчас уже близко к реальности благодаря историческому научному прорыву доктора Яна Вильмута и его коллег из Великобритании. В юридическом смысле это новое, неисследованное правовое поле, которое потребует некоторого законодательного регулирования для предотвращения злоупотреблений. Запрет на клонирование человека на международном уровне установлен в Дополнительном протоколе о запрете клонирования человека 1998 года к Конвенции Совета Европы о правах человека в биомедицине 1996 года [3].

Объектом уголовного правонарушения в данном контексте являются права человека на его достоинство и личную неприкосновенность. В преамбуле Дополнительного протокола подчеркивается, что «использование людей в качестве объектов путем преднамеренного создания генетически идентичных существ нарушает человеческое достоинство и, следовательно, является злоупотреблением биологией и медициной». Клонирование человека может привести к серьезным медицинским, психологическим и социальным проблемам для всех участников этого процесса.

Статья 1 Дополнительного протокола гласит: «Любое вмешательство с целью создания человека, генетически идентичного другому человеку, будь то живому или мёртвому, запрещается». Разъясняется также термин «Человек генетически идентичный другому» он обозначает «человека, имеющего одинаковый с другим человеком набор нуклеарных генов».

В статье 3 Хартии Европейского Союза об основных правах, подписанной в Ницце в 2000 году провозглашается право целостности личности. В качестве гарантии осуществления этого права устанавливается запрет репродуктивного клонирования человека [4].

В целях приведения уголовного законодательства в соответствие с требованиями мировой практики, уголовным кодексом введен совершенно новый состав правонарушения «клонирование человека», предусмотренный статьей 129 УК РК. Включение этого вида правонарушения вызвано развитием науки. На сегодняшний день группе исследователей удалось клонировать человеческий эмбрион за счет использования ДНК, которая была взята из клеток кожного покрова. Данная методика предполагает создание в будущем стволовых клеток, которые будут полностью идентичны генетическому материалу пациента. Американские генетики заявили, что клонирование человека является вполне реальным на сегодняшний день.

В США запрет на клонирование впервые введен еще в 1980 году, а в 2003 году Палата представителей Конгресса США приняла закон (Human Cloning Prohibition Act of 2003), по которому клонирование, нацеленное как на размножение, так и на медицинские исследования и лечение, рассматривается как преступление с возможным десятилетним тюремным заключением и штрафом в 1 млн долларов.

В Бразилии, Германии, Великобритании, Японии, Франции и Германии уголовная ответственность за клонирование установлена специальными законами: в Великобритании - Закон о репродуктивном клонировании человека 2001 года, в Японии Парламентом 29 ноября 2000 года принят закон, регулирующий применение технологии клонирования человека и других сходных технологий, содержащий уголовные санкции.

Клонирование человека запрещено Международным актом - Дополнительным Протоколом к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины. Данный протокол касается запрещения клонирования человеческих существ. 12 января 1998 года, его подписали 24 страны из 43 стран-членов Совета Европы. Декларация ООН о клонировании человека, принятая резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 8 марта 2005 года, содержит призыв к государствам-членам запретить все формы клонирования людей в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни [5].

Состав статьи 129 УК РК содержит запрет как на само клонирование человека, так и на самостоятельные действия, совершаемые со специальной целью в коммерческих, военных или промышленных целях: использование человеческого эмбриона, вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан. Однако определение самого понятия клонирования человека в кодексе отсутствует. Поэтому требуется законодательно определить его как создание эмбриона и в последующем выращивание из эмбриона людей, имеющих генотип того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего. Полагаем, что такое определение должно содержаться в глоссарии Уголовного кодекса [6].

В резолюции Европейского парламента «О клонировании человека» от 15 января 1998 года сделана попытка определить клонирование, как «создание эмбриона человека, имеющего те же генетические черты, что и другое человеческое существо, будь то мертвое или живое, на любом уровне его развития с момента зачатия, без какого-либо различия в отношении используемых методов».

Под эмбрионом понимается ранняя стадия развития организма. Развивается эмбрион из оплодотворённой сперматозоидом яйцеклетки и носит в себе генетическую информацию матери и отца. Начало всем органам и тканям человеческого тела дают стволовые клетки. Уже из стволовых клеток в последующем формируются половые клетки.

Стволовые клетки - недифференцированные (незрелые) клетки, имеющиеся у многих видов многоклеточных организмов. Стволовые клетки способны самообновляться, образуя новые стволовые клетки, делиться посредством митоза и дифференцироваться в специализированные клетки, то есть превращаться в клетки различных органов и тканей.

Перенос ядер соматических клеток, известный как SCNT, также может быть использован для создания эмбрионов в исследовательских или терапевтических целях. Наиболее вероятной целью для этого является получение эмбрионов для использования в исследованиях стволовых клеток. Этот процесс также называют «исследовательским клонированием» или «терапевтическим клонированием». Цель состоит не в том, чтобы создать клонированных людей (так называемое «репродуктивное клонирование»), а в том, чтобы собрать стволовые клетки, которые можно использовать для изучения человеческого развития и потенциального лечения заболеваний. Хотя клональная бластоциста человека была создана, линии стволовых клеток еще предстоит выделить из клонального источника [7].

Уголовный закон Республики Казахстан запрещает вывоз из страны половых клеток и человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях. Однако в основу клонирования живого организма человека или животного берется стволовая клетка. Именно стволовая клетка имеет возможность превращаться в определенную клетку человеческого организма (клетку печени, клетку кровеносных сосудов, мышцы сердца) и участвует в восстановлении поврежденной ткани и используется в восстановительной терапии.

В этой связи под законодательный запрет вывоза из Республики Казахстан в коммерческих, военных или промышленных целях, по нашему мнению, должна быть определена стволовая клетка, а не половая, как закреплено в статье 129 УК РК.

Собственные половые клетки, содержащиеся в женской яйцеклетке и мужских сперматозоидах человека не должны рассматриваться как объекты клонирования, поскольку этими организмами каждый индивид может распоряжаться самостоятельно, как, к примеру донор. Использование донорской крови в медицине, доноров при экстракорпоральном оплодотворении при проблемах репродукции уже давно известны и успешно используется в практике, а также признается благородной миссией человека и приветствуется [8].

Заключение. Необходимо внедрение законодательного запрета на вывоз клеток из Республики Казахстан в коммерческих, военных или промышленных целях не только на половые клетки, но и на стволовые клетки, что представляет собой важное дополнение к существующему правовому регулированию. Это связано с тем, что стволовые клетки, обладают уникальной способностью превращаться в различные типы

клеток организма и играть ключевую роль в медицине, особенно в области регенеративной терапии.

Стволовые клетки используются для лечения различных заболеваний и восстановления поврежденных тканей, что, в свою очередь, открывает широкие перспективы для их применения. Однако, как и в случае с клонированием, использование стволовых клеток связано с рядом этических, юридических и медицинских вопросов, что требует внимательного подхода в регулировании их вывоза [9].

Вопрос вывоза стволовых клеток за рубеж в коммерческих, военных или промышленных целях действительно стоит особенно остро, поскольку эти клетки могут быть использованы не только для медицинских целей, но и для проведения исследований, связанных с клонированием, манипуляциями с генетическим материалом, а также для создания биотехнологических продуктов, что порой может выходить за рамки этических норм.

Стволовые клетки могут быть использованы в неприемлемых научных исследованиях, таких как клонирование людей или создание генетически модифицированных организмов, что вызывает опасения в части возможной эксплуатации и манипуляций с человеческим геномом.

Некоторые государства или частные организации могут использовать стволовые клетки в целях, противоречащих общечеловеческим этическим нормам, например, для создания биологического оружия или других военных целей [10].

Вывоз стволовых клеток в страны с менее строгим контролем за научными исследованиями может привести к непредсказуемым последствиям для здоровья людей, если клетки используются в несанкционированных или небезопасных медицинских процедурах.

Таким образом, разумно рассматривать стволовые клетки как объект особого правового регулирования, поскольку их использование и перемещение между странами требует строгого контроля. Включение стволовых клеток в перечень объектов, подлежащих запрету на вывоз, может быть необходимым шагом для предотвращения рисков, связанных с их эксплуатацией.

При этом стоит отметить, что регулирование стволовых клеток должно быть сбалансированным: с одной стороны, необходимо предотвратить их использование в неблагоприятных целях, а с другой — создать условия для продолжения научных и медицинских исследований, которые могут приносить значительную пользу в лечении различных заболеваний.

Список использованной литературы:

1. <https://kazpravda.kz/n/klonirovanie-cheloveka-v-pravovom-pole-ugolovnogozakona/>.
2. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с. – ISBN 5-200-00408-8.

3. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине о запрете клонирования человеческих существ <https://rm.coe.int/168066caa3>.
4. Хартия Европейского союза об Основных правах <https://eulaw.ru/treaties/charter/>.
5. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине. <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html>.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 03.07.2014 года <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.
7. Ибраева А.С., Утегенов Ч.К. «Некоторые проблемы обеспечения права на жизнь: сравнительный анализ положений теории права и теории уголовного права», г.Алматы, КазНУ Вестник, 2012.
8. Стивен Вир «Клонирование человека: аргументы за и против», Boulder Creek, США, Калифорния.
9. Мулдагалиев А.А. «Клонирование человека в правовом поле уголовного закона», 2016.
10. Gil, Gideon (17 января 2008 г.). California biotech says it cloned a human embryo, but no stem cells produced. Boston Globe.

Оджагвердиев Амир Ильхам оглы
начальник Отдела стратегического планирования и идентификации
рисков Научно-образовательного центра Генеральной прокуратуры
Азербайджанской Республики

КИБЕРПРОСТРАНСТВО И КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ: ПОДХОД АЗЕРБАЙДЖАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Сегодня, в эпоху глобализации, ни одно государство не может оставаться островком безопасности в океане транснациональных угроз. Кибератаки, терроризм, коррупция и организованная преступность не признают границ. И именно поэтому наш успех зависит от совместных усилий, обмена опытом и укрепления доверия между странами.

Позвольте мне поделиться с вами тем, как Азербайджан, находясь на стыке Европы и Азии, строит свою систему противодействия этим вызовам.

Мы живём в мире, где цифровые технологии пронизывают все сферы жизни. От экономики до социальных отношений, от государственного управления до личного общения — ни одна область не остаётся в стороне от цифровой революции. В Азербайджане, как и во всём мире, интернет и смартфоны стали неотъемлемой частью повседневности. Уже в 2021 году в нашей стране было 8,26 млн интернет-пользователей, а число активных пользователей социальных сетей превысило 4,3 млн.

Но цифровизация — это не только возможности. Это и новые риски. Сегодня я хочу рассказать, как Азербайджан строит защиту от киберугроз, сохраняя баланс между прогрессом и безопасностью.

Пандемия COVID-19 ускорила переход к виртуальной реальности. Бизнес, образование, медицина — всё переместилось в онлайн. Но чем больше мы доверяем технологиям, тем уязвимее становимся.

Статистика пугает:

- К 2025 году мировой ущерб от кибератак достигнет 10,5 трлн долларов — это 20 млн долларов в минуту.
- 80% компаний сталкиваются с утечкой данных, что подрывает их репутацию и прибыль.

Киберпреступность не знает границ. Злоумышленнику не нужно находиться в Азербайджане, чтобы атаковать наши энергосистемы, банки или больницы.

1. Цифровая трансформация: от идеи к реализации.

Ещё в 2003 году общенациональный лидер Гейдар Алиев заложил основу «электронного правительства», подписав Национальную стратегию по информационно-коммуникационным технологиям. Эта инициатива стала отправной точкой для создания прозрачных и доступных государственных услуг.

Президент Ильхам Алиев продолжил этот курс. В 2016 году была утверждена «Стратегическая дорожная карта развития телекоммуникаций и IT», а сегодня мы активно внедряем «Государственное облако» (G-Cloud). Этот проект объединяет информационные системы всех госорганов, сокращая расходы и повышая эффективность управления.

Наш принцип: Цифровизация должна работать на благо граждан.

28 августа 2023 года Президент Азербайджанской Республики подписал Указ о Стратегии информационной безопасности и кибербезопасности на 2023–2027 годы.

Этот документ отражает решимость государства укрепить цифровую безопасность на всех уровнях:

- Создание и развитие систем управления рисками, инцидентами и услугами.
- Формирование модели оценки уровня безопасности и механизмов постоянного совершенствования.
- Разработка современных технологических решений для нейтрализации угроз.
- Повышение устойчивости критически важной инфраструктуры.

Особое внимание уделено обмену информацией, международному сотрудничеству и защите прав граждан в цифровом пространстве.

Азербайджанская Республика является участником Будапештской конвенции о киберпреступности (2001), которая была ратифицирована в 2009 году с оговорками и декларациями.

На основе положений этой Конвенции:

- Ужесточена уголовно-правовая ответственность за преступления в киберпространстве.
- Приняты меры по международному сотрудничеству и упрощению процедур передачи цифровых доказательств.
- Прокуратура осуществляет международные запросы, цифровую криминалистику и взаимодействие с CERT-структурами.

Также следует отметить институциональные изменения.

Служба электронной безопасности (далее – СЭБ): опора кибербезопасности Азербайджана.

СЭБ была учреждена в соответствии с Указом Президента Азербайджанской Республики №708 от 26 сентября 2012 года. Позднее, 12 января 2018 года, в рамках мер по совершенствованию управления в сфере транспорта, связи и высоких технологий, СЭБ была интегрирована в структуру Министерства транспорта, связи и высоких технологий, ныне известного как Министерство цифрового развития и транспорта.

Основные функции СЭБ включают:

- Координацию деятельности субъектов информационной инфраструктуры в области кибербезопасности.
- Мониторинг и информирование о существующих и потенциальных электронных угрозах на национальном уровне.

- Образование и просвещение населения, частных и государственных организаций в сфере кибербезопасности.
- Предоставление методической поддержки в разработке и внедрении мер по защите информационных систем.
- Сотрудничество с международными партнерами для обмена опытом и лучшими практиками в области кибербезопасности.

СЭБ активно участвует в разработке и реализации национальных стратегий по кибербезопасности, включая «Стратегию информационной безопасности и кибербезопасности Азербайджанской Республики на 2023-2027 годы», утвержденную Президентом. Эта стратегия предусматривает создание систем управления рисками, службами и инцидентами, а также внедрение моделей оценки уровня безопасности и механизмов постоянного совершенствования этих систем.

Кроме того, Азербайджан является участником «Конвенции о киберпреступности» (Будапештская конвенция), что подчеркивает стремление страны к международному сотрудничеству в борьбе с киберугрозами.

Таким образом, Служба электронной безопасности играет центральную роль в обеспечении кибербезопасности Азербайджана, выступая координатором усилий различных субъектов и обеспечивая защиту национального киберпространства от современных угроз.

4. Стратегия Азербайджана: три столпа кибербезопасности.

Во-первых, правовая база. Мы ужесточаем законы против киберпреступности и финансирования терроризма, следуя международным конвенциям.

Во-вторых, технологии. Внедрение G-Cloud, искусственного интеллекта для мониторинга угроз и систем раннего предупреждения.

В-третьих, международное сотрудничество. Работа с Интерполом, ООН и ЕС позволяет нам обмениваться опытом и проводить совместные операции.

Также хочется отметить важные шаги, предпринимаемые в области борьбы с коррупцией в нашей стране.

Комиссия по борьбе с коррупцией.

Созданная в 2005 году в соответствии со статьей 4.2 Закона «О борьбе с коррупцией», Комиссия по борьбе с коррупцией Азербайджанской Республики координирует деятельность государственных органов в этой сфере. В её состав входят 15 членов, назначаемых Президентом, парламентом и Конституционным судом. Комиссия разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства, анализирует эффективность антикоррупционных мер и взаимодействует с гражданским обществом и международными организациями.

2. Главное управление по борьбе с коррупцией при Генеральной прокуратуре.

Основанное в 2004 году, это специализированное подразделение занимается расследованием коррупционных преступлений, включая взяточничество и злоупотребление служебным положением. Управление активно сотрудничает с международными партнёрами и внедряет современные методы цифровой криминалистики.

Национальный план действий по усилению борьбы с коррупцией на 2022–2026 годы.

4 апреля 2022 года Президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал распоряжение об утверждении Национального плана действий по усилению борьбы с коррупцией на 2022–2026 годы. Целью этого документа является дальнейшее повышение прозрачности в деятельности государственных структур, предотвращение условий, способствующих коррупции, усиление отчетности перед общественностью и совершенствование предоставления государственных услуг.

Основные направления Плана:

1. Совершенствование законодательства: разработка и внедрение новых нормативных актов, направленных на предотвращение коррупции и усиление ответственности за коррупционные правонарушения.

2. Цифровизация государственных услуг: расширение электронных платформ для предоставления государственных услуг, что способствует снижению коррупционных рисков и повышению эффективности.

3. Повышение прозрачности и подотчетности: внедрение механизмов общественного контроля и отчетности государственных органов перед гражданами (President of Azerbaijan).

4. Образование и просвещение: проведение образовательных программ и кампаний по повышению осведомленности населения о вреде коррупции и способах ее предотвращения.

5. Международное сотрудничество: укрепление взаимодействия с международными организациями и участие в глобальных антикоррупционных инициативах.

6. Мониторинг и оценка эффективности: регулярный анализ выполнения мероприятий Плана и корректировка стратегии на основе полученных данных.

В рамках реализации Плана, центральные и местные органы исполнительной власти, а также государственные предприятия обязаны ежегодно до 30 декабря представлять отчеты о выполнении предусмотренных мероприятий в Кабинет Министров и Комиссию по борьбе с коррупцией. Кроме того, они должны утверждать ежегодные планы работы по исполнению Плана и направлять соответствующую информацию в электронной форме в Комиссию

Предыдущие национальные планы и их результаты.

До текущего Плана на 2022-2026 годы, в Азербайджане были реализованы следующие национальные планы действий:

- 2004-2006 годы: Государственная программа по борьбе с коррупцией. Wikipedia.
- 2007-2010 годы: Государственная стратегия по борьбе с коррупцией и повышению прозрачности.
- 2012-2015 годы: Национальный план действий по борьбе с коррупцией и поощрению открытого правительства.

Эти программы способствовали созданию институциональной базы для борьбы с коррупцией, включая создание Комиссии по борьбе с коррупцией и Главного управления по борьбе с коррупцией при Генеральной прокуратуре. Также были внедрены инновационные решения, такие как Служба ASAN, которая значительно упростила и сделала более прозрачными процессы предоставления государственных услуг.

Цифровизация и прозрачность: Служба ASAN.

В 2012 году была создана Служба ASAN (Azerbaijan Service and Assessment Network) с целью упрощения предоставления государственных услуг и снижения коррупционных рисков. ASAN объединяет более 30 услуг различных государственных органов под одной крышей, обеспечивая прозрачность и эффективность. Модель ASAN получила международное признание и была внедрена в других странах, включая Афганистан.

Образование и просвещение: Антикоррупционная академия.

Антикоррупционная академия Азербайджана (AZACA), основанная в 2016 году, занимается повышением осведомлённости о коррупции и обучением государственных служащих этическим нормам. Академия проводит тренинги, семинары и разрабатывает образовательные программы в сотрудничестве с международными организациями.

Международное сотрудничество.

Азербайджан является участником ключевых международных соглашений по борьбе с коррупцией, включая Конвенцию ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы. Страна активно участвует в инициативах, направленных на повышение прозрачности и открытости государственного управления.

Национальные планы действий и открытое правительство.

В рамках инициативы «Открытое правительство» Азербайджан разработал и реализует Национальные планы действий, направленные на повышение прозрачности, борьбу с коррупцией и улучшение взаимодействия между государством и гражданским обществом. Эти планы включают меры по развитию электронного правительства и обеспечению доступа к информации.

Заключение. Позвольте завершить своё выступление словами, которые, надеюсь, отзовутся в сердцах всех присутствующих. Сегодня, на этом уважаемом форуме Тюркской сети судебного обучения, мы не

просто обменялись опытом — мы заложили основу общего будущего, скреплённого общими ценностями, единым историческим наследием и стремлением к справедливости в цифровую эпоху.

Азербайджан, уверенно шагая по пути прогресса, демонстрирует, как синтез традиций и инноваций может стать мощным инструментом для защиты наших обществ от новых вызовов. Но мы глубоко осознаём: никакая страна, какой бы развитой она ни была, не способна в одиночку справиться с транснациональными угрозами.

Поэтому я искренне верю, что именно здесь, в братском кругу тюркских государств, мы можем и должны выстроить единый щит правовой грамотности, цифровой устойчивости и судебного просвещения. Пусть наш союз станет примером не только для региона, но и для всего мира — примером того, как на основе взаимоуважения и сотрудничества строится подлинная безопасность и справедливость.

Благодарю за внимание и выражаю уверенность в том, что наше сотрудничество станет неотъемлемой частью глобального пути к правовому, прозрачному и технологически защищённому будущему.

Рыскелдиев Еркебулан Кадырбекович

доцент Кафедры уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр права

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СТРАНАХ Организации Тюркских Государств: Проблемы и Перспективы Сотрудничества

Аннотация. Статья раскрывает определенные актуальные проблемы и перспективы противодействия киберпреступности в странах Организации Тюркских государств (далее – ОТГ). Внимание уделено опыту Казахстана и перспективам межгосударственного сотрудничества в данной сфере. Изложены идеи о необходимости формирования единой региональной стратегии по кибербезопасности, предусматривающее от обмена информацией до координации действий правоохранительных органов.

Ключевые слова: киберпреступность, ОТГ, Казахстан, информационная безопасность, цифровая трансформация, международное сотрудничество.

В век развития информационных технологий и глобальной цифровизации интернет пространство стало неотъемлемой частью большинства экономически активных жителей планеты.

Онлайн работа, получение и предоставление услуг, документооборот, паспортизация, финансово-банковский сектор и кредитование населения всё больше поглощает современное общество.

Результаты исследования ООН по индексу развития электронного правительства указывают на существенное прогрессирование цифрового управления. В 2024 году 71,5% государств-членов ООН в настоящее время находятся на высоком или очень высоком уровне развития данного направления.

Казахстан в данном рейтинге расположился на 28-й строчке.

Вместе с тем, информационно-коммуникационные технологии наряду с преимуществами создают новые риски, связанные с киберпреступностью, масштаб которой продолжает расти, порой с непредсказуемой прогрессией.

Согласно отчету Интерпола, более половины зарегистрированных в 2023 году в странах Азии и СНГ криминальных инцидентов связаны именно с фишингом и различными атаками на критически важную инфраструктуру.

Для стран ОТГ, объединяющих Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Кыргызстан, Турцию и ряд наблюдателей, вопросы

обеспечения кибербезопасности становятся одними из приоритетных направлений в рамках государственной и региональной политики.

Под эгидой противодействия современной глобальной угрозе страны ОТГ, в целом, на внутригосударственном и региональном уровне принимают определенные меры по защите информационно-коммуникационных технологий.

К примеру, Республика Казахстан за последние годы приняла ряд ключевых, в том числе программных документов, такие как Государственная программа «Цифровой Казахстан» (2018–2022 годы) и Концепция кибербезопасности «Киберщит Казахстана» (утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 30.06.2017 г. № 407).

В структуре Министерства цифрового развития функционирует Национальный координационный центр по информационной безопасности (KZ-CERT), а в Министерстве внутренних дел осенью 2024 года образовано подразделение по противодействию киберпреступлений.

Примечательно, что Турция будучи участником Будапештской конвенции о киберпреступности с 2014 года согласно исследованиям компании Kaspersky, по итогам 2023 года страна стала одним из самых уязвимых регионов в мире по киберзащищённости.

Агентство по информационным технологиям и коммуникациям (ВТК) и Национальный центр реагирования на киберинциденты (USOM) координируют работу по защите инфраструктуры.

Несмотря на отсутствие профильного закона, касающегося исключительно киберпреступлений, власти Турции отмечают о принятии существенных мер по кибербезопасности. К примеру, по инициативе Совета научно-технических исследований (TUBITAK) проводятся научно-технические и опытно-конструкторские проекты в области кибербезопасности.

Небезынтересным представляется опыт Узбекистана, где действует Стратегия цифровой трансформации на 2020–2030 годы.

В конце прошлого года принят ряд существенных поправок в правовые акты, регулирующие административную ответственность, деятельность Центрального банка, банков второго уровня, в Закон «О защите информации в автоматизированной банковской системе» и еще несколько законов в связи с совершенствованием законодательства в сфере обеспечения кибербезопасности.

Уполномоченным координатором в сфере противодействия кибератакам является относительно недавно созданный Центр реагирования на компьютерные инциденты UZ-CERT.

Создана нормативная и правовая база по внедрению в Академии МВД Узбекистана бакалавриата по профильной специальности «Деятельность по борьбе с преступностью в сфере цифровых технологий», открытие которой планируется уже в текущем году.

Образовательные программы по аналогичной специальности предусмотрены и в магистратуре.

Относительно Кыргызстана и Азербайджана можно отметить, что обе страны проделывают динамичные шаги по совершенствованию законодательства в соответствии с международными стандартами, активно развивают CERT-структуры, цифровые платформы госуслуг и модернизируют инфраструктуру IT-технологии.

В качестве проблемы регионального взаимодействия следует отметить, что на сегодня не существует единой координационной платформы в рамках ОТГ по обмену информацией о киберугрозах. Сотрудничество ограничено двусторонними соглашениями и эпизодическим участием в международных мероприятиях.

Основными проблемами являются:

- разнородность законодательных подходов;
- отсутствие единой терминологии и протоколов реагирования;
- недостаточный уровень технической оснащенности органов.

Именно поэтому страны ОТГ стремятся к активному международному сотрудничеству и продуктивному партнерству.

В частности, в октябре 2024 года в городе Шуша (Азербайджан) проведен Международный форум подразделений финансовой разведки стран ОТГ.

Наряду с главной темой мероприятия затронуты тесно связанные вопросы усиления сотрудничества и создания правовой базы для институционализации усилий.

На сессиях форума презентованы внедряемые и рабочие инновационные решения, как Система мониторинга подозрительных действий (SAMS) в Азербайджане, а также опыт Венгрии в борьбе с онлайн-мошенничеством.

В свете изложенного представляется целесообразным создание в рамках ОТГ следующих механизмов:

- объединенного центра реагирования на киберинциденты (OTG-CERT), одновременно обеспечивающего взаимодействие не только стран-участниц ОТГ, но и с другими государствами и международными организациями;
- разработка Единой концепции кибербезопасности ОТГ, позволяющая определить единые подходы, понимание способов противодействия кибератакам, определяющую общую и единую терминологию;
- согласование подходов к гармонизации уголовного законодательства и иных правовых актов по совместным действиям, предположим, в банковском секторе.

Не менее важным представляется проведение ежегодных учений и семинаров между правоохранительными и иными заинтересованными государственными органами стран ОТГ.

Таким образом, противодействие киберпреступности в современных условиях требует системного и межгосударственного подхода, основанного на единой цели, соответственно, действующего по основному стандартному методу и карающего в одинаковой степени.

Для этого страны ОТГ обладают значительным потенциалом по формированию региональной модели киберзаслона на основе взаимного доверия, правовой совместимости и технической координации. В свою очередь Казахстан, имея развитую институциональную базу и богатый опыт в данной сфере, может стать инициатором создания регионального центра компетенций и площадкой для реализации совместных действий.

Список использованной литературы:

1. Концепция кибербезопасности («Кибершит Казахстана»): Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 года №407 (с изм. и доп. по сост. на 09.04.2025) [Электронный ресурс] <http://10.61.42.188/rus/docs/P1700000407> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Сайт Организации Объединенных Наций // <https://www.news.un.org> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Статья «Эксперты призвали усилить кибербезопасность в Турции на фоне угроз» // Интернет-издание МК-Турция. [Электронный ресурс] <https://mk-turkey.ru/bezopasnost/2024/10/25/> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Об информатизации: Закон Республики Узбекистан от 11 декабря 2003 года № 560-II (с изм. и доп. по сост. на 11.09.2024) [Электронный ресурс] <http://lex.uz/acts82956> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Официальный сайт Агентства по информационным технологиям Турции (ВТК) <https://www.btk.gov.tr> (дата обращения: 08.04.2025).
6. Статистика Министерства внутренних дел Республики Казахстан по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, 2023.

Сейтаева Жанар Секежановна

заведующая Кафедрой специальной подготовки по противодействию глобальным угрозам Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор

ЦИФРОВАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: К СТАНОВЛЕНИЮ НОВОЙ ДОКТРИНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются трансформации торговли людьми в условиях цифровизации и указываются пробелы уголовного законодательства Республики Казахстан в части правового охвата новых форм онлайн-эксплуатации. Автор обосновывает необходимость введения новой юридической категории — «цифровая эксплуатация» — как ответа на дистанционные формы контроля и принуждения с использованием информационно-коммуникационных технологий. Предлагается дефиниция термина и формулируются практические направления адаптации правоприменительной практики и уголовной политики к вызовам цифровой эпохи. Работа основана на анализе международных документов, национального законодательства и доктринальных источников.

Ключевые слова: цифровая эксплуатация, торговля людьми, дистанционное принуждение, уголовное право, защита прав человека, онлайн-вербовка, интернет-преступления, информационно-коммуникационные технологии, вебкам-эксплуатация, международные конвенции, правовая доктрина, цифровая криминалистика, транснациональная организованная преступность.

В XXI веке человечество оказалось на пороге новой эры — цифровой трансформации. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) охватило практически все сферы жизни общества: от экономики и образования до медицины и социальной коммуникации. В этих условиях происходит не только модернизация легальных институтов, но и трансформация преступности. Традиционные формы преступлений, в том числе таких тяжких, как торговля людьми, приобретают новые цифровые формы, которые требуют не просто адаптации уголовного законодательства, но и переосмысления самой правовой доктрины.

Стремительное сближение цифровых технологий и эксплуататорских практик создало правовую «серую» зону. Хотя торговля людьми формально закреплена в международных документах, включая Протокол к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г., Палермо) [1], их конструкция опирается на модель преступления, предполагающую физическое взаимодействие:

перемещение, удержание, использование труда или тела жертвы в материальной среде.

Но что происходит, когда эксплуатация происходит исключительно в киберпространстве? Когда жертв принуждают к совершению действий с помощью веб-камер, обманывают, заставляя заниматься мошенничеством в Интернете, или подвергают кибербуллингу с экономическими последствиями?

Статья направлена на рассмотрение вопросов, охватывающих цифровую трансформацию торговли людьми, текущие правовые и доказательные проблемы, онлайн-механизмы, используемые торговцами людьми, а также предложения по созданию новой правовой категории для цифровой сексуальной и трудовой эксплуатации.

Основная часть. Торговля людьми давно признана транснациональным преступлением, коренящимся в экономической эксплуатации, принуждении и человеческих страданиях. Однако глобализация, широкая доступность цифровых технологий и эволюция информационных сетей в корне изменили способы работы торговцев людьми. Теперь торговцы людьми используют передовые средства коммуникации, чтобы охватить огромную аудиторию и нацелиться на уязвимые группы населения более эффективно, чем когда-либо прежде.

Недавние исследования показали, что современные коммуникационные технологии, социальные сети и Интернет предоставляют торговцам людьми новые возможности, которые отличаются от традиционных методов [2].

Так, быстрое развитие цифровых коммуникаций и информационных технологий позволило торговцам людьми создать высокоорганизованные транснациональные сети. Во многих странах трансформация рынка секса происходит благодаря простоте трансграничной коммуникации и цифровизации практик сексуальной товаризации. Распространение онлайн-платформ увеличило возможности для торговцев людьми вербовать и манипулировать жертвами, размывая традиционные границы между добровольной секс-работой и торговлей людьми. Эта трансформация наблюдается как в незаконной вербовке людей для сексуальной эксплуатации, так и в сценариях, где трудовая эксплуатация происходит в оскорбительных обстоятельствах.

В докладе Управления по наркотикам и преступности ООН (UNODC) Global Report on Trafficking in Persons 2022 подчёркивается необходимость регулирования онлайн-платформ, так как они активно используются для вербовки и эксплуатации жертв. Авторы отмечают, что торговцы людьми злоупотребляют технологиями на всех этапах торговли людьми и для всех форм эксплуатации: сексуальной эксплуатации, принудительного труда и извлечения органов [3]. Указанное подтверждает, что цифровая среда уже воспринимается как важный элемент инфраструктуры преступлений, связанных с торговлей людьми.

Аналогично, доклад GREТА подчёркивает, что технологии и онлайн-платформы играют всё более заметную роль на всех стадиях торговли людьми, особенно в процессе вербовки и эксплуатации. На первоначальном этапе, трафикёры используют социальные сети, сайты знакомств и мессенджеры для поиска уязвимых жертв, особенно в сексуальной эксплуатации. Часто применяется метод «lover boy» — выстраивание онлайн-романтических отношений с целью контроля. Распространены случаи шантажа, когда преступники получают интимные фото или видео и используют их для принуждения жертв к проституции.

Во время эксплуатации технологии служат инструментом рекламы сексуальных услуг, в том числе с участием жертв торговли людьми. Используются веб-сайты, видеочаты, а также стриминговые платформы («live webcam»). В отдельных странах зафиксированы случаи онлайн-трансляций с участием взрослых жертв торговли людьми. Технологии также позволяют координировать преступную деятельность дистанционно, создавая новые вызовы для правоохранительных органов [4].

Изучение представленных и других специализированных международных отчетов определяет главный вывод – цифровая эксплуатация — это не эпизодическая проблема, а структурная трансформация торговли людьми. Необходима срочная адаптация национальных и международных механизмов реагирования.

В условиях Республики Казахстан эта проблема также актуальна в силу следующих факторов. Исследование о цифровых технологиях, проведенное Datareportal показывает, что, на начало 2024 года в Казахстане интернетом пользовались 18,9 млн человек, что составляет 92,3% от всей численности населения страны. Социальными сетями активно пользовалось 14 млн казахстанцев, что на 3,7 млн человек больше, чем в начале 2023 года [5]. То есть быстрое развитие цифровой инфраструктуры создает условия как для цифрового развития, так и для злоупотреблений в онлайн-среде.

Следует отметить, что действующее уголовное законодательство Республики Казахстан уже предусматривает возможность уголовного преследования за отдельные формы цифровой сексуальной эксплуатации. Так, в редакции 2024 года [6] в примечании к статье 122 Уголовного Кодекса Республики Казахстан [7] закреплено, что под «иными сексуальными услугами» понимаются действия, направленные на удовлетворение половой потребности другого лица, в том числе дистанционно в режиме реального времени посредством Интернета. Это определение распространяется также на статьи 134, 308 и 309 УК РК, что позволяет применять уголовную ответственность за вовлечение, организацию или содержание онлайн-ресурсов (вебкам, стриминг, цифровые бордели), включая случаи с участием несовершеннолетних и совершеннолетних лиц.

Однако, несмотря на указанные изменения, проблема сохраняется в сфере правового регулирования трудовой (в том числе работы домашнего персонала, в сфере услуг и т.п.) эксплуатации, осуществляемой с использованием цифровых технологий. Например, вовлечение мигрантов в мошеннические схемы под видом удалённой работы, контроль над поведением жертвы через видеонаблюдение, манипуляция виртуальной зависимостью — всё это остаётся вне формализованной уголовно-правовой оценки, поскольку ни новый Закон Республики Казахстан «О противодействии торговле людьми» [8], вытекающий, как отмечает почетный академик Национальной академии наук Республики Казахстан, д.ю.н., профессор Когамов М.Ч. из требований времени, международных обязательств Казахстана в области прав человека, необходимости обеспечения национальной безопасности, а также угроз, исходящих от преступлений, связанных с торговлей людьми [9], ни статья 128 УК РК, ни иные нормы не охватывают такие формы удалённого воздействия как преступная эксплуатация.

Нельзя не отметить и проблемы доказывания и следственной практики. Дистанционный характер преступления затрудняет фиксацию состава уголовного деяния: отсутствуют материальные доказательства, используется шифрование, а преступники действуют через анонимные аккаунты и IP-адреса из-за рубежа. Это требует нового доказательственного подхода, включающего работу с цифровыми следами, электронными метаданными, анализом поведения в сети и цифровой криминалистикой.

Следовательно, возникает объективная необходимость в разработке нового универсального понятия — «цифровая эксплуатация», которое позволило бы системно квалифицировать не только сексуальные, но и иные формы онлайн-эксплуатации в уголовно-правовой сфере, устранить правоприменительные пробелы и обеспечить защиту жертв в условиях цифровой эпохи.

Отсутствие легального определения «цифровой эксплуатации» ведёт к размытию объекта преступления (жертва не лишена свободы физически, но контролируется психологически через ИКТ), неприменимости состава преступления (например, при онлайн-угрозах, шантаже, вербовке через фальшивые аккаунты), трудностям доказывания связи между контролем и получением выгоды (например, в стриминге или кибершантаже).

Как участник ряда международных соглашений, включая Конвенцию ООН о транснациональной организованной преступности и три Протокола, дополняющие ее (ратиф. 2008), Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (ратиф. 2006), дополнительную Конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством (ратиф. 2008), Конвенцию о принудительном труде (ратиф. 2001), Конвенцию об упразднении принудительного труда (ратиф. 2001) — Казахстан обязуется

не только бороться с эксплуатацией в классической форме, но и адаптировать свою правовую систему к новым формам.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что игнорирование явления цифровой эксплуатации как правовой категории ведёт к формированию «серой зоны» уголовной ответственности, где действия преступников остаются безнаказанными, а жертвы — незащищёнными. Это подрывает как внутреннюю правовую безопасность, так и международную репутацию Казахстана как государства, обязавшегося бороться с торговлей людьми в любой её форме.

В этой связи, нами предлагается введение нового понятия «цифровой эксплуатации». Цифровая эксплуатация — это форма принудительного воздействия на личность, осуществляемая с использованием цифровых технологий, при которой преступник устанавливает дистанционный контроль и извлекает выгоду, применяя угрозы, шантаж, обман или иные формы манипуляции, без обязательного физического контакта. Такая эксплуатация может принимать формы сексуальной, трудовой, экономической зависимости и требует выделения в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории для эффективной правовой реакции на вызовы цифровой эпохи.

В отличие от сексуальной или трудовой эксплуатации, цифровая эксплуатация может не включать физического контакта, осуществляется удалённо, оставляет цифровые следы, но не традиционные доказательства и охватывает новые формы воздействия (вебкам, онлайн-принуждение, кибершантаж, цифровой надзор, киберсталкинг).

Введение термина «цифровая эксплуатация» позволит:

- кодифицировать признаки цифрового принуждения (отсутствие физического перемещения, но наличие зависимости, контроля, угроз, извлечения выгоды);
- разработать процессуальные алгоритмы расследования, такие как сбор цифровых доказательств, психологическая экспертиза принуждения, сотрудничество с платформами;
- создать статистику по этой категории преступлений, что необходимо для мониторинга и международной отчётности;
- расширить защиту жертв, которых нельзя идентифицировать по классическим критериям (например, жертв вебэксплуатации).

Заключение. Цифровая трансформация затронула не только экономику, коммуникации и повседневную жизнь, но и преступность, придав ей новые формы, разрушив привычные пространственные и юридические границы. Одной из наиболее тревожных и трудноуловимых форм преступного воздействия в XXI веке становится цифровая эксплуатация — скрытая, фрагментированная, но всё более системная.

Проведённый анализ показывает, что действующее уголовное законодательство Республики Казахстан лишь частично способно охватить эти новые явления. Несмотря на признание дистанционных сексуальных услуг в ряде статей УК РК, остаются неурегулированными

трудовые, экономические и иные формы эксплуатации, совершаемые в онлайн-пространстве. Особенно уязвимыми становятся те ситуации, где отсутствует физический контакт, но сохраняется полный цифровой контроль над жертвой, в том числе с использованием шантажа, обмана или психологического давления.

В этом контексте становится очевидным: классические правовые категории, сформировавшиеся в индустриальную эпоху, теряют свою универсальность. Уголовное право требует переосмысления — не в части целей и ценностей, но в части понятийного аппарата и механизмов реагирования. Появление и закрепление в научной доктрине и законодательстве понятия «цифровая эксплуатация» — это не просто лексическая новелла, а фундамент для построения современной системы защиты личности в условиях цифровой реальности.

Таким образом, наступает время выработки новой уголовно-правовой доктрины, способной учитывать особенности сетевой среды, анонимность субъектов, трансграничность преступлений и необходимость защиты жертв, чьё страдание может быть не видно в физическом мире, но глубоко травмирующим в цифровом. Такая доктрина должна соединять научную точность, технологическое понимание и правовую ответственность государства перед обществом и международным сообществом.

Список использованной литературы:

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml.
2. Kaya, Omur & Erez, Edna. (2017). Migration, Agency, and the Sex Industry: Practitioners' Perspectives on Foreign Sex Workers in Turkey. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology* // https://www.researchgate.net/publication/319529243_Migration_Agency_and_the_Sex_Industry_Practitioners'_Perspectives_on_Foreign_Sex_Workers_in_Turkey.
3. Global Report on Trafficking in Persons 2022, с.15 // https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2022/GLOTIP_2022_web.pdf;
4. Online and technology-facilitated trafficking in human beings. Summary and recommendations. Report prepared by Dr Paolo Campana, Associate Professor, University of Cambridge. United Kingdom. March. – 2022. Council of Europe // <https://rm.coe.int/online-and-technology-facilitated-trafficking-in-human-beings-summary-/1680a5e10c>.
5. Digital 2024: Kazakhstan // <https://datareportal.com/reports/digital-2024-kazakhstan>.
6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми, проявлению вандализма и порче чужого имущества: Закон Республики Казахстан от 5 июля 2024 года №111-VIII ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000111#z28>.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 23014 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.
8. О противодействии торговле людьми: Закон Республики Казахстан от 5 июля 2024 года №110-VIII ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000110>.

9. Когамов М.Ч. О противодействии торговле людьми» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми, проявлению вандализма и порче чужого имущества: Комментарий к Законам Республики Казахстан от 5 июля 2024 года <http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789/2145/22.11.2024.%20%D0%9A%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2.%20%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%20%D0%97%D0%A0%D0%9A%20%D0%9E%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%20%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D1%8C%D0%BC%D0%B8..pdf?sequence=3&isAllowed=y>.

Серджиу Руссо
заместитель Генерального Прокурора Республики Молдова

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ КАК ЯДРО ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДРУГИХ ФОРМ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Благодарю организаторов за приглашение и предоставленную возможность обратиться к участникам форума, посвящённого противодействию транснациональным угрозам.

В своём выступлении я хочу выделить одну важную мысль: расследование случаев торговли людьми может и должно использоваться как стратегический инструмент борьбы с широкой палитрой транснациональной организованной преступности.

Торговля людьми — это не только тяжкое преступление, нарушающее основы прав личности и человеческого достоинства. Это ещё и сигнальный маркер существования устойчивых криминальных структур, часто действующих одновременно в сферах наркобизнеса, нелегальной миграции, отмывания доходов, коррупции и фальсификации документов.

В контексте стран ОТГ, обладающих как сухопутными, так и воздушными транзитными маршрутами, торговля людьми часто становится «входной точкой» для расследований, которые вскрывают гораздо более широкие транснациональные схемы.

Из практики Прокуратуры Республики Молдова мы выявили что ---- Одна потерпевшая может привести к организатору, организатор — к финансовым каналам, а они — к международной сети, подрывающей экономику, стабильность и безопасность региона.

Почему это принципиально важно именно для нас, юристов занимающихся пресечению ТЛ?

Потому что:

1. Торговля людьми это индикатор и узловая точка транснациональной ОПГ.

- Торговля людьми часто сопровождается другими преступлениями: отмыванием денег, фальсификацией документов, незаконной миграцией, сексуальной и трудовой эксплуатацией.

- Расследование торговли людьми позволяет вскрыть разветвлённые преступные сети и их международные связи.

2. Универсальные следственные методы как основа противодействия другим преступлениям.

- Использование скрытых следственных действий (прослушка, оперативные закупки, контроль поставок и др.) даёт выход на других участников ОПГ.

- Анализ коммуникаций и денежных потоков помогает выйти на каналы наркоторговли, торговли оружием и финансовых махинаций.

3. Международное сотрудничество как обязательный компонент методики расследования дел по ТНОП.

- В расследовании торговли людьми почти всегда требуется сотрудничество с правоохранительными органами других стран — это выстраивает практическую основу для более широкой борьбы с ТНОП.

- Использование Интерпола, Европола, совместных следственных групп.

4. Роль жертв как источника информации.

- Допросы и работа с пострадавшими позволяют выявить методы вербовки, маршруты перевозки и персоналии организаторов.

- Такие данные применимы для пресечения других видов преступлений, особенно с участием уязвимых групп населения.

5. Цифровые технологии и OSINT.

- Расследования торговли людьми требуют анализа данных из социальных сетей, мессенджеров, даркнета — эти инструменты применимы и в других сферах ТНОП.

6. Профилактическая и аналитическая функция.

- Выявленные в ходе расследования схемы и уязвимости (например, в пограничном контроле или законодательстве) могут быть устранены, что повышает устойчивость к другим формам ТНОП.

Практические шаги для противодействия ТНОГ:

1. Формирование совместных баз данных и криминальных профилей в рамках сотрудничества стран ОТГ.

2. Гармонизация законодательства по признакам и составам ТЛ и смежных преступлений.

3. Повышение квалификации кадров прокуратуры и следствия, в том числе по цифровой и финансовой аналитике.

4. Укрепление механизмов защиты жертв, как ключевых участников уголовного процесса и носителей важнейших доказательств.

Уважаемые коллеги.

Наши страны объединяют не только общие вызовы, но и правовые традиции, исторические связи, схожие правовые системы. Это — наш ресурс, который позволяет формировать единый юридический фронт против транснациональной организованной преступности.

Торговля людьми — это «лакмусовая бумажка» безопасности. От того, насколько мы профессионально и комплексно будем пресекать эти преступления, зависит устойчивость наших государств к более глубинным угрозам.

Благодарю за внимание!

Желаю форуму продуктивной работы и конкретных решений!

Тулеева Айгуль Жумабековна
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ФРЕЙМОВОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу эволюции института конфискации имущества с момента обретения государственной независимости. Рассматривается влияние конституционных принципов, в частности неприкосновенности частной собственности, на трансформацию правового регулирования конфискации как меры уголовно-правового характера. Особое внимание уделяется изменениям в законодательстве, в результате которых существенно ограничена сфера применения конфискации и введено требование доказанности преступного происхождения имущества. В статье проанализированы цели, правовые основания и особенности применения конфискации в контексте соблюдения принципов законности, справедливости и пропорциональности. Выявлены ключевые проблемы правоприменительной практики, включая сложности доказывания преступного происхождения активов и фрагментарность межведомственного взаимодействия. В качестве методологического подхода предложена модель фреймового структурирования уголовного расследования, направленная на повышение эффективности реализации конфискации и обеспечение соответствия международным стандартам в сфере борьбы с преступными доходами.

Ключевые слова: Конституция Республики Казахстан, уголовное право, конфискация имущества, уголовно-процессуальное право, международные стандарты, борьба с коррупцией, фреймовое структурирование.

Введение. Тридцатилетие Независимости Республики Казахстан, отмечаемое в текущем году, представляет собой фундаментальную ценность для государства. Указанное подчёркивается в ежегодном Послании Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество», что в условиях глобальной турбулентности устойчивость государства во многом опирается на действенные конституционные институты [1].

Одним из таких институтов выступает конфискация имущества — специфическое ограничение права собственности, направленное на защиту публичных интересов, профилактику преступности и возврат незаконно приобретённых активов в экономический оборот.

Несмотря на 30-летнюю эволюцию правовой системы Казахстана, вопросы соразмерности, прозрачности и эффективности конфискации остаются предметом научных дискуссий и судебных споров.

Цель данной статьи — провести системный анализ эволюции института конфискации в уголовном праве Республики Казахстан с применением фреймового структурирования, что позволит глубже понять комплексность и многослойность рассматриваемой правовой конструкции.

Институт конфискации имущества, являясь мерой уголовно-правового характера, представляет собой исключение из общего правила о неприкосновенности частной собственности [2].

Его применение обусловлено необходимостью борьбы с преступностью и коррупцией, а также устранения последствий противоправных деяний. Однако такое вмешательство в право собственности должно осуществляться в строгом соответствии с конституционными принципами законности, справедливости и пропорциональности (ст. 26 Конституции Республики Казахстан) [3].

Принцип неприкосновенности собственности находит свое отражение и в других отраслях законодательства, в частности, в статье 18 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [4] и статье 188 Гражданского кодекса Республики Казахстан, которые также закрепляют право собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению [5].

Законодательство Республики Казахстан, регулирующее институт конфискации имущества, претерпело существенные изменения. Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 года в статье 51 определял конфискацию имущества как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, принадлежащего осужденному, а также имущества, являвшегося орудием или средством совершения преступления. Данная редакция допускала возможность конфискации имущества, законно приобретенного осужденным, что вызывало вопросы с точки зрения защиты прав собственности.

Введение в действие с 1 января 2015 года Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года ознаменовало качественный пересмотр подхода к применению конфискации имущества. Статья 48 действующего Уголовного кодекса Республики Казахстан существенно сузила круг объектов, подлежащих конфискации [6].

Согласно новой норме, конфискации подлежит лишь имущество, находящееся в собственности осужденного, которое было добыто незаконным путем либо приобретено на средства, добытые преступным путем, а также имущество, являвшееся орудием или средством совершения уголовного правонарушения.

Таким образом, ключевым изменением стало введение требования о доказанности преступного происхождения имущества, подлежащего конфискации. Имущество осужденного, законность происхождения

которого не установлена, не подлежит конфискации. Данное нововведение направлено на усиление защиты прав собственников и приведение уголовного законодательства в соответствие с конституционными принципами [7].

Соответствие национального законодательства международным стандартам является важным условием эффективной борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения международного сотрудничества в сфере возвращения активов.

Республика Казахстан является участником ряда международных конвенций, направленных на борьбу с коррупцией и отмыванием преступных доходов, включая Конвенцию ООН против коррупции [8] и Конвенцию Совета Европы о конфискации преступных доходов [9]. Данные международные нормы устанавливают общие принципы и стандарты в области конфискации имущества, добытого преступным путем, подчеркивая необходимость обеспечения справедливости и судебного контроля при применении данной меры.

Несмотря на значительные позитивные изменения в законодательстве о конфискации имущества, в правоприменительной практике сохраняются определенные проблемы. Одной из ключевых проблем является сложность доказывания преступного происхождения имущества подозреваемого или обвиняемого. Процесс расследования преступлений, связанных с конфискацией имущества, требует тщательного сбора и анализа доказательств, подтверждающих связь имущества с преступной деятельностью.

При этом, обязательным обстоятельством, подлежащим доказыванию, является относимость имущества к предметам конфискации. Указанный предмет доказывания осложняется оформлением имущества на третьих лиц, где обязательным является проверка доказательств, которые обосновывают происхождение этого имущества и средств, на которые оно приобретено.

Существует тонкая грань между имуществом, добытым преступным путем, и законно приобретенным имуществом, что может приводить к ошибкам в процессе расследования и судебного разбирательства. Недостаточное качество следственных действий, неполнота доказательственной базы или неправильная квалификация действий могут стать основанием для оспаривания решения о конфискации.

Как специфичный процесс познания расследование преступлений представляет собой особую разновидность когнитивной деятельности. Наиболее сложными ее элементами являются анализ и оценка сложившейся следственной ситуации, которые предшествуют совершению практически всех без исключения процессуальных действий [10].

Все это сопровождается трудоемкой, монотонной, сугубо интеллектуальной работой следователя. Именно на этапе расследования формируется доказательная база, от которой зависит вероятность

успешной конфискации имущества и устойчивость вынесенных судебных решений. Можно выделить следующие проблемы, сталкиваемые следственными подразделениями при расследовании дел:

- отсутствует детализированный порядок признания имущества подлежащим конфискации на досудебной стадии;
- часто смешиваются обеспечительные меры (арест) и уголовно-правовые санкции (конфискация), что приводит к произвольному расширительному толкованию норм;
- межведомственный обмен данными носит фрагментарный характер. Длительность процедур взаимной правовой помощи препятствует оперативному возврату активов, перемещённых за рубеж;
- следствие нередко ограничивается формальным описанием активов без выяснения их реального происхождения и бенефициарной структуры;
- отсутствует единая цифровая платформа для отслеживания активов внутри страны и за рубежом, что порождает коррупционные риски при реализации конфискованных активов;
- запросы в банки, нотариальные палаты и госреестры обрабатываются вручную, что занимает драгоценное время. К моменту наложения ареста активы успевают изменить владельца или выйти из правового поля Казахстана.

Для решения указанных проблем необходимо подходить комплексно. Системный анализ института конфискации необходимо рассмотреть через призму фреймового подхода непосредственно к процессу расследования. В этой связи особую актуальность приобретает фреймовое структурирование расследования, позволяющее повысить его качество, минимизировать ошибки и обеспечить соблюдение принципов справедливости и законности.

Предлагается выделить пять ключевых фреймов, каждый из которых отвечает за определённый блок задач:

Слот № 1 – определяет, подпадает ли конкретное имущество под критерии, установленные статьёй 48 Уголовного кодекса Республики Казахстан, и определяет признаки состава конкретного вида преступления. Исключает ошибки в правовой квалификации.

Слот № 2 – осуществляет сбор доказательств, подтверждающих преступное происхождение имущества. Здесь важно не только установить, что актив получен преступным путём, но и доказать наличие устойчивой связи между имуществом и преступным деянием. Акцент на идентификации бенефициарных владельцев способствует пресечению попыток маскировки активов.

Слот № 3 – отвечает за технологическую составляющую расследования. Использование цифровых инструментов, автоматических запросов в банки и реестры, а также алгоритмов машинного обучения для выявления аномальных транзакций повышает

эффективность следственных действий. Такой подход помогает оперативно реагировать на попытки перемещения активов за границу.

Слот № 4 – обеспечивает согласованное взаимодействие между органами следствия, прокуратурой, судами, а также с международными структурами. Создание межведомственного цифрового контура и стандартизированных процедур обмена информацией позволяет устранить фрагментарность в работе и ускорить возврат активов.

Слот № 5 – фокусируется на правомерности действий следствия. Включает прокурорский и судебный контроль. Это позволяет предупреждать злоупотребления должностными полномочиями и укреплять доверие к расследованию преступлений.

Применение фреймового подхода к процессу расследования обеспечивает целостность, согласованность и прозрачность всех этапов от регистрации дела до исполнения приговора. Такой формат способствует устранению проблем, отмеченных в практике: от формального подхода к описанию активов и пробелов в доказательной базе — до неэффективного межведомственного взаимодействия.

Внедрение фреймового моделирования способно не только повысить качество расследований, но и создать устойчивую систему, соответствующую как внутренним конституционным стандартам, так и международным обязательствам Казахстана в сфере борьбы с преступностью и коррупцией.

Заключение. Проведённое исследование эволюции института конфискации имущества в уголовном праве Республики Казахстан в ретроспективе тридцатилетнего периода государственной независимости позволяет констатировать глубокую трансформацию данной уголовно-правовой меры в сторону усиления её соответствия конституционно-правовым и международно-правовым стандартам [11].

На современном этапе развития национального законодательства конфискация имущества из категории универсального и зачастую репрессивного инструмента борьбы с преступностью трансформировалась в целенаправленную, ограниченную по объёму и строго регламентированную меру уголовно-правового характера, направленную исключительно на изъятие имущества, приобретённого преступным путём либо использованного в процессе совершения уголовного правонарушения.

Данная трансформация обусловлена необходимостью соблюдения принципа неприкосновенности частной собственности, провозглашённого в Конституции Республики Казахстан, и обеспечением баланса между публичными интересами государства и частными правами граждан.

Решение указанных проблем требует системного и междисциплинарного подхода, сочетающего законодательные, организационные и технологические меры.

В данной связи особую научную и практическую значимость приобретает предложенная концепция фреймового структурирования

процесса расследования преступлений, сопряжённых с возможной конфискацией имущества.

Разработанная пятифреймовая модель, включающая нормативно-правовой, доказательный, технологический, координационный и контрольный слоты (фреймы), позволяет обеспечить последовательность, обоснованность и эффективность всех этапов работы следственных подразделений. Особо подчёркивается значимость технологического и координационного компонентов, без внедрения которых невозможно обеспечить оперативное реагирование на перемещение активов и осуществление международного взаимодействия по возврату преступных доходов.

Следует отметить, что предложенная модель представляет собой эффективный инструмент повышения качества предварительного расследования и способствует формированию устойчивого правоприменительного механизма, соответствующего как национальным конституционным принципам, так и международно-правовым стандартам.

На основе проведённого анализа можно выделить следующие приоритетные направления совершенствования института конфискации имущества:

1. Создание интегрированной цифровой платформы для отслеживания, ареста и управления активами, обеспечивающей взаимодействие между государственными органами и международными организациями.

2. Внедрение алгоритмов интеллектуального анализа данных для выявления нетипичных транзакций, структуры владения и бенефициаров.

3. Повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, с акцентом на экономическую, финансовую и IT-грамотность.

4. Развитие международного правового сотрудничества, включая заключение новых двусторонних и многосторонних соглашений в сфере взаимного признания и исполнения решений о конфискации.

Таким образом, институциональное развитие конфискации имущества демонстрирует поступательную динамику и приближение к модели правового государства, в которой меры уголовного воздействия соразмерны поставленным целям, обеспечены надлежащими гарантиями и подкреплены доказательной обоснованностью. Продолжение системных реформ в данной области является необходимым условием успешного противодействия преступности, укрепления правопорядка и повышения доверия граждан к институтам уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана

- [https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130](https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130) (дата обращения: 12.05.2025).
2. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: дис. канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. – 199 с.
3. Конституция Республики Казахстан: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 12.05.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 год https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 12.05.2025).
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 12.05.2025).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 12.05.2025).
7. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2017 года №13 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P170000013S> (дата обращения: 12.05.2025).
8. Конвенция ООН против коррупции: (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.05.2025).
9. Конвенция Совета Европы о конфискации доходов, полученных преступным путём (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) // <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://rm.coe.int/168007bd4> (дата обращения: 12.05.2025).
10. Шаталов А.С. «Проблемы алгоритмизации расследования преступлений» автореферат, доктор юридических наук// <https://www.dissercat.com/content/problemy-algoritmizatsii-rassledovaniya-prestuplenii>. (дата обращения: 13.05.2025).
11. Кусаинов Е.С. Конфискация имущества в уголовном праве: международно-правовые стандарты и практика их реализации в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2023. – №2(106). – 35-42 с.

Шульгин Евгений Петрович

начальник Кафедры кибербезопасности и информационных технологий
Карагандинской академии Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации общества киберпреступность становится одной из наиболее актуальных угроз национальной безопасности. Республика Казахстан, как и многие другие страны, сталкивается с ростом преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В ответ на данные вызовы Министерством внутренних дел были реализованы структурные и организационные реформы, включая создание специализированных подразделений по противодействию киберпреступности на всех уровнях. Центральным элементом стала организация Департамента по борьбе с киберпреступностью, координирующего деятельность региональных управлений и обеспечивающего полный цикл расследования киберпреступлений. Наряду с государственным управлением, большое значение приобрело взаимодействие с частными компаниями и международными партнерами.

Ключевые слова: киберпреступность, киберполиция, информационная безопасность, цифровые технологии, межведомственное сотрудничество, правоохранительная система, международное взаимодействие, искусственный интеллект, криминалистика.

В современную эпоху цифровизации киберпреступность стала одной из наиболее динамично растущих угроз безопасности общества и государства. Республика Казахстан не является исключением – за последние годы страна столкнулась с резким ростом преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Данные правонарушения включают широкий спектр деяний: от мошенничества в интернете и кражи данных до несанкционированного доступа к информационным системам и распространения вредоносного программного обеспечения. Органы правопорядка, в частности органы внутренних дел (далее – ОВД) Республики Казахстан, активно адаптируются к новым вызовам цифровой эпохи, развивая специальные подразделения, правовые инструменты и технологии для противодействия киберугрозам.

В 2022 году Министерство внутренних дел Республики Казахстан (далее – МВД РК) инициировало создание специализированных подразделений киберполиции на региональном уровне. Так, на местах

был запущен пилотный проект «Киберпол», в рамках которого созданы отдел по борьбе с киберпреступностью, объединивший опытных оперативников, следователей и ИТ-специалистов [1]. Новая модель работы предполагала прием заявлений от пострадавших по принципу «единого окна» и параллельную работу всех служб – оперативников, следствия и экспертов-криминалистов – без традиционной долгой передачи материалов по инстанциям. Такой подход позволил выигрывать драгоценное время и, например, быстрее блокировать незаконные финансовые транзакции мошенников.

В 2024 году реформы достигли уровня центрального аппарата МВД РК. В ноябре 2024 года приказом МВД РК создан отдельный Департамент по противодействию киберпреступности (далее – ДПК) в структуре МВД РК [2]. Учреждение этого департамента было выполнено во исполнение поручения Президента К-Ж.К. Токаева об усилении борьбы с киберпреступностью, что подчеркивает высокий приоритет данной сферы для государственного руководства. Новый департамент нацелен на выявление и раскрытие преступлений в киберпространстве, а также на выработку стратегии противодействия им. Организационно ДПК МВД теперь курирует все региональные подразделения по борьбе с киберпреступностью, созданные на базе департаментов полиции в областях и городах республиканского значения.

Таким образом, к концу 2024 года в Казахстане сформирована разветвленная структура специализированных органов полиции, от центрального уровня до каждого региона, предназначенная для противодействия преступлениям в сфере информационных технологий.

Сегодня основная нагрузка по борьбе с киберпреступностью в Казахстане ложится на подразделения МВД РК. Центральным звеном является упомянутый ДПК МВД РК, координирующий работу территориальных управлений киберполиции [3]. Эти подразделения осуществляют полный цикл – от оперативно-розыскных мероприятий до предварительного следствия – по делам о киберпреступлениях, таких как мошенничество в интернете, хакерские атаки, распространение запрещенного контента в сети, вымогательство с использованием ИКТ и др. К работе привлечены специалисты широкого профиля: оперуполномоченные по компьютерным преступлениям, следователи, эксперты по цифровой технике. Для повышения профессиональной подготовки кадров налажена система обучения: сотрудники проходят специальные курсы в учебных заведениях системы МВД РК, осваивая новейшие методы расследования цифровых инцидентов [4].

МВД РК выстраивает межведомственное взаимодействие внутри страны для более эффективного реагирования на киберугрозы. К борьбе с определенными категориями преступлений подключаются другие государственные органы. Например, Комитет национальной безопасности (Республики Казахстан (далее – КНБ РК) и Агентство Республики Казахстан по финансовому мониторингу (далее – АФМ РК)

сотрудничает с полицией при раскрытии преступлений, затрагивающих критическую информационную инфраструктуру и национальную безопасность. Совместные операции МВД РК, КНБ РК и АФМ РК проводились для пресечения деятельности нелегальных телекоммуникационных схем: так, в начале 2025 года подразделения по борьбе с киберпреступностью МВД совместно с КНБ РК и АФМ РК и оператором связи АО «Казахтелеком» выявили и изъяли десятки устройств типа Sim-box, используемых мошенниками для подмены телефонных номеров при массовых обзвонах. В результате оперативных мероприятий были ликвидированы целые сети нелегальных call-центров, действовавших в различных регионах. Подобная координация с органами национальной безопасности и телеком-компаниями повышает эффективность пресечения высокотехнологичных схем обмана граждан.

Помимо государственных структур, органы внутренних дел активно выстраивают партнерские отношения с частным сектором – прежде всего с телекоммуникационными компаниями и банками. Такой альянс обусловлен спецификой интернет-преступлений, где ключевую роль играют мобильная связь и финансовые переводы. МВД РК заключило соглашения о прямом взаимодействии с операторами сотовой связи и банками второго уровня. В полиции функционируют дежурные группы, которые в режиме реального времени обмениваются информацией с безопасностью банков по подозрительным операциям и сотовыми операторами по вопросам отслеживания телефонных номеров мошенников. Благодаря этому при поступлении заявления о мошенничестве появилась возможность оперативно приостанавливать переводы средств на счета злоумышленников и блокировать SIM-карты, используемые в противоправных схемах. Подобная схема взаимодействия «государство – бизнес» зарекомендовала себя как эффективный механизм предупреждения ущерба гражданам.

Система противодействия киберпреступности в Казахстане представляет собой сложную экосистему, где центральную роль играют ОВД (специализированные подразделения полиции), но их работа опирается на координацию с другими госорганами (КНБ, АФМ, Министерство цифрового развития и др.) и сотрудничество с частными организациями. Это обеспечивает комплексный подход, необходимый для противодействия высокотехнологичным преступлениям, которые по своей природе требуют участия разнопрофильных экспертов и институтов.

Технологическое оснащение киберполиции постоянно совершенствуется. Подразделения по борьбе с киберпреступностью располагают современными программными комплексами для мониторинга сети (например, отслеживание активности в даркнет, анализ открытых источников в интернете), средствами криминалистического анализа изъятых цифровых носителей, а также доступом к базам данных абонентской информации и финансовых операций. За 2024 год только по линии киберподразделений было обработано свыше двух с половиной

миллионов различных запросов и уведомлений (от банков, операторов связи, провайдеров и граждан) – эта работа позволила установить личности сотен подозреваемых и местонахождение значительной части из них. Таким образом, большие данные и аналитические платформы становятся неотъемлемым инструментом ежедневной деятельности киберполиции. МВД также сотрудничает с отечественными ИТ-компаниями в сфере разработки специализированного ПО для нужд следствия: от систем распознавания мошеннических схем до инструментов отслеживания криптовалютных транзакций.

В рамках общей стратегии цифровой трансформации правоохранительной системы, МВД реализует концепцию «Обеспечение общественной безопасности в партнерстве с обществом» на 2024–2028 годы. В части кибербезопасности эта концепция подразумевает вовлечение общественности и бизнеса в профилактику правонарушений (например, проведение просветительских кампаний по киберграмотности населения), а также внедрение инновационных технологий в работу органов внутренних дел. К примеру, рассматривается возможность использования искусственного интеллекта для выявления фишинговых сообщений и вредоносного контента, внедрения систем онлайн-обращений граждан по фактам кибермошенничества через мобильные приложения и порталы eGov, что облегчает сбор информации и доказательств. Подобные инициативы направлены на то, чтобы полиция «шла в ногу» с техническим прогрессом и эффективно противостояла преступникам, использующим самые современные цифровые средства.

Глобальный характер киберпреступности требует от правоохранительных органов выхода за национальные рамки и активного взаимодействия с зарубежными партнерами. Органы внутренних дел Казахстана последовательно наращивают международное сотрудничество в данной области по нескольким направлениям: в рамках двусторонних соглашений, многосторонних инициатив и через участие в международных организациях.

МВД РК заключило соглашения и меморандумы о сотрудничестве с рядом стран ближнего и дальнего зарубежья по линии киберпреступности. На практике международное сотрудничество МВД наиболее заметно проявляется в форме совместных операций по разоблачению преступных группировок, действующих в киберпространстве. Так, в конце 2022 года казахстанская полиция совместно с коллегами из Украины провела успешную операцию по ликвидации крупного мошеннического call-центра в Днепропетровской области, откуда злоумышленники звонили казахстанским гражданам под видом сотрудников банков. В результате были задержаны десятки участников группировки, изъяты серверное и компьютерное оборудование. Украинская сторона при содействии казахстанских следователей продолжает работу по анализу изъятой информации, устанавливая всех потерпевших и соучастников. В 2024 году подобные

операции получили развитие: МВД сообщало об устранении целой сети фальшивых колл-центров на территории Украины (ликвидировано не менее пяти таких центров) и выявлении в Алматы филиалов, обслуживавших иностранцев. В 2025 году совместно с правоохранительными органами Армении была разоблачена международная группа, специализировавшаяся на обмане казахстанских вкладчиков; в ходе этой операции задержаны более 40 подозреваемых [5]. Эти примеры демонстрируют, что казахстанская полиция все активнее обменивается оперативной информацией и координирует действия с зарубежными коллегами в режиме реального времени, что приносит ощутимые результаты.

Казахстан, будучи членом Интерпола, активно использует механизмы этой глобальной полицейской сети для борьбы с киберпреступностью. Национальное центральное бюро Интерпола (НЦБ) МВД РК (расположенное в Астане) обменивается с другими странами информацией о разыскиваемых киберпреступниках и участвует в координируемых Интерполом многонациональных операциях. Кроме того, Казахстан сотрудничает с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в части пресечения киберпреступной деятельности, связанной с терроризмом и экстремизмом: проводятся совместные учения по кибербезопасности, вырабатываются согласованные меры реагирования на киберугрозы.

Борьба с киберпреступностью стала для органов внутренних дел Республики Казахстан одним из приоритетных направлений деятельности. Пройден значительный путь от первых попыток реагирования на единичные инциденты до создания целостной системы киберполиции, интегрированной в национальную и международную инфраструктуру безопасности. В Казахстане сегодня действует многоуровневая структура специализированных подразделений МВД, вооруженных необходимыми правовыми полномочиями и цифровыми технологиями для противодействия киберугрозам. При координации МВД обеспечено взаимодействие с другими государственными органами (КНБ, АФМ, Минцифры и др.), налажены прямые связи с банками и телеком-операторами, что позволило выстроить эффективный механизм быстрого реагирования на инциденты в киберпространстве.

При этом перед органами внутренних дел остаются вызовы: необходимо и дальше укреплять кадровый потенциал (готовить высококвалифицированных ИТ-специалистов в погонах), осваивать новые технологии (например, нейросети, анализ больших данных) и углублять сотрудничество с частным сектором и обществом для профилактики правонарушений. Киберпреступники постоянно изобретают новые способы обмана и атаки, и задача правоохранительных органов – действовать на опережение, адаптируя свои методы под меняющийся ландшафт угроз.

Заключение.

Опыт последних лет показывает, что залогом успешного противодействия киберпреступности является комбинация мер: совершенствование институтов (специализированная киберполиция), прочная правовая основа, передовые цифровые инструменты и широкое международное сотрудничество. Деятельность органов внутренних дел Казахстана в данном направлении уже приносит ощутимые результаты – повышается раскрываемость интернет-преступлений, предотвращаются масштабные ущербы, растет доверие граждан к полиции в цифровом пространстве. В дальнейшем закрепление этих тенденций и проактивный подход позволят Казахстану эффективно противостоять киберпреступности и обеспечивать безопасность своих граждан и цифровой экономики в глобальном киберпространстве.

Список использованной литературы:

1. Спецподразделение «Киберпол» появилось в Карагандинской области [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан: официальный сайт. – 2022. – <https://mvd.gov.kz/news/cyberpol-karaganda-2022> (дата обращения: 14.05.2025).
2. В МВД создан Департамент по противодействию киберпреступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД Республики Казахстан. – 2024. – 4 ноября. – <https://mvd.gov.kz/news/2024-11-04> (дата обращения: 14.05.2025).
3. В МВД Казахстана создали Департамент по противодействию киберпреступности [Электронный ресурс] // Центр цифровых прав DRC. – 2024. – 6 ноября. – <https://digitalrights.kz/mvd-department-cybercrime> (дата обращения: 14.05.2025).
4. Противодействие киберпреступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан: официальный сайт. – 2025. – <https://mvd.gov.kz/cybercrime> (дата обращения: 14.05.2025).
5. Казахстанская киберполиция: как страна защищает своих граждан в интернет-пространстве [Электронный ресурс] // NUR.KZ. – 2025. – 26 марта. – <https://www.nur.kz/society/2025-03-26-cyberpolice-kz> (дата обращения: 14.05.2025).

Эркабоев Азизбек Асилбекович
советник-начальник Информационно-аналитического
подразделения ЦАРИКЦ, доктор философии (PhD)

ЦАРИКЦ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ПЛОЩАДКА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Уважаемый господин Председатель!
Уважаемые участники мероприятия!

Прежде всего позвольте приветствовать Вас от имени ЦАРИКЦ и поблагодарить за предоставленную возможность участия в конгрессе, приуроченному 10-летнему юбилею Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Важность и актуальность данного мероприятия обусловлена современным развитием криминогенной обстановки, прежде всего в сфере противодействия распространению наркотических средств. Наркопреступность и незаконный оборот наркотиков все еще представляют серьезную угрозу безопасности для Центральноазиатского региона.

Мониторинг наркоситуации в Центральной Азии характеризуется увеличением объемов изъятий наркотических средств, появлением их новых синтетических видов и методов распространения.

Данные официальной статистики за последние 5 лет свидетельствуют об ухудшении наркотической обстановки вследствие неослабевающего наркотрафика и растущей угрозы появления новых синтетических наркотиков. Общее количество зарегистрированных наркопреступлений за 5-летний период в государствах-участниках ЦАРИКЦ увеличилось на 51,8%, объем изъятых наркотиков вырос на 139,2%, а синтетики – на 63,2%.

В 2024 году наблюдаются следующие тревожные тенденции в сфере наркопреступности в государствах-участниках ЦАРИКЦ:

- общее количество зарегистрированных наркопреступлений увеличилось на 4,1%;
- число зарегистрированных наркопреступлений, совершенных организованными преступными группами, выросло на 14,7%;
- объем изъятых психотропных веществ увеличился на 15,2%;
- количество изъятых из незаконного оборота прекурсоров выросло на 23,3%, что может свидетельствовать об активизации производства наркотиков в регионе;

Тревожным сигналом является увеличение фактов выявления подпольных лабораторий по изготовлению синтетических и других наркотиков на 19,5%.

Вышеозвученная статистика требует оценки возникающей угрозы увеличения неуправляемых рисков, связанных с ростом уровня наркопреступности, незаконной миграции, терроризма и экстремизма.

Неослабевающий наркотрафик в нашем регионе диктует мировому сообществу консолидировать усилия в борьбе с транснациональной наркопреступностью.

Как вы знаете, основными задачами ЦАРИКЦ являются содействие в организации, проведении и координации совместных международных операций по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а также сбор, анализ и обмен информацией о трансграничной наркопреступности.

В период своей деятельности ЦАРИКЦ скоординировал проведение 85 антинаркотических операций, в том числе по методу международная контролируемая поставка наркотиков. В результате из незаконного оборота было изъято более 7,5 тонны наркотических средств, свыше 62 тонн прекурсоров, задержаны 122 лидера и активных членов организованных преступных групп.

С ростом распространения синтетических наркотиков ЦАРИКЦ совместно с Региональным представительством Управления ООН по наркотикам и преступности проводит оценку возможностей создания пилотных региональных систем раннего предупреждения для реагирования на возникающие угрозы, связанные с синтетическими наркотиками.

Создание данной системы позволит оказывать содействие общественному здравоохранению и правоохранительным органам стран региона оперативному реагированию на неблагоприятные изменения наркоситуации, в целях принятия адекватных, эффективных и научно-обоснованных ответных мер.

Наряду с выполнением указанных задач, специалисты ЦАРИКЦ также проводят семинары, тренинги и учебные курсы для сотрудников компетентных органов центральноазиатских стран, с целью повышению их квалификации в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Наш Центр и Академия при Генпрокуратуре в рамках подписанного в 2018 году Протокола о сотрудничестве имеют наработанный опыт взаимодействия в вопросах укрепления кадрового потенциала правоохранительных органов Казахстана в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Эксперты ЦАРИКЦ оказывают содействие в проведении совместных тренингов и семинаров, реализуемых в рамках учебных программ Академии.

Накопленный опыт и потенциал ЦАРИКЦ будут вносить определенный вклад в дело укрепления сотрудничества в области подготовки кадров правоохранительных органов наших стран.

Уверен, что итоги данного конгресса будут способствовать решению актуальных вопросов, включенных в повестку пленарного заседания и

панельных сессий, а также внесут определенный вклад в обеспечение региональной безопасности.

В заключение позвольте поздравить руководство и коллектив Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан с юбилейной датой и пожелать им дальнейших успехов в профессиональной деятельности.

Благодарю за внимание!

Juraj Nosal

(Юрай Носал)

Project Officer of the Department for Countering Transnational Threats –
Department of Strategic Policing Issues of the OSCE Secretariat
(ЕҚЫҰ Хатшылығының Трансұлттық қауіптерге қарсы іс-қимыл департаментінің
Полиция қызметінің стратегиялық мәселелері бөлімінің жоба бойынша қызметкері)

**STRATEGIC AND SYSTEMATIC APPROACH IN TRAINING LAW
ENFORCEMENT OFFICERS IN THE FIELD OF MODERN
TECHNOLOGIES**

(Қазіргі технологиялар саласында құқық қорғау органдары қызметкерлерін
даярлаудағы стратегиялық және жүйелік көзқарас)

Ladies and gentlemen,
Esteemed colleagues,

I am honoured to speak at this international congress that marks the 10th anniversary of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. At the outset, allow me to join many speakers before me in congratulating the Academy on this important milestone and wishing it continued success in its mission to provide professional training and education to law enforcement practitioners in Kazakhstan and beyond.

The Academy has been one of the key partners of the OSCE in building capacities of the law enforcement agencies in Kazakhstan to address threats posed by modern technologies. One of the flagship OSCE initiatives actively supported by the Academy in this regard has been the project "Capacity-building on Combating Cybercrime in Central Asia". The first phase of this project was implemented between 2020 and 2024. In September last year, we launched the second phase that builds on the achievements of the first project and further expands the OSCE's support. The project consists of four thematic pillars: education, electronic evidence, regional cooperation and awareness. The Academy remains a crucial partner in implementing this project, especially when it comes the activities under the educational pillar.

In my short presentation, I will focus on a training competency framework which is one of the main tools for building a strategic and systematic approach to training on cybercrime and electronic evidence for law enforcement and criminal justice practitioners.

Of course, one of the first questions may be why do we need such a framework in the first place? Digital technologies have been transforming basically all aspects of our lives, including crime. On the one hand, we see a steep growth in both cyber-dependent and cyber-enable crimes across the world, including in Kazakhstan. On the other hand, electronic evidence plays an increasingly important role in basically all criminal.

Investigations. Today it is hard to imagine an investigation of a murder or a corruption case, for example, where police would not look into a suspect's

mobile phone or a computer. In the European Union, it is estimated that over 90% of all criminal investigations include some type of electronic evidence. Furthermore, digital technologies keep evolving at a rapid pace – think of AI for example – and continue to change the way crimes are committed.

All these trends mean that to effectively investigate cybercrimes as well as any other crimes that involve electronic evidence, most, if not all, law enforcement and criminal justice practitioners need some level of understanding of digital technologies – indeed, it is now a fundamental requirement for maintaining justice and the rule of law in the digital age.

This is where a training competency framework on cybercrime comes in. It identifies the specific skills and knowledge required for different roles within law enforcement and the criminal justice system to effectively investigate and prosecute cybercrimes and other crimes involving electronic evidence. In other words, it defines who needs to know what. It helps ensure that personnel receive the right training at the right level, reducing gaps in skills and improving overall effectiveness. It also establishes clear benchmarks for training programmes and professional development, and provides a basis for the development of a training strategy. The framework is based on the premise that not every practitioner needs to have – or given the complexity of this topic indeed even can have – in depth knowledge and skills in all relevant areas.

To support the development of a training competency framework for Kazakhstan as well as other countries of Central Asia, we have prepared an internal guide on drafting such a framework. This document will serve as a template and a basis for drafting national training competency frameworks in each Central Asia country.

Developing the framework involves several key steps – and the Academy will be among our key partners at each stage. First, it requires identifying the general roles and profiles existing in the law enforcement and criminal justice system of a given country. In our guide, we have come up with a list of key profiles that you can see on the slide. We have divided these profiles into several broader categories: leadership roles, investigative roles, technical roles, criminal justice roles, response and support roles, and finally future roles. Each role includes a short description of specific tasks and responsibilities in the context of cybercrime and electronic evidence.

Once these roles are defined, the next step is to determine the necessary competencies – or skill sets – for effective investigation and prosecution of cybercrimes and other crimes involving electronic evidence. Based on the EU competency framework, our guide includes 10 different skill sets which you can see on the slide. These include skills.

In the areas such as crime scene management and handling of electronic evidence, cybercrime legislation, general knowledge of cybercrime and online investigations, specialized knowledge of cybercrime, or digital forensics. Each skill set is then categorized into different skills levels – introductory, intermediate, and advanced – to reflect the varying degrees of knowledge and skills required.

The final step is then to identify the required skill sets and skills level for each role to be able to effectively perform their tasks. It is important to acknowledge that not each role needs to have knowledge and skills in every thematic area. For example, a digital forensic expert will need an advanced level in the skill set of digital forensics but only introductory level in the skill set cybercrime legislation. On the other hand, a prosecutor will require only fundamental understanding of how digital forensics can aid an investigation but should have advanced level in cybercrime legislation. And a patrol police officer, for example, will not need any knowledge and skills in digital forensics whatsoever.

On 12 and 13 June, we will be organizing a dedicated workshop in Astana to elaborate further on the training competency framework for law enforcement and criminal justice institutions in Kazakhstan. Following the workshop, we will be working closely with law enforcement educational institutions, including the Law Enforcement Academy, to prepare a draft training competency framework for Kazakhstan.

In conclusion, let me reiterate that with the continuous rapid evolution of digital technologies, a systematic and structured approach to professional training and education on this topic is essential for maintaining justice and the rule of law in our societies. A training competency framework, together with an adequate training strategy, are essential tools for ensuring that law enforcement educational institutions are able to provide appropriate training and education in the most effective and sustainable way. The OSCE remains committed in supporting Kazakhstan to build capacities in this crucial area, and we look forward to continuing our fruitful cooperation with the Law Enforcement Academy in this regard.

Thank you for your attention!

**ЖАҒАНДЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА
ҚҰҚЫҚТЫҚ БІЛІМ БЕРУ ЖӘНЕ ЗАҢГЕРЛЕРДІ
КӘСІБИ ДАЯРЛАУ**

**ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

**LEGAL EDUCATION AND PROFESSIONAL TRAINING
OF LAWYERS IN THE CONTEXT
OF GLOBAL TRANSFORMATION**

Биекенов Нурлан Амангелдинович

начальник Карагандинской академии Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук,
профессор

**ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

Добрый день уважаемые дамы и господа,
участники круглого стола!

Прежде чем перейти к содержательной части выступления, хотел бы поблагодарить руководство Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан за приглашение принять участие в столь значимом форуме.

Вопрос профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов имеет первостепенное значение в достижении конечных результатов оперативно-служебной деятельности органов внутренних.

Реалиям их современного функционирования свойственен парадокс: с одной стороны, полиция несет на себе фактически основное бремя противодействия преступности и охраны общественного порядка, с другой стороны, отношение значительной части ее сотрудников к служебным обязанностям, правам и законным интересам граждан, фиксируемые данными социологических мониторингов, показателями оперативной обстановки, статистикой нарушений законности и дисциплины, не вселяют в население уверенность в том, что полиция способна защитить их от произвола, беззакония, преступности.

Отмеченное актуализирует вопросы модернизации профессиональной подготовки сотрудников ОВД их адаптации современным вызовам, таким как киберпреступность, экстремизм и терроризм, а также привитие антикоррупционного иммунитета.

За годы Независимости ведомственное образование МВД прошла 4 этапа трансформации:

1. 1990-е годы: становление национальной системы профподготовки МВД сопровождалось одновременно реформированием советской модели и созданием новых учебных заведений: Были основаны Академия МВД (1992) и региональные школы милиции (Костанай, Павлодар, Актөбе, Акмола).

2. 2000-е годы: началось активное реформирование правоохранительной системы, что отразилось на ведомственном образовании. Внедрялись новые программы, включая профильную магистратуру. Акцент в обучении делался на борьбу с коррупцией, организованной преступностью и наркопреступностью.

Развитие получило партнёрство с зарубежными полицейскими академиями (США, Европа, Россия).

3. 2010-е годы: переход на Болонскую систему подготовки: бакалавриат – магистратура – докторантура, а также с программы «Юриспруденция» на программу «Правоохранительная деятельность» по направлению «Общественная безопасность».

4. 2020-е годы: реформы в рамках концепции «Слышащего государства» и программы «Цифровой Казахстан» акцентировали внимание на гуманизацию обучения: правам человека, деэскалации конфликтов, работе с уязвимыми группами, новым методам работы в соответствии с международными стандартами (например, community policing).

Актуализировалась работа в сфере обеспечения кибербезопасности.

В этом плане в Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова за последние пять лет проведена значительная работа.

В частности, создана кафедра кибербезопасности и информационных технологий, которая сотрудничает с IT-холдингом «KAZDREAM» и IT-компанией «Seven Hills Intelligence», организовавших свои учебные лаборатории.

Внедрены дисциплины и курсы по цифровой безопасности, расследованию киберпреступлений, работе с криптовалютами на которых курсанты осваивают навыки работы с программным обеспечением «Triton» и «Argus», а также изучают методы исследования открытых источников с использованием инструмента «Shadow Finder».

Углубленному изучению учебного материала способствует участие курсантов в клубе «Киберволонтер», направленное на противодействие распространению в сети Интернет противоправного контента.

В учебный процесс внедрены применяемые правоохранительными органами информационные системы: Единые реестры досудебных расследований и административных правонарушений, Автоматизированные дактилоскопическая информационная система «Папилон» и биометрическая информационная система «Поиск».

Пересмотр программы обучения позволило в текущем году увеличить количество получаемых выпускниками-криминалистами допусков на проведение экспертиз с 4 до 7 (дактилоскопия, исследование холодного оружия, трасология, баллистика, портретная идентификация, техническое исследование документов, а также почерковедческое исследование).

Наряду с этим, в планы подготовки включены вопросы использования беспилотных летательных аппаратов и дронов в деятельности полиции, с получением навыков их применения.

Разрабатываются программы учебных дисциплин по внедрению искусственного интеллекта в различные сферы правоприменительной деятельности.

Перестраиваются и программы повышения квалификации действующих сотрудников ОВД, поскольку оно становится инструментом развития карьеры и укрепления управленческой компетенции. Старт этому положило законодательное введение цифрового рейтинга сотрудника, где уровень его образования, компетенция и прохождение обучения играет достаточно большую роль.

Внедрены проект «Мобильная академия» и различные модульные онлайн программы, позволяющие совмещать обучение с профессиональной деятельностью. Содержательная часть курсов обновляется на постоянной основе: упор делается на потребности практики, кейсы, управленческие задачи и оценку реальных навыков. В приоритете темы, связанные с нормативными изменениями, цифровыми инструментами, проектным управлением, коммуникацией с населением и профилактикой конфликтов интересов.

Организована «Школа развития киберполиции», в которой осуществляется дополнительная подготовка действующих сотрудников Департамента полиции Карагандинской области, расследующих преступления, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. С учетом положительного опыта принято решение о его масштабировании на соседние регионы в гибридном формате.

По поручению Министра внутренних дел РК в феврале и апреле т.г. организованы специализированные курсы по расследованию авиапроисшествий, а в прошлом году по методике расследования преступлений против половой неприкосновенности и других сложных категорий правонарушений.

В планах Академии интегрировать систему «Academy.bilimal» с ведомственной информационной системой кадровой службы, чтобы результаты обучения учитывались при принятии решений о назначениях сотрудников.

Подчеркивая достижения в сфере профессиональной подготовки кадров для ОВД нельзя не сказать о концептуальных вопросах в этой сфере, решение которых позволит на наш взгляд повысить качество и оперативно реагировать на новые криминальные вызовы.

Первое. Необходимо утвердить законодательную компетенцию военных, правоохранительных и специальных органов утверждать ведомственный стандарт обучения в своих учебных заведениях, который максимально может учитывать требуемую квалификацию кадров.

При этом в статье 59 Закона Республики Казахстан «Об образовании» необходимо закрепить право Генеральной прокуратуры, Комитета национальной безопасности, министерств обороны, внутренних дел и по чрезвычайным ситуациям проводить государственную аттестацию подведомственных учебных заведений.

Наряду с этим, необходимо решить проблему «двойных стандартов» в сфере нормативного регулирования учебного процесса в ведомственных ВУЗах.

Указанные инициативы предоставят ВУзам правоохранные и специальные органы реальную академическую свободу, включая право самостоятельно определять технологию обучения.

Отмеченное коррелируется с мировым опытом автономной и многоуровневой ведомственной системы подготовки военных и полицейских кадров.

Второе. Ориентир на кандидатов, мотивированных служить в полиции. Следует учитывать и то, что далеко не каждый вид профессиональной деятельности полицейского требует высшей квалификации и диплома юриста. Малочисленность кандидатов, удовлетворяющих квалификационным требованиям, а также желающих служить в полиции объективно «подсказывают» вариант его решения путем привлечения выпускников ВУЗов с высшим неюридическим образованием и колледжей.

Предложенное позволит привлечь на службу специалистов различного профиля, подготовка которых не осуществляется в ведомственных ВУЗах, что несомненно актуально для текущего состояния кадрового обеспечения ОВД и потребует организации новых программ обучения.

Третье. Увеличение срока обучения по программе специальной первоначальной подготовки с 2-х до 6-ти месяцев.

Отмеченное необходимо для восполнения пробелов в образовании кандидатов на службу, отмечаемый всеми экспертами.

Таким образом Трансформация ведомственного образования МВД отражает общую эволюцию правоохранительной системы Казахстана – от постсоветской модели к современной, ориентированной на международные стандарты и нужды общества. Однако процесс реформ продолжается, требуя дальнейшей адаптации к глобальным вызовам.

При этом важно сочетать традиционные методы обучения с инновационными подходами, учитывая международный опыт и национальные особенности.

Биебаева Ардак Алимхановна

профессор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор

**МЕТОД CASE STUDY ПРИ ПОДГОТОВКЕ СУДЕЙСКИХ КАДРОВ:
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ КЕЙСОВ
В АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ**

Аннотация. В статье в контексте Концепции развития юридического образования в Республике Казахстан на 2025–2030 годы обосновывается необходимость и значимость практикоориентированного подхода в подготовке будущих судей. Особое внимание уделено методу case study как эффективному инструменту формирования профессиональных компетенций. Проанализированы формы и особенности применения метода case study в судебном образовании, а также описана методика разработки и применения комплексных кейсов по четырем формам судопроизводства.

Ключевые слова: юридическое образование, подготовка судей, практикоориентированное обучение, case study, комплексный кейс, профессиональные компетенции, практические навыки, оценивание, контроль знаний, форма судопроизводства.

Республиканский учебно-методический совет Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан 30 декабря 2024 года утвердил Концепцию развития юридического образования на 2025-2030 годы [1].

Данный программный документ определяет стратегические ориентиры в формировании современной системы юридического образования, способной обеспечить подготовку квалифицированных специалистов, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями и адаптированных к условиям современной правовой практики.

Основной целью Концепции является трансформация системы юридического образования, необходимость которой обусловлена критикой со стороны общества, работодателей и профессионального сообщества. Низкий уровень подготовки юридических кадров, прежде всего, выражается в недостатке у них прикладных навыков, необходимых для успешной практической деятельности. К числу ключевых проблем существующей системы подготовки юридических кадров можно отнести: выраженный разрыв между теорией и практикой; избыточную теоретизированность учебных дисциплин; слабую ориентацию на формирование практических навыков, в том числе навыков правоприменения.

Предстоящая реформа предполагает переход от преимущественно теоретизированной модели обучения к более практикоориентированному подходу, что, в свою очередь, позволит устранить существующий разрыв между академической подготовкой и реальными запросами юридической профессии.

Подготовка будущих судей в Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан (далее – Академия правосудия) всецело основана на применении практикоориентированных методов обучения.

Среди них особое место занимает метод case study – техника (инструмент) обучения, использующая описание реальных жизненных ситуаций, и, преследующая цель привития навыков применения теоретических знаний к решению практических задач [2. стр.14]. Главное достоинство данного метода мы связываем с его направленностью за пределы учебного пространства [3. стр.63], когда обучающийся вовлекается в сферу решения профессиональных проблем в определенной области знаний, благодаря чему у него формируются необходимые для будущей профессиональной деятельности компетенции и сокращается разрыв между теорией и практикой.

Метод case study в образовании был разработан в двадцатых годах прошлого столетия в процессе обучения менеджменту в Гарвардской бизнес-школе, затем он стал широко применяться в правоведении. В мировой образовательной практике case study повсеместно распространился в 1970–1980-х годах и в настоящее время в западных вузах разбор типовых ситуаций в среднем посвящается 35-40% учебного времени. Метод анализа ситуаций (в юриспруденции – решение казусов, задач) применялся и в советских вузах, однако подлинное увлечение методом case study в высшем образовании Казахстана началось в нынешнем столетии.

Case study представляет собой симбиоз нескольких методов познания: моделирования, проблемного обучения, дискуссии, мозгового штурма, системного анализа ситуаций, игрового обучения и мысленного эксперимента [4. стр.48] и др. В этой связи case study иногда именуют не просто методом, а технологией обучения (последовательная совокупность наиболее рациональных педагогических приемов, нацеленных на конкретный результат). Данным обстоятельством обусловлена универсальность метода, благодаря чему он применим на всех уровнях обучения, направленных на последовательное достижение учебных целей (знание – понимание – применение – анализ – синтез – оценка [5]). Метод case study одинаково эффективен как в процессе формирования у обучающихся практических навыков, так и в процессе теоретического обучения; как во время контактных занятий, так и для самостоятельного изучения темы. Описание реальных жизненных ситуаций можно использовать и в иллюстративных, и в исследовательских целях; как в ходе групповой, так

и индивидуальной работы; как во время текущего, так и итогового контроля знаний обучающихся.

Многовариативность в использовании предполагает подбор и разработку преподавателем различных кейсов, отвечающих злободневным учебным целям. В педагогической литературе кейсы классифицируют по различным основаниям: 1) по степени сложности: иллюстративные учебные кейсы, учебные кейсы с формированием проблемы, учебные кейсы без формирования проблемы, прикладные кейсы-упражнения; 2) по источнику формирования: практические кейсы, обучающие кейсы, научно-исследовательские кейсы; 3) по форме представления: текстовый кейс, аудио-видео кейсы [6. стр.193].

На начальных этапах обучения метод case study позволяет пробудить интерес к избранной специальности и поддерживать профессиональную мотивацию, а обучающиеся выпускных курсов бакалавриата получают возможность «примерить» на себя будущие профессиональные роли, что повышает уровень их практической готовности к профессиональной деятельности и развивает общие и специальные компетенции, отвечающие запросам рынка труда. На уровне послевузовского образования целесообразно использование исследовательских кейсов, направленных на получение обучающимися ранее неизвестных знаний о правоприменительной проблеме и способах ее разрешения путем обращения к научным источникам и генерирование на их основе новых идей.

Все вышеперечисленные преимущества метода case study можно успешно использовать в процессе подготовки судебных кадров: он способствует развитию у будущих судей умения анализировать жизненные ситуации и складывающиеся на их основе правоотношения, прививает навыки поиска подлежащей применению правовой нормы и их толкования применительно к ситуации, выбора и аргументации наиболее оптимального решения из возможных альтернатив при реализации предоставленных законом дискреционных полномочий.

В качестве специфических особенностей применения метода case study при изложении теоретического материала в процессе подготовки будущих судей можно отметить следующие моменты:

а) отбор и использование по одной теме нескольких судебных решений, в которых аналогичные жизненные ситуации получили различную правовую оценку;

б) стимулирование обучающихся к самостоятельному поиску подлежащей применению правовой нормы на основе анализа фактических обстоятельств, изложенных в фабуле кейса;

в) применение теоретических знаний для уяснения истинной воли законодателя, раскрытия сути и содержания подлежащей применению правовой нормы.

При проведении практических занятий значимость приобретают следующие аспекты метода case study:

- а) ориентирование обучающихся на поиск наиболее оптимального решения и на убедительную аргументацию избранной правовой позиции;
- б) провоцирование дискуссии путем предложения противоречивых решений одной и той же ситуации, каждое из которых нужно обосновать;
- в) привитие обучающимся навыков письменного решения кейса и устной публичной защиты.

Некоторые авторы полагают, что суть метода case study состоит исключительно в анализе реальных жизненных ситуаций, поэтому недопустимо использование специально подобранных или же составленных преподавателем кейсов [7. стр.172].

Безусловно, метод case study заключается в разборе и анализе случая, имевшего место в жизни, однако для привязки к изучаемой теме, для высвечивания актуальной правоприменительной проблемы, а также для экономии времени возможно использование судебных решений или других практических материалов не в полном объеме, а в форме выдержки. Часто возникает необходимость их адаптации к конкретным учебным целям. Свои преимущества имеет использование спорных судебных решений, ставших предметом рассмотрения на апелляционной и кассационной стадиях. В этом случае отсутствие однозначного ответа на поставленный вопрос стимулирует обучающихся на поиск альтернативных, нестандартных решений.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности применения метода case study в качестве инструмента оценивания степени усвоения учебного материала.

Преподавателями Академии правосудия, начиная с 2022 года для контроля знаний создаются так называемые комплексные кейсы – ситуации, при анализе и решении которых обучающиеся должны продемонстрировать полученные знания и умения, практические навыки по ряду учебных дисциплин, относящихся к нескольким формам судопроизводства.

В отношении абитуриентов комплексные кейсы используются для оценивания их готовности к обучению по образовательной программе магистратуры, в отношении магистрантов – на итоговой аттестации для оценки их учебных достижений, в отношении претендентов на должность судьи – на этапе квалификационного экзамена для оценивания готовности к профессиональной деятельности.

Можно выделить следующие особенности разработки и использования комплексных кейсов:

- фабула комплексного кейса основывается на реальном случае, ставшем предметом судебного рассмотрения, или же составляется «по мотивам» реального дела;
- фабула комплексного кейса формулируется сжато, текст не должен быть перегружен не имеющими юридического значения деталями и фактами;

- составные части комплексного кейса, относящиеся к различным формам судопроизводства, должны быть взаимосвязанными и не противоречивыми;

- комплексный кейс сопровождается краткими и лаконичными заданиями (не вопросами) по материальным и процессуальным отраслям права по каждой форме судопроизводства;

- задания формулируются таким образом, чтобы экзаменуемый получил общие ориентиры для поиска правильной квалификации или правильного разрешения правового спора;

- задания строятся таким образом, чтобы у экзаменуемого была возможность подробно аргументировать свой ответ;

- комплексный кейс может сопровождаться заданием о составлении проекта судебного или иного процессуального акта (или его части);

- возможно включение задания по обстоятельству, отсутствующему в фабуле комплексного кейса или не имеющему правового значения;

- для решения комплексного кейса с учетом его сложности и трудоемкости должно быть отведено достаточное количество времени;

- желательно сопроводить комплексный кейс краткой инструкцией, отражающей основные критерии оценивания (например, правильность, полнота, обоснованность);

- для исключения разногласий при проверке ответов, каждый комплексный кейс снабжается (до проведения экзамена) правильным (эталонным) решением.

Комплексные кейсы нивелируют такой недостаток «простых» кейсов, как привязанность к отдельно взятой учебной дисциплине или же к отдельной теме учебной дисциплины, способствуют целостному, а не фрагментарному, восприятию обучающимися правовой действительности.

Еще одним нововведением, используемым в Академии правосудия, является прием письменных экзаменов в формате «open book», когда для решения предложенного комплексного кейса экзаменуемым предоставляется возможность свободного использования нормативных правовых актов. Данный прием еще глубже погружает в будущую профессию и нацеливает на самостоятельный поиск наиболее рационального решения. Прием экзаменов в формате «open book» освобождает экзаменуемых от необходимости механического заучивания текста нормативных правовых актов, открывает поле для демонстрации их творческого потенциала, аналитических способностей и практических навыков.

Предоставление в распоряжение экзаменуемых комплексного кейса (описания ситуации) и нормативных правовых актов для его решения чревато игнорированием положений правовой доктрины. Предвосхищая такую опасность, преподаватели Академии правосудия сопровождают комплексные кейсы набором заданий, ответы на которые позволяют экзаменуемым продемонстрировать знание и законодательства, и теории,

и правоприменительной практики. Присваивание заданиям баллов с учетом уровня их сложности облегчает оценивание знаний экзаменующихся, а шифрование ответов обеспечивает объективность выставленной оценки.

Практикоориентированное обучение будущих судей играет ключевую роль в формировании профессиональных и личностных компетенций, необходимых для эффективного осуществления правосудия. В условиях стремительного изменения правовой среды и роста общественных ожиданий от судебной системы практикоориентированное обучение позволяет будущим судьям адаптироваться к профессиональным вызовам, выработать критическое мышление и этическую ответственность, что в конечном итоге способствует укреплению доверия к судебной власти.

Список использованной литературы:

1. Концепция развития юридического образования в Республике Казахстан на 2025-2030 годы: протокол РУМС МНВО от 30 декабря 2024 года <https://mnu.kz/ru/umo/>.
2. Панов С.Т., Панова А.А. Кейс-стади: теория, инструмент обучения, написание и анализ. – Астана: ТОО «Marketing partners», – 2012.
3. Андюсев Б.Е. Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей // Директор школы. - №4. – 2010. – 61-69 с.
4. Ваганова О.И., Жидков А.А. Кейс-метод в преподавании правовых дисциплин // Хуманитарни Балкански изследвания. – 2020. – №3 (9). – 47-50 с.
5. Bloom, B. S., Englehart, M. D., Furst, E. J., Hill, W. H., & Krathwohl, D. R.. The Taxonomy of educational objectives, handbook I: The Cognitive domain. New York: David McKay Co., Inc. – 1956. – 207 s.
6. Мелоян В.Г., Берларян М.Е. Case-study как эффективная технология обучения юристов // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №75 (4). – 192-195 с.
7. Буслаева И.М. Практико-ориентированный подход в обучении предпринимательству // Известия российского государственного педагогического университета им. Герцена А.И. – 2008. – №34 (74) – 170-175 с.

Байгалиев Алибек Болатович

доцент Кафедры общеправовых дисциплин Института
послевузовского образования Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
доктор философии (PhD)

Рахметоллов Аскар Канатович

старший преподаватель Кафедры общеправовых дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
доктор философии (PhD)

**ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ (МОДАЛЬНОСТИ) ДЛЯ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЗА РУБЕЖОМ**

Аннотация. Вопросы существования в системе правоохранительных органов специфических профессиональных, корпоративных норм заслуживают внимания, так как существование подобных специфических явлений социальной психологии и деонтологии оказывает существенное влияние на деятельность личного состава правоохранительных органов, на морально-психологический климат в коллективах, способствует или противодействует реализации многих управленческих решений.

В данной статье рассмотрены практика использования деонтологического кодекса Национальной полиции Франции, а также кодекса служащего Королевской полиции Северной Ирландии, Этического кодекса и Закона полицейских офицеров США, Кодексов поведения сотрудников ФБР, ЦРУ, Семи заповедей полицейских Германии и ряда других документов.

В статье проведен анализ международных и общеевропейских норм полицейской деонтологии, принятых ООН и Советом Европы, а также профессиональные кодексы поведения полицейского, действующие в Западной Европе и США.

Авторами сделана оценка деонтологических норм (модальностей) для сотрудников правоохранительных органов за рубежом с целью применения данной практики для разработки норм профессиональной деонтологии сотрудников прокуратуры.

Ключевые слова: деонтология, корпоративные нормы, кодексы чести, кодексы этики, деонтологические кодексы.

В условиях коренных изменений в Казахстане большую значимость приобретает повышение эффективности борьбы с преступностью, рост и качественные изменения которой являются одним из негативных последствий радикальных изменений в обществе. В реализации этой задачи важную роль должны играть нормы профессиональной деонтологии сотрудников прокуратуры.

В современных условиях большое значение приобретает деонтологическое регулирование деятельности правоохранительных органов, которое наряду с нормативным регулированием правоохранительной деятельности может оказать значительное влияние на эффективность работы органов прокуратуры.

Впервые термин «деонтология» (от греч. deontos должное и logos — учение) появился в вышедшей в 1834 году книге английского философа, юриста, родоначальника утилитаризма Джереми (Иеремия) Бентама «Deontology or the science of morality», что в прямом переводе означает «Деонтология, или наука о морали». Позже деонтологию стали отличать от аксиологии — учения о моральных ценностях [1].

В научной литературе конца XIX – начала XX вв. можно встретить узкое толкование понятия «деонтология»: как раздела этики, в котором рассматривались проблемы долга и вообще должного, то есть всего того, что могло выражать требования нравственности в форме предписаний. Эта трактовка близка и некоторым современным ученым.

Безусловно, внутренняя связь деонтологии с этикой сохранилась, независимо от того, о какой социальной сфере, о какой профессии бы ни шла речь. И это понятно, ибо долг, справедливость, совесть и честь, представление о добре и зле, наконец, о счастье и смысле жизни — категории этические.

Полицейская деонтология существует во многих странах мира, отражая национальные особенности их. Вместе с тем имеется тенденция к их интернационализации [2].

Профессиональная этика как система знаний о моральных нормах, формах моральной мотивации и оценок, действующих в реальной, конкретной профессиональной группе, решении задачи ее непосредственного внедрения в жизнь, деятельность по крайней мере медиков, юристов, полицейских, сотрудников милиции служит базой для создания (разработки) и внедрения адекватных социальной практике кодексов поведения.

В полицейской деонтологии реализуются нормы служебного долга, функционирования нормативно-ориентирующих институтов, а также сложившиеся в опыте профессиональные нормы, правила и традиции поведения. Полицейская деонтология воплощается в Присягах, кодексах этики, в особой профессионально-деонтологической системе подготовки сотрудников, в судах чести, в комиссиях по этике при полицейских органах и др. [3].

Как социальный институт деонтологические нормы и соответствующие этические кодексы (кодексы этики, деонтологические кодексы) дают профессионалу ориентиры в социальной практике.

Профессиональный кодекс поведения – это совокупность этических норм, сформулированных профессиональным объединением, сообществом, призванных регулировать его деятельность.

Как показывает практика становления и развития систем профессионально-этических норм полиции, взглядов на эти нормы, в последней половине XX века и особенно в 70-80-х годы, все чаще проблемы полицейской деонтологии решаются в рамках международной интеграции.

Развивающееся международное сотрудничество правоохранительных органов сложилось в определенную систему, в рамках которой решаются в первую очередь вопросы соблюдения полицией прав человека, проблемы предупреждения преступности, борьбы с ней, обращения с правонарушителями.

Методологической основой документов, определяющих принципиальные положения, сущностную трактовку международных этических и правовых норм полицейской деонтологии в современных условиях, является принятый Организацией Объединенных Наций Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979), а также принятые ООН в развитие этого документа Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса (1989). Главное внимание в этих документах уделено проблеме прав человека и обеспечению надежных юридических и нравственных барьеров на пути злонамеренного использования работниками полиции и другими должностными лицами по поддержанию правопорядка своей власти.

Организация Объединенных Наций в ходе работы над Кодексом поведения использовала опыт ряда стран, в том числе и общеевропейский опыт. Еще за полгода до принятия Генеральной ассамблеей ООН резолюции 34/169 Парламентская ассамблея Совета Европы 8 мая 1979 года приняла резолюцию №690, содержащую декларацию о полиции.

Правовое содержание деонтологических норм, изложенных в Кодексе, обусловлено прежде всего самим правовым характером этого международного документа и сферой отношений, в которой осуществляют свою регулятивную функцию содержащиеся в нем моральные нормы, реализуются принципы профессиональной этики.

Организационно-управленческий аспект изложенных в Кодексе поведения и в указанной резолюции ООН норм, принципов и рекомендаций проявляется в том, что здесь речь идет о конкретных должностных обязанностях (всех субъектов органов поддержания правопорядка), о ряде типовых служебных и управленческих ситуаций.

Деонтологические требования к поведению и деятельности работников полиции, изложенные в Кодексе, подчеркивают взаимосвязь моральных и правовых норм в системе социальных норм такой профессиональной группы как полиция. Указанный Кодекс устанавливает, что «те, кто обладает полицейскими полномочиями, обязуются уважать и защищать права человека по отношению ко всем лицам».

Приняв этот документ, Генеральная Ассамблея ООН обратилась к правительствам с рекомендацией рассмотреть вопрос о его использовании в рамках национального законодательства или практики в качестве свода принципов, которые должны соблюдаться указанной категорией должностных лиц.

Кодекс определяет также, что указанные должностные лица не только должны не совершать каких-либо актов коррупции, но и обязаны всемерно препятствовать таким актам и бороться с ними.

Морально-этическое содержание Кодекса определяется только его целью обеспечить «эффективное поддержание этических норм среди должностных лиц», ориентацией на приоритет общечеловеческих моральных ценностей (гуманизм, милосердие, справедливость, терпимость и др.), но и обращением к таким моральным категориям, как достоинство, репутация, жестокость, бесчеловечность, сострадание, стимулы, тайна, уважение, моральная поддержка, нравственное поведение, моральная ответственность. Кодекс имеет четко выраженный моральный смысл еще и потому, что он оптимально объединяет регулятивные возможности морали и права.

Правовое содержание деонтологических норм, изложенных в Кодексе, обусловлено, прежде всего, самим правовым характером этого международного документа и сферой отношений, в которой осуществляют свою регулятивную функцию содержащиеся в нем моральные нормы, реализуются принципы профессиональной этики. По замыслу комиссий ООН, готовивших документ, и по его содержанию, смыслу рекомендаций, содержащихся в резолюции 34/169, он должен реализоваться как в законодательстве стран, так и в деонтологических, этических кодексах поведения работников полиции, ряда других государственных органов. Однако в обоих случаях его требования адресованы полицейскому, работнику милиции как единому субъекту, его моральной и правовой практике.

Данный Кодекс в последующие годы был положен в основу ряда деонтологических, профессионально-этических кодексов работников полиции США, ФРГ, Франции, других западноевропейских стран. Но международное сотрудничество в области деятельности правоохранительных органов и их профессиональных проблем строится, естественно, на основе интеграции национального опыта многих стран в этой области.

Деонтологические нормы и кодексы тем и отличаются от сугубо правовых норм, которые приобретают силу, только будучи включенными в законы, что принципы и нормы деонтологии сильны своим моральным авторитетом.

В зарубежных странах уделяется особое внимание деонтологии юридических профессий в нормативно-правовом аспекте. Так, Декретом №86592 введен «Кодекс деонтологии национальной полиции Франции», в Англии имеется «Положение об этических принципах полицейской

службы Великобритании», в ФРГ – «Этика полицейского ФРГ», в США – «Морально-этический кодекс полицейского США». В России утвержден «Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации». Наконец, на международном уровне имеется немало правовых документов, посвященных деонтологическому кодексу ряда юридических профессий, например, Кодекс правил осуществления деятельности адвокатов Европейского сообщества, принятый делегацией двенадцати стран-участниц на заседании в Страсбурге в октябре 1988 года (Деонтологический кодекс).

Анализ практики разработки, принятия и внедрения деонтологических кодексов в деятельность полицейских служб, а также в подготовку кадров и профессионально-этическое воспитание молодых сотрудников, во всю систему работы с персоналом полиции во многих странах Европы и в США показывает, что после 1979 года в этой сфере произошли заметные изменения: многие страны разработали или переработали соответствующие документы.

Именно в духе требований и принципов Кодекса поведения сформулированы основные положения одного из этических кодексов полиции США. Однако в нем просматривается и обратное влияние содержания кодексов полиции и других правовых актов различных стран.

В Кодексе поведения полицейского Королевской полиции Северной Ирландии в значительной мере нашли отражение принципы и формулировки Кодекса поведения, принятого ООН в 1979 году. Следует отметить, что Кодекс полицейского Северной Ирландии не так краток, как Кодекс поведения, и составляет семь страниц текста, отличается большей детализацией и включенной в текст статей аргументацией норм. К тому же он содержит такие статьи, как Л («Профессиональная компетенция») и М («Личная жизнь»), закономерно расширяющие сферу социальных отношений, в которых деятельность и поведение полицейского регулируется соответствующими деонтологическими нормами.

Не все страны (особенно европейские) посчитали необходимым точно исходить из рекомендаций ООН при разработке своих кодексов поведения полицейских.

Например, ФРГ исходит из того, что «Кодекс поведения, одобренный Генеральной Ассамблеей (106-й Ассамблеей) Объединенных Наций, не имеет прямой правовой силы. Он представляет собой просто рекомендацию для членов ООН. Непосредственного действия он достигает только при включении его во внутригосударственное право. Поскольку Кодекс поведения содержит уже действующее международное право, то он в ФРГ действует непосредственно, согласно статье 25 Основного Закона (Конституции ФРГ). Положения Кодекса уже содержатся в законах, относящихся к полиции».

Деонтологический кодекс «Семь заповедей для полицейских служащих» сыграл большую роль в формировании концепции профессиональной этики полицейского в Германии.

Исследование концепции профессиональной этики полицейских Германии дает возможность сделать следующие выводы:

- несмотря на отсутствие национального кодекса поведения полицейских, кадры Германии располагают глубоко проработанной концепцией этических норм;

- в полиции Германии нормы и принципы Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого ООН, действуют непосредственно;

- основные теоретические положения концепции профессиональной этики полиции ФРГ сложились под воздействием немецкой школы этической мысли, научных традиций данной страны, при позитивном влиянии деонтологических концепций стран Европы;

- специфику формирования концепции и практической реализации норм этики в деятельности сотрудников полиции ФРГ составляет значительное влияние церкви, ее двух основных конфессий (католической и евангелической), непосредственно участвующих в нравственном воспитании полицейских;

- позитивной стороной анализируемой концепции является не только ее теоретическая часть, но и глубокая разработка путей ее реализации на практике посредством внедрения системы профессионально-этической подготовки кадров, их воспитания, обобщения опыта преподавания профессиональной этики, социализации молодых кадров полиции, их нравственного совершенствования в традиционном для этой страны направлении;

- нормативно-ориентирующий институт деонтологических (профессионально-этических) норм сотрудников полиции ФРГ, подкрепленный сложившейся системой профессионально-этической подготовки и воспитания кадров полиции во взаимодействии с социальным институтом церкви, составляет сложный, характерный для этой страны комплекс достаточно уникальную систему реализации социальных норм в конкретной профессиональной группе;

- в учебных заведениях полиции ФРГ по хорошо разработанной и совсем не сугубо церковной программе профессиональную этику преподают как ученые, преподаватели – офицеры полиции, так и штатные полицейские священники. 70% личного состава системы МВД ФРГ составляют полицейские «среднего звена», поэтому на три года обучения профессиональной этике отводится от 40 до 100 часов учебного времени. Так, в Баварии, Северной Рейн-Вестфалии – от 92 до 104 часов, а в ряде других земель – 30-60. Учебные занятия по профессиональной этике распределены по всем трем годам обучения. Среди тем занятий – присяга, авторитет, нормы поведения в самых различных ситуациях полицейской службы, контактах с коллегами, гражданами, правонарушителями (полиция и молодежь, полиция и старики, больные, инвалиды, полиция и цыгане и т.д.).

Этика полицейского составляет в ФРГ часть отдельной, специфической, но достаточно разработанной полицейской науки.

Существенно отличается в этом смысле принципиальная позиция и концепция Франции. 18 марта 1986 года здесь был принят декрет №86.592, которым утвержден Деонтологический кодекс Национальной полиции, состоящий из 20 статей.

Кодекс состоит из 20 статей, объединенных в три главы:

- Глава I. «Общие обязанности сотрудников национальной полиции»;

- Глава II. «Взаимные права и обязанности сотрудников полиции и их руководителей»;

- Глава III. «О контроле полиции».

Характерной особенностью французской концепции полицейской деонтологии является также и то, что в системе социальных норм, сформулированных в Деонтологическом кодексе, значительное место, фактически вся II глава Кодекса «Взаимные права и обязанности сотрудников полиции и их руководителей» посвящена нормам поведения руководителей при выполнении ими командных функций и нормам действий сотрудников, находящихся в подчинении.

Российский ученый Кукушин В.М. сравнивает деонтологический кодекс национальной полиции Франции с законом о милиции, с критериями оценки полицейского в Нью-Йорке, где собственно этические нормы соседствуют с требованиями к внешнему виду, к коммуникативным умениям, интеллектуальным качествам, а также способности к профессиональному общению и навыкам применять знания в конкретной ситуации и т. д. [2. стр.120].

Обобщая вышесказанное, хотелось бы отметить, что значение полицейской деонтологии Франции состоит в том, что она придает конкретность усилиям по формированию моральных качеств, необходимых полицейскому-профессионалу.

Анализ практики использования деонтологического кодекса Национальной полиции Франции, а также кодекса служащего Королевской полиции Северной Ирландии, Этического кодекса и Закона полицейских офицеров США, Кодексов поведения сотрудников ФБР, ЦРУ, Семи заповедей полицейских Германии и ряда других документов показал, что несмотря на характерные национальные особенности, есть нечто общее в социологических проблемах формирования, разработки, общественного восприятия, реального становления и практической реализации норм полицейской деонтологии, удостоверяемое мировой практикой.

Таким образом, можно утверждать, что принятый ООН Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и Полицейская декларация, а также развивающееся международное сотрудничество в области внедрения норм полицейской деонтологии в практику деятельности полиции свидетельствует о международном

признании системы норм полицейской деонтологии как общепринятого нормативно-ориентированного социального института.

Однако любой деонтологический кодекс, не имеющий статуса закона, будет носить чисто декларативный характер. Реальное воздействие подобного кодекса на поведение сотрудника правоохранительной сферы будет минимальным.

Сравнительно-правовой анализ международных актов и концепций полицейской деонтологии с нормативными актами правоохранительных органов Республики Казахстан необходим для формирования относительно самостоятельной концепции деонтологии правоохранительных органов Казахстана, доказательства необходимости использования зарубежного опыта функционирования деонтологических нормы поведения сотрудника правоохранительных органов в целях повышения нравственного потенциала персонала как фактора укрепления законности и правопорядка в Казахстане.

При разработке новых специализированных этико-профессиональных кодексов необходим дифференцированный подход к деятельности правоохранительных органов, при этом специфика деятельности органов прокуратуры определяет систему ориентирующих, предписывающих и стимулирующих норм, что позволит более эффективно использовать деонтологические методы регулирования служебной деятельности личного состава в данной сфере правоохранительной функции. Общие нормы и принципы полицейской (милицейской) деонтологии не исключают, а предполагают наличие системы специальных норм, конкретно отражающих особые правила поведения, характерные только для прокуратуры.

Список использованной литературы:

1. Абишева В.Т. Деонтология журналистики: к истории вопроса // Журнал: Вестник КарГУ, – 2011, <http://articlekz.com/article/6440>.
2. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. – М., – 1989.
3. Кукушин В.М. Полицейская деонтология. – М., – 1994.

Возняк Оксана Александровна
teaching professor MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПРАКТИКИ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения материалов практики в рамках преподавания курса «Уголовное право».

Сегодня изменились требования к профессиональным знаниям как к выпускникам ВУЗа, так и в отношении самого преподавателя, ответственного за формирование знаний и навыков. Педагог должен приблизить учебный процесс к реальным условиям, чему способствует использование интерактивных методов обучения.

Автор отражает собственные наработки в плане использования материалов практики при разработке кейсов.

Ключевые слова: компетенция, практическая направленность, профессиональные знания, юрист, кейс-метод, решение суда, материалы практики, мотивация, вовлеченность, фабула кейса.

На современного педагога сегодня возложена задача интеграции теоретических знаний и практических умений в рамках реализации компетентностного подхода [1. стр.1]. Педагог должен не только понимать педагогические подходы качественного обучения, но и проводить учебные занятия с учетом принципов студентоцентрированного обучения и оценивания; уметь разрабатывать учебно-методические материалы по преподаваемым дисциплинам с учетом интеграции образования, науки и инноваций; учитывать специфику профессии, а не абстрагироваться от нее, давая общие знания, должен знать и применять методы и технологии обучения, позволяющие максимально приблизить студентов к реальным условиям, более того, не должен ограничиваться лишь передачей знаний, а быть экспертом в своей области [2].

С этой целью в вузах перестраивается процесс обучения, интегрируются новые методы обучения, «педагогические/технологические инструменты» [3. стр.9]. Преподаватель не может не учитывать новые направления исследований, изменения в законодательстве, должен сам участвовать в научных исследованиях, чтобы быть в тренде, знать какие изменения происходят в законодательстве, уметь апеллировать позициями ученых по конкретной проблематике.

Одним из методов активного обучения выступает кейс-метод (case study), технология, пришедшая из бизнес образования, в основе которого лежит процесс анализа ситуации на конкретной организации. При подготовке юристов данный метод давно и прочно закрепился, хотя и в несколько модифицированной форме.

Метод заключается в анализе реальной или разработанной преподавателем ситуации, ответе на вопросы, разрешении какой-либо проблемы или комплекса таких проблем. Кейс позволяет повысить интерес учащихся к предмету, и применение данной технологии помогает развить в них такие важные качества, как умение аргументировано выразить свое мнение [4. стр.3].

Кейсы используются в рамках учебного процесса на всех уровнях образования: бакалавриате, магистратуре, докторантуре. Отличие состоит в сложности поставленных вопросов: бакалаврам, которые только приступили к изучению уголовного права, предлагается определить наличие какого-либо одного из институтов уголовного права, квалифицировать деяние, то есть применить полученные знания; в магистратуре кейсы предлагаются более сложные, как в рамках самой фабулы, требующей серьезного анализа, изучения нескольких институтов уголовного права, так и в постановке проблемных вопросов, как например, определение пробелов в законодательстве, определение сложностей при квалификации, в разграничении смежных составов уголовных правонарушений. Метод позволяет выработать умения анализировать ситуацию, определять обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение, влияющие на квалификацию, отличать их от обстоятельств, которые введены для рассмотрения дела, и не имеющие значения для юридической оценки содеянного.

Сюжет для фабулы кейса может быть заимствован из реальной практики или намеренно разрабатывается преподавателем для решения конкретной задачи [5. стр.56]. Так, при изучении вопросов соучастия преподаватель разрабатывает фабулу, в которой описывает действия каждого из соучастников для понимания роли и ответственности каждого, определения признаков соучастия, наглядного понимания отличий разных форм соучастия. Допустим, формулирует фабулу, в которой «Иванов» (вымышленный субъект) создает преступную группу (при этом преподаватель не указывает намеренно вид преступной группы, но включает в текст обстоятельства, сроки, конкретные действия, из анализа совокупности которых можно понять: между субъектами имеется предварительная договоренность, которая была получена до выполнения объективной стороны деяния, речь идет об организованной группе, банде, которая отличается от других преступных групп готовностью к применению насилия, вооруженностью). Студент, владеющий материалом, самостоятельно может определить какие вопросы следует решить, кроме указания вида преступной группы (определить наличие качественных и количественных признаков соучастия, определить виды соучастников и ответственность каждого из них с учетом выполняемой роли, эксцесс исполнителя, провести разграничение соучастия от прикосновенности к преступлению и др.).

В качестве повышенного уровня сложности студентам может быть предложено изучить несколько решений суда по одной и той же проблеме за разные годы (допустим за период 5-10 лет), например, квалификация убийства женщины, находящейся в состоянии беременности. Посмотреть, как студенты смогут определить проблему в случае

подтверждения факта беременности потерпевшей или заключения экспертизы об отсутствии таковой (по вопросу квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, постановление менялось несколько раз). Студенты должны определить, каким образом следует решить ситуацию в случае конкуренции субъективного и объективного признака, какие документы, обстоятельства учитывает суд для доказательств факта осознания субъектом беременности потерпевшей.

Каждый кейс должен иметь цель, формулировать которую - задача преподавателя. Цели формируются по аналогии с целью занятий в целом и зависят от уровня образования. Например, в рамках «оценки», «синтеза» перед студентами может быть поставлена задача по обнаружению ошибок, принятию правильного решения [6], формулированию собственных выводов, разработке проекта решения по конкретной ситуации (например, подготовить проект мотивировочной или резолютивной части приговора).

Хорошим подспорьем для разработки фабулы кейса выступают материалы практики. Преподаватель может опираться на описание содеянного конкретными субъектами. Реальные люди, с невыдуманными историями, мотивами, обстоятельствами жизни вызывают неподдельный интерес, особенно если «сюжет» кейса, основанный на реальном фактическом материале, с запутанным сюжетом. Конечно, если на основе реального дела формулируется фабула, то преподаватель должен обеспечить переработку материала: изменить данные, определить последовательность действий/событий, указать обстоятельства, которые позволят студентам ответить на поставленные вопросы, квалифицировать деяние, не додумывая обстоятельства.

Как вариант работы с материалами практики – использование материалов практики без резолютивной части, чтобы сами студенты, изучая последовательность событий, описание личностных характеристик, постпреступного поведения, квалифицировав деяние, «назначили» наказание за содеянное. В решениях суда уже приводятся правовые акты, которые учтены судом, что может помочь студентам в поиске необходимых источников информации.

В качестве задания для самостоятельной работы также могут быть использованы решения судов. Допустим, студентам определено задание: изучить материалы судов по конкретному вопросу/проблеме (например, как суд доказывает осознание субъектом возраста потерпевшего в составах изнасилования, вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, определении способов вовлечения и сформулировать обобщение судебной практики по данному вопросу/проблеме). Тем самым достигаются результаты обучения, характеризующие способности студента демонстрировать знания в изучаемой области, осуществлять сбор и интерпретацию информации для формирования суждений, умение формулировать аргументы и решать проблемы изучаемой области [7].

В качестве примера приведем опыт работы с материалами дела по убийству с особой жестокостью. На протяжении двух семестров студенты работали с материалами практики, определяя основания и правильность применения обратной силы закона (по данному делу обратная сила закона была применена несколько раз), студент должен ознакомиться с решением суда об обратной силе закона, сопоставить все имеющиеся данные по делу и обосновать правильность принятия решения; задание требует от обучающихся изучения ряда нормативных актов, их последовательность. В дальнейшем по данному делу перед студентами ставится задача по квалификации содеянного субъектом (определить наличие признаков убийства, обстоятельств, позволяющих судить о способе совершения преступления – особой жестокости), рассмотреть вопрос о правильности назначенного наказания (обоснование по видам и размерам наказания, применения специальных правил назначения наказания при наличии рецидива).

Задания, связанные с выявлением ошибок в правоприменительной практике, вызывают интерес у обучающихся, но сложны в плане подготовки к занятиям. Такие задания ориентированы на успевающих студентов, проявляющих интерес к процессу обучения, требуют от них концентрации, внимания к мелочам, навыкам работы с нормативными актами. Так, по ранее указанному уголовному делу по убийству, перед студентами была поставлена задача определить/выявить все допущенные ошибки при квалификации, назначении наказания.

Итак, применение кейс-метода в подготовке юристов несомненно можно отнести к практико-ориентированной составляющей подготовки выпускников. Такой подход позволяет мотивировать участников учебного процесса, активизировать обучение, требует от них самостоятельности в применении решения и сознательности [8]. Использование кейсов на каждом занятии может выработать у обучающихся алгоритм решения, алгоритм принятия решения и выработать «устойчивый навык решения практических задач» [6].

Список использованной литературы:

1. Альмухаметова Г.Г., Ярмухаметов А.К., Баграмян С.Л., Литвиненко А.А. О роли компетентностного подхода в подготовке будущих юристов // Human Progress. 2024. Том 10, Вып. 5 http://progress-human.com/images/2024/Tom10_5/Almukhametova.pdf
2. Профессиональный стандарт для педагогов (профессорско-преподавательского состава) организаций высшего и (или) послевузовского образования Приказ Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 20 ноября 2023 года №591 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23HN000591>
3. Сейтенов К.К. Инновационные подходы в образовании: современные педагогические/технологические инструменты и их применение в Академии правоохранительных органов: Сборник материалов международного вебинара «Применение инновационных методов обучения при повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов», 7 ноября 2024 года, Косшы, – 2025. – 9-12 с.

4. Тлепина Ш.В. Избранные кейсы по международному праву: Учебно-методическое пособие (коллектив авторов). - Алматы: ЭВЕРО, – 2022. – 108 с.
5. Возняк О.А. Применение метода case-study с использованием матрицы (опыт МНУ): Сборник материалов международного вебинара «Применение инновационных методов обучения при повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов», 7 ноября 2024 года, Косшы, – 2025. – 55-60 с.
6. Багиев Г.Л., Наумов В.Н. Руководство к практическим занятиям по маркетингу с использованием кейс-метода <https://www.marketing.spb.ru/read/m21/index.htm>.
7. Приказ Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 20 июля 2022 года № 2 «Об утверждении государственных общеобязательных стандартов высшего и послевузовского образования» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028916#z22>.
8. Ярычев Н.У., Цамаева А.А. Практико-ориентированная направленность подготовки будущего юриста в вузе //Фундаментальные исследования. – 2014. – №11 (часть 6). – 1394-1397 с. // <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35739>.

Есімхан Жасұлан Ізбастыұлы

старший преподаватель Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр педагогических наук

Карымсакова Асел Сериказиевна

преподаватель Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр педагогических наук

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В ДИСТАНЦИОННОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к оценке учебных достижений в дистанционной подготовке сотрудников правоохранительных органов. Акцент сделан на необходимости формирования объективной, методически обоснованной системы контроля и оценки, учитывающей специфику юридического образования. Анализируются формы текущего и итогового контроля, включая автоматизированные тестовые системы (Computer Marked Assignment – CMA), письменные работы (Tutor Marked Assignment – TMA), цифровое портфолио, проектные задания и онлайн-защиту итоговых работ. Представлен опыт Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, демонстрирующий эффективность гибридных моделей оценки. Отдельное внимание уделено вызовам академической добросовестности и необходимости совершенствования цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: дистанционное обучение, юридическое образование, оценка знаний, автоматизированное тестирование, академическая добросовестность, цифровое портфолио, проектная деятельность, контроль знаний, правоохранительные органы, гибридные методы.

Современный этап глобального развития характеризуется многогранными трансформациями: усиливается переосмысление геополитических процессов, сохраняются последствия масштабной пандемии, продолжается углубление глобального экономического дисбаланса, а также наблюдается стремительное распространение цифровых технологий. В таких условиях возрастает потребность в формировании у граждан, особенно будущих специалистов в области юриспруденции, гибкости мышления, цифровой грамотности, адаптивности и способности к принятию решений в быстро меняющейся социальной и правовой среде.

В Послании Президента Республики Казахстан К-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 года особое внимание уделено вопросам образования и науки. Президент подчеркнул необходимость повышения качества высшего образования, подготовки квалифицированных кадров и укрепления научного потенциала страны [1. стр.4].

В частности, Глава государства отметил, что «обеспечение экономики квалифицированными кадрами — это самая насущная задача». Он подчеркнул важность преодоления нехватки отраслевых специалистов, включая юристов, и подготовки специалистов по профессиям будущего. Также было акцентировано внимание на необходимости усиления связи университетов с реальным сектором экономики и синхронизации инновационной политики с научно-технологическими приоритетами страны. Президент поручил Правительству разработать специальную программу, направленную на развитие университетской науки и научной инфраструктуры. Особое внимание должно быть уделено повышению уровня научных исследований, улучшению связей университетов с производственными предприятиями и модернизации научной инфраструктуры [1. стр.6].

В контексте дистанционного образования и подготовки кадров для правоохранительных органов, Послание Президента подчеркивает важность внедрения инновационных методов и инструментов в систему образования, включая дистанционное обучение. Необходимо обеспечить доступность образовательных услуг для всех граждан, включая тех, кто проживает в отдаленных регионах [2. стр.2]. Внедрение дистанционного обучения требует разработки эффективных систем оценки учебных достижений, которые обеспечат объективность и прозрачность процесса обучения.

Научное сообщество и практики юридического образования продолжают активно исследовать и внедрять инновационные педагогические технологии, ориентированные на развитие аналитических, критических и исследовательских компетенций у будущих научных работников в сфере права. Одной из таких перспективных форм сегодня является дистанционное обучение (далее – ДО), которое, при грамотной организации и методической поддержке, способно эффективно решать задачи многоуровневой подготовки юридических кадров [4. стр.25].

Современные телекоммуникационные технологии, активно внедряемые в образовательный процесс, обеспечивают не только своевременную подачу учебного материала, но и организацию полноценной научной и педагогической коммуникации между преподавателями и обучающимися [5. стр.88]. Таким образом, дистанционное обучение трансформируется из вспомогательной формы в полноценный образовательный формат, особенно актуальный в

условиях трансформации образовательной среды и цифровизации научного знания.

Особенно актуальна данная модель для Казахстана — страны с обширной территорией и концентрацией научно-образовательных центров в крупных городах. При этом необходимо учитывать, что успешная реализация потенциала дистанционного обучения невозможна без адекватной системы оценки академической успеваемости, включающей как объективные цифровые инструменты, так и научно обоснованные методики измерения сформированных компетенций [6. стр.2–3].

Несмотря на неоспоримые преимущества, дистанционное обучение в системе подготовки и переподготовки юридических кадров, в том числе в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (далее – Академия), сталкивается с рядом теоретических и практических вызовов. Одной из наиболее острых проблем, сохраняющих актуальность, остаётся организация эффективного и объективного контроля за учебной деятельностью магистрантов и докторантов, обучающихся в дистанционном формате [7. стр.1].

Опыт Академии показывает, что в условиях дистанционного образовательного процесса уровень самодисциплины, внутренняя мотивация и личная ответственность слушателей приобретают ключевое значение. Однако при этом существенно ограничиваются традиционные педагогические рычаги воздействия и непосредственное взаимодействие между преподавателем и обучающимся. Это создаёт предпосылки для недостоверного отражения реального уровня усвоения учебного материала, что особенно критично при подготовке будущих научных и практических работников в области юриспруденции. В связи с этим задача объективного оценивания знаний и надлежащей организации контроля в дистанционном обучении приобретает первостепенную значимость [6. стр.5].

В академической практике можно выделить два ключевых компонента системы оценки в рамках дистанционного образовательного курса:

1. Промежуточный контроль — как правило, итоговый экзамен, включающий обязательную процедуру идентификации личности обучающегося и обеспечивающий проверку академической добросовестности.

2. Текущий (формирующий) контроль, предоставляющий обучающемуся возможность выполнять задания в индивидуальном темпе, в пределах установленного срока [2. стр.4].

На этапе текущего контроля преподавателю предоставляется выбор различных форматов оценки. Одной из наиболее широко используемых и апробированных форм в Академии является:

Тестирование, проверяемое с помощью автоматизированных систем (СМА). Это система объективных тестов с выбором ответов, результаты которых обрабатываются без участия преподавателя [8. стр.3–5]. Основными преимуществами СМА являются экономичность, оперативность предоставления обратной связи, а также возможность охвата большого количества обучающихся одновременно, что особенно актуально при массовом повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, организация контроля и оценивания в дистанционном обучении требует разработки целостной, методически обоснованной системы, учитывающей специфику подготовки научных и практико-ориентированных специалистов в сфере юриспруденции. Опыт Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан демонстрирует, что при правильной интеграции цифровых инструментов и обеспечении институционального сопровождения можно достигать высокого уровня объективности и эффективности образовательного процесса даже в условиях дистанционного формата.

Наряду с тестовыми формами текущего контроля в практике Академии применяются и иные методы оценки, позволяющие более глубоко анализировать уровень сформированности профессиональных, аналитических и научно-исследовательских компетенций [10. стр.112]. К таким методам относятся:

Контрольные и реферативные работы, проверяемые тьютором (ТМА). В рамках магистерских и докторских программ Академии особое внимание уделяется письменным аналитическим заданиям, требующим самостоятельного обобщения теоретических источников, нормативно-правового анализа и оценки практических кейсов. Такая форма контроля позволяет преподавателю не только оценить уровень освоения содержания курса, но и индивидуально прокомментировать сильные и слабые стороны работы, способствуя развитию критического мышления и навыков юридической аргументации.

Проектные задания и портфолио, в том числе мини-исследования, правовые заключения и презентации по конкретным проблемам правоприменительной практики. Эти формы активно внедряются в рамках подготовки слушателей Академии, особенно в исследовательском блоке. Комплексный характер подобных заданий позволяет обучающимся продемонстрировать умение применять полученные знания в прикладных условиях, в том числе в контексте противодействия коррупции, обеспечения законности в следственных действиях, либо анализа судебной практики.

Однако такие методы оценки, несмотря на их дидактическую ценность, обладают и рядом ограничений. Прежде всего, это высокая степень субъективности при оценивании, необходимость значительных временных затрат со стороны преподавателей, а также ограниченные

технические возможности полной автоматизации таких форм контроля. В условиях дистанционного обучения, когда непосредственное взаимодействие между преподавателем и обучающимся затруднено, это может осложнять объективную оценку знаний.

Для преодоления указанных ограничений в Академии активно применяются гибридные модели контроля, сочетающие элементы автоматизированного тестирования и экспертной оценки преподавателя. Так, в рамках итоговой аттестации могут использоваться онлайн-защиты письменных работ, проводимые в формате синхронной видеоконференции с обязательной идентификацией обучающегося и видеозаписью процедуры [3. стр.7]. Это позволяет обеспечить академическую честность, а также соблюдение стандартов качества научно-квалификационных исследований.

В перспективе особое внимание требует развитие цифровых портфолио, в которых аккумулируются ключевые достижения обучающегося в процессе обучения: выполненные задания, отзывы тьюторов, научные публикации, участие в юридических клиниках и практических стажировках. Такая система может стать основой для комплексной оценки профессионального роста и академической зрелости магистрантов и докторантов.

Среди эффективных инструментов текущего контроля в условиях дистанционного формата также можно выделить электронные анкеты, регулярно рассылаемые обучающимся [5. стр.190]. Анкетирование позволяет преподавателю оперативно получать обратную связь, оценивать степень усвоения материала и корректировать учебный процесс в режиме реального времени. Однако для обеспечения надежности такая форма оценки требует предварительного пилотного тестирования и постоянного обновления банка вопросов.

Кроме того, практикуется поэтапное выполнение промежуточных контрольных работ, которые могут быть как письменными, так и в виде видео презентаций, устных защит или рецензируемых текстов. В некоторых курсах традиционный экзамен заменяется написанием итогового эссе, защитой тезисов или публичной презентацией проекта, что позволяет учитывать академическую зрелость и коммуникативные навыки обучающегося. Вместе с тем, по большинству дисциплин, особенно профильных юридических, обучение в дистанционном формате завершает итоговый письменный экзамен, продолжительностью до трёх часов, проводимый в условиях идентифицированного контроля.

Следует отметить, что все перечисленные методы контроля и оценивания могут быть успешно реализованы в телекоммуникационной образовательной среде, не только с использованием современных синхронных видео конференц-платформ, но и с помощью таких традиционных инструментов, как электронная почта и асинхронные образовательные модули.

Таким образом, формирование и развитие комплексной системы оценки в условиях дистанционного обучения в Академии правоохранительных органов требует сбалансированного сочетания цифровых технологий, методической строгости, педагогической гибкости и правового регламентирования. Только в этом случае возможно обеспечить высокий уровень достоверности, академической добросовестности и практической значимости получаемых результатов, что особенно критично при подготовке высококвалифицированных специалистов в сфере юстиции и правоохранительной деятельности.

Современная система оценки знаний в условиях дистанционного обучения, особенно в рамках подготовки магистрантов и докторантов юридического профиля, продемонстрировала как значительный потенциал, так и ряд объективных ограничений, требующих осмысления и доработки. Опыт, накопленный в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, подтверждает, что цифровизация образовательного процесса в сфере юриспруденции может быть эффективной при условии соблюдения целого комплекса организационно-методических и технологических требований.

Вместе с тем система оценки в дистанционном обучении сталкивается с рядом вызовов. Одним из ключевых остаётся высокая степень субъективности при проверке письменных заданий, таких как ТМА, эссе или проектные работы. Несмотря на их высокую дидактическую ценность, сложность заключается в обеспечении единообразных критериев оценивания, особенно при участии нескольких преподавателей. Кроме того, значительное время, необходимое для проверки таких заданий, затрудняет масштабирование подобных форм контроля при росте числа обучающихся.

Серьезные вопросы вызывает и достоверность результатов при асинхронном тестировании. Отсутствие непосредственного контроля за выполнением заданий снижает уверенность в соблюдении академической честности. В ответ на это Академия реализует целый спектр защитных мер — от технологических (аутентификация, шифрование, одноразовые ключи) до организационных (региональные центры контроля, видеоидентификация) и психологических (ограничения по времени, случайная ротация заданий). Тем не менее, полная гарантия объективности в таких условиях все еще представляет собой методологическую и техническую проблему.

Также, в условиях ограничений очного взаимодействия всё большее значение приобретает развитие цифрового портфолио как средства комплексной оценки академической и профессиональной зрелости обучающегося. Накопительная система, включающая выполненные задания, отзывы преподавателей, научные публикации, практико-ориентированные исследования, становится надёжным инструментом

измерения прогресса и подтверждения достигнутого уровня компетентности.

Заключение. В заключение, можно сказать, что в условиях дистанционного обучения важность выполнения обучающимся оцениваемых заданий до конца не осознана и недооценена. В дистанционном образовании основой учебного процесса является взаимодействие между обучающимся и преподавателем в процессе обратной связи и оценки знаний. Решение проблем ДО, в том числе построение единой системы контроля и оценки, требует времени и значительных ресурсов. Трудности в выполнении заданий часто связаны не с недобросовестностью студентов, а с техническими сбоями. Эти проблемы будут сохраняться до тех пор, пока техническая база ДО не будет полностью усовершенствована. В то же время рост сферы IT, необходимость постоянного обновления профессиональных навыков способствуют совершенствованию педагогических технологий и методов оценки в дистанционном обучении. Система оценки в ДО должна базироваться на организационных, методологических и качественных аспектах, учитывать сложность и многомерность понятия «уровень знаний», а также стратегии и идеи развития педагогических технологий в Казахстане [9. стр.61].

Список использованной литературы:

1. Послание Президента РК народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» - новый политический курс состоявшегося государства» АСТАНА. 14 декабря. КАЗИНФОРМ. https://www.inform.kz/ru/poslanie-prezidenta-rk-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyuy-politicheskiy-kurs-sostoyavshegosya-gosudarstva_a2518829.
2. «Об утверждении требований к организациям образования по предоставлению дистанционного обучения и правил организации учебного процесса по дистанционному обучению и в форме онлайн-обучения по образовательным программам высшего и (или) послевузовского образования» Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 20 марта 2015 года № 137. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 22 апреля 2015 года № 10768. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010768>.
3. Правила организации учебного процесса по дистанционному обучению в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан: Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 12 июля 2021 года №101 <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V2100023513>.
4. Правила организации учебного процесса по дистанционному обучению в военных, специальных учебных заведениях Министерства внутренних дел Республики Казахстан: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 28 апреля 2021 года №245 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100022653>.
5. Полат Е.С. Дистанционное обучение. М.: Владос, 1998. – 328 с.
6. Өстеміров К. Современные педагогические технологии и средства обучения. – Алматы. ТОО Казпрофтех. – 227 с.
7. Объективный контроль знаний в условиях дистанционного обучения: отечественный и зарубежный опыт <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnyy-kontrol-znaniy-v-usloviyah-distantsionnogo-obucheniya-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt/viewer>.

8. Садыхова Н., Гусейнов Р. Казахстан изучил международный опыт при переходе на дистанционное обучение из-за COVID-19: Бизнес Материалы, 24 августа 2020. <https://www.trend.az/business/economy/3288918.html>.
9. A Systematic Review of Online Exams Solutions in E-learning: Techniques, Tools and Global Adoption. Abdul Wahab Muzaffar, Muhammad Tahir, Muhammad Waseem Anwar, Qaiser Chaudry, Shamaila Rasheed Mir, Yawar Rasheed <https://arxiv.org/abs/2010.07086>.
10. Түймебаева Ж.Қ. Энциклопедический словарь «Білім және Ғылым». – Алматы: Атамұра, 2009. – 135 с.
11. Әлімов А. Проблемы применения интерактивной методики в вузах. – Алматы: Ғылым, 2013. – 448 с.

Ещанов Алмаз Шукирович

профессор Института послевузовского образования Академии
правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики
Казахстан, доктор юридических наук, профессор, почетный работник
образования Республики Казахстан

Абуова Акмарал Амангаликызы

докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр юридических наук

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПЛАНИРОВАНИЮ И ПРОВЕДЕНИЮ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ**

Аннотация. Статья посвящена анализу прогрессивных приемов и инструментов, способствующих успешному проведению научных исследований в современной юриспруденции. Рассматриваются ключевые методы планирования, цифровые технологии, а также интеграция теоретических и практических аспектов исследования. Особое внимание уделяется значению этических стандартов и междисциплинарного подхода. Представленные рекомендации направлены на повышение эффективности, качества и практической значимости научных работ.

Ключевые слова: научное исследование, юриспруденция, SMART-целеполагание, цифровые технологии, этические стандарты, междисциплинарный подход.

Введение. Исследовательская деятельность является неотъемлемой частью научного и профессионального развития, особенно в условиях стремительной трансформации правовой сферы. В современном контексте она требует не только глубокого владения теоретическими основами, но и использования прогрессивных приемов планирования, цифровых технологий и междисциплинарных подходов.

Эффективная организация научного поиска предполагает ясное целеполагание, критический анализ источников, соблюдение этических норм и практическую направленность результатов.

В условиях непрерывного роста объемов информации и усложнения исследовательских задач особую значимость приобретает умение рационально структурировать процесс, интегрируя как классические, так и инновационные инструменты. Такой подход позволяет повысить не только продуктивность, но и прикладную значимость научных разработок в области юриспруденции.

Основная часть. Прежде чем рассматривать этапы и особенности проведения научного исследования, целесообразно обратиться к понятию самой науки.

Науку можно определить, как систематическую деятельность, направленную на получение новых, ранее неизвестных человечеству знаний [1. стр.233]. В этом заключается ее основополагающее отличие: научное знание не ограничивается индивидуальным открытием, а предполагает общественную значимость и новизну результатов. И ученый, и ученик вовлечены в процесс познания, однако различие заключается в масштабе и характере усваиваемой информации. Если ученик осваивает уже существующие знания, накопленные предыдущими поколениями (например, при изучении учебников), то ученый стремится к открытию принципиально нового — того, что еще не известно научному сообществу [2. стр.9].

Наука приобретает реальную общественную ценность и способствует прогрессу лишь в том случае, если её достижения находят практическое воплощение.

Эффективность научного знания напрямую связана с его интеграцией в общественную практику, в особенности через применение современных технологий [3. стр.76]. Выделение технологии как самостоятельного направления научного познания позволяет сформировать системный подход к изучению и разработке методов, приёмов и правил, применяемых в теоретической и прикладной деятельности.

Практическая применимость технологических разработок, а также их трансформация из теоретического знания в инструмент практической деятельности, придает действиям рациональный и программируемый характер. Это, в свою очередь, способствует достижению поставленных целей при минимальных затратах человеческих и материальных ресурсов, создавая условия для концентрации усилий на решении новых задач.

Для того чтобы технологическое знание могло эффективно реализовываться в практической плоскости, необходима четкая организационная и методологическая база. Центральным элементом этой базы выступает этап предварительного планирования, в ходе которого определяются цели, задачи и ожидаемые результаты исследования.

Отсутствие ясно сформулированных ориентиров нередко приводит к фрагментарности, методологической неопределенности и рассеиванию исследовательского внимания [4. стр.7].

В этой связи особую значимость приобретает использование концепции SMART-целеполагания, предполагающей формулировку целей, обладающих рядом ключевых характеристик: конкретностью (Specific), измеримостью (Measurable), достижимостью (Achievable), актуальностью (Relevant) и ограниченностью по времени (Time-bound) [5. стр.39].

Методика SMART-целеполагания зарекомендовала себя как эффективный инструмент в различных отраслях — от менеджмента и морского транспорта до цифровой трансформации [6. стр.68].

В юридической науке применение SMART-подхода позволяет формулировать исследовательские цели максимально чётко, соотнося их с актуальными задачами правовой практики. Это способствует не только структурированию научного поиска, но и повышению его результативности в условиях растущей сложности правовых процессов.

В юриспруденции методика SMART-целеполагания помогает формулировать четкие и достижимые исследовательские задачи, что особенно важно при анализе сложных правовых норм и практик. Конкретность целей способствует точному определению исследовательских проблем, измеримость — объективной оценке результатов, а достижимость — реалистичной постановке задач с учётом имеющихся ресурсов и сроков [7]. Релевантность гарантирует, что исследование будет отвечать актуальным потребностям правовой системы, а временные рамки позволяют организовать процесс так, чтобы своевременно предоставлять выводы, необходимые для принятия решений и совершенствования законодательства.

Эффективное использование методики SMART-целеполагания в юриспруденции становится особенно продуктивным при поддержке современных цифровых технологий.

Цифровые инструменты не только способствуют точному формированию и мониторингу целей, но и обеспечивают автоматизацию и оптимизацию ключевых этапов исследования [8. стр.270]. Взаимодействие целенаправленного планирования и инновационных технических средств создаёт прочную основу для повышения качества, оперативности и достоверности научных результатов.

В современных условиях цифровые технологии становятся неотъемлемым инструментом, способствующим эффективному достижению исследовательских целей в юриспруденции. Их использование позволяет оптимизировать сбор, обработку и анализ больших массивов правовой информации, повысить точность и скорость получения результатов, а также обеспечить прозрачность и воспроизводимость научных выводов [9. стр.55]. Применение специализированных программных средств для статистического анализа, автоматизации работы с источниками и управления проектами способствует рационализации исследовательского процесса, снижая затраты времени и ресурсов.

Для реализации обозначенных преимуществ цифровых технологий исследователям доступны разнообразные программные продукты и платформы. Например, инструменты анализа данных (SPSS, NVivo, R) позволяют проводить глубокую статистическую и контент-анализ, а системы управления библиографией (Zotero, Mendeley) упрощают работу с научными источниками. Кроме того, цифровые приложения для

организации задач и контроля времени (Trello, Notion, Asana) обеспечивают эффективное планирование и координацию исследовательской деятельности.

Современные цифровые технологии предоставляют исследователям значительные возможности для повышения эффективности и качества научной деятельности [10. стр.25]. В частности, применение специализированного программного обеспечения для анализа данных, такого как SPSS, NVivo и R, обеспечивает проведение сложных статистических и качественных исследований, что является особенно важным при обработке больших массивов правовой информации.

Дополнительно, использование платформ для управления научными источниками, включая Zotero и Mendeley, способствует систематизации библиографической базы, облегчает доступ к релевантным материалам и автоматизирует оформление ссылок в соответствии с установленными стандартами, снижая риск ошибок и экономя время [11].

Также существенную роль в организации исследовательского процесса играют инструменты для планирования и управления задачами — Trello, Notion, Asana. Данные приложения обеспечивают структурирование этапов работы, контроль за выполнением поставленных задач и соблюдение временных рамок, что позволяет повысить продуктивность и дисциплинированность исследовательской деятельности.

Эффективное использование цифровых инструментов для планирования и управления исследовательским процессом создаёт благоприятные условия не только для системной организации работы, но и для обеспечения тесной связи между теоретическими изысканиями и практическими задачами. Такой подход позволяет исследователям своевременно корректировать цели и методы, что способствует разработке обоснованных рекомендаций с реальным практическим применением. В итоге синтез теории и практики становится ключевым элементом успешного и значимого научного исследования.

Теоретические исследования приобретают максимальную ценность лишь в том случае, если они тесно связаны с актуальными практическими проблемами. Такой синтез позволяет не только обосновать значимость и актуальность научной работы, но и выработать рекомендации, имеющие непосредственное прикладное значение. Интеграция теоретических положений с практическими аспектами способствует формированию комплексного понимания исследуемого явления, обеспечивая переход от абстрактных концепций к конкретным действиям и решениям [12. стр.235]. Особенно важно, чтобы результаты исследования могли быть эффективно внедрены в правовую практику, способствуя совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности. Таким образом, гармоничное сочетание теоретической

базы и практической направленности является ключевым фактором успешного научного поиска и реального вклада в развитие профессиональной сферы.

Неотъемлемой составляющей успешного синтеза теории и практики является соблюдение этических стандартов, которые обеспечивают научную честность и социальную ответственность исследования [13. стр.1]. Только при условии строгого следования этическим нормам возможно достичь объективности и легитимности выводов, что особенно важно в юридической науке, где вопросы справедливости и прав человека имеют первостепенное значение.

Любое научное исследование должно строго соответствовать установленным этическим нормам и принципам. Особенно это актуально в случае, когда предмет исследования касается прав человека, социальных вопросов или имеет значительное общественное воздействие. Соблюдение этических стандартов гарантирует уважение к участникам исследования, защиту их прав и конфиденциальности, а также объективность и добросовестность научного поиска.

В юридической сфере, где вопросы справедливости и законности находятся в центре внимания, этические требования приобретают особую важность, способствуя формированию доверия к результатам исследования и обеспечивая их легитимность и социальную значимость [14. стр.269].

Методы и приемы организации научных исследований включают несколько ключевых аспектов, обеспечивающих системность и качество работы. Во-первых, критический анализ достоверных и проверенных источников, таких как JSTOR, PubMed и SCOPUS, является фундаментом для минимизации ошибок и повышения обоснованности выводов. Во-вторых, важным этапом является обоснование новизны и значимости исследования через комплексный обзор текущего состояния проблемы, выявление пробелов в знаниях и предложение оригинальных решений или новых подходов. Третьим значимым элементом является коллаборация с коллегами, которая способствует обмену опытом, получению обратной связи и генерации новых идей, особенно при участии в научных конференциях, семинарах и воркшопах. Четвертый метод — использование междисциплинарного подхода, интегрирующего знания из смежных областей, таких как экономика, социология и информатика, что позволяет расширить аналитические горизонты и выявить новые перспективы [15].

Наконец, визуализация данных посредством современных инструментов (Tableau, Power BI, Canva) играет ключевую роль в доступном представлении результатов, облегчая восприятие и интерпретацию сложной информации, что существенно повышает качество коммуникации научных находок [15].

Современные технологии значительно облегчают и ускоряют исследовательский процесс, предоставляя исследователям мощные

инструменты для работы с данными и коммуникации. В первую очередь, применение машинного обучения и методов анализа больших данных позволяет эффективно обрабатывать и выявлять сложные закономерности в огромных информационных массивах, которые недоступны традиционным методам анализа. Облачные технологии, такие как Google Drive и Dropbox, обеспечивают надежное хранение данных и удобные возможности для совместной работы, позволяя оперативно обмениваться информацией и минимизировать риски потери материалов [15]. Кроме того, использование онлайн-платформ для публикации и распространения научных результатов, например ResearchGate и Academia.edu, способствует расширению доступа к знаниям, повышает видимость исследований и увеличивает их цитируемость, что в целом усиливает научное воздействие работы.

Заключение. Исследовательская деятельность представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует системного и целостного подхода, а также владения современными методами и технологиями. Ключевыми факторами успешного проведения научного исследования являются четкое и обоснованное планирование, активное использование цифровых инструментов, критический анализ достоверных источников и междисциплинарное сотрудничество. Внедрение методики SMART-целеполагания способствует формулированию конкретных, измеримых и достижимых целей, что повышает эффективность и структурированность исследовательского процесса. Цифровые технологии, включая машинное обучение, облачные сервисы и платформы для публикации, значительно расширяют возможности анализа данных и взаимодействия между учеными.

Особое значение имеет синтез теоретических положений с практическими задачами, который обеспечивает актуальность и прикладную ценность результатов исследования, особенно в правовой сфере. При этом соблюдение этических стандартов остается неотъемлемым условием научной добросовестности и социальной ответственности.

Таким образом, применение современных приемов и технологий не только повышает качество и продуктивность научных исследований, но и способствует их востребованности и значимости в научной и профессиональной среде, создавая условия для устойчивого развития и прогресса в выбранной области.

Список использованной литературы:

1. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит. – 1995. – 233-280 с.
2. Меншикова Н.А. Воспитание нравственных качеств личности в учебной деятельности // Начальная школа. – 2012. – №9. – 8-10 с.

3. Варданян А.В. Роль диссертационных советов при вузах МВД России в эволюции юридического научного знания и его интеграции в практическую деятельность правоохранительных органов // Юрист-Правоведъ. – 2012. – №5 (54). – 76-79 с.
4. Харитонов Т.Г. и др. Проблема конструирования человека в контексте конвергентных технологий: магистерская диссертация по направлению подготовки: 47.04. 01-Философия и методология науки и техники. – 2020. – 290 с.
5. Lawlor K.B. Smart goals: How the application of smart goals can contribute to achievement of student learning outcomes // Developments in business simulation and experiential learning: Proceedings of the annual ABSEL conference. – 2012. – Т. 39. – 176 р.
6. Oleksandra K., Oksana S., Yevheniia H. Use of the smart goals as one of effective approach for the corporate strategic planning // Colloquium-journal. – Голопристанський міський районний центр зайнятості. – 2019. – №2-5 (26). – 68-70 с.
7. Hallowell E.M. Shine: Using brain science to get the best from your people. – Harvard Business Press. – 2011. – 194 p.
8. Hine C. Databases as scientific instruments and their role in the ordering of scientific work // Social studies of science. – 2006. – Т. 36. – №2. – 269-298 с.
9. Boon M. The scientific use of technological instruments // The role of technology in science: Philosophical perspectives. – 2015. – 55-79 с.
10. Viberg O. et al. Exploring teachers'(future) digital assessment practices in higher education: Instrument and model development // British Journal of Educational Technology. – 2024. – Т. 55. – №6. – 25-26 с.
11. Priem J., Hemminger B.H. Scientometrics 2.0: New metrics of scholarly impact on the social Web // First monday. – 2010. – 87 p.
12. Lenzerini M. Data integration: A theoretical perspective // Proceedings of the twenty-first ACM SIGMOD-SIGACT-SIGART symposium on Principles of database systems. – 2002. – 233-246 с.
13. Brand R.A., Heckman J.D., Scott J. Changing ethical standards in scientific publication // Clinical Orthopaedics and Related Research®. – 2004. – Т. 426. – 1-2 с.
14. Priel D. Jurisprudence between Science and the Humanities // Wash. U. Jurisprudence Rev. – 2011. – Т. 4. – 319 p.
15. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическое исследование: содержание и представление результатов. – 2010. – 235 с.

Жанатаева Улбосын Камальбековна
профессор Кафедры служебной подготовки Академии
правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики
Казахстан, доктор политических наук

О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА КУРСАХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В представленной работе рассматривается модуль «коммуникативные компетенции» образовательной программы первоначальной профессиональной подготовки слушателей Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (далее – Академия). Раскрывается его содержание, состоящее из следующих тем: командообразование, эффективные коммуникации, управление конфликтами и др. Показаны особенности формирования так называемых *soft skills*, «гибких навыков» в процессе обучения.

Указанный модуль способствует формированию актуальных умений, необходимых при выполнении, поставленных перед правоохранительными органами задач.

Ключевые слова: первоначальная профессиональная подготовка, коммуникативные компетенции, *hard skills*, *soft skills*.

Введение. Существующие глобальные/региональные угрозы безопасности напрямую влияют на требования по организации и проведению профессиональной подготовки, прежде всего, сотрудников правоохранительных органов. Фокус внимания сосредоточен на, так называемые, надпрофессиональные (*soft skills*) навыки сотрудников. Разумеется, автор не отрицает и не умаляет важность развития профессиональных компетенций, поскольку современные реалии актуализируют формирование у сотрудников именно во взаимосвязи, как личностных (надпрофессиональных), так и профессиональных (*soft skills*), умений.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, уделяя особое внимание вопросам соблюдения законности, правопорядка и деятельности правоохранительных органов [1], подчеркивает, что «нынешняя ситуация в стране предъявляет новые требования к правоохранительным органам, которые должны идти навстречу запросам граждан» [2].

Глава государства отмечает важность формирования надпрофессиональных компетенций: «Именно от профессиональных умений и коммуникативных навыков зависит реализация поставленной задачи» [2]. Кроме того, в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года отмечается, что «ключевым критерием

эффективности деятельности правоохранительных органов и их сотрудников и дальше будет являться степень доверия населения» [3].

Доверие население формируется в процессе профессиональной деятельности правоохранительных органов, одной из направлений которой является – эффективная работа с гражданами и умение оперативно реагировать.

Цель данной работы – показать особенности формирования коммуникативных навыков у будущих сотрудников правоохранительных органов в процессе первоначальной профессиональной подготовки в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Для реализации поставленной цели рассматриваются следующие задачи:

1. Дать определение дефиниции «коммуникативные компетенции» и раскрыть содержание модуля.
2. Показать особенности процесса формирования коммуникативных навыков у слушателей.

Новизной работы является авторская трактовка дефиниций «первоначальная профессиональная подготовка» и «коммуникативные компетенции». А также разработка и внедрение уникального модуля по формированию гибких навыков для слушателей первоначальной профессиональной подготовки Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Теоретико-методологической основой исследования служат системный, проблемный, исторический и другие общенаучные подходы, а также методы сравнительного анализа.

Прежде чем раскрыть поставленную цель и задачи исследования, необходимо разобраться с терминологией. Это первоначальная профессиональная подготовка, коммуникативные навыки.

Согласно Закона Республики Казахстан «О правоохранительной службе» от 6 января 2011 года № 380-IV, первоначальная профессиональная подготовка – это форма профессионального обучения для лиц, поступающих на службу в правоохранительные органы, направленная на приобретение профессиональных навыков [4].

Нормативный акт лишь в общих чертах раскрывает сущность вышеуказанной формы обучения. С учетом разработанных образовательных программ для органов прокуратуры, Агентства по противодействию коррупции, Агентства финансового мониторинга для слушателей первоначальной профессиональной подготовки, по мнению автора вышеуказанный закон, на наш взгляд, сужает содержание обучения будущих сотрудников правоохранительных органов.

Первоначальная профессиональная подготовка в понимании автора – это процесс обучения в Академии лиц, прошедших конкурсный отбор, направленный на формирование как профессиональных, так и коммуникативных навыков.

Схема 1: Процесс отбора, обучения и приема на службу в правоохранительные органы Республики Казахстан

Использованные сокращения в схеме 1:
ВВК – военно-врачебная комиссия

Использование дефиниции «формирование», а не «приобретение», как указано в нормативном акте, связано с тем, что процесс обучения подразделяется на 2 этапа: первый – включает в себя непосредственно обучение, где слушателями, главным образом, приобретаются знания, а второй – предполагает прохождение стажировки в правоохранительных органах, в ходе которой осуществляется процесс формирования как профессиональных, так и надпрофессиональных компетенций.

Под надпрофессиональными компетенциями подразумеваются, главным образом, коммуникативные навыки. Что они включают?

Коммуникативные навыки – это способность сотрудника правоохранительного органа конструктивно общаться с гражданами, уметь публично выступать, владеть техниками убеждения, устанавливать доверительные отношения, управлять собственными эмоциями в кризисных ситуациях и др. [5]. Иными словами, это такие умения и навыки, которые повышают эффективность в ежедневной работе с гражданами и в результате содействуют повышению репутации правоохранительных органов и доверия населения в целом.

Почему актуализируются именно коммуникативные навыки?

Сегодня необходимо формирование таких качеств как умение управлять конфликтами, эффективно вести переговорный процесс и принимать конструктивные решения в кризисных ситуациях. Стремительно меняющееся общество влияет на систему образования и предопределяет непрерывную её модернизацию. Об этом говорят и ведущие эксперты в области образования. Так, Патрик Гриффин – профессор Мельбурнского университета, руководитель международного проекта по оценке и преподаванию навыков и компетенций XXI века считает, что «в XXI веке акценты смещаются в сторону умения критически мыслить, способности к взаимодействию и коммуникациям. Поэтому учебные программы должны быть направлены на развитие критического мышления, коммуникативных навыков, творческой изобретательности и навыков взаимодействия, потому что наиболее востребованными сегодня оказываются способности к выстраиванию межличностных отношений» [6].

В Академии образовательные программы составлены с учётом вышеуказанных требований и потребностей правоохранительных органов, более того, они периодически обновляются.

Сотрудник правоохранительных органов, наряду с профессиональными навыками (hard skills), должен уметь общаться с различными категориями граждан, мобильно реагировать в кризисных ситуациях и принимать эффективные решения. Это так называемые soft skills, что в переводе с английского языка: «гибкие» навыки, связанные с личными качествами, иными словами – коммуникабельность, стрессоустойчивость, умение убеждать, публично выступать и т.п. «Ученые из Гарварда и Стэнфорда выяснили, что «гибкие» навыки это 85% успеха человека в профессии, а «жесткие – hard – составляют 15%» [7].

Таким образом, учитывая объективные факторы, а также то, что сегодня казахстанское общество предъявляет повышенные требования к сотрудникам правоохранительных органов, Академия включила данный модуль (с учетом специфики контингента слушателей, их профессионального опыта работы) во все учебные программы курсов повышения квалификации.

В модуль профессиональной первоначальной подготовки включены следующие темы: командообразование, эффективные коммуникации, конфликты, управление конфликтами. Кратко осветим каждую из перечисленных.

Командообразование направлено на формирование умений и навыков работы в коллективе, взаимовыручки, сплоченности.

Слушатели знакомятся со спецификой корпоративного менеджмента, познают эффективные инструменты управления, развивают навыки командной работы. Рассматриваемый учебный курс специфичный и потому занятия проводятся только в форме тренинга и деловой игры.

Цель занятий по теме «эффективные коммуникации» – ознакомить слушателей с эффективными техниками общения. Как известно, в своей каждодневной деятельности сотрудник правоохранительных органов должен, наряду с профессиональными знаниями, уметь использовать психологические техники и методы, способствующие эффективной работе с населением.

Эффективные коммуникации невозможны без знаний особенностей человека, поэтому будущие сотрудники правоохранительных органов изучают основные психотипы и инструменты эффективного общения.

Вышеназванный курс способствует формированию навыков конструктивного общения, установлению доверительных отношений с гражданами.

Кроме того, слушатели знакомятся с «секретами» конструктивных публичных выступлений, а главное – отрабатываются навыки эффективных «самопрезентаций», убеждающих выступлений и словесной импровизации.

Вопросы конфликтов и их решения также изучаются будущими офицерами. Бесспорно, что в современном мире конфликты разного уровня, в том числе внутри коллектива, возникают периодически. По мнению известного специалиста-конфликтолога Ральфа Дорендорфа: «Там, где существует общество, существуют конфликты. Возможно конфликт является отцом всех вещей, то есть движущей силой изменений. В рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики».

Данный курс направлен на изучение причин возникновения конфликтных ситуаций и особенностей управления ими. Также на занятиях уделяется внимание и теме «ведение переговоров в кризисных ситуациях», в том числе работе с деструктивно-настроенными категориями граждан.

В этом случае раскрывается специфика работы сотрудника правоохранительных органов. На практических занятиях отрабатываются базовые техники ведения переговоров в кризисных ситуациях.

Важно подчеркнуть, что особенностью занятий по модулю «коммуникативные компетенции» является их проведение в форме лекций (не более 30% от общего количества часов) и практических занятий (в форме деловой игры, решения кейсовых задач, анализа видеороликов реальных событий).

Таким образом, в ходе первоначальной профессиональной подготовки слушателям прививаются знания и навыки эффективного общения с населением, а главное формируются сотрудники нового формата, способного справляться с современными вызовами, что в результате будет способствовать эффективности их профессиональной деятельности.

Схема 2: Этапы обучения в Академии

Использованные сокращения в схеме 2:

ПО – Правоохранительные органы.

АПК – Агентство по противодействию коррупции РК

АФМ – Агентство по финансовому мониторингу РК

Список использованной литературы:

1. Глава государства провёл консультации с руководителями правоохранительных органов. 15 ноября 2023 года // <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-konsultacii-s-rukovoditelyami-pravoohranitelnyh-organov-15105317>;
Глава государства провёл расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел, 22 января 2024 года // <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-ministerstva-vnutrennih-del-2204732>.

2. Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана: Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2019 года https://akorda.kz/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakstana-2-sentyabrya-2019-g.

3. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года №674.

4. О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан.

5. Жанатаева У.К., Алишева М.М. Формирование коммуникативных умений у слушателей первоначальной профессиональной подготовки. Учебно-методические рекомендации. – Косши, 2021.

6. Навыки XXI века: новая реальность в образовании
<https://intalent.pro/article/navyki-xxi-veka-novaya-realnost-v-obrazovanii.html>.

7. Что такое soft skills
<https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523>.

Исаков Хожи-Мурод Исроилович
директор Высшей школы судей при Высшем судейском совете
Республики Узбекистан, кандидат юридических наук, доцент

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СУДЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние процессов правовой глобализации и трансформации на национальные правовые системы и, в частности, на вопросы подготовки судей, высокий профессионализм которых сыграет большую роль в обеспечении справедливости и верховенства закона. Особое внимание уделяется вопросам профессиональной подготовки судей в условиях динамично меняющегося правового поля. Кроме того, изучается зарубежный опыт подготовки судей в различных странах.

Ключевые слова: профессиональная подготовка судей, правовая трансформация, правовая глобализация, зарубежный опыт.

В стремительно меняющемся мире, где глобализация стирает границы, а технологический прогресс трансформирует все сферы жизни, глобализация серьезно влияет и на состояние права в мировом масштабе, которое также вовлечено в процессы трансформации. Если считать трансформацию права свершившимся и все больше проникающим в национальное правовое пространство фактом, то необходимо иметь в виду, что она может влиять не только на сущность и значение права в целом, но и на его роль в выполнении функции гаранта обеспечения справедливости, стабильности и верховенства закона в обществе.

Судьи, как гаранты справедливости и правопорядка, должны обладать не только глубокими юридическими знаниями, но и навыками, позволяющими им эффективно функционировать в условиях постоянных глобальных изменений.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым определить ключевые понятия, составляющие предмет анализа: «правовая глобализация», «правовая трансформация» и «профессиональная подготовка судей». Дефиниция данных терминов позволит установить однозначное толкование используемой терминологии.

Правовая глобализация – это формирование единой мировой системы правовых норм, регулирующих международное сотрудничество в различных сферах. В этом процессе международное право, национальные законодательства и правовые системы международных организаций тесно взаимосвязаны. Ключевыми механизмами правовой глобализации выступают интеграция, интернационализация и имплементация правовых норм. Под интеграцией понимается

многоаспектный и разноуровневый процесс унификации и гармонизации национальных правовых систем в рамках международных организаций или соглашений для создания общих правил и стандартов. Интернационализация означает взаимное проникновение и влияние национальных правовых систем друг на друга, обусловленное расширением международного сотрудничества и обмена правовым опытом, способствуя конвергенции законодательства различных государств. Имплементация же представляет собой внедрение международно-правовых норм в национальное законодательство, обеспечивая их применение на практике. Эти процессы, взаимодействуя между собой, способствуют формированию единого глобального правового пространства.

Правовая трансформация — это комплексный и многогранный процесс фундаментальных изменений в правовой системе, который затрагивает ее структуру, функции, принципы и содержание. Этот процесс направлен на адаптацию права к новым социальным, экономическим, политическим и технологическим реалиям. В Республике Узбекистан признание международных договоров является составной частью правовой системы и установление их приоритета над национальными законами, закрепленное в статье 15 Конституции Республики Узбекистан, обуславливает необходимость учета мировых стандартов, вовлекаемых в процессы правовой трансформации. Высшая юридическая сила и прямое действие Конституции определяют легитимность и направленность всех законодательных и институциональных изменений. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что учет правовой трансформации заложен в содержании статьи 55 Конституции Республики Узбекистан, предусматривающей возможность обращения в международные органы по защите прав и свобод человека после исчерпания всех внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с национальным законодательством и международными договорами Республики Узбекистан. Эти конституционные гарантии служат ярким индикаторам происходящей правовой трансформации, определяя ее вектор в направлении укрепления верховенства права и расширения защиты прав человека.

Доступность эффективных средств правовой защиты, включающих независимое и беспристрастное судебное разбирательство, в совокупности с механизмом обращения в международные инстанции, свидетельствует о последовательном развитии правовой системы в сторону большей открытости, гармонизации с международными стандартами и приоритетной защите фундаментальных прав личности. Данные положения констатируют приверженность государства принципам правового государства, выступая важнейшими элементами правовой трансформации, целью которой является построение справедливого и демократического общества. Практическая реализация

этих прав способствует повышению уровня общественного доверия к правовой системе, укрепляя тем самым ее легитимность.

Изучение зарубежного опыта показывает, что в некоторых государствах, особенно, в государствах Евросоюза, происходит, можно сказать усиленная интеграция в области права. В этой связи необходимо заметить, что при интеграции и универсализации законодательных и правовых систем национальных государств, важно не утратить главную составляющую национального права, обусловленного историко-культурным происхождением и развитием государства и права, менталитетом народа, его правовой культурой и самобытностью, то есть теми аспектами, которые придают культурно-национальную специфику каждому государству и его правовой системе.

Следует отметить, что при трансформации права затрагиваются вопросы, касающиеся не только культурно-национальной специфики государства, но и его суверенитета, политического режима, правовой системы, и даже правосознания народа. В этом плане в трансформационные процессы подвергается наряду с другими ветвями власти, и правовая основа судебной власти.

Вопросы трансформации права в осуществлении правосудия в настоящее время представляют особую актуальность в связи с установлением приоритетности международных договоров Республики Узбекистан в соответствии с Конституцией Республики Узбекистан (ст.15) по отношению к национальным законам в случаях, когда в них установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены международно-правовыми нормами.

Правовая трансформация системы законодательства об осуществлении правосудия, помимо прочего, требует постоянного внимания к вопросам подготовки и переподготовки судей. Подготовка судей всегда ставить целью осуществление этого процесса с учетом изменений, происходящих не только внутри страны, но и за её пределами, особенно в отношении трансформируемых правовых норм, которые в настоящее время стали очевидной реальностью.

Профессиональная подготовка судей — это комплексная система обучения и развития, направленная на формирование и совершенствование знаний, навыков и профессионально-этических качеств, которые необходимы для эффективного и квалифицированного осуществления судебной власти.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно обратить внимание на подготовку на должность судьи, которая позволяет судьям соответствовать современным требованиям динамично меняющегося правового поля, так как качественная подготовка является необходимым условием для эффективного функционирования судебной системы и обеспечения справедливости в обществе.

При подготовке и переподготовке судей целесообразно учитывать ознакомление их трансформированными правовыми нормами и

формирование навыков по их применению при осуществлении правосудия. В этом процессе особое внимание следует уделять таким вопросам, как например, обеспечение независимости судей, учет национальных традиций и особенностей культуры народа, соблюдение судьями этических норм при выполнении ими соответствующих обязанностей, а также вопросам судебной защиты прав и свобод человека, соблюдения равноправия участников судебного процесса и т.д.

В юридической литературе справедливо выделяется одно из главных условий жизнеспособности правовой трансформации, при которой только близкие к культуре, менталитету, ожиданиям народа право может находить отклик в сознании членов общества и, соответственно, выполняться на практике.

Кроме того, как показывает национальный опыт, подготовка и переподготовка судей требуется выполнения большой работы по формированию у них способности адекватно реагировать на современные вызовы правовой гармонизации, которые при отсутствии надежного судебного противостояния может отрицательно влиять на процессы осуществления правосудия.

В этом плане важно формировать у судей твердое убеждение в том, что применение трансформированных норм на практике в допустимых законом случаях приводит к положительным результатам. Наличие эффективности таких норм является достаточным аргументом для того, чтобы их изучение нашло отражение в учебных программах подготовки судей.

Судьи в Узбекистане необходимые навыки профессионализма в условиях правовой трансформации получают главным образом в ходе подготовки кандидатов в судьи. Поэтому кандидаты, впервые назначаемые на должности судей, проходят обязательное обучение в Высшей школе судей при Высшем судейском совете Республики Узбекистан. Продолжительность образовательной программы составляет один год.

Следует подчеркнуть, что в процессе подготовки кандидатов в судьи в Узбекистане учитываются достижения зарубежных государств в этой сфере. В этом плане проводится тщательное изучение зарубежного опыта. Особенно ценным является опыт тех стран, в которых предусмотрено подготовка кандидатов в судьи. Цель подготовки судей в странах, где осуществляется подготовка кандидатов в судьи, является, в основном, одинаковой, т.е. иметь высоко профессиональных судей в условиях правовой трансформации. Однако, сроки профессиональной подготовки могут варьировать.

Так, например, в Турецкой Республике назначение и подготовка судей тщательно регулируются с целью поддержания высоких уровней профессионализма и компетентности. Будущие специалисты проходят всестороннее обучение, начиная с юридического образования в университете, за которым следуют обязательная стажировка и строгие

экзамены, контролируемые Министерством юстиции Турции. Значительное внимание уделяется постоянному профессиональному росту для поддержания актуальности знаний о новых законах, изменениях и судебных прецедентах. Период профессиональной подготовки кандидатов на должности судей и прокуроров, а также судей административных судов, составляет два года. Подготовка делится на два периода: Первый предусматривает общую программу для всех кандидатов, включая три месяца подготовительного обучения и три месяца общей стажировки. Второй – раздельное обучение кандидатов в судьи и прокуроров по отдельной разработанной программе. Этот период включает четырнадцать месяцев стажировки и четыре месяца окончательного обучения.

Во Франции кандидат в судьи обязан в течение 34 месяцев проходить стажировку в специальной судейской школе города Бордо. Стажировка включает теоретическую подготовку, практическую под руководством действующего судьи. После сдачи трех государственных экзаменов кандидат в судьи может получить статус кандидата для назначения на должность судьи.

В Японии процесс отбора кандидатов на должность судьи включает двухэтапную систему экзаменов, разделенных обязательной 18-месячной стажировкой. Успешная сдача второго экзамена, следующего за периодом практической подготовки, является необходимым условием для назначения на судейскую должность.

В Италии подготовку на должность судей осуществляет Высший совет судей. Этот орган на сегодняшний день является единственным центром как начальной, так и непрерывной подготовки судей. Продолжительность обучения составляет 1 год.

Республика Корея также придерживается длительного срока обучения — два года, поровну распределенных между практической подготовкой и стажировкой.

В Испании так же подготовкой судей занимается специальная школа (город Барселона) при Генеральном совете судей Испании. Срок обучения также составляет два года, из которых 6 месяцев включает стажировку в судах.

В Казахстане подготовкой кандидатов на судейские должности занимается Академия правосудия при Высшем судебном совете Республики Казахстан. Продолжительность начальной подготовки состоит из годичной теоретической программы уровня магистратуры для будущих судей.

Такой подход стран свидетельствует о понимании важности комплексной и всесторонней подготовки судей, учитывающей как теоретические знания, так и практические навыки, необходимые для эффективного отправления правосудия в рамках романо-германской и англо-саксонской правовых систем. Длительный период обучения позволяет сформировать у кандидатов необходимые профессиональные

качества, этические принципы и глубокое понимание правовой системы, что способствует повышению качества и доверия к судебной власти.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что профессиональная подготовка судей играет ключевую роль в обеспечении эффективности правосудия в условиях глобальной трансформации. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность создания системы подготовки судей, основанной на общих принципах добрососедства и сотрудничества для тюркоязычных стран. Помимо этого, такая система могла бы способствовать гармонизации образовательных стандартов, укреплению социокультурных ценностей и самобытности народов, формированию общего правового пространства, обеспечивающего мир, процветание и безопасность этих стран, в достижении которых важную роль играет судебная система.

Реализация данной инициативы потребует совместных усилий со стороны заинтересованных государств, включая разработку общей стратегии, создание платформы для обмена информацией с лучшими практиками, а также организацию совместных образовательных программ и стажировок.

В конечном итоге, создание системы подготовки судей, основанной на общих принципах устойчивого развития, станет важным шагом на пути укрепления правового сотрудничества между тюркоязычными странами и обеспечения устойчивого развития судебной системы в регионе в условиях глобальной правовой трансформации.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Узбекистан: Новая редакция от 01.05.2023 года <https://lex.uz/docs/6445147>.
2. О Судах: Закон Республики Узбекистан. Принят Законодательной палатой 15 июня 2021 года. Одобрен Сенатом 26 июня 2021 года № ЗРУ-703.
3. Hâkim ve savcı adaylarının meslek öncesi eğitimlerine ilişkin yönetmelik <https://search.app/bMHjgVkhhhSuwMrQ8>.
4. Курчиева В.С., Герасимова В.Е. – 19 с.
5. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Юридическое образование в глобализирующемся обществе: Правоведение. – 2017. – №5 (334). – 16-31 с.
6. https://www.coe.int/t/dghl/cooperation/lisbonnetwork/rapports/LivreOberto_ru.pdf.
7. <https://scholar.google.com/>.
8. <https://www.lex.uz/>.

Калмурзина Зарина Жандарбековна

Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университетінің аспиранты,
заң ғылымдарының магистрі

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІН ЖЕТІЛДІРУДЕГІ ЗАҢ ТЕХНИКАСЫ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада Қырғызстан мен Қазақстан мысалында құқық қорғау қызметінің тиімділігін арттыру үшін заң техникасының маңызы қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі құқықтық актілердің сапасы мен оларды қолданудың дұрыстығы құқық қорғау органдары жұмысының нәтижелілігіне тікелей әсер ететіндігіне байланысты. Зерттеудің мақсаты – екі елдегі заң техникасының нормативтік құқықтық базасына, практикасына және лингвистикалық аспектілеріне салыстырмалы талдау жүргізу. Автор заң техникасының теориялық негіздерін және оның құқық шығарудағы және құқық қолданудағы рөлін айқындады, Қырғызстан мен Қазақстанда заң техникасын қолданудың құқықтық регламенттелуі мен практикасын талдады, сондай-ақ проблемалар анықталып, заң шығару және құқық қолдану техникасын жетілдіру жөніндегі шаралар ұсынылды. Зерттеудің әдіснамалық негізі салыстырмалы-құқықтық және жүйелі талдау, заңнама сапасының критерийлері болып табылады. Зерттеу нәтижелері екі елдегі нормативтік құқықтық актілерді пысықтау және құқық қорғау органдары қызметкерлерінің біліктілігін арттыру кезінде пайдаланылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: заң техникасы, құқық қорғау қызметі, құқық шығармашылық, құқық қолдану, нормативтік құқықтық актілер, заңнамалық техника, Қазақстан, Қырғызстан, құқықтық жүйе, тиімділік.

Құқықтық техника құқықтық актілерді дайындау мен ресімдеудің әдістері, тәсілдері мен құралдарының жиынтығы ретінде Қырғызстан мен Қазақстанда қарқынды заңнамалық жаңару жағдайында аса маңызды мәнге ие болып отыр. Құқық қорғау органдарының құқықты біркелкі түсіндіруі мен қолдануы нормалардың қаншалықты техникалық сауатты тұжырымдалғанына тікелей байланысты. Атап айтқанда, заңдардың дұрыс емес немесе қарама-қайшы тұжырымдары сот қателіктері мен даулы шешімдерге әкелуі мүмкін, бұл судьялардың, тергеушілердің және жедел қызметтердің жұмысын қиындатады.

Қырғызстан соттарының тәжірибесінде Қылмыстық кодекстегі екіұдай терминология (әсіресе 2019 жылы реформадан кейін) жекелеген қылмыстарды саралау кезінде әртүрлі оқулардың себебі болған, ал тергеу органдары Жоғарғы Сот Пленумының түсіндірмелеріне назар аударуға мәжбүр болған істер атап өтіледі. Қазақстанда 2016 жылы «Құқықтық актілер туралы» Заңның қабылданғанына қарамастан [1], қолданыстағы нормалармен жиі соқтығысатын кодекстер мен заңдарға «нүктелік» түзетулер мәселесі сақталуда. Нәтижесінде құқық қолдануда қиындықтар

туындайды: полиция мен прокуратура қызметкерлері қандай норманың басымдыққа ие екенін анықтауға қосымша уақыт жұмсайды, ал азаматтар қазақ және орыс тілдеріндегі заң мәтіндеріндегі әртүрлі оқылымдарға тап болып, мемлекеттік органдарға жүгінуде қиындықтарға тап болады.

Екі республикада болып жатқан реформалар мен демократияландыру аясында сапалы, ашық және түсінікті заңдарға сұраныс артып келеді. Азаматтар нормативтік құқықтық актілердің мәтіндерінен түсініксіздікті болдырмауды және «заңгерюстердің» түсінуіне қол жеткізуді талап етуде. Сонымен қатар, электронды мәжбүрлеу жүйелерін енгізу және заң жобаларын көпшілік алдында талқылау заң техникасына назар аударуды күшейтеді: кез-келген нормалардың сәйкес келмеуі немесе ойластырылмаған тұжырымдар бірден қоғамдық сынға айналады және құқық қорғау органдарына деген сенімге нұқсан келтіруі мүмкін. Осылайша, сауатты заң техникасы заңнаманың техникалық бөлшегі ғана емес, бүкіл құқық қорғау жүйесінің тиімділігіне және қоғамдағы құқықтық мәдениеттің деңгейіне әсер ететін іргелі факторлардың бірі болып табылады [2. стр.3].

Жұмыстың мақсаты – Қырғызстан мен Қазақстанда заң техникасының қолданылуына салыстырмалы талдау жүргізу, бар проблемаларды анықтау және құқық қорғау қызметінің тиімділігін арттыру тұрғысынан оларды шешу жолдарын ұсыну. Ол үшін мынадай міндеттерді шешу қажет: заң техникасы ұғымын, оның негізгі элементтері мен түрлерін нақтылау, заң шығару техникасы мен құқық қолдану техникасының арасындағы айырмашылықты анықтау; Қырғызстан мен Қазақстандағы заң техникасы мәселелерін реттейтін нормативтік құқықтық актілердің ерекшеліктерін ашу, ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтау; заң техникасының талаптарын сақтау контекстінде құқық қолдану практикасын (сот және тергеу) талдау; техникалық кемшіліктердің құқық қорғау қызметінің тиімділігіне әсерін көрсететін мысалдар келтіру; заң техникасын және заңнаманың сапасын бақылау тетіктерін жетілдіру бойынша нақты ұсынымдар әзірлеу.

Зерттеу салыстырмалы құқықтық және жүйелік талдауға негізделген. Салыстыру заңнама сапасының бірқатар критерийлері бойынша (тұжырымдамалардың айқындылығы мен бірегейлігі, қайшылықтарды жою жылдамдығы, азаматтар үшін нормалардың қолжетімділігі), сондай-ақ екі мемлекеттің лингвистикалық және институционалдық ерекшеліктерін ескере отырып жүргізіледі. Бұдан басқа, нормативтік актілерді зерделеу кезінде формальды-заң әдісінің элементтері, сондай-ақ Қырғыз Республикасы (бұдан әрі – Қырғыз Республикасы) және Қазақстан Республикасы (бұдан әрі - ҚР) Жоғарғы Соттарының нақты сот шешімдері мен түсініктемелерін талдау пайдаланылды.

Ғылыми әдебиеттерде заң техникасы деп олардың оңтайлы құрылымы мен мазмұнын қамтамасыз ететін құқықтық актілерді дайындау, ресімдеу және жүйелеу әдістері мен әдістерінің жиынтығы түсініледі [2. 17 б.]. Заң техникасының келесі компоненттері бөлінеді:

- принциптер (заңдылық, логика, түсінуге қол жетімділік, терминологияның сабақтастығы);

- әдістер (кодификация, инкорпорация, шоғырландыру, реформа, ескіргендердің орнына жаңа актілер қабылдау);

- әдістер (ұғымдарды, анықтамаларды тұжырымдау, құқықтық құрылымдарды қолдану, терминдердің біркелкілігі);

- құралдар (құқықтық актілердің тілі мен стилі, баптарды, тармақтарды, ескертпелерді құрылымдау, ескертпелер мен қосымшаларды ресімдеу ережелері).

Қолдану саласына байланысты заңнамалық және құқық қолдану техникасының екі бағыты бар. Заңнамалық және құқық қолдану техникасын нақты ажырату нормаларды әзірлеу кезеңіндегі кемшіліктер (олқылықтар, қақтығыстар, түсініксіз тұжырымдар) оларды іске асыру кезеңінде автоматты түрде проблемалар туғызатынын түсіну үшін маңызды [2. 64 б.].

Заң шығару мен құқық қолданудағы заң техникасының рөлі оның нормативтік актілердің қисындылығы мен дәйектілігін бір уақытта қамтамасыз ететіндігінде (нормалардың соқтығысуы мен қайталануын болдырмайды), олардың мазмұнының қол жетімділігі мен анықтығына ықпал етеді (түсіндіру қаупін төмендететін нақты тұжырымдар арқылы) және заңнамалық процестің тиімділігін арттырады. Айта кету керек, міндетті лингвистикалық сараптама түріндегі әдістер болған кезде қателерді түзету және нақтылау уақыты айтарлықтай қысқарады.

Құқық қолдану саласында олардың орындылығы мен заңдылығы сот шешімдерін, сондай-ақ тергеу органдары мен прокуратура қаулыларын сауатты рәсімдеуге тікелей байланысты, өйткені нақты уәждеме, заң нормаларын дұрыс көрсету және соттың біржақты тұжырымдары екіұштылықты болдырмауға және азаматтардың құқықтарын қорғауға, сот қателіктерінің ықтималдығын азайтуға мүмкіндік береді; сонымен қатар, құқық қолдану техникасының бірыңғай әдістері мен стандарттары (нұсқаулықтар, регламенттер) бірыңғай тәжірибені қалыптастыруды қамтамасыз етеді және субъективизмді барынша азайтуға көмектеседі.

Осылайша, заң техникасы сапалы заңнамаға және нормалардың дәл сақталуына кепілдік бере отырып, құқықтың үстемдігін қамтамасыз етудің маңызды құралы болып табылады.

Сонымен бірге, бұл міндеттерді тиімді іске асыру адамның заңдылығын, құқықтары мен бостандықтарын, сондай-ақ қоғам мен мемлекеттің мүдделерін қорғауға бағытталған мемлекеттік-билік қызметінің ерекше түрі болып табылатын қалыптастырушы қызметтің мәні мен құрылымын нақты түсінбестен мүмкін емес

Құқық қорғау қызметі: тұжырымдамасы және құрылымы.

Құқық қорғау қызметі – бұл заңдылықты, адамның құқықтары мен бостандықтарын, сондай-ақ қоғам мен мемлекеттің мүдделерін қорғау жөніндегі арнайы уәкілетті органдар жүзеге асыратын қызмет [2. 53 б.]. Құқық қорғау қызметі бірқатар белгілермен сипатталады: ол мемлекеттік-билік сипатында, қатаң іс жүргізу түрінде жүзеге асырылады, заңды бұзған адамдарға заңды ықпал ету шараларын (санкцияларды) қолдануды

көздейді және бұзылған құқықтарды қорғауға және қалпына келтіруге бағытталған.

Құқық қорғау жүйесінің функцияларына қоғамдық тәртіпті сақтау, құқық бұзушылықтардың алдын алу, қылмыстарды тергеу, сот төрелігін жүзеге асыру, қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету, заңдылықтың сақталуын қадағалау кіреді.

Құқық қорғау жүйесі үш негізгі компонентті қамтиды: нормативтік, субъективті және функционалды. Нормативтік негіз – бұл құқық қорғау органдарының қызметін реттейтін конституциялық нормалардың, заңдардың және заңға тәуелді актілердің жиынтығы. Субъектінің құрамдас бөлігі құқықтық тәртіпті қорғауды тікелей жүзеге асыратын мемлекеттік органдарды (полиция, прокуратура, соттар, жазаларды орындау қызметтері), сондай-ақ адвокатура мен нотариат сияқты көмекші институттарды қамтиды. Функционалдық құрамдас бөлікке жедел-ізвестіру іс-шараларын, анықтауды, тергеуді, сот төрелігін және сот шешімдерін орындауды қоса алғанда, құқық қорғау қызметінің нақты бағыттары кіреді.

Құқықтық реттеудің сапасы, оның ішінде заң техникасы тұрғысынан, негізінен бүкіл құқық қорғау жүйесінің тиімділігін анықтайды.

Осы саладағы мәні мен жалпы қағидаттарын айқындау мақсатында Қазақстан Республикасы мен Қырғыз Республикасының заңнамасында және құқық қолдану практикасында заң техникасының қолданылуына салыстырмалы талдау жүргіземіз.

Қазақстан Республикасында заң техникасы мәселелерін реттейтін негізгі нормативтік акт «Құқықтық актілер туралы» Заң (2016 жылғы 6 сәуірдегі №480-V ҚРЗ) болып табылады, ол заңдар мен заңға тәуелді актілердің құрылымына бірыңғай талаптарды белгілейді (кіріспенің, бөлімдердің, баптардың болуын қоса алғанда), тілдік ресімдеу қағидаттарын бекітеді (атап айтқанда, 24-бапта қазақ және орыс тілдеріндегі мәтіндердің міндетті түпнұсқалығы жазылған), құқықтық мазмұны жоқ декларативтік нормаларды пайдалануға тыйым салуды енгізеді, сондай-ақ заң жобаларына сараптама жүргізу тәртібін айқындайды, заңдық және лингвистикалық тексеруді көздейтін [1].

Қырғыз Республикасында заң техникасы мәселелерін реттеуде «Қырғыз Республикасының нормативтік құқықтық актілері туралы» Заң (2009 жылғы 20 шілдедегі №241) [4] ұқсас рөл атқарады, оны дамытуда Қырғызстанның Жогорку Кенешінің 2015 жылғы қаулысымен бекітілген заңнамалық техника жөніндегі Нұсқаулық [5] қолданылады. Бұл құжатта негіздеменің, бөлімдер мен баптардың міндетті түрде болуын қоса алғанда, заң жобалары құрылымының қағидалары егжей-тегжейлі баяндалған, мемлекеттік (қырғыз) және ресми (орыс) тілдерде терминдердің біркелкі қолданылуына қойылатын талаптар бекітілген, сондай-ақ нормативтік нұсқамалардың тұжырымдары мен логикалық келісімділігінің анық критерийлері белгіленген.

Екі мемлекетте де заң техникасының ұқсас қағидаттары жарияланды: бірегейлік, қисындылық, артық қайталанулардың болмауы, қосымшаларды, ескертпелерді дұрыс ресімдеу және т.б. айырмашылық –

бекіту нысанында (Қазақстанда барлық негізгі талаптар бір заңда, Қырғызстанда – Заңда және арнайы нұсқаулықта жинақталған).

Қазақстан Республикасы Конституциясының 7-бабына сәйкес қазақ тілі мемлекеттік тіл болып табылады, ал орыс тілі ресми мәртебеге ие және мемлекеттік органдардың қызметінде кеңінен қолданылады [6]. «Құқықтық актілер туралы» заң Нормативтік құқықтық актілер мәтіндерінің құқықтық күші тұрғысынан қазақ және орыс тілдеріндегі теңдігін белгілейді [1]. Алайда, қазақ тілі Мемлекеттік, ал орыс тілі ресми деп танылғанын ескере отырып, терминдерді Мұқият келісу және екі тілдегі мәтіндердің толық түпнұсқалығын қамтамасыз ету қажеттілігі туындайды, бұл мамандандырылған лингвистикалық қызметтер мен сарапшылардың қатысуын талап етеді.

Қырғыз Республикасы Конституциясының 10-бабына сәйкес Қырғыз тілі мемлекеттік тіл болып табылады, ал орыс тілі ресми мәртебеге ие. Заңдар екі тілде қабылдануы және жариялануы мүмкін, бірақ іс жүзінде екі нұсқа да қолданылады: параллельді жариялау немесе реттеу саласы мен мақсатты аудиторияға байланысты бір тілдің басым болуы. Бұл ретте мәтіндердің лингвистикалық түпнұсқалығы мәселелері заңнамада Қазақстандағыдай қатаң бекітілмеген және негізінен заңға тәуелді актілермен және сараптамалық практикамен реттеледі.

Жоғарыда аталған елдердің заң техникасының лингвистикалық жағы үнемі бақылауды қажет етеді, өйткені билингвизм терминдерді үйлестіру процесін қиындатады және аударма кезінде әр түрлі түсіндіруге әкелуі мүмкін.

Қазақстанда заң техникасын қолдану тәжірибесін қарастырайық. Мұнда заңнамаға жиі түзетулер енгізу үрдісі байқалады, бұл актілердің жүйелілігін төмендетуі мүмкін. «Құқықтық актілер туралы» Заңның ресми талаптарына қарамастан, нақты тәжірибе түзетулер басқа заңдармен қақтығыстарды терең талдаусыз шұғыл түрде қабылданатынын көрсетеді. Нәтижесінде өзара ерекше нормалар туындауы мүмкін, мысалы, ҚР Қылмыстық кодексінде және сабақтас нормативтік актілерде экономикалық қылмыстарды реттеуде. Алайда, тұтастай алғанда, заң жобаларына міндетті сараптама және құрылымға бірыңғай талаптардың болуы жаңа актілердің техникалық сауаттылығын арттырады.

Бұл ретте, Қырғызстанда базалық заң қабылданған, бірақ қажетті заңға тәуелді актілер болмаған кезде реттеудегі олқылықтар негізгі сынтетеурін болып қала береді. Мысалы, ҚР жаңа Қылмыстық Кодексі күшіне енгеннен кейін (2019 ж.) тергеу органдарына арналған ілеспе нұсқаулықтардың бір бөлігі кеш қабылданды, бұл жекелеген құрамдардың біліктілігінде белгісіздік тудырды. Сонымен қатар, заң шығару техникасы жөніндегі Нұсқаулық (2015 ж.) заң жобаларын әзірлеу сапасын, әсіресе құрылым мен стиль бөлігінде жақсартты [5].

Қырғызстанда заң шараларының сапасын арттыру бойынша шаралар қабылданғанына қарамастан, оның ішінде заңнамалық техника бойынша нұсқаулықтарды қабылдаудың арқасында тәжірибелік тергеу

органдарына теріс әсер етуді жалғастыратын құқықтық реттеуде олқылықтар бар.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасында құқық қолдану техникасы сапасының проблемалары дәйекті тәжірибеде айқын көрінеді.

Мәселен, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2021 жылғы 28 сәуірдегі №3 қаулысында Қылмыстық-процестік кодекс нормаларының бірінің анық емес және анық емес тұжырымдалуы жәбірленушінің құқықтарын түсіндіру кезінде әртүрлі оқылымдарды тудырғаны, бұл тергеу органдары тарапынан әртүрлі тәсілдерге әкеп соқтырғаны көрсетілген [7]. Осыған байланысты сот нормаларды қолдануда түсініксіздікті жоюға және біркелкілікке қол жеткізуге бағытталған заңнамаға тиісті өзгерістер енгізуді ұсынды.

Қазақстанның тергеу органдары өз тәжірибелерінде іс жүргізу құжаттарын — айыптау қорытындыларын, қаулыларды, хаттамаларды жасау тәртібін регламенттейтін ведомстволық нұсқаулықтарға сүйенеді. Осы регламенттер сақталған жағдайда іс материалдарының заңдық негізділігі қамтамасыз етіледі. Алайда, іс жүзінде, әсіресе жоғары жүктеме жағдайында, белгілі бір істің жеке ерекшеліктерін ескермей, шаблондарды формальды түрде көшіру үрдісі байқалады, бұл көбінесе техникалық қателіктер тудырады және тергеу сапасын төмендетеді.

Қырғыз Республикасында осындай проблемалар Жоғарғы Соттың шешімдерінде тіркелген. Атап айтқанда, 2019 жылғы 10 желтоқсандағы №04-203/19 іс бойынша ұйғарымда сот жаңа Қылмыстық кодекстің тұжырымдамаларындағы олқылықтар негізделген үкімдерді шығаруды қиындататынын атап өтті [8]. Сот құқық қолданушыларға іс-әрекеттерді саралау кезінде нақты бағдарларды қамтамасыз ететін терминдерді нақтылау және заңға тәуелді нормативтік актілерді тезірек қабылдау қажеттілігін атап өтті.

Қырғызстандағы қосымша қиындықтар қырғыз және орыс тілдеріндегі құқықтық терминдердің лингвистикалық сәйкессіздігімен байланысты. Бұл әсіресе аймақтық тәжірибеде, іс бойынша құқықтық құжаттар негізінен орыс тілінде жасалып, сотқа олардың қырғыз тіліне аудармасы берілген кезде көрінеді. Бекітілген екі тілді заңды глоссарийдің болмауы бірдей терминдерді әртүрлі тәсілдермен түсіндіруге әкеледі, бұл орындау дәлдігін төмендетеді және сот дауларын тудыруы мүмкін.

Осылайша, Қазақстанда да, Қырғызстанда да құқық қолдану техникасының сапасы заңнаманың жүйелілігіне, оның тұжырымдарының айқындылығы мен дәлдігіне, сондай-ақ іс жүргізу құжаттарын жасауды жүзеге асыратын құқық қорғау органдары қызметкерлерінің даярлық деңгейіне тікелей байланысты.

Алайда, құқық қолдану техникасының сапасы заңнаманың жүйелілігімен және жауапты органдар қызметкерлерінің кәсіби даярлығымен айқындалатынына қарамастан, Қазақстан мен Қырғызстан мысалында заң техникасының тиімділігін төмендететін бірқатар проблемалар атап өтіледі.

Қазақстан мен Қырғызстанның заңнамалық және құқық қолдану практикасында заң техникасының тиімділігін төмендететін бірқатар күрделі проблемалар сақталуда. Әсіресе, Қазақстан үшін өзекті мәселелердің бірі ішкі жанжалдарға, нормативтік актілер логикасының бұзылуына әкеп соқтыратын және құқық қорғау органдарының жұмысын қиындататын заңнаманың жиі және жүйелі емес өзгерістері болып табылады. Заң жобаларын сараптаудың қолданыстағы рәсімдеріне қарамастан, жаңартулар қолданыстағы нормаларды ескерместен жиі үзінді түрде енгізіледі, бұл құқықтық белгісіздікке әкеледі.

Қырғызстан үшін құқықтық реттеудегі олқылықтар анағұрлым тән проблема болып қала береді. Көптеген жағдайларда жаңа кодекстер немесе заңдар қабылданғаннан кейін Жоғарғы Сот Пленумының қажетті заңға тәуелді актілері, нұсқаулары мен түсіндірмелері жоқ, бұл жергілікті судьялар мен тергеушілерді нормалардың кеңейтілген түсіндірмесін қолдануға мәжбүр етеді. Бұл практика субъективті тәсілдер мен орындаудың біркелкілігін бұзу қаупін арттырады.

Екі елде де олардың мазмұны бойынша жеткілікті егжей-тегжейлі емес нормалар бар. Бұл қылмыстық және әкімшілік заңнамаға қатысты, мұнда тұжырымдамалар орындаушылардың кең қалауына мүмкіндік береді. Нақты рәсімдердің, критерийлердің және терминологиялық сенімділіктің болмауы мұндай нормаларды азаматтардың құқықтарын сақтау тұрғысынан қолдануды қиындатады және қауіпті етеді.

Жеке мәселе-лингвистикалық шынайылық мәселесі. Қазақстан мен Қырғызстан заңнамасының екі тілділігі заң терминдерін аудару мен келісуде жоғары дәлдікті талап етеді, алайда іс жүзінде мемлекеттік және ресми тілдердегі терминологияның мағыналары мен біркелкілігінің толық сәйкес келуін қамтамасыз ету әрдайым мүмкін емес. Бұл нормаларды түсіндіруде сәйкессіздіктерге әкеледі және құқықтық сенімділікті төмендетеді.

Қосымша қиындықтар кадрлық және ұйымдастырушылық факторлармен байланысты: судьялар мен тергеушілерге жоғары жүктеме, қаулылар мен шешімдердің мәтіндерін мұқият пысықтауға уақыт пен ресурстардың жетіспеушілігі көбінесе техникалық қателіктерге, шаблондық тәсілге және құқық қолдану техникасының жалпы сапасының төмендеуіне әкеледі.

Аталған проблемаларды шешу бағыттарының бірі ретінде заң жобаларына сараптаманы күшейту ұсынылады. Парламенттер мен үкіметтік құрылымдар жанындағы сараптамалық топтардың өкілеттіктерін олардың құрамына заң тілі мен құқықтық техника мамандарын қосу арқылы кеңейту қажет. Бұдан басқа, кодекстерге және өзге де негізгі заңдарға өзгерістер енгізуді көздейтін барлық жобалар үшін міндетті техникалық-заңдық тексеруді енгізу қажет.

Заңнаманы жүйелеу және кодтау да маңызды. Қазақстанда түзетулердің қайталануын болдырмайтын тетікті әзірлеп, соқтығысуды автоматты түрде анықтайтын заңнаманы мониторингтеудің электрондық

жүйесін құрған жөн. Қырғызстанда жаңа кодекстерді іске асыру үшін қажетті заңға тәуелді актілерді қабылдау процесін жеделдету керек, бұл олқылықтарды жоюға және бірыңғай құқық қолдануды қамтамасыз етуге көмектеседі.

Құқық қолдану техникасының сапасын арттыру үшін тиісті деңгейде келісілген және бекітілген процестік құжаттардың бірыңғай үлгілерін енгізу қажет. Сондай-ақ, кәсіптік оқыту жүйесінде құқықтық жазу, құқықтық актілердің лингвистикасы және шешімдердің талдамалық негіздемесі бойынша арнайы курстар құру қажет, бұл құқық қорғау органдары қызметкерлерінің біліктілігін едәуір арттыруға мүмкіндік береді.

Лингвистикалық шынайылық мәселесін шешуге ерекше назар аудару қажет. Парламенттік комитеттер жанындағы лингвистикалық қызметтердің өкілеттіктерін кеңейту және Қазақстандағы қазақ-орыс және қырғыз-орыс тілдерінде жалпыға қолжетімді екі тілді заң глоссарийлерін құру қажет. Мұндай ресурстар терминологиялық түсініксіздікті жоюға көмектеседі және екі тілде нормаларды қолдануда біркелкілікті қамтамасыз етеді.

Цифрландыру сонымен қатар норма шығарудың да, құқық қолданудың да сапасын арттырудың перспективалы жолын білдіреді. Заң жобаларын қарама – қайшылықтар мен кемшіліктерге талдау үшін автоматтандырылған жүйелерді енгізу, нормативтік бастамаларды талқылау үшін электрондық платформаларды дамыту, іс жүргізу құжаттарының цифрлық үлгілерін және шешімдердің мысалдарымен құқықтық базаларды пайдалану – мұның бәрі техникалық қателер деңгейін айтарлықтай төмендетуге және заңнаманың ашықтығын арттыруға қабілетті.

Сонымен, заң техникасын жетілдірудің маңызды элементі мемлекетаралық ынтымақтастықты дамыту болып табылады. Қырғызстан мен Қазақстанның заңнамалық, сот және ғылыми топтары өкілдерінің қатысуымен бірлескен ғылыми-практикалық конференциялар, семинарлар мен дөңгелек үстелдер өткізу тәжірибе алмасуға ықпал ететін болады. ЕАЭО шеңберінде қос тілділік және посткеңестік құқықтық дәстүр жағдайларына бейімделген заң техникасының бірыңғай стандарттары бойынша ұсынымдарды әзірлеуге және бекітуге болады.

Қорытынды. Салыстырмалы талдау заң техникасы заңнаманың сапасын қамтамасыз етуде және Қырғызстанда да, Қазақстанда да құқық қорғау қызметінің тиімділігін арттыруда шешуші рөл атқаратынын растады. Жалпы принциптерге қарамастан айқындық, қисындылық, жүйелілік, тұжырымдамалардың бірегейлігі – елдердің әрқайсысы өзіне тән проблемаларға тап болады. Қазақстанда бұл құқықтық қайшылықтарды туғызатын заңнаманың жиі және келісілмеген өзгерістері, ал Қырғызстанда – реттеудің олқылығы және заңға тәуелді актілерді қабылдаудың кешіктірілуі. Екі ел үшін де нормативтік актілерді екі тілде ресімдеумен және заң техникасы саласында білікті мамандардың жетіспеушілігімен байланысты қиындықтар өзекті болып қала береді.

Осы саланы одан әрі дамыту үшін шаралар кешенін қабылдау қажет деп ойлаймын. Ең алдымен, заң шығару процесінің барлық кезеңдерінде кәсіби заңгерлердің, лингвистердің және заң техникасы мамандарының қатысуын қамтамасыз ете отырып, заң жобаларының сараптамасын күшейту қажет. Заңнаманы жүйелеу, фрагменттелген және келісілмеген түзетулерден аулақ болу, соқтығысулар мен қайталанатын нормаларды автоматты түрде анықтау тетіктерін дамыту маңызды.

Құқық қолдану техникасын жетілдіру құқық қорғау органдары үшін басымдыққа айналуға тиіс. Бұл лингвистикалық сауаттылық деңгейін арттыруды, құқықтық құжаттардың бірыңғай үлгілерін әзірлеуді, сондай-ақ қызметкерлерді құқықтық жазу қағидаттарына, шешімдердің логикалық негіздемесіне және терминологияны дұрыс пайдалануға үйретуді көздейді.

Заңнаманы мониторингілеу жүйелерінен бастап құқықтық актілерді жасау бойынша автоматтандырылған көмекшілерге дейін цифрлық құралдарды енгізуге ерекше назар аудару қажет. Бұл технологиялар норма шығарудың да, құқық қолдану қызметінің де ашықтығы мен дәлдігін едәуір арттыруға мүмкіндік береді.

Мемлекетаралық ынтымақтастықты жандандыру да маңызды бағыт болып табылады. Тәжірибе алмасу, бірлескен ғылыми-практикалық іс-шаралар өткізу және ЕАЭО шеңберінде бірыңғай әдістемелік ұсынымдар әзірлеу құқықтық тәсілдерді жақындастыруға және қос тілділік пен посткеңестік кеңістік жағдайларына бейімделген заң техникасының жалпы стандарттарын әзірлеуге негіз болады.

Сайып келгенде, заң техникасының деңгейін арттыру азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын тиімді қорғаумен, құқық бұзушылықтармен тиімді күреспен және қоғамның құқықтық институттарға деген сенімін нығайтумен тікелей байланысты. Құқық шығаруды да, құқық қолдануды да жетілдіру Қырғызстан мен Қазақстанда демократиялық және құқықтық мемлекет құрудың ажырамас элементі ретінде қарастырылуы тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Закон Республики Казахстан «О правовых актах» от 6 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2016. – №6. – 456 с.
2. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: Учебник. – М.: Юрист, 2010. – 256 с.
3. Маторин А.М. Роль юридической техники в правотворчестве // Вестник Национального института бизнеса. – 2019. – №2(18). –124–130 с.
4. О нормативных правовых актах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 20 июля 2009 года №241 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/202591/edition/1086595/ru> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Инструкция по законодательной технике: постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 30.06.2015 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/76491/edition/1282118/ru> (дата обращения: 10.03.2025).

6. «Қазақстан Республикасының Конституциясы» Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 08.03.2025);
7. Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28.04.2021 года №3 // Сборник постановлений ВС РК. – 2021.
8. Определение Верховного суда Кыргызской Республики от 10.12.2019 года по делу № 04-203/19 // Архив ВС КР. – 2019.

Кишкентаева Жанар Аргыновна
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының аға оқытушысы,
заң ғылымдарының магистрі

ВЕДОМСТВОЛЫҚ ОҚУ ОРЫНДАРЫНДА ЗАҢ ПӘНДЕРІ МЕН ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ПӘНДЕРДІ ОҚЫТУДА БИНАРЛЫҚ САБАҚТАРДЫ ӨТКІЗУДІҢ ТИІМДІЛІГІ

Аннотация. Мақалада заң пәндері мен әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдарды біріктіретін бинарлық сабақтарды ұйымдастыру мен өткізудің әдістемелік аспектілері қарастырылады. Болашақ заңгерлердің тұтас дүниетанымын қалыптастырудағы пәнаралық тәсілдің маңыздылығы атап өтіледі. Құқықтық білімді философиялық, әлеуметтік, саясаттану пәндерімен интеграциялау тәжірибесіне ерекше назар аударылады. Сабақ тақырыптарының, әдістемелік амалдардың және күтілетін нәтижелердің мысалдары талданды, сондай-ақ осы саладағы жетекші отандық және шетелдік зерттеушілердің пікірлері мен тұжырымдары келтірілді.

Түйінді сөздер: заң білімі, бинарлық сабақтар, әлеуметтік-гуманитарлық пәндер, пәнаралық, оқыту әдістемесі.

«Білім – бұл өмірге дайындық емес, өмірдің өзі» деген білім беру реформасы саласындағы белгілі американдық сарапшы Джон Дьюидің сөзі өзектілігінен айырылмаған және білім беру процесіне, оның сапасына деген ерекше назар нарық талабына сай мамандарды дайындауда аса маңызды [1]. Бүгінгі жаһандық трансформация мен цифрлық революция дәуірінде Қазақстандағы заң білімі сын-қатерлер мен мүмкіндіктерге тап болып отыр.

Бұл орайда «Қазақстан – 2050» стратегиялық бағдарламасымен, Адал азамат, Заң және тәртіп тұжырымдамаларымен бекітілген қоғамдық сананы жаңғыртуды іске асыруда заңгерлік білімнің міндеті тек кәсіби білім берумен шектелмей, уақыт талаптарына жауап бере алатын жаңа құқықтық ойлау типін қалыптастыру болып табылады [2].

Кеңестік және ресейлік құқықтанушы С.С. Алексеев атап өткендей, «құқық – бұл тек нормалар жүйесі ғана емес, ол – ойлау формасы» [3]. Бұл қағида, әсіресе, құқықтық жүйесі сан тарапты және дәстүрлі құқық элементтерін ұштастыра отырып дамып келе жатқан Қазақстан үшін өте өзекті.

Ғалым Л.С. Мамуттың сөзімен айтқанда: «Құқықты гуманитарлық контекстсіз түсіну мүмкін емес» [4]. Бұл, әсіресе, көпұлтты Қазақстан жағдайында маңызды, өйткені құқықтық мәселелер мәдени, діни, этикалық және әлеуметтік ерекшеліктермен қатар жүретінін ескеру керек.

Қазіргі заманғы заңгерлік білім нормативтік оқытумен шектелмей, кең гуманитарлық көзқарасқа ие, аналитикалық ойлайтын,

мәдениетаралық диалог жағдайында жұмыс істей алатын және құқықтық жаңашылдықтарға дайын мамандарды қалыптастыруы тиіс. Бұл міндетті орындауда бинарлық сабақтар – әртүрлі ғылыми пән өкілдерінің бірігіп өткізу формасы – ерекше рөл атқарады.

Белгілі этнограф А.К. Қажымұрат атап өткендей: «қазақтың дәстүрлі құқығы заманауи заң практикасын байыта алатын терең гуманитарлық негіздерді қамтиды» [4].

Бұл қағида қазақ қоғамының дәстүрлі құндылықтарына сәйкес келеді, өйткені әділеттілік, ар-ұят, адалдық және ұжымдық жауапкершілік ұғымдары әрқашан ерекше маңызға ие болған.

Қазіргі құқықтық ғылымда құқықтық нигилизм, әлеуметтік әділеттілік пен құқықтық мәдениет мәселелеріне қызығушылық артып келеді.

Осы тұрғыда ведомстволық білім беру ордаларында заң білімдерін оқыту барысында әлеуметтік-гуманитарлық пәндерді бірленстіріп, бинарлық сабақтар қолдану білім алушыларға құқықтық нормаларды зерттеп қана қоймай, олардың философиялық және моральдық негіздерін талқылауға мүмкіндік береді.

Мысалы, «Құқық және мораль» немесе «Мемлекеттік қызмет этикасы» пәндері аясында заң талаптары мен моральдық-этикалық қағидаттар арасындағы қайшылықтар басшылыққа алынатыны анық.

Педагогика ғылымдарының докторы А.Н. Дахиннің «Құқық социологиясы құқықтық нормалардың қоғам ерекшеліктеріне қалай бейімделетінін түсінуге мүмкіндік береді» деп көрсеткендей, Қазақстандағы әлеуметтік-мәдени контекст құқықты қолдану мен азаматтардың құқықтық санасына елеулі әсер етеді [6].

Тәуелсіздік алғаннан кейін басталған құқықтық жүйені жаңғырту, әдет негізіндегі дәстүрлі құқықтық сана элементтерінің сақталуы, халықаралық құқықтық кеңістікке интеграция және ұлттық заңнаманы халықаралық стандарттарға сәйкестендіру сияқты соңғы жылдардағы үрдістер өзгеруді талап етуде.

Осы орайда бинарлық сабақтар заңгерлерді, әлеуметтанушыларды, философтарды және мәдениеттанушыларды біріктіре отырып, білім алушыларға құқықтың табиғаты мен оның қоғамдағы рөлін кешенді түрде түсінуге мүмкіндік береді.

ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігінің 2023 жылғы деректеріне сүйенсек, қазақстандық жоғары оқу орындарының заң факультеттерінің 78%-ы өз бағдарламаларына пәнаралық оқыту элементтерін енгізді [7]. Қазақстандық жоғары оқу орындары бинарлық әдістерді енгізудің мынадай көрсеткіштері анықталған:

- Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ: 42%;
- Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ: 38%;
- Өңірлік жоғары оқу орындары: орта есеппен 15% [8].

Бүгінде жетекші университеттер оқу үдерісіне белсенді түрде бинарлық іс-шаралар мен сабақтар енгізуде. Атап айтқанда, «Құқық және мәдениетаралық коммуникация» бағдарламасы, студенттік жобалардың

жыл сайынғы пәнаралық байқауы, философия және саясаттану факультеттерімен бірлескен зерттеулер, әртүрлі саладағы сарапшылардың қатысуымен семинарлар.

Ақпарат көзінің мәліметінде Нарықбаев университетінде заң білімінде «Тілдердің үштұғырлығы» әдістемесі сәтті қолданылатыны айтылған, мұнда:

1. Құқық теориясы – қазақ тілінде.
2. Салыстырмалы құқықтану – орыс тілінде.
3. Халықаралық стандарттар – ағылшын тілінде өткізіледі [7].

Зерделеу нәтижесінде жалпы заң пәндерін оқытуда әлеуметтік-гуманитарлық ғылымның бірлесуімен тиімді көрінген тақырыптар ұсынылады: «Қазақстандағы конституциялық реформалар: құқықтық және саяси талдау» тақырыбы аясында Конституция өзгерістерін қарастырып, Германия, Франция, Оңтүстік Корея сияқты елдердің конституциялық жүйелерімен салыстыруға болады.

«Цифрлық құқық және жасанды интеллект» тақырыбы аясында «ҚР цифрлық активтер туралы» Заңын [9] талдау жүргізіп, экономиканы және мемлекеттік басқаруды цифрландырудың этикалық-құқықтық аспектілері, киберқауіпсіздік және цифрлық ортадағы адам құқықтарын қорғауды талқылау өзекті.

Бұл тақырыптар шеңберінде жүргізілген сабақтар білім алушылардың қызығушылығын арттырып қана қоймай, аналитикалық, сыни және пәнаралық ойлау дағдыларын дамытуға ықпал етеді.

Бұл ретте философ А.А. Ивиннің пікірін назарға алған жөн: «Құқық логикасы пікірталас арқылы қалыптасады» [10].

Қазіргі Қазақстандық тәжірибе негізінде құқықтық мәселелер бойынша тілдік құзыреттікті дамыту пәндерімен, дебаттар өткізу (мысалы, «Өлім жазасы: қолдаймын немесе қарсы»), сот процестерін модельдеу (рөлдік ойындар: судья, прокурор, қорғаушы рөлдерін бөлісу), Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының іс-тәжірибесі бойынша нақты істерді талдау, құқықтық актілер жобасын әзірлеу әдістері арқылы жүзеге асыруға болады.

Бинарлық оқытуды оқу орнында одан әрі жетілдіру, жиілендіру үшін құқықтық және гуманитарлық білім беру ерекшеліктерін ескеретін бірыңғай әдістемелік ұсынымдарды әзірлеу маңызды.

Бұл құқықтық және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер контексінде алдын ала цифрлық құқық, экологиялық даулар, адам құқықтары, кәсіпкерлік қызмет сияқты өзекті мәселелер бойынша пәнаралық кейстер банкін құрып енгізген оқытушылардың уақытын үнемдеуге, оқуды жоспарлауға мүкіндік береді.

Тағы бір маңызды жайт, бинарлық сабақтарды өткізуге тартылатын пән оқытушыларының біліктілігін арттыру жүйесін қалыптастырып, пәнаралық сабақ өткізу, пікірталастарды модерациялау және шиеленіс жағдайларын басқару әдістерін үйретуді көздеу тиімділікті арттырады.

Шетелдік ЖОО тәжірибесін пайдалана отырып, шетелдік университеттердің оқытушыларымен бірлескен онлайн конференциялар

жоспарлап, мамандарды онлайн сабақтарға тарту да қазіргі заманның мүмкіндігіне сай. Бұл пәнаралық құқықтық зерттеулер орталықтарын құруға, бинарлық сабақтардың ұлттық стандартын әзірлеуге жол ашатыны сөзсіз.

Қазақстандағы қазіргі заманғы заңгерлік білім беру терең трансформацияны қажет етеді. Көрнекті қазақстандық құқықтанушы Г.С.Сапарғалиев «Қазақстан құқығының негіздері» атты іргелі еңбегінде атап өткендей, «ұлттық құқықтық жүйе үш қуатты дәстүрдің: көшпелі құқықтың, кеңестік мұраның және қазіргі заманғы халықаралық стандарттардың тоғысында дамуда» [11]. Бұл үшбірлік құқықтық білім берудегі пәнаралық тәсілдің бірегей негізін құрайды.

Қорыта келгенде, бинарлық сабақтар – жаңа буын заңгерлерін қалыптастырудағы ең тиімді құралдардың бірі.

Қазақстанның әлеуметтік-мәдени ерекшеліктерін ескере отырып, құқық пен гуманитарлық ғылымдардың интеграциясы — жоғары білікті мамандарды даярлаудың міндетті шарты болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Демократия и образование, https://en.wikipedia.org/wiki/Democracy_and_Education.
2. «Қазақстан-2050» Стратегиясы: қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты.
3. Алексеев С.С., Общая теория права: Курс лекций. – М.: НОРМА, – 2021.
4. Мамута Л. С., Право и гуманитарное знание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, – 2022.
5. Қажымұрат А.К., Көшпенділердің дәстүрлі құқығы. - Астана, – 2020. – 215 б.
6. Дахин А.Н., Социология права. – СПб.: Питер, – 2023.
7. ҚР ҒжЖБМ Жоғары білімнің жай-күйі туралы есебі. – 2023. – 89 б.
8. «Құқықтық білім беру тенденциялары» АО зерттеуі. – 2022. – 54 б.
9. Қазақстан Республикасының «Цифрлық активтер туралы» Заңы — <https://adilet.zan.kz>.
10. Ивин А.А. Логика и правовое мышление. – М.: Логос, – 2020.
11. Сапарғалиев Г.С., «Қазақстан құқығының негіздері». - Алматы, – 1998. – 168 б.

Киязова Альбина Жомартовна

ведущий научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Цифровизация юридического образования включает использование общих для системы обучения дистанционных программ, виртуальных кампусов и библиотек, которые нивелируют географические и временные ограничения, значительно расширяют возможности студентов и преподавателей, а также улучшают качество и доступность образования.

В рамках обучения юриспруденции используются технологии, применяемые в юридической деятельности (платформы для правовых исследований, базы данных и интернет-сайты по юридическому направлению). Искусственный интеллект играет решающую роль в модернизации юридического образования, позволяя анализировать правовые документы, прогнозировать судебную практику, создавать симуляции судебных процессов, переговоров, консультаций, законопроектной работы и другие виды юридической активности. Интерактивные технологии предоставляют студентам возможность приобрести навыки работы с правовыми источниками и способность принимать решения в юридических ситуациях.

Ключевые слова: цифровизация юридического образования, Legaltech, виртуальные библиотеки, платформы для обучения, дистанционные образовательные технологии, виртуальные юридические клиники, симуляции, искусственный интеллект, юридические платформы, интернет-ресурсы юридических компаний.

Концепция правовой политики Республики Казахстан обозначила необходимость модернизации системы юридического образования [1]. Деятельность по обучению юридическим наукам входит в систему общего образования, в связи с чем следует тенденциям его развития. Сфера высшего образования и науки Казахстана согласно стратегии его развития, будет продолжать внедрение цифровых технологий и интерактивных методов обучения [2].

В юридическом образовании используемые цифровые инструменты включают в себя спектр технологий и методов для улучшения процессов обучения, исследовательской работы и квалифицированной подготовки студентов юридических факультетов. Интеграция технологий предоставляет учащимся использовать разносторонний опыт обучения и помогает развивать способности, применимые в будущей профессиональной деятельности [3. стр.28]. Цифровизация образования в юридической сфере связана не только с использованием общих для всей

системы образования информационных методик, но и с применением технических инноваций в самой профессиональной юридической деятельности.

В юридической деятельности применяется обширный круг технологических решений, которые используются юристами, гражданами, юридическими лицами и государственными органами. Цифровизация в области права подразумевает использование сервисов, создаваемых на базе информационных систем, основу функционирования которых составляют те или иные алгоритмы [4. стр.202]. Систему цифровых технологий в правовой деятельности определяют термином Legaltech, инструментами которой являются электронные сервисы подбора судебной практики, составления договоров, калькулятор госпошлины, неустоек, а также специализированные платформы для юристов [5. стр.152].

Использование цифровых технологий в юридическом образовании можно условно разделить по следующим направлениям.

Дистанционные образовательные технологии и виртуальные библиотеки

Использование дистанционных образовательных технологий обеспечивает доступность, гибкость и эффективность обучения. Обучение онлайн в виде курсов, конференций, вебинаров и других формах позволяет студентам получать знания от ведущих специалистов и осуществлять сотрудничество на международном уровне. В области юриспруденции большой выбор дисциплин предлагают такие платформы как Coursera, edX, FutureLearn, Лекториум и другие. Данные площадки включают видеолекции, тесты, практические задания и форумы для общения. Многие ведущие юридические учебные заведения, такие как Гарвардский университет, Йельский университет и другие, предлагают онлайн-курсы и программы для широкого круга людей, интересующихся правом.

Цифровые правовые библиотеки обеспечивают студентов и преподавателей юридических факультетов электронными книгами, статьями, нормативными правовыми актами и судебными решениями. Например, электронная библиотека LegalTrac обеспечивает индексацию юридических обзоров, юридических газет, специализированных изданий, журналов и международных юридических журналов, включая статьи, судебные решения и правовые исследования. Онлайн-ресурс HeinOnline предоставляет доступ к юридическим журналам, архивам и статьям, что важно для исследований и подготовки студентов. Информационный ресурс Westlaw является обширной библиотекой с лучшей юридической информацией со всего мира и содержит обширную подборку судебных дел ведущих иностранных и международных судов, а также эксклюзивные аналитические материалы общепризнанных экспертов в области права.

Виртуальные кампусы и платформы для управления обучением.

Виртуальные кампусы и платформы позволяют университетам организовывать весь учебный процесс онлайн. Электронные платформы используются для подачи заявлений, оперативной обратной связи, планирования учебного процесса, а также создания и распределения материалов для занятий.

Мультимедийные материалы в виде видеоуроков и лекций являются инструментом для передачи теоретического материала в удобное время. Цифровые платформы предлагают индивидуальный подход к обучению после анализа успехов и проблем каждого студента. Интернет-форумы и дискуссионные площадки предоставляют возможность обмена знаниями и опытом без учета расстояния. Интерактивные тесты позволяют создавать задания на интерпретацию нормативных правовых актов, решение правовых ситуаций или анализ судебных решений. Проведение экзаменов и тестов через онлайн-платформы облегчает проверку знаний, снижает вероятность ошибок в оценке, а также ускоряет сам процесс оценивания и снижает нагрузку на преподавателей.

Примером электронной платформы для организации процесса обучения являются открытые образовательные платформы Moodle, Google Classroom, которые используются для создания и проведения курсов, включая видеоуроки, тесты, обсуждения и задания. Платформа Canvas также предназначена для управления учебным процессом и позволяет преподавателям и студентам взаимодействовать, обмениваться материалами, а также проводить лекции и семинары в режиме онлайн. Данная система используется в Maqsut Narikbayev University.

Для проведения лекций, семинаров и консультаций активно используются площадки для видеоконференций, например, Zoom, Microsoft Teams, Google Meet. Онлайн коммуникации предоставляют возможность организовать международное интерактивное обучение и обсуждение среди преподавателей и студентов.

Изучение учебных материалов, проведение консультации и участие в юридических дискуссиях может быть осуществлено посредством мобильных ресурсов и приложений. Например, приложение LawDojo предназначено для обучения юридическим терминам и практическим аспектам работы юриста. Или платформа Quizlet, которая представляет собой бесплатный сервис для легкого запоминания любой информации в виде учебных карточек.

Виртуальные юридические клиники, интерактивные обучающие платформы и симуляции.

Благодаря цифровым технологиям студенты могут применять теоретические знания на практике. Дистанционная работа в юридических клиниках позволяет студентам под руководством преподавателей и опытных юристов анализировать реальные юридические ситуации, предоставлять консультации через интернет и помогать клиентам с подготовкой правовых документов.

Обучающие платформы могут симулировать заданные ситуации. Виртуальная (VR) и дополненная реальность (AR) позволяют создавать образовательные сценарии, в которых студенты могут участвовать в реальном времени или тренироваться в условиях, приближенных к реальности. С технической стороны виртуальная реальность представляет собой средство симуляции определенных действий человека в рамках предоставленного интерфейса определенного программного продукта [6. стр.148].

Симуляциями могут быть судебные процессы, переговоры, юридические консультации и другая деятельность в рамках изучаемой юридической профессии. Например, VR-технологии позволяют виртуально создать место происшествия, которое студентам предстоит изучить, осуществить процессуальные действия и дать квалификацию преступления. AR-технологии предоставляют возможность провести интерактивное занятие в учебной аудитории, создав свой сценарий.

Симуляторы судебных процессов позволяют студентам моделировать реальную судебную практику для развития навыков аргументации, логики и публичных выступлений. Например, в разных странах используется технология виртуального зала суда Virtual Courtroom, которая позволяет студентам моделировать судебные процессы, анализировать материалы дел и выносить решения, а также учиться выступать в роли разных участников судебного разбирательства.

Платформы для симуляции правовых и законодательных процедур включают упражнения, которые имитируют процесс разработки законов или работы юридических организаций, позволяя студентам увидеть, как работают правовые и законодательные процессы на практике. Применение информационных технологий повышает уровень законотворчества и правоприменения, а также значительно сокращает сроки доступа к необходимой информации для принятия решения [7. стр.70].

Для создания виртуальной консультации с клиентами используются виртуальные ассистенты, что позволяет студентам тренировать навыки общения и консультирования в разных ситуациях. Платформы также могут включать элементы геймификации, такие как лидерборды, награды и достижения, которые повышают мотивацию студентов.

Использование искусственного интеллекта и больших данных.

Наступление эры Legaltech считается неизбежным, поскольку бизнес, государство и институты гражданского общества заинтересованы в алгоритмизации правовых процессов и нормотворчества, которая позволит снизить транзакционные издержки и повысить эффективность юридической деятельности в целом [7. стр.70]. Основой Legaltech является искусственный интеллект (далее – ИИ), заменяющий человека, позволяющий систематизировать правовую информацию и облегчить анализ судебной практики [5. стр.154]. Использование ИИ и больших данных Big Data позволяет улучшить качество юридического

образования, ускорить анализ правовых материалов и помочь студентам лучше понимать и применять законы в реальных условиях.

Искусственный интеллект используется для автоматического анализа правовых документов. ИИ-системы могут быстро находить связь между документами, выявлять схожие элементы и анализировать тенденции в правоприменении, что способствует быстрому освоению материалов и ориентации в правовых текстах. Использование ИИ в юридических поисковых системах позволяет значительно улучшить качество поиска, предлагая более точные и релевантные результаты, что позволяет студентам не тратить время на переработку лишней информации.

ИИ позволяет анализировать данные о судебных делах, предыдущие решения судов и мнения экспертов для создания прогностических моделей исхода судебного разбирательства. Прогнозирование судебных решений помогает предсказать исход дел, что важно для понимания факторов влияния на решения судов, а также для разработки кейсов и анализа судебной практики.

Например, в США используется платформа на базе искусственного интеллекта ROSS Intelligence, программное обеспечение которой предназначено для быстрых и глубоких юридических исследований. Среди продуктов компании имеется система поиска юридических вопросов, анализатор документов, программа поиска и обзоры необходимых судебных дел. Использование данного программного обеспечения помогает юристам и студентам быстрее находить материалы и анализировать судебную практику.

ИИ позволяет создавать виртуальных ассистентов для помощи получения ответов на юридические вопросы и справочной информации. Программы на базе ИИ могут моделировать диалоги на основе реальных юридических кейсов, позволяя студентам «разговаривать» с виртуальными клиентами или юристами, что помогает улучшить навыки коммуникации и предоставляет практический опыт решения профессиональных задач [8. стр.807].

В законопроектной деятельности искусственный интеллект можно использовать в двух направлениях: как инструмент, обслуживающий потребности законопроектной деятельности, в том числе юридической техники; в перспективе как работа-законодателя, участвующего в процессе разработки проекта правового решения [9. стр.354]. Применение ИИ для обнаружения коллизий в законах также считается оправданным [5. стр.156].

Искусственный интеллект также используется для автоматической проверки тестовых заданий, анализа выполненных ученических работ и других материалов, что позволяет ускорить процесс обучения и облегчить работу по оцениванию знаний студента. Многие образовательные платформы используют чат-боты для разъяснения сложных тем и помощи студентам при подготовке к экзаменам. Чат-боты позволяют

автоматизировать правовые задачи, разъяснять нормативные правовые акты, осуществлять правовое консультирование и проводить правовые исследования.

Юридические платформы и интернет-ресурсы юридических организаций.

Юридические платформы обеспечивают доступ к огромному количеству правовых материалов, научных статей и судебных решений, что позволяет студентам проводить глубокие исследования и углубленное изучение специфических тем в области права. Используемая в разных странах платформа для правовых исследований LexisNexis предоставляет доступ к множеству данных, судебных решений и теоретических материалов.

Казахстанские информационные ресурсы представлены несколькими платформами. Так, например, Единая система правовой информации (ЕСПИ) включает информационную систему Эталонного контрольного банка нормативных правовых актов и информационную правовую систему «Әділет». Система «Әділет» содержит нормативные правовые акты, регулирующие все сферы жизнедеятельности в Республике Казахстан и может быть использована в качестве справочника по нормативным правовым актам в любой сфере общественной и хозяйственной деятельности. Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов содержит эталонные сведения Реестра государственных нормативных правовых актов Республики Казахстан. Казахстанский новостной портал Zakon.kz создан как ресурс и площадка для коммуникации юристов, экономистов и финансистов. Интернет-сервис «Судебный кабинет» предоставляет доступ к актуальным постановлениям и определениям отечественных судов.

В качестве электронного ресурса получения юридической информации и разъяснений могут служить интернет-ресурсы юридических компаний, арбитражей, коллегий адвокатов и палат юридических консультантов. В соответствии со статьей 50 Закона об адвокатской деятельности коллегия адвокатов обязательно размещает на своем интернет-ресурсе нормативные правовые акты, кодекс профессиональной этики адвокатов, стандарты оказания и критерии качества юридической помощи и другую информацию [10].

Палаты юридических консультантов являются саморегулируемыми организациями, в связи с чем статьей 23 Закона о саморегулировании палатам предписывается обязанность размещать на своих сайтах информацию о содержании правил и стандартов палаты, о критериях качества юридической помощи, сведения о действующих членах палаты и их статусе, а также другую информацию [11]. Аналогичная норма содержится в статье 89 Закона об адвокатской деятельности. Многие коллегии адвокатов и палаты юридических консультантов, как например, Республиканская коллегия адвокатов или Палата юридических консультантов города Астаны, дополнительно публикуют разъяснения

законодательства и правовые оценки различных ситуаций. Данная информация может быть полезна студентам для изучения требований к представителям юридической профессии и получения актуальной информации о проблемах применения и разработки законодательства, а также о взаимодействиях внутри юридического сообщества.

Политика Казахстана в сфере образования направлена на применение дистанционных технологий и интерактивных методов обучения: использование искусственного интеллекта, переход к модели «smart-университетов» с цифровым кампусом, использование платформ открытого образования (Open University, Coursera (также на казахском языке)) и цифровых сервисов [2].

Подводя итог следует отметить, что внедрение в юридическое образование общих образовательных инноваций (дистанционное обучение, виртуальные кампусы и библиотеки, платформы для управления обучением) позволяет обеспечить доступность и гибкость обучения. Однако для полноценного закрепления знаний и приобретению профессиональных юридических навыков немаловажную роль играет использование искусственного интеллекта и больших данных в сфере юриспруденции (виртуальные юридические клиники, специальные юридические интерактивные обучающие платформы и симуляции, а также интернет-ресурсы юридических компаний).

Список использованной литературы:

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года №674 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674#z344> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Концепция развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023-2029 годы: постановление Правительства РК от 28 марта 2023 года №248 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Бузни В.А., Осипенко С.Д. Понимание роли цифровых технологий в образовании // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №79-2. – 28-30 с.
4. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», – 2021. – 310 с.
5. Савенко Н.Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – №1. – С. 145-171.
6. Абдуллина Э.И. Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности. // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – №9 (82). – 147-152 с.
7. Назаров Д.М. Legaltech как основной тренд цифровизации юридической деятельности // Назаров Д.М., Родин Б.К. // VI-технологии и корпоративные информационные системы в оптимизации бизнес-процессов цифровой экономики: Материалы VI Международной научно-практической очно-заочной конференции,

Екатеринбург, 05 декабря 2018 года. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, – 2019. – 69-73 с.

8. Даниелян А.С. Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – №3. – 804-823 с.

9. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. – 2019. – №13. – 350-356 с.

10. Об адвокатской деятельности и юридической помощи: Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 года №176-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176> (дата обращения: 20.03.2025).

11. О саморегулировании: Закон Республики Казахстан от 12 ноября 2015 года №390-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000390> (дата обращения: 20.03.2025).

Коленко Евгений Вячеславович
первый заместитель начальника Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Уважаемые коллеги, участники конгресса!

Правоохранительная система является основным звеном обеспечения стабильности, безопасности и верховенства закона в любом государстве. В этом контексте особую значимость приобретает качественная подготовка кадров для органов, реализующих функции защиты прав граждан, борьбы с преступностью, надзора за соблюдением закона.

Узбекистан, находящийся на пути активных реформ, в последние годы выстроил уникальную, многопрофильную систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов правоохранительной сферы. В этом докладе я хотел бы осветить ключевые особенности, достижения и перспективы данной системы.

1. Институциональная основа подготовки кадров.

В Узбекистане подготовка и повышение квалификации кадров в правоохранительной сфере осуществляется через специализированные учреждения, среди которых:

- Правоохранительная академия Республики Узбекистан;
— обеспечивает подготовку, переподготовку и повышение квалификации прокурорско-следственных работников;
- Академия Министерства внутренних дел;
— готовит сотрудников органов внутренних дел, в том числе оперативных и участковых работников;
- Университет общественной безопасности, Таможенный институт, учреждения повышения квалификации при Министерстве юстиции;
— охватывают подготовку кадров в узких секторах правоохранительной деятельности.

2. Современные подходы в подготовке кадров.

С 2017 года, в рамках реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан, обучение в системе правоохранительных органов прошло через глубокое реформирование.

Основные особенности реформ:

Компетентностный подход — упор на практические навыки, моделирование реальных ситуаций, кейс-методы.

Цифровизация учебного процесса — внедрение электронных платформ, в том числе дистанционного обучения.

Этика, психология и риторика — обязательные дисциплины для формирования профессионального поведения.

Межведомственные программы — интеграция в подготовку базовых знаний по налоговому, финансовому праву, международному праву.

3. Правоохранительная академия – флагман реформ.

В 2022 году Указом Президента на базе Академии Генеральной прокуратуры была создана Правоохранительная академия нового формата, где внедрена система:

- многоуровневого обучения прокурорско-следственных кадров (переподготовка, базовая и углубленная специализация);
- обязательных стажировок в территориальных органах прокуратуры и внутренних дел;
- проведения правовых экспертиз, симуляций следственных действий, прокурорского надзора;
- международного обмена (сотрудничество с юридическими образовательными учреждениями Швеции, Турции, Казахстана и др.).

Особое внимание уделяется обучению в области антикоррупционной политики, цифровых расследований и работы с уязвимыми группами населения.

Вместе с тем, стоит отметить, что в июне прошлого года в Правоохранительной академии образован Научно-исследовательский институт цифровой криминалистики, основными задачами которого определены:

проведение судебных экспертиз и исследования по цифровой криминалистике;

выявление и исследование цифровых следов преступлений, а также осуществление подготовки заключений по изученным данным;

проведение обучения по дистанционной и традиционной формам специалистов, осуществляющих деятельность в сфере цифровой криминалистики, современным видам экспертизы по цифровой криминалистике;

привлечение квалифицированных отечественных и зарубежных специалистов к осуществлению деятельности по цифровой криминалистике и др.

4. Международное сотрудничество.

Узбекистан активно участвует в программах ОБСЕ, UNODC, GIZ, USAID, направленных на:

- подготовку преподавателей и тренеров для правоохранительных академий;
- проведение семинаров с привлечением международных экспертов;
- внедрение цифровых платформ;
- реформу учебных планов на основе международных стандартов.

Заключение. Подготовка квалифицированных, принципиальных и этически устойчивых сотрудников правоохранительных органов — залог правовой стабильности и доверия общества к государству.

Опыт Узбекистана показывает, что только через системную реформу, модернизацию образовательных стандартов и международное сотрудничество возможно создание современной, эффективной и правозащитной модели подготовки кадров.

Благодарю за внимание!

Найманова Динара Хамитовна
профессор Кафедры прокурорского надзора Института
профессионального обучения Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к профессиональной подготовке и переподготовке государственных обвинителей в Республике Казахстан. Анализируются проблемы действующей системы обучения и предлагаются направления ее совершенствования. Автором подчеркнуты необходимость адаптации образовательных программ к изменяющимся условиям правоприменительной практики и использования интерактивных методов обучения, в том числе с применением цифровых технологий.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, подготовка кадров, профессиональная подготовка, юридическое образование, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, глобальная трансформация.

Введение. Государственный обвинитель выполняет ключевую роль в реализации публичного уголовного преследования и защите интересов государства в суде. Его деятельность требует высокой профессиональной компетенции, правовой грамотности и этической устойчивости. В условиях постоянного обновления законодательства вопросы подготовки государственных обвинителей приобретают особую актуальность.

С учетом изменений в правовом поле, а также социальных и экономических реалий, профессиональная подготовка государственных обвинителей должна адаптироваться к новым условиям. Недостаточный уровень базы знаний может привести к ошибкам в уголовных делах, что негативно сказывается на правосудии.

Основная часть. Правовой статус государственного обвинителя определен статьей 337 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Прокурор представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим во время судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания.

При этом государственный обвинитель поддерживает обвинение в суде, руководствуясь не только задачей достижения обвинительного приговора, но и обязанностью объективной правовой оценки

доказательств. Это предопределяет необходимость многоуровневой профессиональной подготовки, включающей не только знание закона, но и развитие аналитических, коммуникативных и этических навыков.

Ключевым аспектом подготовки государственных обвинителей является изучение этических норм и профессиональной ответственности. Важно, чтобы обвинитель не только обладал глубокими знаниями законодательства, но и понимал принципы справедливости и уважения к правам человеческой личности.

Профессиональная подготовка государственных обвинителей в Казахстане представляет собой многоуровневый процесс, который включает в себя как теоретическое обучение, так и практические навыки. Правильная подготовка обвинителей способствует формированию эффективной и справедливой правовой системы, что, в свою очередь, положительно сказывается на обществе в целом. Государственные обвинители должны всегда стремиться к самосовершенствованию и повышению своей квалификации, чтобы соответствовать быстро меняющимся требованиям современного законодательства.

Подготовка юристов обвинителей в Казахстане осуществляется в рамках юридических факультетов университетов и специализированных академий. Образовательные программы включают курсы по уголовному праву, уголовно-процессуальному праву и другим смежным дисциплинам.

Ключевым элементом является практика, которая включает стажировки в прокуратуре и других правоохранительных органах. Это позволяет будущим обвинителям получить опыт работы и применять теоретические знания на практике.

Вместе с тем, как показывает практика, этого недостаточно.

С момента получения образования в ВУЗе будущие прокуроры проходят специальное первоначальное обучение в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. В образовательной программе обязательным элементом обучения государственных обвинителей является предоставление знаний для развития навыков публичных выступлений и эффективного участия в суде при поддержании государственного обвинения. Несмотря на первоначальную подготовку, государственные обвинители должны проходить курсы повышения квалификации, чтобы быть в курсе последних изменений в законодательстве и практике правоприменения.

Курсы повышения квалификации проводятся на основе потребностей правоприменительной деятельности и ориентированы на привитие практических навыков и умений.

1. Недостаток практических навыков.

2. Современные вызовы: С учетом увеличения преступлений киберправонарушений и коррупции, образовательные программы часто не успевают адаптироваться к новым вызовам.

3. Взаимодействие с другими органами: Отсутствие координации между учреждениями, занимающимися подготовкой обвинителей и прокуратурой, затрудняет интеграцию знаний и практических навыков.

Рекомендации по улучшению профессиональной подготовки:

1. Обновление учебных планов: Разработка и внедрение современных учебных планов и модулей, которые будут учитывать актуальные вызовы в сфере уголовного права и правоприменения.

2. Практическое обучение: Увеличение продолжительности стажировок и практических курсов, где студенты смогут работать под руководством опытных прокуроров.

3. Междисциплинарный подход: Внедрение междисциплинарных модулей, связанных с психологией, социологией и криминалистикой, для более глубокого понимания преступного поведения и психологии обвиняемых.

Современное состояние системы подготовки. Обучение государственных обвинителей осуществляется в следующих формах.

Первичная подготовка – получение юридического образования в вузах, преимущественно по направлениям «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность». Теоретическая подготовка часто не соответствует требованиям практики, и будущие прокуроры сталкиваются с трудными ситуациями на рабочих местах.

Дополнительное профессиональное образование – реализуется в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Повышение квалификации – краткосрочные курсы и семинары, посвященные изменениям в законодательстве, судебной практике и тактике поддержания государственного обвинения.

Однако, несмотря на разветвленную структуру, в системе подготовки сохраняется ряд проблем. Среди них можно выделить:

- недостаточную практикоориентированность образовательных программ на уровне бакалавриата;

- ограничение применения цифровых платформ, кейсов-методов и имитационных судебных процессов;

- разрыв между теорией и практикой, в том числе отсутствие комплексной адаптации молодых специалистов к условиям работы в органах прокуратуры;

- недостаточное межведомственное взаимодействие при обучении навыкам взаимодействия с органами дознания, следствия и суда.

Определяясь с перспективами совершенствования подготовки государственных обвинителей и для повышения эффективности их работы необходимо:

1. Интегрировать практическую деятельность в обучение – участие прокуроров-наставников, проведение учебных судебных процессов и анализ реальных уголовных дел.

2. С учетом увеличения преступлений киберправонарушений и коррупции, образовательные программы не всегда успевают адаптироваться к новым вызовам.

3. Шире использовать международное сотрудничество для заимствования опыта подготовки прокуроров в странах развитой правовой системой (например, Германия, США).

4. Непрерывное образование – внедрение системы оценки знаний и сертификации, обязательной для карьерного роста.

Заключение. Современные вызовы правоприменительной практики требуют глубоких изменений в подходах к подготовке государственных обвинителей. Повышение качества образовательных программ, цифровизация процесса обучения и усиление практической направленности станут основой для формирования профессионально компетентного корпуса государственных обвинителей, способных эффективно защищать интересы государства и общества.

Профессиональная подготовка государственных обвинителей в Казахстане требует комплексного подхода и постоянного обновления. Качественная подготовка кадров является залогом эффективного функционирования правовой системы, обеспечивающей защиту прав граждан и интересов государства. Только с учетом современных вызовов и потребностей можно достичь высокого уровня профессионализма среди государственных обвинителей.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан.
2. О прокуратуре: Конституционный закон Республики Казахстан.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан.
4. Шафирова Н.Г. Современные подходы к обучению прокурорских работников // Право и образование. – 2024. – №3.
5. Смирнов А.В. Подготовка прокурорских работников: проблемы и перспективы // Вестник юридического образования. – 2023. – №4. – 45-50 с.
6. Лукьянова Е.В. Практикоориентированный подход в обучении юристов. — М.: Юрлитинформ, – 2022.

Нұрмағамбетов Бүркіт Ғалымұлы

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының кандидаты, доцент

Қабжанов Ақылбек Тайболатұлы

«Bolashaq» академиясының Құқық және қаржылық пәндер кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының кандидаты, профессор

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЖОҒАРЫ ЗАҢҒЕРЛІК БІЛІМ БЕРУДЕГІ КЕЙБІР ПРОБЛЕМАЛАР

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы жоғары заңгерлік білім берудің қазіргі жағдайы мен оны жетілдіру сұрақтары қарастырылады. Ғылыми мақаланың мақсаты – қазіргі заңгерлік білім беру жүйесі мен ғылыми қызметке, құқық қорғау органдарына қызметке қабылдауға, сондай-ақ педагог мәртебесіне қатысты тәсілдерді талдау. Қазақстандағы жоғары заңгерлік білім беру жүйесіндегі мәселелердің көпқырлылығы және бірнеше аспектілерді қамтитыны атап өтіледі. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі тарапынан қойылатын талаптар талданады, бұл талаптар жоғары заңгерлік білімінің сапасына тікелей әсер етеді.

Мақалада жоғары заңгерлік білім беру жүйесін реформалаудың жолдары ұсынылып, заң білімін оңтайландырудың негізгі бағыттары мен құқық қорғау органдарына қабылдау талаптары көрсетіледі.

Түйінді сөздер: жоғары заңгерлік білім, құқық қорғау органдары, оқытушы мәртебесі, ғылыми қызметті қаржыландыру, ЖОО аккредитациялық көрсеткіштері, грант, студенттерді оқытудың инновациялық тәсілдері, заң білімін реформалау.

Қазіргі қазақстандық қоғамда, басқа елдердегідей, заңгерлер мен құқықтану ғылымының рөлі заңды түрде артып келеді. Шарттық қатынастарға негізделген еркін қоғамда құқық әлеуметтік қатынастарды реттеуде маңызды рөл атқарады.

Қазақстанда жаңа құқықтық жүйе мен әлеуметтік-саяси және экономикалық басқару жүйесінің қалыптасу үдерісі басқарушы кадрларды құқықтық тұрғыдан терең әрі жан-жақты дайындауға деген сұранысы арттырып отыр. Бұл ретте отандық дәстүрлі тәжірибе мен шетелдік инновациялық тәжірибе де ескерілуі қажет.

Құқықтық мемлекет пен азаматтық қоғам қалыптастыруда сапалы заңгерлік білім берудің маңызы зор. Заң шығару және құқық қолдану қызметі, құқықтық тәрбие мен құқықтық мәдениет деңгейі заңгер мамандарының білім деңгейі мен кәсіби шеберлігіне тікелей байланысты.

Соңғы жылдары жоғары оқу орындарынан көптеп заңгерлер түлеп шыққанымен, олардың басым бөлігі кәсіби талаптарға сай емес және өз

мамандығы бойынша жұмыс істемейді. Бүгінгі таңда Батыс Еуропа елдерінде де заңгерлерді даярлау мәселесі кеңінен талқылануда. Көптеген елдерде заң білімін реформалау қолға алынған. Мәселен, Германияда бұл мәселе бірнеше жылдан бері күн тәртібінде тұр, Италияда заң білімін реформалау жоғары білім беру реформасының аясында қарастырылуда, ал Франция бұл саланы тұрақты түрде жаңартып, жаңа реформалар енгізу мәселесін қайта қарастыруда. Ұқсас пікірталастар Бельгияда және ішінара Нидерландта да өтуде. Демек, бұл мәселелер тек қазақстандық заңгерлерге ғана тән емес [1].

Қазақстандағы жоғары заң білімінің мәселелері көп қырлы және бірнеше маңызды аспектілерге қатысты:

- Мамандарды даярлау сапасы;
- Оқу орындары мен студенттердің шамадан тыс көптігі;
- Оқытушылардың кәсіби дайындығының төмен деңгейі;
- Білім беру бағдарламаларында жаңашылдықтың жетіспеуі;
- Тәжірибеден өту және іс-тәжірибе жүргізу мүмкіндігінің шектеулілігі;
- Аккредиттеу мен сапаны бақылаудағы мәселелер;
- Заңгерлік білім берудің тұрақты мәселелерінің бірі – заң факультеттерінің түлектері даярлығының деңгейі мен практикалық қызмет шындығы арасындағы айтарлықтай алшақтық;
- Құқық қорғау органдарына жұмысқа орналасқан дипломы бар заңгерлерді қызметі құқық қорғау органдарының талаптарына сай болу үшін, жұмыс барысында қайтадан практикалық дағдыларға үйретуге тура келеді.

Бұл мәселелер жоғары заң білім беру жүйесінде кешенді реформаларды талап етеді. Атап айтқанда, білім беру бағдарламаларын жаңарту, оқытушылардың кәсіби біліктілігін арттыру, білім беру сапасына бақылауды күшейту және студенттерге практикалық білім алуға мүмкіндік беруді кеңейту қажет.

2015 жылы мемлекеттік және құқық қорғау органдарының мүддесі үшін құқық қорғау кадрларын даярлау және ведомствоаралық ғылыми зерттеулер жүргізу бағытында Бас прокуратура жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы құрылды.

Жұмыс 4 бағыт бойынша жүзеге асырылады. Прокуратура, сыбайлас жемқорлыққа қарсы қызмет, экономикалық тергеп-тексеру қызметі органдарына алғаш рет құқық қорғау қызметіне кіретін адамдардың бастапқы кәсіптік даярлығы.

Бұл оқыту түрі заң жоғары оқу орындарының бакалавриатын аяқтаған түлектердің құқық қорғау қызметінің практикалық дағдыларын меңгеруіне бағытталған.

Алайда алғашқы қабылдау қорытындысы (2020 жылдың желтоқсаны) көптеген жоғары оқу орындары түлектерінің тіпті базалық заңгерлік білім деңгейі төмен екенін көрсетті. 61 ЖОО бітірген 463 үміткердің арасынан 40 ЖОО-дан 170 адам (36,7%) ғана қабылданды, яғни үштен бір ЖОО-ның түлектері конкурстан өте алмады.

2023 жылғы қараша айындағы қабылдау емтихандарының нәтижесі бойынша 552 үміткердің 313-і (57%) емтиханды тапсырды, ал 239-ы (43%) қанағаттанарлықсыз баға алды.

Кандидаттардың жауаптары бойынша олардың көпшілігі құқық салаларының пәнін атай алмайтыны, қылмыс құрамын талдай алмайтыны анықталды. Қазіргі заң ғылымының даму үрдістерін білмейтіні тағы бар.

Соның салдарынан оқытушылар арнайы құқық қорғау қызметі дағдыларын үйретуге арналған уақытты базалық заңгерлік білім беруге жұмсауға мәжбүр.

Қазіргі кезде заңгерлерді техникалық, ауылшаруашылық, педагогикалық, сауда және өзге бейіндегі жоғары оқу орындары да оқытады, бірақ олардың білікті оқытушылары, қажетті материалдық-техникалық және оқу-әдістемелік базасы жоқ.

Көп жағдайда бұл ЖОО-дар үшін заңгер мамандарын даярлау қосымша табыс көзі болып табылады, яғни басты мақсат – сапалы кадр емес, қаржы табу.

Сондықтан азаматтық ЖОО-дарында заңгерлердің сапасыз даярлану себептері осында.

Бұл құқық қорғау жүйесіне, әсіресе кадрлармен қамтамасыз етуге арналған реформалар аясында теріс әсерін тигізуде.

2023 жылы Жоғары білім және ғылым министрлігінің жүргізген бейіндік бағыттау жұмыстарының нәтижесінде заңгер мамандарын даярлайтын 71 ЖОО-ның саны 59-ға дейін қысқарды. Сондай-ақ заңгер мамандығына түсу үшін шекті балл 50-ден 75-ке көтерілді.

Дегенмен бұл санның өзі еліміз үшін артық.

Мысалы, Өзбекстанда халық саны 36 млн болса, 50 ЖОО ғана заңгер дайындайды, Германияда 84 млн адамға 44 заң факультеті бар.

Ал дамыған елдерде заңгерлік қызметпен тек кәсіби заң қауымдастықтары аккредитациялаған оқу орындарының түлектері ғана айналыса алады.

Мысалы, АҚШ-та 1,2 млн кәсіби заңгер және 5 мыңға жуық ЖОО бар болса, тек 203 құқық мектебі Америкалық адвокаттар қауымдастығының (АВА) аккредитациясынан өткен.

Соңғы бес жылда Қазақстанның ЖОО-дары 82 мың заңгер даярлаған. Орта есеппен жыл сайын 16 мыңнан астам.

Алайда, сан сапаға айналмады.

Қазіргі жоғары білім беру жүйесінде бірнеше жағымсыз үрдістер байқалып отыр. Бұл бір жағынан білім сапасына теріс әсер етуі мүмкін болса, екінші жағынан оқытушылардың арасында елеулі кәсіби күйзелістердің бар екенін көрсетеді. Атап айтқанда:

– жартылай жүктемемен жұмыс істейтін оқытушылар мен ассистенттердің үлесі 30%-ға дейін жетуі олардың толық жұмысбастылыққа бейім емес екенін және кез келген уақытта ЖОО-дан кетіп қалуы мүмкін екенін көрсетеді;

– кафедра профессорларының 40%-ға дейінгі мобильділігі олардың ғылыми қызметке емес, өмір сүруге қажетті экономикалық ынталандыруларға бейім екенін білдіреді;

– ПОҚ-тың материалдық қамтамасыз етілу деңгейінің төмендігі [2].

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігінің талаптарына байланысты да бірқатар мәселелер бар. Олар елдегі жоғары білім сапасына әсер ететін бірнеше аспектіні қамтиды:

1. Еңбек нарығы талаптарына сәйкес келмеуі.

Басты мәселелердің бірі – Министрлік белгілеген стандарттар мен еңбек нарығының нақты қажеттіліктері арасындағы алшақтық. ЖОО-лардың оқу бағдарламалары көбінесе экономиканың нақты жағдайы мен сұраныстарына сәйкес келмейді. Түлектердің алған білімдері жұмыс берушілердің талаптарына сай келмейтіндіктен, олардың жұмыспен қамтылу деңгейі төмен болуда.

2. Артық бюрократия мен әкімшілік қысым.

Көптеген оқу орындары шамадан тыс бюрократиялық рәсімдер мен есептіліктерге тап болуда. Жиі тексерістер, құжаттардың көп мөлшерде сұралуы және әртүрлі талаптарға сәйкестік университеттердің еркін жұмыс істеуіне кедергі келтіріп, қызметкерлерге қосымша әкімшілік қысым түсіреді. Бұл жағдай оқу үдерісіне жаңашылдық енгізуді және жақсартуды баяулатуы мүмкін.

3. Аккредиттеу мен лицензиялаудағы мәселелер.

Білім беру бағдарламаларын аккредиттеу және лицензиялау үдерісі жиі тым қатаң әрі ашық емес деп қабылданады. Аккредиттеу талаптары кейде әртүрлі білім беру бағдарламалары мен пәндердің ерекшеліктерін ескере бермейді, бұл өз кезегінде нақты курстар мен мамандықтарға сәйкес келмейтін стандарттарға бейімделуге мәжбүрлейді.

4. Қаржыландыру мен ресурстардың жеткіліксіздігі.

Министрлік тарапынан білім беру сапасына қойылатын стандарттарды орындау талап етілгенімен, іс жүзінде бұл талаптарды орындауға қаржыландыру деңгейі жеткіліксіз. Материалдық-техникалық базаның әлсіздігі, білікті оқытушылардың жетіспеушілігі және ғылыми зерттеулерге бөлінетін ресурстардың аздығы оқу үдерісінің сапасына кері әсер етеді.

5. Реформалардың үйлесімсіздігі және саясаттағы жиі өзгерістер.

Қазақстанның жоғары білім беру жүйесі тұрақсыздыққа алып келетін үнемі өзгерістер мен реформалармен бетпе-бет келіп отыр. Жаңа талаптар мен стандарттардың жиі енгізілуі жоғары оқу орындарының бейімделуін қиындатады және білім сапасының төмендеуіне себеп болуы мүмкін.

Аталған мәселелерді шешу үшін кешенді тәсіл қажет. Бұл өз кезегінде Министрлік пен жоғары оқу орындары арасындағы өзара байланысты жақсартуды, оқу орындарына үлкен дербестік беруді, қаржыландыруды жеткілікті деңгейде қамтамасыз етуді және

қолданыстағы стандарттар мен талаптарды икемдірек әрі білім беру мен экономиканың нақты қажеттіліктеріне сай ету үшін қайта қарауды талап етеді.

Теориялық-әдіснамалық және эмпирикалық деректерге сүйене отырып, жоғары оқу орындарының оқытушылары кәсіби қызметпен және жас ерекшеліктерімен байланысты бірқатар психологиялық қиындықтарды бастан өткеріп жүргені анықталды. Көптеген тәжірибелі оқытушылар үшін заманауи технологиялар жасына және денсаулық жағдайына байланысты еңсерілмейтін кедергіге айналғаны жасырын емес.

Педагогикалық психология мен педагогикада оқытушы көбіне кәсіби қабілеттері, педагогикалық қызметінің ерекшеліктері, педагогикалық қарым-қатынасы, кәсіби маңызды қасиеттері тұрғысынан зерттеледі. Алайда кәсіби қызметке жүргізілген зерттеулер көрсеткендей, кәсіби даму – бұл әрқашан «жету мен жоғалту» процесі, яғни кәсіби қалыптасу тек жетілдіру емес, сонымен қатар белгілі бір жоғалтуларды да қамтиды [3].

Мамандардың пікірінше, профессор-оқытушылар құрамының рөлі – білім сапасын арттыру саласында үздіксіз білім беру жүйесін құру және оның тиімді жұмыс істеуін қамтамасыз ету. Бұл жүйе оқытушыдан оқытушыға, оқытушыдан студентке білімнің сабақтастығына негізделуі тиіс. Соңғы жылдары жоғары білім беру жүйесі ақпараттық білім беруден студенттің өз бетінше жұмысына негізделген проблемалық оқытуға көшіп жатыр. Бұл жағдайда оқытушы – тек кеңесші әрі тәлімгер рөлін атқарады. Оқытушыға қойылатын маңызды талап – студенттерді білім алуға және дербес жұмыс істеуге ынталандыра білуі [4].

Психологияда «сапа шегі» деген ұғым бар. Бұл – әр адамның өзіндік сапа деңгейі, егер сіз осы деңгейден төмен жұмыс істей берсеңіз, жиналған ішкі қанағаттанбаушылық кәсіби күйзеліске, қызығушылықтың жоғалуына, апатия мен даму қабілетінің төмендеуіне әкелуі мүмкін.

Шындығында, ЖОО-да жұмыс істеу үшін жоғары біліктілік те, жоғары сапа шегі де талап етілмейді. Студенттердің көпшілігі білімсіз, білгенді де қаламайды. Тіпті сіз үшін үйреншікті және қарапайым дүниелер олардың көзіне үлкен жаңалық болып көрінеді.

Құқықтық және құқық қорғау қызметінің басым бағыттарын ескере отырып, білім беру бағдарламаларының мазмұнын қайта қарау қажет.

Студенттің кәсіби дағдыларды меңгеруінің басты шарты – сол пәнді жүргізетін оқытушының өз саласы бойынша практикалық жұмыс тәжірибесінің болуы.

ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігінің талаптарына сәйкес, бакалавриатта «Құқық» кадрларын даярлау бағытында профильдік пәндерді жүргізетін оқытушылардың соңғы 10 жылдың ішінде кемінде 3 жыл заңгерлік салада практикалық жұмыс өтілі болуы тиіс, бірақ бұл талап тек 60%-ына ғана қойылған.

40% оқытушының практикалық жұмыс өтілі болмауы мүмкін. Сонымен қатар, қай пәндерді жүргізу үшін міндетті түрде тәжірибе болуы керектігі регламенттелмеген.

Соның салдарынан сот сараптамасы, жедел-ізвестіру қызметі, криминалистика сияқты арнайы пәндерді практикалық тәжірибесі жоқ оқытушылар оқытуы мүмкін.

Сонымен қатар, ЖОО оқытушыларын қайта даярлау жүйесі негізінен педагогикалық, ғылыми шеберлікке, тәжірибе алмасуға бағытталған, ал практикалық дағдыларды үйретуге бағдарланған жүйе жоқ.

Осыған байланысты заң ЖОО-дары оқытушыларына мамандандырылған пәндер бойынша практикалық жұмыс тәжірибесі болмаса, сот, құқық қорғау және өзге де мемлекеттік органдарда, ведомстволық оқу орындарында тағылымдамадан өтуді міндетті біліктілік талабы ретінде белгілеу қажет.

Оқыту сапасына әсер ететін тағы бір маңызды фактор – заңгерлер даярлауға арналған мемлекеттік білім гранттарының аздығы.

Мысалы, 2024 жылы бакалавриаттың «Бизнес, басқару және құқық» бағыты бойынша 73 061 гранттың ішінен тек 1223 грант (1,7%) қана заң мамандықтарына бөлінді.

Біздің ойымызша, бұл жағдай заңгерлік білім берудің шектен тыс коммерциялануына әкеледі. Көптеген мектеп түлектері (жоғары оқу үлгерімі бар) бәсекелестіктің жоғарылығынан заңгер мамандығын таңдаудан бас тартып, ақылы оқуға тек төлеуге мүмкіндігі барлар түседі.

Сонымен қатар, коммерциялық ЖОО-дардың көпшілігі студенттерді үлгермеушілік үшін оқудан шығармайды, өйткені оқыту ақылы және кіріс көзі болып саналады.

Нәтижесінде заңгерлік білім сапасы төмендеп, оның дәлелі — Академияның специалитетіне қабылдау емтихандарының нәтижесі.

Осыған байланысты мынадай ұсыныстар енгіземіз:

1. «Құқық» және «Құқық қорғау қызметі» кадрларын даярлауға арналған мемлекеттік білім гранттарын көбейту.

2. Заңгер мамандарын даярлайтын ЖОО-дардың тізімін бекітіп, лицензия беру талаптарын ЖОО-ның негізгі бағытын ескере отырып қатаңдату.

3. Заң ЖОО-ларын кәсіби заң қауымдастықтарымен (Республикалық нотариаттық палата, адвокаттар алқасы) және құқық қорғау мен өзге де мемлекеттік органдармен аккредитациядан өткізу мүмкіндігін қарастыру.

Заңгер мамандарын даярлау бағдарламаларында теориялық курстар басым.

Сапалы заңгерлік білім берудің басты шарты — теориялық білім мен практикалық дағдылардың өзара байланысы.

Специалитет бағдарламалары бойынша Құқық қорғау органдарның тәжірибесі көптеген ЖОО түлектерінің негізгі тергеу әрекеттерін (оқиға болған жерді қарау, сұрау алу) жүргізу тәртібін, процестегі қатысушылардың

рөлі мен міндеттерін, тіпті сот залындағы орналасу тәртібін білмейтінін көрсетіп отыр.

Біз Қазақстан заңгерлік білім беру стратегиясы нақты салалардың, соның ішінде құқық қорғау блогының сұранысына негізделуі керек деп санаймыз.

Жалпы «кең бейінді заңгер» даярлау тәжірибесінен бас тарту қажет.

Заңгерлік білімінің дамуы заң құрылымдарының біліктілік деңгейіне байланысты. Біз кәсіби заңгердің нақты моделін, оның даярлық деңгейін өзіміз үшін нақты айқындауымыз керек. Бұл деңгей заманауи заңгерге қойылатын барлық талаптарға жауап беруі тиіс. Сондықтан жоғары білім заң мәдениетінің қалыптасуына ықпал етіп, сапалы, қолжетімді және кәсіби қызметке қойылатын талаптарға сай болуы қажет. Сонымен бірге ол құқықтық-демократиялық мемлекеттің заңға бағынатын азаматын тәрбиелеуге бағытталуы тиіс.

Қорыта айтқанда, бұл мақала қызмет жасап жүрген оқытушыға ЖОО-дағы және жалпы білім беру жүйесіндегі жағдайға сырттай қарауға, өзінің осы жүйедегі орнын бағамдауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар оны не күтіп тұрғанын, ЖОО-дағы ықтимал өзгерістер қандай болатынын, әрі өзінің кәсіби стратегиясын сол өзгерістерді, психологиялық «құнын» және қазіргі қазақстандық заңгерлік білімінің нақты проблемаларын ескере отырып құру туралы ойлануға итермелейді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Алауханов Е.О. Проблемы юридического образования в Казахстане <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-kazahstane>.

2. Ширшина Г.И. Профессионально-психологические проблемы преподавателей ВУЗа (на примере преподавателей возраста 40-60 лет) <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-psihologicheskie-problemy-prepodavateley-vuza-na-primere-prepodavateley-vozrasta-40-60-let>.

3. Глуханюк Н.С. Психологические основы развития педагога как субъекта профессионализации. Дис. на соис. учен. степени доктора пед. наук. Екатеринбург. – 2001.

4. Бажанова С.В. Акмеологические факторы развития профессионально-педагогической деятельности преподавателя высшей школы. Автореф. дис. на соис. учен. степени кандидата псих. наук. Ульяновск. – 2004.

Сапаралиева Сауле Мамырбековна
директор Института послевузовского образования
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, кандидат юридических наук

Джумаев Асхат Серикович
начальник Управления организационно-методической работы
Института профессионального обучения Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ НАУКУ И ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные направления развития правоохранительной деятельности через призму науки и образования.

Авторами, в работе анализируется проводимая государственная политика Республики Казахстан по повышению уровня юридического образования. Определяется роль Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан в подготовке кадров для всех правоохранительных органов, в том числе в рамках деятельности Регионального хаба и стран СНГ.

В рамках совершенствования подготовки кадров для правоохранительных органов, авторами, особое внимание уделено цифровизации, междисциплинарному подходу, международному сотрудничеству и внедрению инновационных технологий в учебный процесс и научную деятельность.

В статье подчеркивается значимость научной экспертизы и непрерывного образования в формировании компетентных и профессиональных специалистов правоохранительной сферы.

Наряду с этим, авторами приводится международный опыт в развитии образования.

Ключевые слова: правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, образование, учебный процесс, наука, подготовка кадров, инновации, цифровизация, юридическое образование, право.

Современные правоохранительные органы функционируют в условиях трансформации общественных отношений, цифровизации экономики и роста транснациональной преступности. В этих условиях важнейшим фактором устойчивого развития системы правопорядка является опора на научные разработки и качественную профессиональную подготовку кадров.

Концепцией правовой политики Республики Казахстан до 2030 года (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. №674),

определено, что регулярное обучение сотрудников правоохранительных органов должно являться ключевым условием для их эффективного развития [1].

В рамках реализации Концепции, государством принимаются меры, направленные на совершенствование системы образовательного процесса в данном направлении.

На сегодня в Республике Казахстан функционирует 59 ВУЗов, осуществляющих подготовку кадров для сферы юриспруденции, где обучаются 40 тыс. студентов, из них 1,7 тыс. в рамках государственного образовательного заказа [2].

Понимая актуальность вопроса, в Сенате Парламента в прошлом (26 марта 2024 г.) и в текущем году (11 апреля 2025 г.) проводились парламентские слушания, посвященные развитию юридического образования, где участники слушаний выделили несколько ключевых выводов:

- несоответствие спроса и предложений на рынке труда (ВУЗы ежегодно выпускают тысячи юристов, но многие из них не соответствуют требованиям работодателей);

- недостаток практических навыков (выпускники нередко сталкиваются с трудностями при применении теории и практики);

- низкий уровень финансирования (государственные ВУЗы испытывают недофинансирование, что сказывается на материально-технической базе и поддержке научных исследований);

- проблемы с мотивацией (низкая оплата труда преподавателей и ученых, а также недостаточная поддержка научных проектов тормозят развитие отрасли) [3].

В целях реализации рекомендаций слушаний в Казахстане реализуется Дорожная карта по повышению качества подготовки юридических кадров в организациях высшего и (или) послевузовского образования (с сентября 2024 г.).

Принята Концепция развития юридического образования Республики Казахстан на 2025-2030 годы (утверждена решением Республиканским учебно-методическим советом от 30 декабря 2024 г.).

По итогам, проведенного пилотного проекта Maqsut Narikbaev University внедряется профессиональная аккредитация образовательных программ отраслевыми организациями и ассоциациями [2].

Ведется работа по разработке отраслевой рамки квалификации и модели выпускника в сфере «Права», а также профессионального стандарта «Юрист».

В целях сближения теории к практике или практики к теории, запланированы:

- организация прохождения стажировок ППС в государственных и правоохранительных органах (ежегодно не ниже 10);

- внедрение стажировок (от 3-х месяцев и выше) для бакалавриата (3 и 4 курсов) в государственных органах;

- обязательное определение доли занятий с приглашением: адвокатов, следователей и других в зависимости от специализации.

Приминаемые меры, дадут возможность развитию конкурентной модели регулирования юридического образования, основанной на эффективной системе государственной поддержки подготовки кадров для правоохранительных органов.

Большой вклад в подготовке высококвалифицированных кадров для правоохранительной системы Казахстана и стран Центральной Азии (в рамках Регионального хаба) вносит Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (далее – Академия).

В рамках подготовки кадров, Академия предоставляет образовательные услуги по:

- первоначальной профессиональной подготовке лиц, впервые поступающих на службу в правоохранительные органы;
- повышению квалификации для действующих сотрудников;
- образовательным программам послевузовского образования [4].

Институт первоначальной профессиональной подготовки внедрен с 2020 года. На сегодня первоначальную профессиональную подготовку в Академии завершили свыше 1,5 тыс. человек. В настоящее время обучается 179 слушателей.

С 2015 года по май 2025 года курсы повышения квалификации в Академии прошли КПК более 10 тыс. сотрудников. В рамках повышения квалификации особое значение имеет – международное обучение в рамках Регионального Хаба по противодействию глобальным угрозам являются вопросы противодействия: кибер, торговле людьми, финансовым преступлениям и коррупции, торговле наркотиками и оружием, терроризму и экстремизму. В проведено 41 обучающее мероприятие. Обучено более 1 тыс. сотрудников.

Наряду с этим, Академия является базовой организацией образования стран СНГ по обучению прокуроров-следователей (Координационный Совет генеральных прокуроров-участников СНГ – далее КСГП) и работников органов налоговых расследований (Координационный Совет органов налоговых расследований – далее КСОНР). Всего проведено 13 мероприятий, в том числе в рамках КСГП проведено 4 мероприятия и 9 международных обучающих мероприятий – в рамках КСОНР.

По программам послевузовского образования завершили обучение свыше 450 сотрудников, обучается на сегодня – 148 [5].

При подготовке кадров по всем направлениям, в Академии используются разные технологий обучения. Для от базовых навыков до более углубленного изучения вопросов путем совмещения научной теории и практического опыта.

К примеру, для слушателей первоначальной подготовки 90% занятий проходят в интерактивной форме (тренинги, мастер-классы), для повышения квалификации приглашаются лучшие отечественные и зарубежные эксперты, для магистратуры и докторантуры обучение

направлено на обеспечение тесного взаимодействия правовой науки и правоохранительной деятельности.

В целом изучив проблемы подготовки кадров и развития науки, необходимо выделить четыре ключевых аспекта для дальнейшего развития правоохранительной деятельности через науку и образование.

Первое, наука как основа для принятия обоснованных решений.

Научные исследования позволяют предсказывать тенденции преступности, разрабатывать доказательные методики расследования, а также совершенствовать организационные модели взаимодействия органов правопорядка [6].

Второе, роль качественного образования в формировании профессиональных компетенций. Образование должно быть качественным, адаптивным и ориентированным на практику. Современные вызовы требуют включения в образовательный процесс новых дисциплин и тем.

Третье, цифровизация учебного процесса и инновации. Современные технологии становятся инструментом как преступников, так и правоохранителей. Это требует внедрения в образовательный процесс: технологий дополненной и виртуальной реальности (AR/VR); цифровых правовых лабораторий и виртуальных следственных действий [7].

Четвертое, международное сотрудничество. Обмен опытом с зарубежными партнерами, участие в международных стажировках, совместные образовательные программы с Интерполом, ООН, ОБСЕ позволяют внедрять лучшие практики и поднимать уровень подготовки специалистов до мировых стандартов [8].

Наука и образование становятся ключевыми факторами в обеспечении эффективности правоохранительной деятельности. Современный сотрудник должен быть не только носителем юридических знаний, но и обладать аналитическим мышлением, цифровыми навыками и этической ответственностью [9].

В этой связи, только через тесное взаимодействие с научным и образовательным сообществом возможно формирование эффективной системы правопорядка.

Список использованной литературы:

1. Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года №674 [Электронный ресурс] <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>.
2. В Сенате призвали использовать опыт MNU в развитии юридического образования [Электронный ресурс] <https://mnu.kz/ru/news/senate-recommends-leveraging-mnus-expertise-to-advance-legal-education/>.
3. Сенат Казахстана обсудил будущее юридического образования [Электронный ресурс] <https://zhaik.su/5584/senat-kazakhstana-obsudil-buduschee-yuridicheskogo-obrazovaniya>.
4. О создании Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 4 мая 2015 года №15 [Электронный ресурс] <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000015>.

5. Информация из отчетов институтов профессионального обучения и послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.
6. Агеев В.Ю. Научное обеспечение правоохранительной деятельности. – М.: Юрлитинформ. – 2021.
7. Чернов Д.В. Цифровизация криминалистики и ее влияние на следственную практику. – СПб.: Право и безопасность. – 2022.
8. Petrov I.V. Legal Education and Digital Competencies: Global Trends. // Journal of Law and Society. – 2023. – Vol. 19 (2).
9. Васильев А.Н. Образование и профессиональная подготовка в системе МВД России. // Право и образование. – 2022. – № 4.

Сейтжанов Олжас Темиржанович
заместитель начальника Академии управления Министерства
внутренних дел Республики Казахстан, кандидат юридических наук,
профессор

МИКРОКВАЛИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Развивающийся рынок труда порождает дифференциацию образовательных программ юридического образования. В настоящее время уже реализуются такие образовательные программы как Цифровое право, Право информационных технологий, Морское право, Право IT, Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и управления.

При этом дифференциация образовательных программ юридического профиля не имеет четко сформированных критериев разграничения.

При этом, как уже отмечалось, нет четкого взаимодействия между вузами и работодателями юридических профессий.

Предлагается рассмотреть возможность согласования (аккредитации или утверждения) образовательных программ соответствующими отраслевыми государственными органами или профессиональными объединениями.

Например, в системе органов внутренних дел Республики Казахстан образовательные программы подведомственных вузов утверждаются руководством Министерства внутренних дел Республики Казахстан.

Аналогичным образом различные образовательные программы группы специальностей право должны соответствовать требованиям работодателей.

Так, допускаем, что образовательные программы юриспруденции должны пройти одобрение Министерства юстиции РК, по судебной деятельности – Верховного Суда Республики Казахстан, по адвокатской деятельности – Коллегии адвокатов, медицинское право – Министерство здравоохранения Республики Казахстан, цифровое право – Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан и т.д.

Да, понятно, что это не соответствует политики Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, это возврат к контролю образования и ограничение самостоятельности вузов.

В таком случае профессиональные сообщества и профильные ведомства должны участвовать в присвоении микроквалификаций по различным отраслям юриспруденции.

В Государственном общеобязательном стандарте высшего образования (приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан №2 от 20 июля 2022 г.) закреплено, что

под микроквалификацией следует понимать набор знаний, навыков и компетенций, полученный по завершению короткого периода обучения, позволяющий выполнять отдельные трудовые функции.

Если знания, навыки и компетенции присущи всей системе образования, то данное понятие содержит в себе отдельные определяющие признаки, к которым необходимо отнести следующие: короткий промежуток времени и возможность выполнять отдельные трудовые функции.

Временной признак микроквалификаций свидетельствует о том, что содержание образовательного процесса по объему не может образовать самостоятельную образовательную программу и, возможно, даже самостоятельную дисциплину.

Функциональный признак микроквалификаций свидетельствует о целевом предназначении, которое по своему содержанию и объему не способно образовать самостоятельную профессию, но они способствуют выполнению отдельных функций и задач в рамках сформированных профессий.

Исходя из определенного нами содержания и признаков микроквалификаций хотим представить опыт обучения курсантов в Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан и предложена попытка ретранслировать его на всю систему юридического образования.

Так, Карагандинская академия наряду с Алматинской и Костанайской осуществляет подготовку специалистов для органов внутренних дел РК по направлению 6D030300 – «Правоохранительная деятельность». При этом за Карагандинской академией закреплены две специализации: досудебное расследование и оперативно-криминалистическая деятельность.

В рамках подготовки сотрудников для оперативно-криминалистических подразделений с 2016 года курсанты после освоения специальных дисциплин сдают квалификационный экзамен на присвоение допуска к определенным криминалистическим исследованиям:

- дактилоскопия;
- трасологическое исследование следов;
- баллистика;
- криминалистическое исследование холодного оружия;
- технико-криминалистическое исследование документа;
- криминалистическая габитоскопия;
- криминалистическое исследование почерка.

Прием данного экзамена осуществляется сотрудниками Оперативно-криминалистического департамента Министерства внутренних дел Республики Казахстан вне зависимости от положительного освоения соответствующей дисциплины.

Данная практика подтвердила свою эффективность. Благодаря приобретенным специальным микроквалификациям, выпускники этого учебного заведения, вступая в должность криминалиста сразу способны эффективно выполнять возложенные на них профессиональные обязанности.

Полагаем, что присвоение допуска к криминалистическим исследованиям и можно отнести к форме реализации положения ГОСО высшего образования Республики Казахстан о микроквалификациях.

Продолжая развивать специальные навыки для практической деятельности курсантов, в Карагандинской академии организованы дополнительные факультативные модули по присвоению микроквалификаций для женщин-следователей и по расследованию киберпреступлений с выдачей соответствующих сертификатов.

Выбор данных специальных навыков, микроквалификаций обусловлен структурой и динамикой развития преступности.

Курсанты, освоившие данные модули и сдавшие квалификационный экзамен, получают соответствующие сертификаты. Для работодателя в лице территориальных департаментов полиции данные сертификаты становятся ориентиром для эффективного распределения нового поколения молодых сотрудников. Обладателям сертификатов соответственно поручается расследовать уголовные дела по фактам бытового насилия и в сфере киберпреступности.

Зачастую наличие диплома об образовании не позволяют полноценно определить способности и навыки молодого специалиста. А наличие сертификата о приобретенных микроквалификациях позволяет эффективно применить его потенциал.

Полагаем возможным применить аналогичный подход в других сферах юридической отрасли: нотариат, адвокатура, прокуратура, суд и др. Вузы, в зависимости от особенностей образовательных программ, наличия специалистов, взаимодействия с профессиональными сообществами, имеют возможность прививать обучающимся востребованные микроквалификации.

В итоге полагаем, что повышению качества юридического образования будет способствовать вовлечение работодателей в образовательный процесс посредством аккредитации образовательных программ или присвоения микроквалификаций.

Тапенова Асем Рыскановна

доцент Кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр юридических наук

Айтпаева Сауле Муханбедиановна

профессор Кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Института послевузовского образования Академии правоохранительных
органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МОТИВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы мотивации персонала правоохранительных органов Республики Казахстан и пути их решения. Во введении обоснована значимость мотивации сотрудников органов правопорядка и сформулирована цель исследования. В основной части проведен анализ текущих проблем мотивации в казахстанской практике, представлен обзор зарубежного опыта управления мотивацией в полицейских структурах (на примере стран ОЭСР, ЕС, США) и разработаны практические рекомендации по совершенствованию системы мотивации в правоохранительных органах РК. В заключении подведены итоги исследования и кратко изложены ключевые рекомендации по повышению мотивации как материальными, так и нематериальными методами.

Ключевые слова: мотивация, правоохранительные органы, персонал полиции, управление персоналом, материальное стимулирование, нематериальные стимулы, международный опыт, корпоративная культура, карьерный рост, профессиональная мотивация, наставничество, признание.

Мотивация сотрудников является одним из ключевых факторов эффективной работы любой организации, в том числе системы правоохранительных органов. Управление мотивацией персонала входит в основные функции руководителей и направлено на моделирование поведения коллектива для достижения целей службы. Научные исследования свидетельствуют, что необходима продуманная система методов мотивации в органах правопорядка. Это обусловлено особыми условиями службы: деятельность правоохранительных органов связана с противодействием преступности, высоким уровнем ответственности, рисками для жизни и здоровья, поэтому поддержание высокого уровня внутренней мотивации сотрудников – сложная, но критически важная задача руководства.

Актуальность темы обусловлена тем, что недостаточная мотивация сотрудников правоохранительных органов может привести к формальному исполнению обязанностей, снижению эффективности работы и даже росту коррупционных проявлений. В условиях модернизации системы правоохранительных органов Республики Казахстан вопрос мотивации персонала приобретает особую значимость. Цель исследования – выявить текущие проблемы мотивации сотрудников правоохранительных органов Республики Казахстан, изучить передовой международный опыт в данной сфере и разработать практические рекомендации по совершенствованию системы мотивации в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных структур.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: проанализировать факторы, снижающие мотивацию сотрудников в правоохранительных органах Республики Казахстан; обобщить опыт зарубежных (ОЭСР, ЕС, США) подходов к мотивационному управлению персоналом полиции; предложить меры по улучшению мотивации в казахстанских правоохранительных органах, включая материальное и нематериальное стимулирование, развитие корпоративной культуры, карьерный рост, профессиональное признание и др.

Анализ показывает, что в Республике Казахстан существует ряд системных проблем, отрицательно влияющих на мотивацию сотрудников правоохранительных органов. Во-первых, исторически уровень материального обеспечения многих категорий сотрудников был невысоким, что снижало привлекательность службы. Лишь в последние годы предпринимаются меры по повышению оплаты труда: так, в рамках реформы повсеместно во всех правоохранительных органах оклады сотрудников были повышены в среднем на 40-45%. Эти шаги направлены на усиление внешней мотивации путем материального стимулирования. Тем не менее даже после повышения оплаты труда проблема недостаточной укомплектованности кадров не решена полностью: отмечается недобор во всех правоохранительных органах, поскольку не все готовы идти на низкооплачиваемые должности, вследствие чего на службу нередко приходят недостаточно подготовленные или мотивированные кадры. Таким образом, материальная мотивация хотя и улучшилась, но всё ещё нуждается в дальнейшем укреплении – через конкурентоспособные зарплаты, социальные льготы, гарантии жилья и достойное пенсионное обеспечение. К примеру, возможность выхода на пенсию по выслуге лет (25 лет службы) и прочие льготы, закрепленные в законодательстве, служат значимым мотивирующим фактором для многих сотрудников.

Во-вторых, существенным демотивирующим фактором является высокое психоэмоциональное напряжение и стрессовые условия службы. Работа в правоохранительных органах сопряжена с неравномерным графиком (ненормированный рабочий день, ночные дежурства), физическими

нагрузками, риском для жизни, регулярным столкновением с негативными сторонами общества. Сотрудники правоохранительных органов, начинавшие службу с чувством долга «служить и защищать», со временем могут сталкиваться с синдромом эмоционального выгорания и цинизмом из-за постоянного стресса и негативного опыта. Нередки случаи, когда, по выражению самих сотрудников, возникает ощущение «работы без отдачи» – общество воспринимает их скорее, как угрозу, чем как защитников правопорядка. Низкий уровень доверия населения к системе правоохранительных органов подрывает внутреннюю мотивацию добросовестных сотрудников, которые не чувствуют поддержки и уважения со стороны общества. Согласно опросам и мнениям экспертов, в Казахстане до недавнего времени сложилась ситуация, когда правоохранительная система оставалась в значительной мере закрытой, подотчетной преимущественно вышестоящему начальству, а не обществу, что негативно сказывалось на мотивационном климате в органах.

В-третьих, в системе управления персоналом правоохранительных органов имелись определенные недостатки, влиявшие на мотивацию. Ранее процесс продвижения по службе и поощрения мог восприниматься рядовыми сотрудниками как непрозрачный. Отсутствие четких и справедливых критериев оценки результатов работы и выдвижения по службе снижает стремление сотрудников проявлять инициативу и эффективно выполнять задачи. До реформ 2018–2020 годы отмечалось преобладание количественных показателей (планов, «палочной системы») над качеством работы, что смещало фокус мотивации с общественно полезного результата на формальное выполнение плана. В последние годы предпринимаются шаги к исправлению ситуации: введены новые квалификационные требования и конкурсный отбор при приеме на службу и продвижении по службе, проводится внеочередная аттестация кадров, активнее привлекаются образованные специалисты из гражданских вузов. Эти меры призваны повысить внутреннюю мотивацию сотрудников через установление связи между результатами труда, компетенциями и карьерным ростом.

В-четвертых, важной проблемой является состояние корпоративной культуры и морально-психологического климата в некоторых подразделениях. Авторитарный стиль управления, преобладание наказаний над поощрениями, недостаток обратной связи от руководства – всё это снижает вовлеченность сотрудников. По данным исследований, отсутствие нематериального поощрения и элементарного признания достижений ведет к падению внутренней мотивации персонала. Если руководство «не замечает» успехов подчиненных, у тех пропадает инициатива и стремление перевыполнять поставленные задачи. Таким образом, проблемы мотивации в правоохранительных органах РК носят комплексный характер: они связаны и с материальным обеспечением, и с условиями службы, и с управленческими практиками. Для их решения

требуется системный подход, учитывающий лучшие мировые практики, о которых речь пойдет ниже.

Практика развитых стран показывает, что повышение мотивации сотрудников полиции достигается не только и не столько ростом денежного довольствия, сколько созданием условий для удовлетворения более высоких потребностей – в признании, самореализации, профессиональном росте. Классические теории менеджмента (такие как пирамида потребностей А. Маслоу) утверждают, что после базовых потребностей в безопасности на первый план выходит потребность в уважении и самоуважении, ощущении значимости своего труда. Именно поэтому во многих странах ОЭСР большое внимание уделяется нематериальным стимулам и формированию благоприятной организационной культуры, в которой каждый сотрудник ощущает свою ценность.

Так, в американских правоохранительных органах материальная составляющая (зарплаты, компенсации) традиционно относительно высока, однако исследования показывают, что сами полицейские чаще мотивированы не материальными вознаграждениями, а внутренним чувством долга – стремлением служить обществу, делать сообщество безопаснее. Руководство полиции старается поддерживать этот внутренний идеализм и предотвращать выгорание. Например, в некоторых департаментах практикуется ротация офицеров из наиболее сложных, криминогенных участков на более спокойные и обратно, чтобы избежать накопления стресса и «замыливания глаза». Большое значение придается профессиональному развитию: офицерам регулярно предоставляются возможности повышения квалификации, обучения новым навыкам. По данным Национального института юстиции США, полицейские, которые регулярно проходят тренинги и курсы повышения квалификации, значительно более удовлетворены своей работой и реже увольняются со службы. Также повсеместно внедрены программы поощрения: награды «офицер месяца», публичное признание заслуг, рекомендации к повышению по службе для отличившихся. Признание и благодарность со стороны руководства и общества выступают мощным нематериальным мотивирующим фактором для американских офицеров.

В странах ЕС мотивация персонала полиции поддерживается через развитую систему социальных гарантий и сильную корпоративную культуру. Полицейские в большинстве стран Европы обеспечены стабильным заработком, пенсиями, расширенным социальным пакетом (медицинское страхование, отпускные и т.д.), что снимает вопросы базовых потребностей. Далее акцент делается на поддержании престижа профессии и общественного доверия. Европейская модель «общественно ориентированной полиции» (community policing) предполагает тесное взаимодействие полиции с населением, подотчетность местным сообществам, прозрачность деятельности. В таких условиях полицейские ощущают гордость за свою работу, так как

получают одобрение общества, что само по себе усиливает мотивацию к добросовестной службе. Например, в ряде стран (Великобритания, Скандинавия) практикуются регулярные опросы общественного мнения о работе полиции, и результаты влияют на оценку деятельности участковых и руководителей. Это стимулирует персонал ориентироваться на потребности граждан, а не формальные показатели. Внутри организаций внедряются современные подходы к управлению человеческими ресурсами: открытые конкурсы на вакансии, равные возможности карьерного роста, поощрение инициативы «снизу». Руководители выступают скорее наставниками, чем надсмотрщиками, поддерживая климат доверия и сотрудничества в коллективе. Такой стиль управления, ориентированный на уважение и развитие подчиненных, доказал свою эффективность: как отмечают эксперты, в странах с низким уровнем преступности полиция, подконтрольная обществу и работающая в рамках своих полномочий, пользуется высоким доверием и поддержкой граждан, что мотивирует сотрудников соблюдать высокие профессиональные стандарты.

В различных развитых странах реализуются свои интересные практики мотивационного управления. Например, в Японии упор делается на дисциплину, честь мундира и групповой дух: полицейские там воспринимают себя частью большой семьи, где позор одного ложится на всех – это воспитывает сильную внутреннюю мотивацию не подвести коллег и организацию. В Канаде и Австралии активно внедряются программы благополучия (wellness programs) для сотрудников полиции – от психологической поддержки и конфиденциального консультирования до поощрения физической активности. Забота о благополучии персонала рассматривается как элемент мотивации: здоровый и довольный работник более мотивирован. В Сингапуре применяются методы геймификации показателей работы и публичного рейтинга полицейских участков, что вызывает у сотрудников соревновательный дух и стремление улучшить показатели обслуживания населения. Таким образом, международный опыт демонстрирует широкую палитру инструментов мотивации – от материальных бонусов до тонких психологических подходов. Общая тенденция такова, что во главу угла ставится нематериальная мотивация: признание, развитие, участие в принятии решений, улучшение условий труда и баланса работа/семья. Денежное стимулирование рассматривается лишь как часть комплексной мотивационной системы и само по себе не обеспечивает долгосрочной приверженности персонала.

Исходя из выявленных проблем и обобщенного международного опыта, можно предложить следующие меры по улучшению мотивационной системы управления персоналом правоохранительных органов Республики Казахстан:

1. Укрепление материальной базы мотивации. Несмотря на предпринимаемые шаги, материальное стимулирование остается

важным фактором. Необходимо продолжить политику поэтапного повышения уровня оплаты труда сотрудников, особенно на низовых должностях, чтобы привлечь и удержать квалифицированные кадры. Помимо зарплаты, следует улучшать социальный пакет: обеспечивать жильем (через ведомственное жилье или льготные кредиты), медицинским страхованием, повышать выплаты за риск и переработки. Особое внимание – пенсиям и единовременным выплатам при выходе на пенсию по выслуге: осознание гарантированной материальной стабильности после завершения службы является мощным мотиватором оставаться на службе долгие годы. Государство уже заложило эти нормы в законодательство (Закон «О правоохранительной службе»), важно следить за их реализацией и достаточным финансированием. Одновременно следует избегать перекоса исключительно в сторону денег: как показывает практика, одного повышения оклада недостаточно для роста отдачи, если не удовлетворены более высокие потребности сотрудника.

2. Введение справедливой и прозрачной системы продвижения и поощрений.

Каждый сотрудник должен быть уверен, что его добросовестная служба и достижения будут замечены и вознаграждены. Для этого рекомендуется:

- прозрачные критерии карьерного роста. Разработать и довести до персонала понятные критерии продвижения по службе (на основе квалификации, результатов работы, лидерских качеств и т.д.). Проводить конкурсы на замещение вакантных должностей открыто и гласно, с участием независимых наблюдателей либо конкурсных комиссий. Это повысит доверие к руководству и стремление сотрудников развиваться, соответствовать критериям;

- регулярное поощрение и признание. Внедрить систему регулярных нематериальных поощрений: благодарности, грамот, ведомственные награды за образцовую службу. В каждом подразделении целесообразно практиковать ежеквартальное (или ежемесячное) определение лучших сотрудников – с объявлением на собрании, доской почета, упоминанием в ведомственных СМИ. Согласно исследованиям McKinsey, персонализированное признание заслуг (например, личная похвала руководителя, участие в награждении) дает больший мотивационный эффект, чем формальные объявления. Руководителям важно непосредственно, в присутствии коллектива, отмечать вклады лучших сотрудников – это демонстрирует внимание и заботу начальства о подчиненных и служит стимулом для всего коллектива;

- связь поощрений с результативностью. Необходимо пересмотреть показатели оценки работы так, чтобы они отражали не только количественные меры (число раскрытых дел, протоколов), но и качество работы, отзывы граждан. Поощрения должны выдаваться не «авансом» и не по выслуге, а именно за конкретные заслуги. При этом следует избегать практики немотивирующих наказаний за мелочи; акцент

сместить на поощрение позитивных примеров, что будет вовлекать сотрудников в добросовестное выполнение обязанностей.

3. Развитие нематериальной мотивации и корпоративной культуры. Как отмечалось, нематериальные стимулы выходят на первый план в мотивации правоохранительных органов. Рекомендуется реализовать следующие шаги:

Формирование позитивного рабочего климата. Руководителям всех уровней следует культивировать атмосферу взаимоуважения, поддержки и командного духа. Недопустимы грубость, неоправданно жесткая дисциплина, «культура наказаний». Вместо этого – политика открытых дверей, когда сотрудник не боится озвучить проблему или предложение начальству. Совместные мероприятия (спортивные соревнования, выезды на природу, чествование юбиляров) помогут сплотить коллектив и повысить лояльность организации.

Наставничество и адаптация новых сотрудников. Важно уделять особое внимание молодым кадрам в период их профессиональной адаптации. По нашему мнению, необходимо внедрять институционализированный институт наставников: за каждым новичком закрепляется опытный сотрудник, который в первые 6–12 месяцев курирует его, помогает освоиться, разделяет корпоративные ценности. Наставничество доказало свою эффективность как средство формирования у молодых сотрудников правильных мотивов и ценностей службы. Однако, наставники должны получать методическую поддержку (как организовать работу с подшефным) и поощрения за успехи своих подопечных.

Расширение возможностей самореализации. Сотрудники будут более мотивированы, если им дать возможность проявлять инициативу, использовать свои сильные стороны. Следует поощрять участие личного состава в разработке решений по улучшению работы – например, через сбор предложений, конкурсы инновационных идей. Полезно практиковать временное назначение сотрудников на ответственные роли (проекты, рабочие группы) – это даёт им шанс раскрыть лидерский потенциал и почувствовать доверие. Внутри ведомства можно развивать специальные программы профессионального развития: стажировки в других регионах или за рубежом, участие в международных учениях, обучение новым технологиям. Когда у человека есть перспектива роста и ощущение, что организация инвестирует в его развитие, его мотивация существенно возрастает.

Баланс работы и личной жизни. Руководству следует учитывать важность профилактики выгорания. Гибкое планирование служебного времени (по возможности), обеспечение полноценного ежегодного отпуска, чередование напряженных участков службы с менее напряженными – всё это позволит сотрудникам восстанавливать силы и поддерживать мотивацию в долгосрочной перспективе. Также стоит развивать службы психологической поддержки внутри правоохранительных органов:

конфиденциальные консультации психолога, телефоны доверия, тренинги по стресс-менеджменту. Забота о ментальном здоровье сотрудников – признак современной высокоразвитой организации.

4. Повышение общественного имиджа полиции и мотивация через служение обществу. Как показал международный опыт, фактор общественного признания и доверия напрямую влияет на внутреннюю мотивацию стражей порядка. Поэтому рекомендуются меры по укреплению связи правоохранительных органов с населением:

Открытость и подотчетность. Продолжить внедрение сервисной модели полиции: фронт-офисы для приема граждан, регулярные отчеты местного руководства полиции перед населением, реагирование на обращения граждан. Когда полицейский видит благодарность от граждан за решенную проблему, это усиливает его стремление работать лучше.

Партнерство с обществом. Развивать совместные проекты с гражданскими активистами, молодежью (волонтерские дружины, консультационные советы). Это поможет изменить восприятие правоохранительной системы – с карательного на партнерское, что в конечном итоге мотивирует и самих сотрудников гордиться своей работой.

Публичное признание героев. Широко информировать через СМИ о примерах образцовой службы, героических поступках сотрудников, награждать их публично. Создать позитивный образ сотрудника правоохранительных органов как защитника народа – важная нематериальная мотивация, ведь удовлетворение от уважения в обществе порой ценнее денежной премии.

Предложенные рекомендации охватывают как материальные, так и нематериальные аспекты мотивации. Важнейший принцип – комплексность: ни одна мера отдельно не даст устойчивого эффекта, необходима сбалансированная система стимулирования. При этом следует учитывать типологию мотивационного профиля разных сотрудников. Одних больше вдохновляет престиж и карьера, других – стабильность и социальные гарантии, третьих – возможность самореализации или чувство долга. Руководителю важно знать мотивационные потребности своих подчиненных и применять «адресные» способы поощрения. Например, сотруднику с выраженной потребностью в достижении следует давать сложные ответственные задания и отмечать его успех публично, а ценящему стабильность – обеспечивать уверенность в завтрашнем дне и выражать личную благодарность за надежность. Индивидуальный подход в мотивации – залог успеха управления персоналом правоохранительных органов.

Мотивация персонала правоохранительных органов – многогранная проблема, требующая внимания как к базовым потребностям сотрудников, так и к высшим мотивирующим факторам. В ходе исследования установлено, что в Казахстане принят ряд мер по улучшению материального стимулирования и условий службы

сотрудников правоохранительных органов, однако сохраняются проблемы, связанные с профессиональным выгоранием, недостаточным общественным доверием, а также элементами организационной культуры, снижающими рабочий настрой. Изучение международного опыта показало, что эффективная мотивационная политика в правоохранительной системе строится на сочетании достойного материального вознаграждения с мощной нематериальной мотивацией – через признание заслуг, создание возможностей роста, поддержание здорового баланса работы и отдыха, формирование атмосферы причастности к важной миссии.

Ключевые рекомендации для системы правоохранительных органов Казахстана включают дальнейшее повышение конкурентоспособности оплаты труда и социальных гарантий; внедрение справедливой и прозрачной системы карьерного продвижения и поощрений; развитие корпоративной культуры, основанной на уважении, поддержке и наставничестве; активное привлечение персонала к процессам улучшения работы и принятию решений; укрепление положительного имиджа сотрудника правоохранительного органа и партнерских отношений с обществом. Выполнение этих мер позволит существенно повысить удовлетворенность сотрудников своей службой, усилить их внутреннюю мотивацию к добросовестному исполнению долга, что в конечном итоге приведет к росту эффективности и профессионализма всей системы правоохранительных органов.

Повышение мотивации – это инвестиция в человеческий капитал правоохранительной системы. Мотивированный сотрудник правоохранительной системы не только лучше выполняет свои обязанности, но и служит надежной опорой государства в обеспечении законности и правопорядка.

Список использованной литературы:

1. Fortenbery J. Improving Motivation and Productivity of Police Officers // FBI Law Enforcement Bulletin. – 2015 (дата обращения: 04.05.2025).
2. Раззорова И.Н., Вольфсон Э.Н. Особенности мотивации сотрудников правоохранительных органов // *Juvenis scientia*. – 2015. – №1.
3. Егорова Э.А., Стародубцева А.С. Проблемы мотивации сотрудников органов внутренних дел // *Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития*. – 2021 .
4. Асылбек Б. «Зачастую в полиции видят угрозу, а не защиту». Почему реформа МВД идет медленно? – Радио Азаттык, – 22.11.2021.
5. Как проходила реформа органов внутренних дел в 2019 году // Казинформ. – 2019.
6. How to keep your police officers engaged, motivated, and productive? – Officer Survey Blog, – 2023.
7. О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. №380-IV.

8. Dewhurst M., Guthridge M., Mohr E. Motivating people: Getting beyond money // McKinsey Quarterly. – 2009.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб: Евразия, – 1999. – 478 с.
10. Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. №199-V.

Халафов Эльчин Абузар оглы
проректор Академии юстиции Министерства юстиции
Азербайджанской Республики, кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современные тенденции развития образования в той или иной стране строятся на принципах, политики государства в области высшего образования, которые в свою очередь регламентируются законодательством. В Азербайджанской Республике данный вопрос регламентируется законом «Об образовании» от 19 июня 2009 года и «Государственной стратегией о развитии образования в Азербайджанской Республике», утвержденной распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 24 октября 2013 года. В соответствии с законом «Об образовании» в Азербайджанской Республике образование носит светский, непрерывный характер и является стратегически важной приоритетной сферой деятельности отражающая интересы граждан, общества и государства. Основной целью стратегии развития образования является создание такой системы образования для профессиональных работников образования, которая базируясь на самые современные технологии и инфраструктуру, по результатам качества и масштабам, занимала приоритетные позиции среди мировых стран.

Таким образом, в целом на сегодняшний день одними из основных принципов в сфере образования являются непрерывность, преемственность процесса образования, базирующегося на современных требованиях общества, открытость при определении приоритетных направлений развития науки, техники, технологий, а также подготовки и переподготовки специалистов, государственная поддержка образовательного процесса в особенности в наиболее востребованных сферах.

В сфере юридического образования данные приоритеты также берутся за основу, так как в современном мире профессия юриста очень престижна. Юридическая специальность является одной из наиболее востребованных, а также, одной из наиболее популярных среди поступающих в высшие учебные заведения. Вследствие этого в этой сфере все чаще можно встретить процессы, совершенствования качества образования в целом, которые выражаются в обновлении предоставляемого студентам обучающего материала, улучшении образовательных программ, в обеспечении тесной взаимосвязи теории права с практикой.

В соответствии с законодательством идет процесс расширения подготовки юристов с высшим образованием, который должен был

обеспечить потребностей органов государственной власти и управления, правоохранительной системы и всех отраслей экономики.

После присоединения Азербайджанской Республики к Болонскому процессу в законе «Об образовании» была закреплена многоуровневая система высшего юридического образования, разработаны государственные образовательные стандарты для бакалавров и магистров.

На сегодняшний день одной из главных целей юридического образования в классических ВУЗах является обучение студентов навыкам решения проблем и задач, регулирующих проблемы современного общества. В связи с этим требования юридическому образованию должны рассматриваться сквозь призму будущего права. Свою лепту в данный процесс вносит развитие современных технологий. В части технического прогресса и его влияния на право: к XXII веку, скорее всего, будут изобретены новые системы информационного обмена, что заставит право сильно видоизмениться. Об этом опять же говорит накопленный человечеством опыт последних столетий. Формирование электронной культуры, происходящее «на основе процесса глобальной информатизации общества, развития цифровых технологий, создания компьютерной альтернативы реальности, единой виртуальной среды Интернета, представляет собой лишь часть больших изменений, связанных с появлением нового типа общества в русле научно-технического развития».

Основной задачей правоведов в условиях развития цифрового права является сохранение базовых человеческих ценностей. И.А. Умнова-Конюхова подчеркнула, что цифровое право должно опираться на аксиологию, онтологию и таксономию как классических отраслей права (конституционное, гражданское, уголовное и др.), так и других отраслей права нового поколения (экологическое право, право мира, право безопасности, право развития и др.), формирующих приоритеты и баланс публичных и частных интересов, определяющих статус государства, общества и человека, цели и задачи развития. В связи с этим, по ее мнению, необходимо выработать основные принципы и правила пределов цифровизации, которые бы создали *non grata axiology* или аксиологический фильтр цифровизации. Безусловно, процесс цифровизации права должно способствовать тому, чтобы право будущего более эффективно регулировало общественные отношения.

В сущностном, философско-онтологическом понимании идеальное право будущего – это право, которое отвечает запросам на правовое регулирование не только в настоящем, но и на перспективу, образно говоря, функционирует на выходе из настоящего в будущее, обеспечивает прогрессивное развитие человеческой цивилизации и тем самым реализацию предназначения человека и человечества по замыслу Творца (Бога, высшего разума), то есть Создателя человека и среды его обитания.

Тенденции развития современного права свидетельствуют о значительном изменении системы права, ее одновременной глобализации и дифференциации. Как указывает К.М. Левитан: «глобализация существенно влияет на отношения между государствами, формирование надгосударственного правового пространства, что требует новых, нетрадиционных подходов к их правовому обеспечению и контролю». Немаловажную роль в развитии права будущего занимает интернационализация, то есть изучения не только национального права, но и зарубежного права. Таким образом глобализация современного общества и мира в целом сыграла особую роль в данном процессе, что в свою очередь приводит к трансформации всей правовой системы государства. В свою очередь «одним из самых ярких проявлений трансформации современного права на фоне беспрецедентно интенсивного бинарного процесса глобализации и дифференциации права можно назвать перестройку традиционных правовых систем в системы нового типа, внутри которых формируются особые правовые комплексы, с одной стороны, как ответ угрозам и вызовам миру, безопасности, правам и свободам человека, устойчивому развитию и другим приоритетным общечеловеческим ценностям и целям, а с другой стороны, как реакция на потребности и запросы правового регулирования, вызванные воздействием на нашу жизнь новых технологий и знаний, и иных факторов развития. Данные правовые комплексы можно обозначить как интегрированные, глобальные отрасли права, которые относятся, по мнению автора, к новым поколениям отраслей права».

Таким образом, юридическое образование XXI в. должно быть интернациональным по содержанию. Также учебные программы необходимо строить на принципах исторического и сравнительного правоведения. Современные тенденции развития юридического образования должны включать в себя: специализацию содержания юридического образования, его многоуровневость и многоступенчатость образования; гибкость учебных планов; усиление практической направленности; расширение интерактивных методов обучения; усиление интернационального аспекта; расширение сферы использования новых информационных технологий.

Качество высшего профессионального юридического образования должно соответствовать условиям динамично развивающегося общества, его результаты должны обеспечиваться путем последовательной реализации принципа взаимодействия образования, науки и практики, определены этапы интеграции высшего юридического образования, правовой науки и юридической практики.

Список использованной литературы:

1. Государственная стратегия по развитию образования в Азербайджанской Республике: Распоряжение Президента от 24 октября 2013 года [Электронный ресурс] <https://president.az/az/articles/view/9779> (дата обращения: 14 июня 2020).
2. Об образовании: Закон Азербайджанской Республики от 19 июня 2009 года [Электронный ресурс] <https://e-qanun.az/framework/18343> (дата обращения: 14.06.2020).
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. XXII век и право. Размышления о будущем // Мониторинг правоприменения, – 2022, – №4 (45), – 59-65 с.
4. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки, – 2018, – Т. 55, – № 4, – 129-142 с.
5. Коданева С.И. Цифровое право: тенденции, перспективы и проблемы развития правового регулирования отношений в цифровой среде (Обзор материалов международной научной конференции «Цифровое право – право будущего») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право, – 2024, – №4, – 26-41 с.
6. Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник. Москва: Норма, – 2011, – 431 с.
7. Умнова-Конюхова И.А. Право будущего: прогнозы и их реализация. О направлениях футурологии права и перспективах трансформации системы права // Современное право и право будущего: приоритеты правового регулирования, тенденции и перспективы развития в XXI веке. Сборник научных статей подготовленный по материалам Международного форума «Право будущего». Москва: ИНИОН РАН, – 2024, – 7-28 с.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ БІЛІМ БЕРУДІҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ДАМУ БОЛАШАҒЫ

Құқықтық білім – құқықтық мемлекет пен әділетті қоғам құрудағы негізгі тірек. Қазіргі жаһандану мен технологиялық өзгерістер дәуірінде Қазақстан жоғары білікті, халықаралық талаптарға сай заңгер мамандарға аса мұқтаж. Мемлекет басшысы бірнеше рет атап өткендей, заң мен тәртіп – өркениетті қоғамның іргетасы, ал білікті заңгерлер – осы жүйенің басты қозғаушы күші.

Дегенмен, елімізде заңгерлер даярлау ісінде қордаланаған мәселелер жеткілікті. Ең өзекті проблемалардың бірі – түлектердің практикалық дағдыларының жеткіліксіздігі. Көптеген жұмыс берушілер университет бітірген жас мамандардың нақты кәсіби ортада жұмыс істеуге дайын еместігін алға тартады. Бұл өз кезегінде оқу бағдарламаларында теория мен практиканың арасындағы алшақтықты көрсетеді.

Тағы бір маңызды түйткіл – мемлекеттік тілдегі құқықтық білімнің әлсіздігі. Қазақ тіліндегі сапалы заң әдебиеттері мен оқулықтардың жетіспеушілігі, құқықтық терминдердің бірізді еместігі қазақ тілді заңгерлерді дайындауда елеулі кедергілер тудырады. Бұл тек мамандар даярлау ісіне ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік тілдегі заңнамалардың сапасына да теріс әсер етеді.

Дүниежүзіндегі озық тәжірибеге көз жүгіртсек, құқықтық білім беруді жетілдіру бағытында тиімді реформалар жасалған. Германия, Нидерланд, Канада сынды елдер заңгерлерді даярлауда практикалық оқытуды, алуан түрлі білім беру моделдерін, заң клиникаларын кеңінен қолданады. Студенттер заң клиникаларында жұмыс істей отырып, нақты клиенттерге заң кеңесін беріп, процестік құжаттармен жұмыс істейді. Бұл олардың кәсіби жауапкершілік пен этикалық нормаларға ерте жастан үйренуіне ықпал етеді. Сонымен қатар, онлайн платформалар мен цифрлық симуляторлар арқылы оқу материалдарын қолжетімді етіп, білім алушылардың цифрлық құзыреттілігін арттырып отыр.

Бұл елдердің тәжірибесі құқықтық білім беру жүйесінің заманауи трендтерге бейімделуінің үлгісі бола алады. Ең бастысы — студенттер оқу барысында нақты практикалық жағдайларды меңгеріп, еңбек нарығында сұранысқа ие маман ретінде қалыптасады.

Осы бағыттағы жұмыстардың өзектілігін көрсететін тағы бір маңызды оқиға – 2025 жылдың 11 сәуірінде Қазақстан Республикасы Парламенті Сенатында өткізілген құқықтық білім беру мәселесіне арналған Парламенттік тыңдау. Бұл тыңдауда сарапшылар, жоғары оқу орындарының өкілдері, заң қоғамдастығы мен мемлекеттік органдардың мүшелері бас қосып, еліміздегі заңгерлерді даярлау сапасын арттыру, оқу бағдарламаларын жетілдіру, тәжірибеге бағытталған оқыту үлгілерін

енгізу, сондай-ақ халықаралық тәжірибені бейімдеу жолдарын талқылады.

Тыңдау барысында құқықтық кадрларды даярлаудың қазіргі жағдайы мен болашағына қатысты нақты ұсыныстар беріліп, осы саладағы жүйелі реформалар қажеттілігі ерекше аталып өтті. Бұл шара Парламенттің құқықтық білім беруді стратегиялық деңгейде қарастырып отырғанын және заң шығару жұмыстары арқылы оны дамытуға ықпал етуге дайын екенін көрсетті.

Мұндай бастамалар Қазақстанда құқықтық мәдениетті қалыптастыру мен білікті заңгерлер корпусын дайындауда мемлекет пен қоғамның күш біріктіріп жатқанын дәлелдейді. Парламенттік тыңдау нәтижелері алдағы заңнамалық және институционалдық өзгерістердің негізіне айналып, 2025–2030 жылдарға арналған құқықтық білімді дамыту тұжырымдамасының тиімді жүзеге асуына серпін бермек.

Жалпы алғанда, құқықтық білім беру жүйесін жаңғырту – тек білім саласының емес, тұтас ел дамуының маңызды бөлігі. Тәжірибеге бағытталған, бәсекеге қабілетті, кәсіби этикасы мен адам құқығын құрметтейтін заңгерлерді даярлау — елдегі құқықтық мәдениетті арттыруға, демократиялық құндылықтарды орнықтыруға негіз болады. Құқықтық білім беруді дамыту – мемлекетіміздің болашағына салынған инвестиция.

«Қазіргі әлемдегі заң, құқық және әділдік» халықаралық заңгерлер конгресі жұмысының қорытындысы бойынша ҰСЫНЫМДАР

Қазіргі әлемде заң мен құқықты құрметтеу және әділеттілік мемлекеттің тұрақты дамуының негізгі факторына айналууда.

Заңдар мен құқықтық нормаларды сақтау әр азаматтың міндеті ғана емес, сонымен бірге әділ, қауіпсіз және гүлденген елді қалыптастырудың негізі болып табылады.

Бүгінде Қазақстан Заң мен Құқықтың үстемдігі басты орын алатын қоғам құруға ұмтылуда. Алайда, осы мақсатқа жету үшін заңнаманы жетілдіріп қана қоймай, азаматтардың құқықтық санасы мен заңды актілерге құрметпен қарауын қалыптастыру қажет.

Заң теңдікті қамтамасыз ететін және озбырлықтың алдын алатын жалпыға міндетті ережелерді құру арқылы адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғаудың негізгі функциясын орындайды. Заңдардың арқасында әр азамат әлеуметтік жағдайына, жасына немесе басқа факторларға қарамастан өзін қорғауға сенімді бола алады.

Құқықтық тәртіп – кез-келген табысты мемлекет құрылатын іргетас. Ол азаматтар арасындағы сенімді қамтамасыз етеді, экономикалық тұрақтылыққа кепілдік береді және өркендеу үшін жағдай жасайды.

Әділеттілік – бұл әлеуметтік теория мен практиканың мәңгілік мәселелерінің бірі. Оның тұрақты маңыздылығын ежелгі философиядан бастап бүгінгі күнге дейін көптеген ойшылдар осы философиялық мәселені зерттеумен айналысқаны дәлелдейді. Әділеттілік мәселесі қоғамның барлық әлеуметтік топтарының негізгі мүдделеріне әсер етеді, әр адамның тағдырына қатысты, өйткені ол тек ғылыми ғана емес, сонымен бірге әлеуметтік-саяси сипатта болады және моральдық-бағалау критерийлерін қамтиды.

Заңдылық пен құқықтық тәртіп режимі жүйесі қарапайым азаматтардан бастап мемлекеттік органдарға дейін барлығы белгіленген ережелерді сақтаған жағдайда ғана тиімді жұмыс істейтінін түсіну маңызды. Бұл тұрғыда құқық қорғау органдарының рөлі ерекше маңызға ие болады, өйткені олар заңдар мен құқықтық нормалардың орындалуын қамтамасыз етіп қана қоймай, қоғамға олардың маңыздылығын түсінуге көмектеседі.

Осы іргелі ғылыми-құқықтық мәселелер және олардың қолданбалы аспектілері 2025 жылғы 22-23 мамыр аралығында Астана қаласында Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы ұйымдастырған «Қазіргі әлемдегі заң, құқық және әділдік» халықаралық заңгерлер конгресінде сындарлы талқылаудың нысанасына айналды.

Іс-шара қорытындысы бойынша айтылған тұжырымдамалық идеялар мен ұсыныстарды, бар проблемаларды шешудің өзекті және

инновациялық тәсілдерін жинақтау негізінде қатысушылар мынадай қорытындылар мен ұсынымдар әзірледі:

Құқықтық жүйелер мен ғылыми доктринаның трансформациясы.

Жасанды интеллекттің заң ғылымындағы орны мен рөлі туралы пікірталастардағы ымыраға келу, оның ғылыми танымның көмекші құралы және тіпті бірлескен зерттеуші ретіндегі мәртебесін тануға мүмкіндік береді, философиялық аспектілерді, ақпараттық технологиялардың мүмкіндіктерін және дәстүрлі зерттеу әдістерін біріктіретін әдістеменің жаңа архитектурасын құруға мүмкіндік береді.

Мұндай синергия зерттеу жұмысының объектісі мен құралдары туралы ғылыми ойдың классикалық парадигмасын қайта қарастыруды талап етеді, оның нәтижелері цифрлық құқықтың икемді және бейімделу нормаларын қалыптастыруға ықпал етеді.

Цифрлық трансформация жағдайында ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып жасалатын трансұлттық қылмыстарға қарсы іс-қимыл жүйесін жетілдіру үшін ғылыми айналымға «цифрлық қанау» деген жаңа ұғымды енгізіп, оны цифрлық технологияларды пайдалана отырып жүзеге асырылатын тұлғаға мәжбүрлеп әсер ету нысаны ретінде айқындау ұсынылады, онда қылмыскер қашықтықтан бақылауды белгілейді және қауіп-қатерлерді, шантажды қолдану арқылы пайда көреді, алдау немесе манипуляцияның басқа түрлері, міндетті физикалық байланыссыз (мысалы, адам саудасының құрбандарын жалдау және манипуляциялау, мигранттарды қашықтан жұмыс жасау арқылы алаяқтық схемаларға тарту, бейнебақылау арқылы жәбірленушінің мінез-құлқын бақылау, виртуалды тәуелділікті манипуляциялау).

Бұл терминді енгізу мыналарға мүмкіндік береді деп болжануда: цифрлық мәжбүрлеу белгілерін кодтау (физикалық қозғалыстың болмауы, бірақ тәуелділіктің, бақылаудың, қауіптің, пайда табудың болуы); цифрлық дәлелдемелерді жинау, мәжбүрлеудің психологиялық сараптамасы, платформалармен ынтымақтастық сияқты тергеудің процедуралық алгоритмдерін әзірлеу; бақылау және бақылау үшін қажет қылмыстардың осы санаты бойынша статистика жасау, халықаралық есеп беру; классикалық критерийлер бойынша анықталмайтын құрбандарды қорғау механизмін жетілдіру (мысалы, веб-эксплуатация құрбандары).

Сот төрелігінің сапасы мен транспаренттілігін қоғамдық бақылауды арттыру жағдайында осы саланы одан әрі реформалаудың перспективалық бағыты Қазақстанның алқа билер сотының қолданылу аясын кеңейтуге, оның ішінде сотталғандардың оларға шартты түрде мерзімінен бұрын босатуды қолдану және жазаны неғұрлым жұмсаққа ауыстыру туралы өтініштерін қарау құзыретіне беру есебінен ұмтылысын мойындау керек.

Ұлттық заңнамаларда ұрланған капиталды ерікті түрде қайтару тетіктерін нормативтік, институционалдық және әдіснамалық бекітуді,

белсенді түсіндіру жұмыстарын жүргізуді және осы салада халықаралық ынтымақтастықты жолға қоюды жалғастыру ұсынылады.

Бұлтартпау шаралары мен қамауда ұстау түріндегі жазаны тағайындау тәсілдерін қайта қарау ұсынылады, оны нақты уақыт режимінде кез-келген адамның орналасқан жері мен қозғалысын бақылауға мүмкіндік беретін цифрлық технологияларды қолдану арқылы жүзеге асырылатын үй қамағына ауыстыру нұсқаларын қарастырады.

Трансұлттық қауіп-қатерлерге қарсы тұру.

Адам саудасын тергеудің қазіргі заманғы әдістемесінің тұжырымдамасы қолданылатын процестік құралдардың стандартты жиынтығымен бірге осы процестің тиімділігін арттыратын және ұйымдасқан қылмыстың басқа ілесімі немесе өзара байланысты түрлерін (ақшаны жылыстату, құжаттарды бұрмалау, заңсыз көші-қон, алаяқтық, есірткі саудасы және т.б.) анықтауға мүмкіндік беретін келесі ғылыми-практикалық тәсілдерге негізделуі керек:

- басқа елдердің құқық қорғау органдарымен, Интерполмен, Еурополмен ынтымақтастық әлеуетін кеңейту, сондай-ақ бірлескен тергеу топтарының форматын пайдалану;

- адам саудасы құрбандарының жалдау тәсілдерін, тасымалдау маршруттарын және ұйымдастырушылардың жеке басын анықтау үшін ақпарат көзі ретіндегі рөлін есепке алу;

- әлеуметтік желілерден, мессенджерлерден, «қараңғы интернеттен» деректерді талдау үшін цифрлық технологиялар мен OSINT қолдану;

- тиімді ведомствоаралық өзара іс-қимыл (полиция, көші-қон қызметтері, қаржылық бақылау, ҰЕҰ).

Цифрлық құқық институтын ғылыми пысықтау шеңберінде оның мазмұнына цифрлық кеңістік пен дербес деректерді қоса отырып, жеке өмірге қол сұғылмаушылық ұғымын қайта қарау.

Жаһандық трансформация жағдайында заңгерлерді даярлау.

Қазіргі заманғы білім беру жүйесін дамытудың маңызды векторларының бірі – қалыптасқан кәсіптер шеңберінде жекелеген жоғары мамандандырылған функциялар мен міндеттерді тиімді орындайтын бәсекеге қабілетті мамандарды шығаруға мүмкіндік беретін микроквалификация институтын анықтау.

Аталған институттың әлеуетін одан әрі дамыту және арттыру үшін:

- нақты кәсіби міндеттерді орындауға дайындықтың қысқа мерзімді, мамандандырылған курстары (криминалистикалық сараптама, құқықтық аналитика, цифрлық дәлелдемелермен жұмыс) нысанында микроквалификацияларды институттандыру;

- жұмыс беруші мойындайтын сертификат бере отырып, біліктілік емтиханы негізінде түлектердің практикалық дайындығын бағалау тетіктерін енгізу;

- кәсіби қоғамдастықтарды (адвокатура, судьялар корпусы, АЖОО, ведомстволар) білім беру бағдарламаларын сараптауға және микроквалификациялар беруге тарту.

Цифрландыру сын тегеуріндеріне кадрларды даярлау жүйесін бейімдеу үшін цифрлық зертханалар, имитациялық білім алушылар платформалары нысанында цифрлық құралдарды білім беру процесіне белсенді интеграциялау.

Құқық қорғау органдарының қызметкерлерін киберқылмыстарға қарсы іс-қимыл саласында кәсіптік оқыту практикалық қызмет тиімділігінің негізгі шарты ретінде оқытуға жататын құқық қорғау органдары лауазымды адамдарының санаты мен функционалына, қалыптастыруға немесе дамытуға, оқу курстарын жетілдірілген деңгейлерге (бастауыш, орта және орта) бөлуге негізделетін білім беру процесін сараланған ұйымдастыруды көздейтін құзыреттілік тәсілге негізделуге тиіс.

Құқық қорғау және сот органдарының сұранысқа ие құзыреті бар кадрларға (ақпараттық-коммуникациялық технологиялар саласында және т.б.) қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін сот төрелігі және құқық қорғау қызметі салаларында қосалқы функцияларды орындауға алғашқы даярлық шеңберінде кейіннен мамандандырыла отырып, мамандандырылмаған заң білімі бар түлектерді тарту.

Заң кадрларын даярлау мен кәсіптік оқытудың барлық деңгейлерінде case study әдісін (құқықтық актілерді пайдалану мүмкіндігімен) оқу материалын игеру дәрежесін бағалау құралы ретінде және нақты өмірлік жағдайлардан практикалық мәселелерді шешуге теориялық білімді қолдану дағдыларын дамытуға бағытталған алдағы кәсіби жұмысқа дайындығын кеңінен қолдану.

Үздік білім беру әдістемелерін енгізу және заңгерлерді озық әлемдік стандарттарға даярлау сапасын жақындату үшін:

- Интерпол, БҰҰ, ЕҚЫҰ бағдарламаларына, сондай-ақ ТМД, Еуропа және Азия елдерінің ұлттық институттарына білім алушылардың, профессор-оқытушылар құрамы мен сарапшылардың халықаралық академиялық алмасу және қатысу желілерін кеңейту;

- білім беру стандарттарын, тағылымдамалар алмасу бағдарламаларын біріздендіре отырып, құқықтық тату көршілік қағидаттары (ТМҰ шеңберінде) негізінде заң кадрларын даярлаудың өңірлік модельдерін әзірлеу.

РЕКОМЕНДАЦИИ

по результатам работы Международного конгресса юристов «Закон, право, справедливость в современном мире»

В современном мире уважение к закону и праву и справедливость становится ключевым фактором стабильного развития государства.

Соблюдение законов и правовых норм – это не просто обязанность каждого гражданина, но и основа для формирования справедливой, безопасной и процветающей страны.

Сегодня Казахстан стремится к построению общества, в котором верховенство Закона и Права занимает центральное место. Однако для достижения этой цели необходимо не только совершенствовать законодательство, но и формировать у граждан правовое сознание и почтительное отношение к юридическим актам.

Закон выполняет ключевую функцию в защите прав и свобод человека, создавая общеобязательные правила, которые обеспечивают равенство и предотвращают произвол. Именно благодаря законам каждый гражданин может быть уверен в своей защите независимо от социального положения, возраста или иных факторов.

Правопорядок – это фундамент, на котором строится любое успешное государство. Он обеспечивает доверие между гражданами, гарантирует экономическую стабильность и создает условия для процветания.

Справедливость – это одна из вечных проблем общественной теории и практики. О ее непреходящей значимости свидетельствует тот факт, что исследованием данного философского вопроса занимались многие мыслители, начиная с античной философии и до наших дней. Проблема справедливости затрагивает коренные интересы всех социальных групп общества, касается судьбы каждого человека, так как носит не только научный, но и социально-политический характер и содержит морально-оценочные критерии.

Важно понимать, что система режима законности и правопорядка будет работать эффективно только в том случае, если все – от рядовых граждан до государственных органов будут соблюдать установленные правила. В этом контексте роль правоохранительных органов становится особенно значимой, поскольку они не только обеспечивают исполнение законов и правовых норм, но и помогают обществу осознавать их важность.

Данные фундаментальные научно-правовые вопросы и их прикладные аспекты стали предметом конструктивного обсуждения на международном конгрессе юристов «Закон, право, справедливость в современном мире», организованного Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан 22-23 мая 2025 года в городе Астане.

По итогам мероприятия на основе обобщения озвученных концептуальных идей и предложений, актуальных и новаторских подходов к решению имеющихся проблем участниками выработаны следующие выводы и рекомендации:

Трансформация правовых систем и научной доктрины.

Компромисс в дискуссиях о месте и роли искусственного интеллекта в юридической науке, допускающий признание его статуса как вспомогательного инструмента научного познания и даже соисследователя, позволяет выстроить новую архитектуру методологии, сочетающей философские аспекты, возможности информационных технологий и традиционные способы исследования.

Подобная синергия требует переосмысления классической парадигмы научной мысли об объекте и инструментариях исследовательской работы, итоги которого способствуют, в том числе формированию гибких и адаптивных норм цифрового права.

В условиях цифровой трансформации для совершенствования системы противодействия транснациональным преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, предлагается в научный оборот ввести новое понятие «цифровая эксплуатация», определив его как форму принудительного воздействия на личность, осуществляемой с использованием цифровых технологий, при которой преступник устанавливает дистанционный контроль и извлекает выгоду, применяя угрозы, шантаж, обман или иные формы манипуляции, без обязательного физического контакта (Например, вербовка и манипулирование жертвами торговли людьми, вовлечение мигрантов в мошеннические схемы под видом удалённой работы, контроль над поведением жертвы через видеонаблюдение, манипуляция виртуальной зависимостью).

Предполагается, что введение данного термина позволит: кодифицировать признаки цифрового принуждения (отсутствие физического перемещения, но наличие зависимости, контроля, угроз, извлечения выгоды); разработать процессуальные алгоритмы расследования, такие как сбор цифровых доказательств, психологическая экспертиза принуждения, сотрудничество с платформами; создать статистику по этой категории преступлений, что необходимо для мониторинга и международной отчётности; усовершенствовать механизм защиты жертв, которых нельзя идентифицировать по классическим критериям (например, жертв вебэксплуатации).

В условиях повышения общественного контроля качества и транспарентности правосудия перспективным направлением дальнейшего реформирования данной отрасли следует признать стремление Казахстана к расширению сферы применения суда присяжных заседателей, в том числе за счёт передачи в их компетенцию рассмотрения ходатайств осужденных о применении к ним условно-досрочного освобождения и замены наказания на более мягкое.

В национальных законодательствах рекомендуется продолжить нормативное, институциональное и методологическое закрепление механизмов добровольного возврата похищенного капитала, с проведением активной разъяснительной работы и налаживанием международного сотрудничества в данной сфере.

Рекомендуется пересмотреть подходы к назначению мер пресечения и наказания в виде содержания под стражей, рассматривая варианты его замены на домашний арест, что вполне реализуемо с применением цифровых технологий, позволяющих отслеживать местонахождение и перемещение любого человека в режиме реального времени.

Противодействие транснациональным угрозам.

Концепция современной методики расследования торговли людьми, наряду с применяемым стандартным набором процессуальных инструментов, должна основываться на следующих научно-практических подходах, повышающих эффективность данного процесса и позволяющих выявлять иные сопутствующие или взаимосвязанные формы организованной преступности (отмывание денег, фальсификация документов, незаконная миграция, мошенничество, наркоторговля и т.д.):

- расширение потенциала сотрудничества с правоохранительными органами других стран, Интерполом, Европолом, а также использование формата совместных следственных групп;

- учет роли жертв торговли людьми как источника информации для установления способов вербовки, маршрутов перевозки и личностей организаторов;

- применение цифровых технологий и OSINT для анализа данных из социальных сетей, мессенджеров, даркнета;

- эффективное межведомственное взаимодействие (полиция, миграционные службы, финансовый контроль, НПО).

В рамках научной проработки института цифрового права пересмотреть понятие неприкосновенности частной жизни, включив в его содержание цифровое пространство и персональные данные.

Подготовка юристов в условиях глобальной трансформации.

Одним из важных векторов развития современной системы образования определить институт микроквалификаций, который позволяет выпускать конкурентоспособных специалистов, эффективно выполняющих отдельные узкоспециализированные функции и задачи в рамках сформированных профессий.

Для дальнейшего развития и повышения потенциала названного института предлагается:

- институционализировать микроквалификации в форме краткосрочных, специализированных курсов подготовки к выполнению

конкретных профессиональных задач (криминалистические экспертизы, правовая аналитика, работа с цифровыми доказательствами);

- внедрить механизмы оценки практической готовности выпускников на базе квалификационного экзамена с выдачей сертификата, признаваемого работодателем;

- привлечение профессиональных сообществ (адвокатура, судейский корпус, ВСУЗы, ведомства) к экспертизе образовательных программ и присвоению микроквалификаций.

Активно интегрировать цифровые инструменты в образовательный процесс в форме цифровых лабораторий, имитационных обучающих платформ – для адаптации системы подготовки кадров к вызовам цифровизации.

Профессиональное обучение сотрудников правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступлениям как ключевое условие эффективности практической деятельности должно основываться на компетентностном подходе, предполагающем дифференцированную организацию образовательного процесса исходя из категории и функционала должностных лиц правоохранительных органов, подлежащих обучению, набора навыков и умений, которые необходимо сформировать или развить, разделения учебных курсов на уровни (начальный, средний и продвинутый).

Для удовлетворения потребностей правоохранительных и судебных органов в кадрах с востребованными компетенциями (в области информационно-коммуникационных технологий и др.) привлекать к выполнению вспомогательных функций в областях правосудия и правоохранительной деятельности выпускников с неспециализированным юридическим образованием с последующей специализацией в рамках первоначальной подготовки.

На всех уровнях подготовки и профессионального обучения юридических кадров широко применять метод case study (с возможностью использования правовых актов) в качестве инструмента оценки степени усвоения учебного материала и готовности к предстоящей профессиональной работе, нацеленный на развитие навыков применения теоретических знаний к решению практических задач из реальных жизненных ситуаций.

Для внедрения лучших образовательных методик и приближения качества подготовки юристов к передовым мировым стандартам:

- расширять сети международного академического обмена и участия обучающихся, профессорско-преподавательского состава и экспертов в программах Интерпола, ООН, ОБСЕ, а также национальных институтов стран СНГ, Европы и Азии;

- разработать региональные модели подготовки юридических кадров на основе принципов правового добрососедства (в рамках ОТГ) с унификацией образовательных стандартов, программ обмена стажировок.

RECOMMENDATIONS

Following the International Congress of Lawyers

"Law, Rights, Justice in the Modern World"

In the modern world, respect for law and justice is becoming a key factor in the stable development of the state.

Compliance with laws and legal norms is not only the duty of every citizen, but also the basis for the formation of a fair, secure and prosperous country.

Today, Kazakhstan strives to build a society where the rule of law holds a central place. However, in order to achieve this goal, it is necessary not only to improve legislation, but also to form legal awareness and respect for legal acts among citizens.

The law performs a key function in protecting human rights and freedoms by creating generally binding rules that ensure equality and prevent arbitrariness. It is thanks to the laws that every citizen can be confident in his protection, regardless of social status, age or other factors.

The rule of law is the foundation on which any successful State is built. It ensures trust between citizens, guarantees economic stability and creates conditions for prosperity.

Justice remains a timeless challenge in social theory and practice. Its enduring importance is evidenced by the fact that many thinkers, from ancient philosophy to the present day, have been engaged in the study of this philosophical issue. The problem of justice affects the fundamental interests of all social groups of society, concerns the fate of every person, as it is not only scientific, but also socio-political in nature and contains moral and evaluative criteria.

It is important to understand that the system of law and order will work effectively only if everyone, from ordinary citizens to government agencies, follows the established rules. In this context, the role of law enforcement agencies becomes especially important, since they not only ensure the enforcement of laws and legal norms, but also help society to realize their importance.

These fundamental scientific and legal issues and their applied aspects were the subject of constructive discussion at the International Congress of Lawyers "Law, Law, Justice in the Modern World", organized by the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan on May 22-23, 2025 in Astana.

Based on the results of the event, based on the generalization of the voiced conceptual ideas and proposals, relevant and innovative approaches to solving existing problems, the participants developed the following conclusions and recommendations:

Transformation of legal systems and scientific doctrine.

A compromise in discussions about the place and role of artificial intelligence in legal science, allowing recognition of its status as an auxiliary tool of scientific knowledge and even a co-researcher, allows us to build a new architecture of methodology combining philosophical aspects, information technology capabilities and traditional research methods.

Such synergy requires a rethinking of the classical paradigm of scientific thought about the object and tools of research, the results of which contribute, among other things, to the formation of flexible and adaptive norms of digital law.

In the context of digital transformation, in order to improve the system of countering transnational crimes committed using information and communication technologies, it is proposed to introduce a new concept of "digital exploitation" into scientific circulation, defining it as a form of coercive influence on a person carried out using digital technologies, in which the criminal establishes remote control and benefits by using threats, blackmail, deception or other forms of manipulation, without mandatory physical contact (for example, recruitment and manipulation of victims of human trafficking, the involvement of migrants in fraudulent schemes under the guise of remote work, control over the victim's behavior through video surveillance, manipulation of virtual addiction).

It is assumed that the introduction of this term will make it possible to: codify the signs of digital coercion (absence of physical displacement, but the presence of dependence, control, threats, and profit); develop procedural investigation algorithms such as collecting digital evidence, psychological examination of coercion, and cooperation with platforms; compile statistics on this category of crimes, which are essential for monitoring and international reporting; improve the protection mechanism for victims who cannot be identified by classical criteria (for example, victims of web exploitation).

In the context of increasing public quality control and transparency of justice, Kazakhstan's desire to expand the scope of application of the jury trial should be recognized as a promising area for further reform of this industry, including by transferring to their jurisdiction the consideration of applications from convicts for parole and commutation of punishment to a more lenient one.

It is recommended in national legislation to continue the regulatory, institutional and methodological consolidation of mechanisms for the voluntary return of stolen capital, with active explanatory work and the establishment of international cooperation in this area.

It is recommended to review approaches to the imposition of preventive measures and punishment in the form of detention, considering options for replacing it with house arrest, which is quite feasible with the use of digital technologies that allow tracking the location and movement of any person in real time.

Countering transnational threats.

The concept of a modern methodology for investigating human trafficking, along with the standard set of procedural tools used, should be based on the following scientific and practical approaches that enhance the effectiveness of this process and identify other related or interrelated forms of organized crime (money laundering, document falsification, illegal migration, fraud, drug trafficking, etc.):

- expanding the potential for cooperation with law enforcement agencies of other countries, Interpol, Europol, as well as using the format of joint investigative teams;
- Taking into account the role of victims of human trafficking as a source of information to establish recruitment methods, transportation routes and the identities of the organizers;
- the use of digital technologies and OSINT to analyze data from social networks, messengers, and the darknet;
- effective interagency cooperation (police, migration services, financial control, NGOs).

As part of the scientific study of the Institute of Digital Law, the concept of privacy should be revised to include digital space and personal data in its content.

Legal training in the context of global transformation.

One of the important vectors of the development of the modern education system is to identify the institute of microqualifications, which makes it possible to produce competitive specialists who effectively perform certain highly specialized functions and tasks within the framework of established professions.

To further develop and enhance the potential of the named institute, it is proposed:

- Institutionalize microqualifications in the form of short-term, specialized training courses for specific professional tasks (forensic examinations, legal analytics, work with digital evidence);
- to introduce mechanisms for assessing the practical readiness of graduates on the basis of a qualification exam with the issuance of a certificate recognized by the employer;
- involvement of professional communities (bar, judiciary, higher education institutions, departments) in the examination of educational programs and the assignment of microqualifications.

Actively integrate digital tools into the educational process using digital laboratories and simulated learning platforms to adapt the training system to the challenges of digitalization.

Professional training of law enforcement officers in the field of countering cybercrime, as a key condition for the effectiveness of practical activities, should be based on a competence-based approach that involves a differentiated organization of the educational process based on the category

and functionality of law enforcement officials to be trained, a set of skills that need to be formed or developed, and the division of training courses into levels (primary, secondary, and advanced).

To meet the needs of law enforcement and judicial authorities for personnel with required competencies (in the field of information and communication technologies, etc.), to involve graduates with non-specialized legal education in the field of justice and law enforcement, followed by specialization in the initial training.

At all levels of training and professional training of legal personnel, the case study method, including the use of legal acts is widely used as a tool for assessing the degree of assimilation of educational material and readiness for upcoming professional work, aimed at developing skills in applying theoretical knowledge to solving practical problems from real-life situations.

To implement the best educational methods and bring the quality of legal training closer to the world's leading standards:

- to expand the networks of international academic exchange and the participation of students, faculty and experts in the programs of Interpol, the UN, the OSCE and national institutions of the CIS countries, Europe and Asia;
- to develop regional models for the training of legal personnel based on the principles of legal neighborliness (within the framework of the OTS) with the unification of educational standards, internship exchange programs.

Мақалалар авторлық редакцияда басылды. Мақала мазмұнына ұйымдастырушылар жауапты емес.

Статьи даны в авторской редакции. Оргкомитет не несет ответственности за содержание работ.

Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының баспаханасында шығарылған. Таралымы 30 дана.

Отпечатано в типографии Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Тираж 30 экз.

ISBN 978-601-82292-9-9

